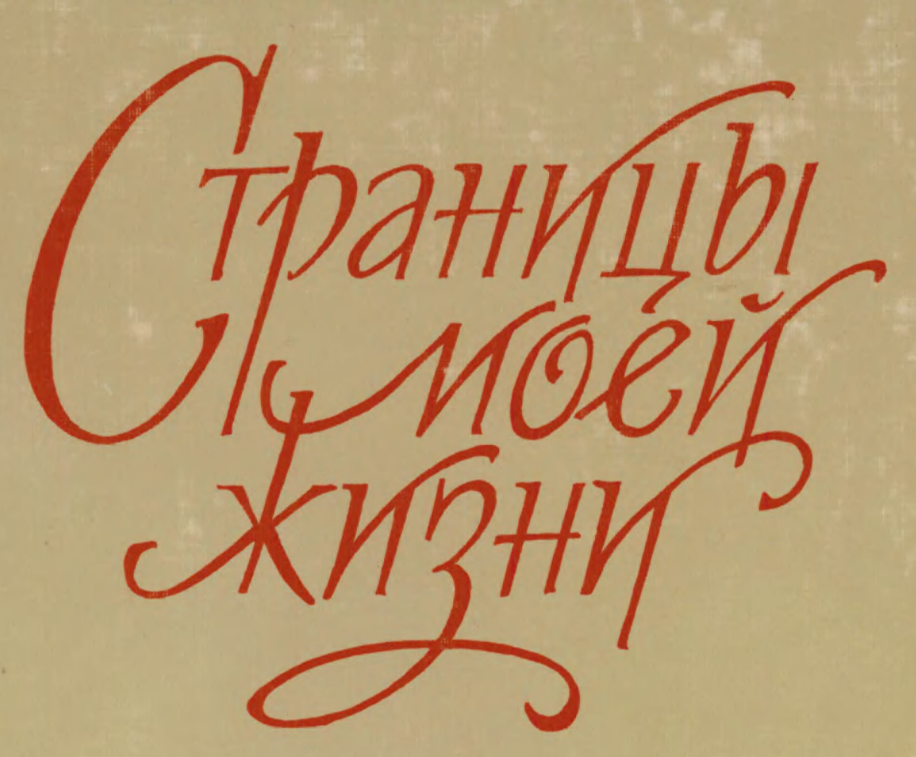
Б.Б.ПИОТРОВСКИЙ

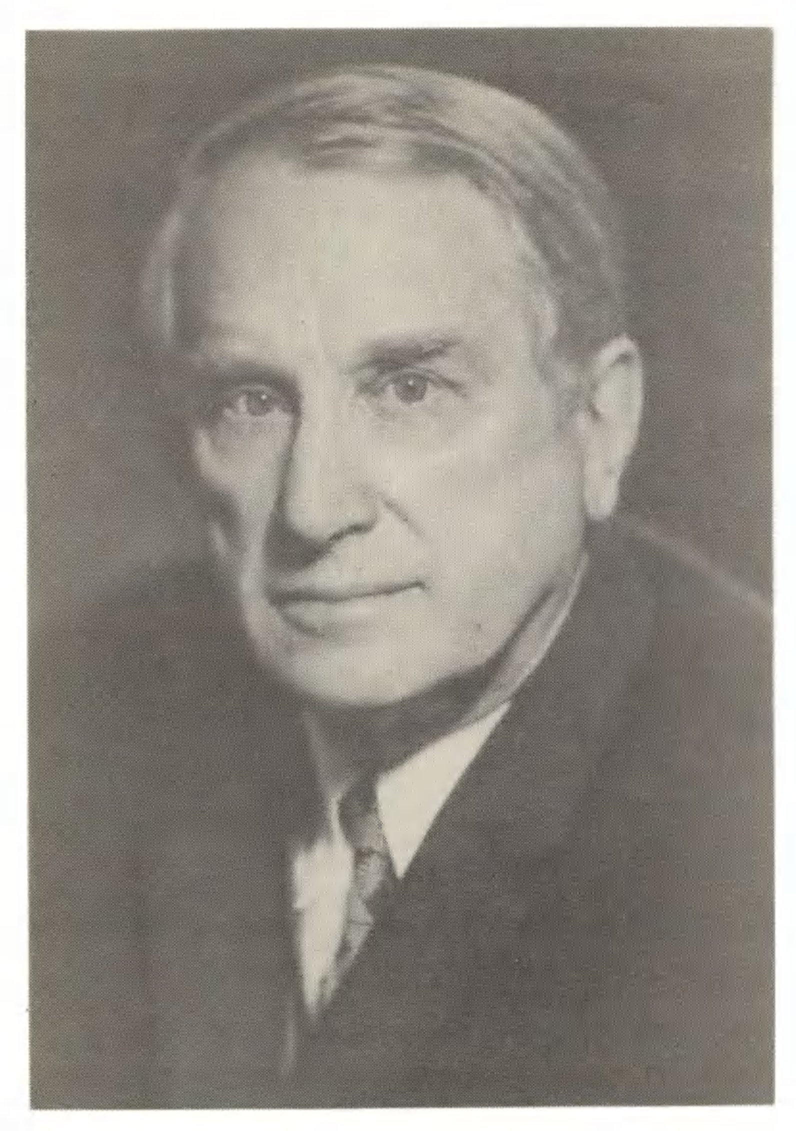
Б.Б.ПИОТРОВСКИЙ Страницы моей жизни

На полях книги помещены небольшие графические рисунки из архива Бориса Борисовича. Выполнены они карандашом или шариковой ручкой, как правило, на случайном материале, подвернувшемся под руку. Это могла быть программа заседаний, случайная записка или лист бумаги. Вот что пишет Сам Борис Борисович об этих рисунках:

На длинных заседаниях,
На никчемных собраниях
В объятьях скуки
Рисовал эти штуки.
Это – озорство, а не мастерство.

Б.Б. ПИОТРОВСКИЙ

Санкт-Петербург
„Наука“
1995

ББК 72.3
П 32

Книга воспоминаний принадлежит перу знаменитого археолога и многолетнего директора Эрмитажа, видного деятеля культуры, академика Бориса Борисовича Пиотровского и охватывает около 40 лет жизни ученого — от периода отрочества до 1956 г.

Мемуары содержат множество интереснейших эпизодов и личных свидетельств из истории отечественной культуры, снабжены рисунками, принадлежащими перу самого Б. Б. Пиотровского, и редкими иллюстрациями, представляющими галерею портретов фигур такого масштаба, как Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, И. А. Орбели, В. В. Струве, А. Н. Крылов, Д. А. Ольдерогге, М. С. Сарьян, В. А. Амбарцумян и многие другие.

Предназначена как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей и культурой.

Редактор издательства А. Ф. Варустина

Художник Л. А. Яценко

Борис Борисович Пиотровский

СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Редактор *А. Ф. Варустина.* Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. В. Траскевич*
Корректоры *Ф. Я. Петрова, С. И. Семиглазова* и *Г. И. Тимошенко*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 16.01.95. Подписано к печати 21.07.95.
Формат 70 x 90 1/16. Гарн. литер. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 21.06 + 1.89 вкл. Уч.-изд. л. 19.80.
Тираж 7000 экз. Тип. зак. 3269. С 1178.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

П $\frac{4702010104-560}{042(02)-95}$ 278-94-II полугодие

ISBN 5-02-028205-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта является собственным жизнеописанием Бориса Борисовича Пиотровского, основанным на дневниковых записях и воспоминаниях. Она насыщена яркими, известными именами и событиями, поскольку яркой и насыщенной была жизнь самого Б. Б. Пиотровского.

Родословная Пиотровских, семья, наставники, годы накопления знаний, становление интересов и формирование личности — обо всем этом автор мемуаров пишет увлекательно и искренне. Три его последних итоговых десятилетия остались, к сожалению, за бортом этого повествования — смерть оборвала мемуары. Но эти годы жизни Б. Б. Пиотровского пока живы в нашей памяти и — главное — продолжают жить в его книгах и учениках, в делах двух его сыновей, ставших докторами наук, одному из которых — Михаилу — посчастливилось стать преемником отца на посту директора Эрмитажа.

Предваряя знакомство с книгой академика Б. Б. Пиотровского, хотела бы только подчеркнуть, что еще в период учебы в школе у Бориса появляется интерес к египтологии, археологии, привязанность к Эрмитажу. Эти три увлечения пройдут через всю его жизнь и будут неразрывными и взаимосвязанными. Коротко напомню в связи с этим, что монографический труд Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» явился основой нового направления в науке — урартологии. Другая его книга — «Археология Закавказья» — стала на многие годы учебником для студентов-археологов и настольной книгой для нескольких поколений археологов, историков, этнографов. Его знаменитые раскопки городища Кармир-Блур около Еревана по существу открыли миру новое древнее государство Урарту, внеся новые аспекты в понимание истории и культуры Древнего Востока. Богатейший материал, удивительные условия находок, когда вещи, погребенные во время скифского штурма крепости Тейшебаини, дошли нетронутыми до наших дней, обилие памятников искусства большой красоты — все это делало раскопки Кармир-Блура сенсацией своего времени не только в науке. Блестящая интерпретация и высокий методический уровень этих богатых по результатам исследований сделали Кармир-Блур эталоном для переднеазиатской археологии. Обилие новых научных сведений и глубоких выводов, сделанных из этого материала, принесло Б. Б. Пиотровскому заслуженную научную славу, многие научные и правительственные награды, в том числе одну из первых среди историков Сталинских премий.

История Кармир-Блура для многих представлялась примером большого научного везения. Мемуары Б. Б. Пиотровского показывают, как на самом деле создается такое везение — упорным, настойчивым и целенаправленным трудом, где выбранная задача требует многих лет верной службы.

Устами самого Бориса Борисовича излагается знаменитый эпизод о том, как Н. Я. Марр предложил египтологу Пиотровскому заняться такой древневосточной культурой, которую можно было потрогать руками, — Урарту, чьи материальные остатки должны были существовать в Закавказье. И начался многолетний поиск, чтобы взять в руки птицу открытия. Десятки и десятки километров, исхоженных по горам Армении, взбирание по скалам за наскальными надписями и спуск в ущелья к каменным идолам, к символам воды — вишапам, раскопки для поиска наиболее многообещающего места и, наконец, выбор Кармир-Блура — «Красного холма», к которому археологи уже подступались, но бросали, не найдя удачу сразу. А потом — ошеломляющие открытия и их историческая интерпретация, которая была бы невозможна без широкой историко-филологической подготовки, данной Петербургским университетом, и без опыта археологического анализа, приобретенного у замечательных учителей и на интереснейших и разнообразных памятниках.

Психология поиска и открытия предстают из очень простых, но захватывающе интересных дневниковых записей ученого о своей работе. Например, Борис Борисович повествует о героическом периоде яфетизма, ярко рисуя блестящую фигуру Николая Яковлевича Марра и сумрачные образы некоторых его соратников. Он походя рассказывает и о том, как яфетизм стал нетерпимым догматизмом, а затем и гонимым марризмом. Краткие описания драматических споров, заседаний, дискуссий, собраний в 30-х, 40-х и 50-х годах ярко рисуют нам обстановку взаимоотношений в мире российской интеллигенции, показывают всю сложность психологических мотивов, двигавших людьми.

Б. Б. Пиотровский мельком рассказывает о внешне небольших, но драматических эпизодах своей жизни. Среди них и арест в 1934 г., и борьба за право заниматься наукой, и война, и голод, и защита имени учителя против внезапно переродившихся в гонителей почитателей. Ежедневный драматизм истории интеллигенции ощущается в книге пронзительно остро.

Вторая половина жизненного пути Б. Б. Пиотровского начинается с назначения в 1956 г. заведующим Ленинградским отделением Института истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР.

Став во главе крупного научного центра Ленинграда, Б. Б. Пиотровский не ограничил свои интересы только административными обязанностями: продолжаются раскопки Кармир-Блура, неизменно в поле зрения остается Эрмитаж.

В это же время Б. Б. Пиотровский получает возможность непосредственного общения с зарубежными коллегами. Он выступает на различных конгрессах, съездах, симпозиумах, читает лекции во многих университетах и обществах, знакомит широкую общественность с результатами своих научных достижений по Урарту, археологии Закавказья. Осваивает он и новую тему, тесно связанную с основными его интересами, — скифы и скифология.

В своих воспоминаниях Борис Борисович пишет о том, как он завидовал перелетным птицам, их возможности долететь до Египта и посидеть на пирамидах и развалинах храмов. В 1956 г. осуществилась его давнишняя мечта, когда он во главе делегации археологов и этнографов получил возможность посетить Египет и затем долгие годы заниматься его древними памятниками.

В 1961 г. Президиум Академии наук СССР принял решение об участии в кампании ЮНЕСКО по изучению памятников египетской культуры, находящихся в Нубии на участке, затопляемом водами строящейся Асуанской плотины. Туда направляется археологическая экспедиция, начальником которой назначается Б. Б. Пиотровский. Экспедиция работает в Нубии два сезона — в 1961—1963 гг. — и ведет раскопки поселений вдоль Нила (в полосе протяженностью в 30 километров), изучает наскальные изображения и иероглифические надписи в ущелье Вади-Алаки, по которому в древности и в средние века шли караванные пути к золотым рудникам Нубийской пустыни. Несмотря на невероятно трудные условия жизни и работы в пустыне, Борис Борисович вкладывал в поиск много энергии, любви и даже фантазии, увлекая и заражая этим остальных участников экспедиции. Это безусловно сказалось на результатах работы экспедиции: был уточнен ряд исторических фактов, открыты новые имена, значительно дополнены материалы древнеегипетской эпиграфики, восстановлена картина увлекательного путешествия караванов в древности. Более двухсот иероглифов были позднее (в 1984 г.) опубликованы в книге Б. Б. Пиотровского «Вади-Алаки, путь к золотым рудникам».

Само собой разумеется, что одним из главных героев книги, неразрывно связанным с автором, является его горячо любимый Эрмитаж, музей, куда он пришел мальчиком, где работал всю свою жизнь и где он умер, пройдя длинную лестницу должностей от практиканта до директора. Спокойно, со сдерживаемой нежностью Борис Борисович рассказывает о своих первых впечатлениях от Эрмитажа, об особой эрмитажной атмосфере, о своих коллегах и учителях, о сложных годах «перестройки» музея, когда, неизбежно следуя новым веяниям и даже порой увлекаясь ими, сотрудники Эрмитажа, сам Эрмитаж, как некий особый культурный организм, сумели сохранить и развить свой научный авторитет, приумно-

жить свои коллекции, стать подлинным Музеем мировой культуры и протянуть через поколения нить культурной преемственности, а также сохранить и сберечь ту специфическую культуру, которая этот музей породила. Не бросаясь в резкие протесты или восхваления, без обличительной или покаянной истерики Борис Борисович рассказывает о том, как возникали в Эрмитаже новые отделы, как создание Отдела Востока и бешеная деятельность неистового И. А. Орбели изменили всю глубинную научную структуру Эрмитажа. Свидетель событий, он рассказывает о страшной трагедии музея — распродаже Советским правительством музейных ценностей. Впервые мы читаем свидетельства просвещённого очевидца, который знает, как это было на деле, помнит, как это было больно. Он рассказывает и о том, что могли и не могли сделать музейщики, и о том, как они нашли верные ходы, чтобы способствовать прекращению разграбления, пока еще не все погибло.

Мемуары Б. Б. Пиотровского, хотя об этом прямо и не говорится, оставляют ясное ощущение того, в каком долгу государство перед Эрмитажем. Острое чувство сопричастности музея к великим судьбам страны стоит и за рассказами о военном периоде. Да, военный подвиг Эрмитажа известен. Борис Борисович убедительно показывает, как такие подвиги делаются. Он рассказывает, как организм Эрмитажа напитался силой людей, пришедших жить под бомбами в его подвалы, слившись со своим музеем, руками своими защищая его от бомб. Громада великого музея символизировала стойкость культуры, и как символы этой стойкости воспринимаются совершенно сюрреалистические эпизоды экскурсий по залам, где висели только рамы от увезенных картин. Он вспоминает лекции о древних текстах и памятниках, которые бойцы пожарной охраны читали друг другу, чтобы сберечь для потомков свои открытия.

И потом снова спокойно рассказывается о послевоенном быстром возрождении музея и восстановлении отечественной археологии. Пожалуй, лишь сегодня, когда снова столько надо восстанавливать и возрождать, мы по-настоящему и можем понять, как это было трудно тогда.

Директором Эрмитажа Б. Б. Пиотровский был назначен в 1964 г. В этой должности он находился 26 лет — до 1990 г. Эрмитаж был для него не местом работы, а любимым родным домом. Он, как никто другой, знал возможности и беды музея и не жалел времени и сил для его укрепления и развития.

Жизнь Бориса Борисовича в Эрмитаже — сложная, кипучая, порой суетливая — была постоянно заполнена множеством разнообразных событий. Это многогранная жизнь и администратора, и ученого широкого профиля, полная интересных исследований, многочисленных поездок как по своей стране, так и за рубеж. Эрмитаж предоставлял ему возможность

для встреч с людьми разного ранга и положения — с государственными и общественными деятелями, представителями науки и искусства, с художниками, писателями и коронованными особами.

В 60-е годы особенно оживились международные связи нашей страны, а Эрмитаж — один из основных объектов широких культурных контактов. Не случайно, что для налаживания таких связей первым дружественным вестником в ту или иную страну часто отправляли нейтральную делегацию и выставку шедевров музейных коллекций. Б. Б. Пиотровский нередко оказывался организатором такой акции. В эту пору ширятся и крепнут международные связи самого Эрмитажа. Организуется ряд международных выставок. Мировая общественность знакомится с сокровищами музея. Эрмитаж становится мировым центром не только как хранилище культурных ценностей, но и как центр культурных общений. Конечно же, большую роль в этом играет личность самого директора — Бориса Борисовича Пиотровского.

В 1971 г. завершаются работы на холме Кармир-Блур. Многолетние раскопки урартского города Тейшебаини дали богатейший материал, который был тщательно изучен Б. Б. Пиотровским и его учениками. Из археологов мало кому удается стать первооткрывателем неизвестных дотоле древних цивилизаций. Борису Борисовичу посчастливилось стать таким первооткрывателем. В ходе археологических раскопок им была создана и современная школа армянских археологов. Многие ученики Бориса Борисовича из Ленинградского и Ереванского университетов стали крупными учеными.

Кроме чтения курса по урартологии и археологии Закавказья, Б. Б. Пиотровский вел подготовку кадров, руководил исследованиями аспирантов, заведовал кафедрой Древнего Востока на Восточном факультете ЛГУ.

В Академии наук Борис Борисович также прошел все ступени служебной лестницы — от младшего научного сотрудника до академика.

Борис Борисович активно участвовал в общественной и научной жизни Академии наук. Долгие годы он был членом бюро Отделения истории и его академиком-секретарем, был членом Президиума АН СССР, председателем Научного совета по истории мировой культуры, членом редколлегии журналов «Вопросы истории» и «Археология». Он являлся членом многих других научных и общественных организаций. С 1984 г. он стал членом Ленинградского центра АН СССР.

В последние годы жизни Борис Борисович много внимания уделял теоретическим вопросам истории культуры. Он не раз подчеркивал, что в процессе развития человечества важную роль играет культурное наследие, связь прошлого с настоящим, настоящего с прошлым. Не случайно он как гражданин и археолог очень заботился об охране древних памятников и

в течение долгих лет (с 1966 г.) возглавлял Ленинградское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Наряду с большой административной нагрузкой и педагогической работой Борис Борисович много сил отдавал и общественной работе. Он активно участвовал в различных общественных советах, комитетах, обществах — городских, государственного масштаба и международных. День Бориса Борисовича Пиотровского был крайне загружен, однако он при этом не забывал о главной цели всякого ученого — о своей научно-исследовательской работе.

В библиографическом справочнике Пиотровского насчитывается более пятисот наименований книг, статей и других научных публикаций самой разнообразной тематики: египтология, археология, урартология, историко-общественные проблемы, скифы и скифская культура, искусство, Эрмитаж. Многие из его книг переведены на иностранные языки.

Последним капитальным научным трудом стал первый том двадцатитомного издания коллекции Государственного Эрмитажа. Это — парадное издание с великолепными иллюстрациями. Первый том — «Эрмитаж. История и коллекция». Книга знакомит читателя с документальной историей создания музея, приобретения коллекции и с другими интересными событиями долголетней жизни музея.

Этот труд Бориса Борисовича Пиотровского можно считать последней точкой в многолетней, длившейся более 75 лет, любви и преданности автора Музею.

Научной и творческой работой он мог заниматься главным образом в ночное время. Писал он без черновиков, долго обдумывая тексты за раскладыванием пасьянсов.

У двенадцатого директора Эрмитажа не было часов приема — он считал это проявлением бюрократизма. Три двери, ведущие в его большой кабинет, были открыты для любого посетителя. Очевидно, это не всегда было удобно для работы, но ему нравилось такое общение с людьми.

Человеком он был доброжелательным, общительным, отзывчивым, широко эрудированным, знал наизусть много стихов, обладал чувством юмора, любил шутить, подшучивать, разыгрывать. Он умел быть центром всякого общения и своими интересными рассказами привлекал всеобщее внимание. В то же время он был принципиальным человеком и порой становился упрямым в том, в чем считал себя правым.

В его личном архиве среди многочисленных папок и материалов большое место занимает ряд небольших блокнотов. Среди обычных (стандартной формы) полевых дневников, известных каждому археологу, аккуратными рядами по сей день стоят в его рабочем кабинете путевые дневники, которые Борис Борисович вел во время своих многочисленных

поездок. Небольшие (10 × 15 см) блокноты-книжечки исписаны красивым мелким почерком. Иногда они снабжены графическими рисунками, лаконичными штрихами, передающими суть предмета. Это может быть герб города, план гостиничного номера или другой какой-нибудь интересующий автора предмет или объект. Тут же зафиксированы адреса и телефоны новых знакомых или нужных людей.

Как правило, к поездке в новую страну он тщательно готовился, изучал историю, достопримечательности... И все это находило свое отражение в дневниковых записях, которые велись каждый вечер.

Часто при возвращении домой, перегруженный повседневной суетой, он не успевал делиться своими впечатлениями с близкими. В таких случаях он просто давал почитать дневник. Это было достаточным для получения полного впечатления.

Но это были не только путевые заметки интеллигентного туриста, а документальные очерки, передающие представление о цели поездки, ее результатах, возможных встречах и общениях. Дневники содержат также много материала документального и научного характера.

Блокнотов этих — 133. Книжечка 1 содержит описание первой поездки Б. Б. Пиотровского зарубеж, а именно в Италию, в Рим, на X Международный конгресс историков. Еще одно совпадение в его судьбе: книжечка 133, последняя в этом ряду, также рассказывает о его командировке в июне 1990 г. в Италию. К сожалению, это была его последняя командировка.

В течение 34 лет у Б. Б. было 88 командировок, во время которых он посетил 40 стран, в том числе неоднократно Египет, побывал в Турции, тоже стране его мечты, знакомой по любимым книгам и памятникам урартской культуры. Ему довелось побывать в далекой Австралии и Соединенных Штатах Америки, в странах древних цивилизаций, близких к его научным интересам, — в Иране, Ираке, Иордании, Йемене, Греции, Алжире, Японии, Индии, Испании, Марокко, Мексике, Колумбии. Много раз он отправлялся в служебные командировки в Германию, Францию, Англию и другие ближние европейские страны.

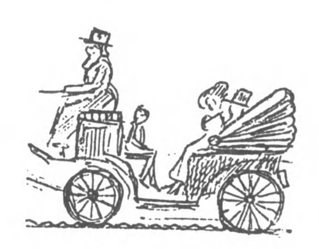
Отечественная и мировая общественность высоко оценила заслуги Пиотровского. Он был избран действительным членом Академии наук СССР (1970 г.), Академии наук Армении (1968 г.), действительным членом королевской Академии Марокко (1984 г.), был почетным членом еще пятнадцати престижных зарубежных академий и обществ: членом-корреспондентом Британской академии, Французской академии надписей и изящной словесности, Германского археологического института и т. д. Был он избран почетным членом Международного совета музеев.

Научная деятельность Бориса Борисовича была отмечена рядом научных премий, в том числе и Государственной премией СССР. Он был награжден как отечественными, так и международными орденами и медалями, в том числе Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, Французским Командорским орденом Искусства и Литературы, болгарским — Кирилла и Мефодия, орденом Федеративной Республики Германии за заслуги в области искусства «Pour le merite für Wissenschaften und Künste» — старинным прусским орденом, которым по обычаю награждаются корифеи немецкой и мировой науки, выдающиеся деятели искусства.

Словом, заветы дедов-генералов Б. Б. Пиотровского, непроизнесенные, но везде и во всем ощутимые, — честь и служба Отечеству — определяли жизнь Бориса Борисовича. И именно это, очевидно, помогло Б. Б. Пиотровскому сделать и большие открытия в науке, и сохранить себя в непростую эпоху как ученого и деятеля культуры.

Рипсимэ Джанполадян-Пиотровская

ДЕТСТВО, ОКРУЖЕНИЕ

Родился я 1 (14) февраля 1908 г. в Петербурге, на Верейской улице в доме № 5. Отец, Борис Брониславович Пиотровский, преподаватель математики и механики в военно-учебных заведениях, был тогда в чине подполковника.

Воспоминания о времени до 1914 г., до первой мировой войны, отрывочны. Помню прогулки по Загородному проспекту, Витебский (тогда Царскосельский) вокзал, на площади перед которым было множество извозчиков. Заходили внутрь, чтобы посмотреть в одном из залов ожидания роспись на стене, изображающую первый по этой дороге поезд.

Дальше был роскошный магазин Абрикосова, в нем были выставлены отборные свежие фрукты, алжирские финики в упаковке с изображением арабов, печение «Капитэн», на металлической коробке которого красовался французский офицер, хорошо пахнувшие сухие фрукты и различные плитки шоколада. Нас особенно привлекали небольшие плиточки с изображением формы русских гвардейских полков. Ценен был не сам шоколад, а именно обертки, которые мы собирали и из них вырезали солдатиков. Однажды, это было накануне войны, дома сказали: «Абрикосов прогорел!». Поспешили посмотреть — следов пожара нет, а магазин наглухо закрыт.

Нас росло трое братьев: старший Александр, скончавшийся студентом математического факультета ЛГУ в 1924 г.; средний Юрий, выбравший профессию врача; и я, младший в тройке. В 1913 г. родился четвертый брат — Константин, ставший химиком, но в те годы между нами была большая возрастная разница.

На Забалканском проспекте запомнилась аптека, в витрине которой стояли разноцветные стеклянные шары с зеркальной поверхностью, их можно было подолгу рассматривать.

Обводный канал был границей города, его проходить было запрещено: «Там бараки, опасно!». Мы недопонимали предупреждение, но переходить мост боялись.

Запомнилась конка в два этажа, которую тянули лошади, а на мостах пристегивали дополнительных.

Мать, София Александровна Пиотровская.

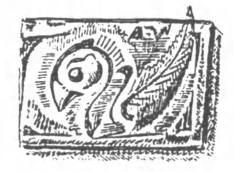
Перед кучером стоял большой блестящий колокол. Эффектны были выезды пожарных в начищенных касках, перед ними скакал «скачок», разгонявший народ.

Нашим миром был Загородный проспект, в центр выезжали редко, любили на трамвае, где нас привлекал важный кондуктор, с большим количеством роликов разноцветных билетов на груди. Кондуктор дергал рукой веревку звонка, протянутую через весь вагон, и объявлял остановки. Один раз в нашей «довоенной жизни» нас повезли на автомобиле, это было после групповой болезни. На дачу (до вокзала) и с дачи, а также в гости ездили на извозчиках. Самым интересным был ямщицкий кушак, иногда очень пестрый, и мы огорчались, когда попадался извозчик с одноцветным кушаком. Любимой нашей игрой была игра в извозчики. Один стул был лошадью, второй пролеткой. Мы держали вожжи и щелкали различно языком: глухо, когда изображали езду по деревянным торцам, звонко, когда по булыжной мостовой.

Росли мы дружно, вместе, часто лежали на ковре и рассматривали «Отечественную войну 1812 года в картинах художников», «Живописную Россию», разные другие книги и журналы. Конечно, все мы собирались стать военными, другого желания не было. Иногда выезжали, поодиночке, гостить к нашим дедам. Оба они были генералами, но совершенно разными.

Дед с отцовской стороны, Бронислав Игнатьевич Пиотровский, происходил из польской семьи, высланной в Сибирь. Он получил военное образование в Нижегородском корпусе, участвовал в русско-турецкой и русско-японской войнах, служил уездным воинским начальником в Ветлуге, Бирске и Уфе, после русско-японской войны был начальником Иркутской и Оренбургской бригад. Когда он вышел на пенсию, получив чин полного генерала, переехал в Петербург. Обстановка в его доме была суровая. Нас клали спать на жесткий сундук, а не на кровать или диван; спали в темноте без лампадки у икон, что было непривычно; умывались холодной водой и ходили босиком. С дедом было интересно гулять, смотреть его книги.

В день нашего рождения дед Бронислав выдавал нам по 5 рублей, с тем чтобы мы сами выбрали себе игрушки в магазине. Это было делом трудным, глаза разбегались. Помню, как я купил себе целый скотный двор из дерева, индейца в пирóге. Оло-

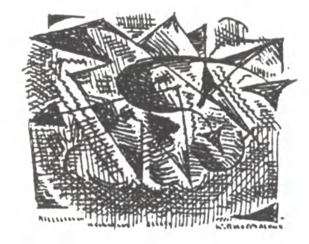
вянные нюрнбергские солдатики были дешевы, и у нас их была целая армия. В 1914 или 1915 г. мне купили пенал из пальмового дерева, он был простым, красивым и очень крепким, во всяком случае он был моим спутником во всех археологических экспедициях с 1927 по 1971 г., до конца моих археологических работ.

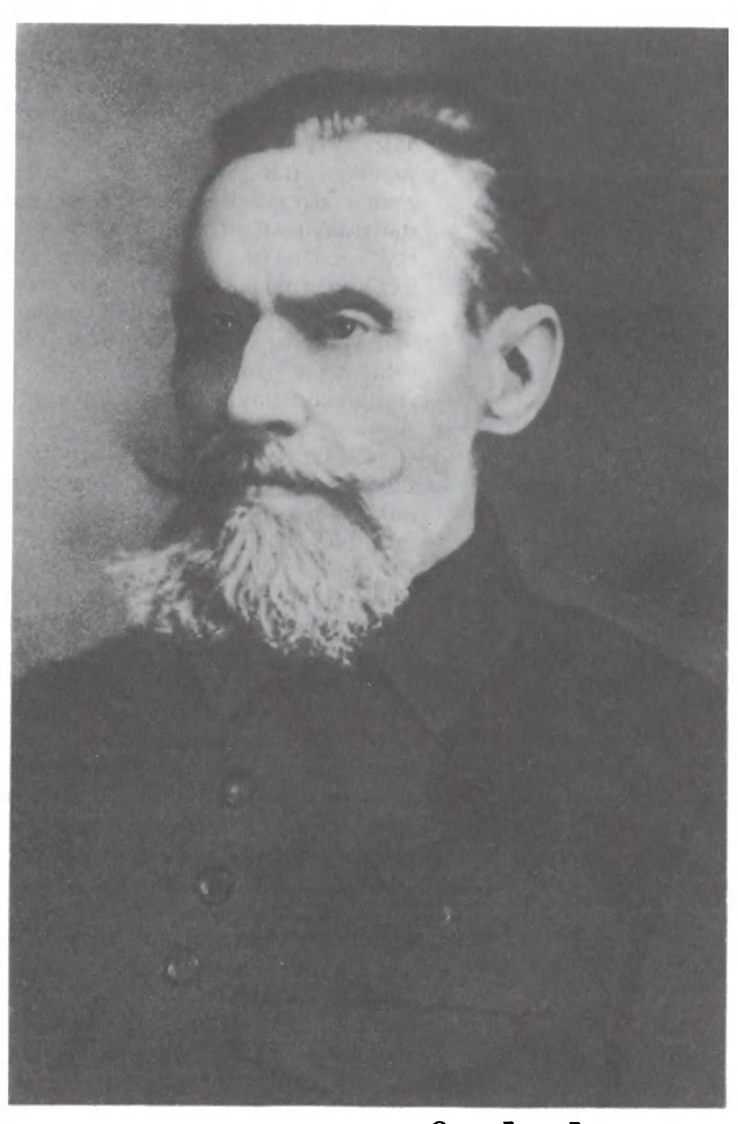
Бабушка, Лидия Львовна, русская, из семьи Семеновых, потомственных военных, «гвардейских стрелков».

Второй дед, генерал от артиллерии, Александр Игнатьевич Завадский, служил в войсках недолго и перешел на преподавательскую работу (он был инспектором классов и директором многих кадетских корпусов в Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге). В Нижегородском графа Аракчеева корпусе учился мой отец, и сохранилось собрание сочинений Пушкина, которым он был награжден в 1890/91 г. «за хорошие успехи и одобрительное поведение», подписанное моим дедом, который тогда и не предполагал, что награжденный будет его зятем.

В доме деда Александра обстановка была теплая: удобная постель, ночное белье, светящаяся лампада у икон, игрушки и, конечно, интересные прогулки в Таврический сад.

Другая бабушка, Софья Фердинандовна Завадская, была, как и дед, польского происхождения. Ее отец, Фердинанд Сущинский, имел в Петербурге свою типографию, его супруга Фаустина Сущинская за сокрытие в своей квартире польских конфедератов была выслана в город Княжнин на Волге, где было много представителей польской интеллигенции. Бабушка рассказывала, что ее мать годы ссылки считала самым счастливым периодом своей жизни. У нас дома висит портрет Фаустины Сущинской, молодой красавицы, выполненный с большим мастерством. В 70-е годы у меня в гостях был директор Художественного музея в Варшаве Станислав Лоренц. Он долго смотрел на портрет, попросил его снять, прочел надпись на обороте и сказал, что этот портрет написан выдающимся польским художником Винцентом Слендзинским, учеником Зарянко, и важен тем, что на нем есть дата пребывания художника в ссылке. Он забрал фотографию портрета, которая была опубликована в книге о художнике. В Ленинград приезжал и сын Винцента Слендзинского Людомир, который очень интересовался произведением своего отца.

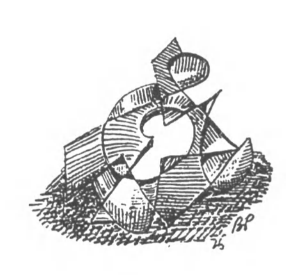

Отец, Борис Брониславович Пиотровский.

Но вернемся в начало XX века. Кроме дедов, мы часто встречались с двумя нашими дядьями. Александр Брониславович был мечтателем и фантазером, он оглох от скарлатины и был немного замкнутым, приносил нам книги по географии, удивлял нас тем, что за один вечер прочитывал книги Жюля Верна, Майн Рида и другие, которые мы получали ко дню рождения. Дядя Саша, как мы его называли, участвовал в студенческих волнениях, арестовывался и очень огорчался и возмущался, когда его из-за глухоты отправляли домой. Он стал этнографом, специалистом по Австралии и Океании, и работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук. Погиб он в 1941 г., в дни блокады Ленинграда.

Сводный брат матери, Емилиан Александрович Завадский, был преподавателем Николаевского кавалерийского училища, но очень любил искусство, собирал картины, рисунки и гравюры, многие из которых были позднее приобретены Эрмитажем. Он возился с нами, рисовал нам картинки, и мы его очень любили. Помню, как однажды летом мы с матерью пришли к нему в гости, нам был подан шоколад с печеньем, а над столом висела картина, обернутая для защиты от мух в бумагу. Он рассказывал маме о том, как ее купил, и даже развернул, чтобы показать. Это был пейзаж, но я огорчился, что картина не была сюжетной. У меня с ним произошел и небольшой конфликт. Однажды (не помню откуда, вероятно от другого дяди) я получил гравюру, изображавшую дворик времени ренессанса с балконом и лестницей. Я повесил ее вместе с открытками в свой уголок. Когда Емилиан Александрович увидел эту гравюру, он понял, что она не для меня, и попросил отдать ее ему. Я решительно отказался, родители же настояли на том, чтобы я отдал. Дело кончилось ревом, но гравюра перешла к нему. Взамен дядя принес альбом Третьяковской галереи в виде застекленных репродукций знаменитых картин русских художников.

Начальное образование мы получали дома, с нами занималась мать, Софья Александровна (1883—1953), ставшая впоследствии педагогом. Для занятий была куплена парта со специальной рамой для правильного положения тетрадей.

Войну 1914 г. я помню хорошо. Мы были в курсе событий, на стене детской была повешена карта Западного фронта, и по сводкам о ходе действий мы втыкали в карту флажки.

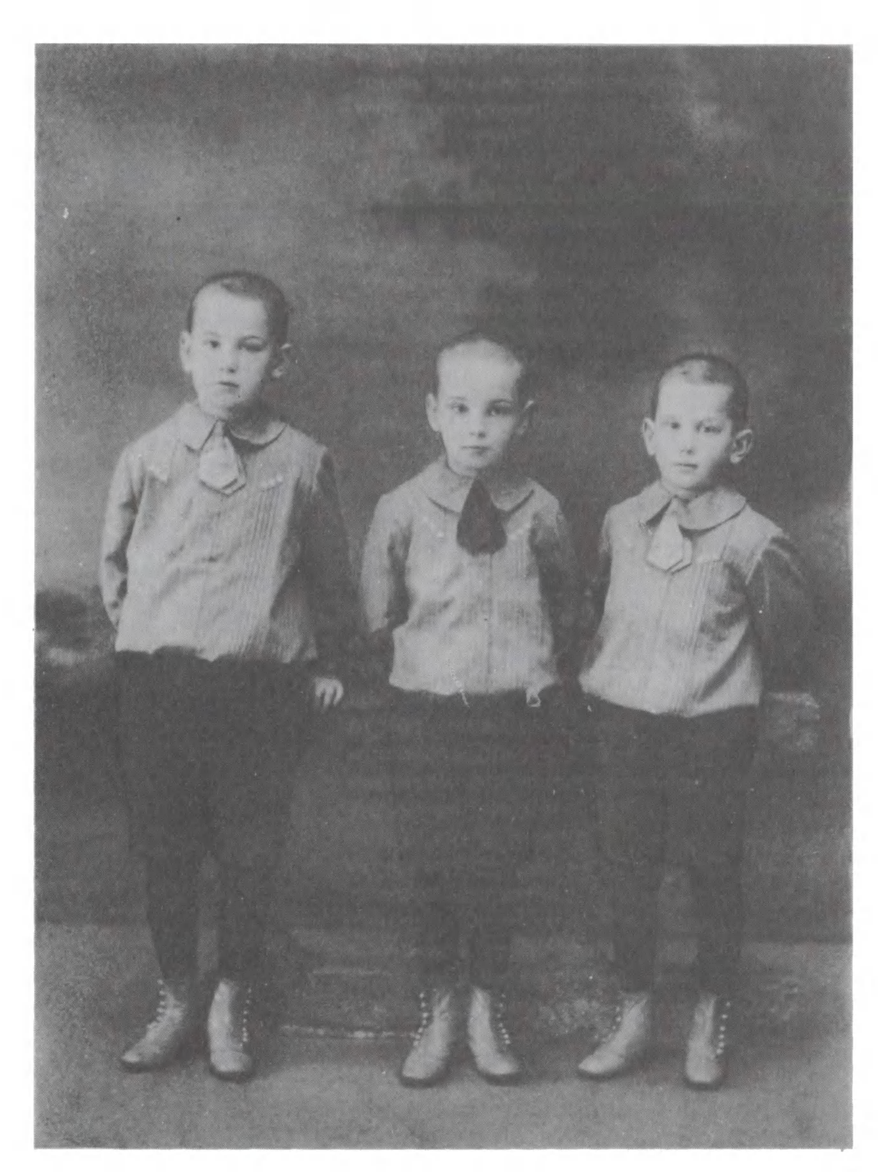

Дед,
Александр Игнатьевич Завадский.

Отца дома мы видели мало, он много работал, так как семья наша была большая. В справочнике «Весь Петербург» за 1914 г. у него отмечено четыре места работ — два корпуса и два училища. Он приезжал домой обедать, а вечером уезжал на непонятные нам «репетиции».

Летом наша семья выезжала на дачу, обычно в Финляндию (ст. Мустамяки, деревня Кутерсель). Нам эти поездки очень нравились, но огорчало отсутствие электричества, обеденной сервировки и необходимость мыть каждый день ноги. В Белоострове, в поезде, был таможенный досмотр, приходил таможенник осматривать багаж пассажиров, в Финляндии многое было дешевле.

Осенью 1915 г. отец получил назначение инспектором классов Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге. Мать наша была в огорчении, мы же радовались. Дядя Александр доставил нам книги по Уралу и Средней Азии, одна из них называлась «На границе Азии». Мы много читали и готовились к отъезду. Выехали поездом в сентябре. Запомнились проводы на вокзале, близкие и сослуживцы отца принесли к поезду цветы и конфеты, наше купе было завалено ими, и конфетного запаса хватило в Оренбурге на долгое время, до Нового года.

Братья Пиотровские —
Александр, Юрий, Борис.

Поездка была впечатляющей, особенно длинный мост через Волгу у Сызрани; когда нам покупали или же давали дома мороженое, то требовали есть его медленно, «столько же минут, сколько поезд идет через Сызранский мост».

Приехали в Оренбург в середине сентября в жару, в большую и просторную квартиру в здании кадетского корпуса, одного из самых крупных в то время зданий города. Питались первое время через кадетскую кухню, нам это нравилось, но родителям не очень. Поразил фруктовый базар у мечети, находившейся около корпуса. Пестрая толпа в цветных халатах и тюбетейках, все было чрезвычайно дешево, и на выделенные нам копейки мы купили столько фруктов, что снести их не смогли, громадный арбуз пришлось катить.

В городе были и крупные магазины — торговый дом Хусаиновых, большая кондитерская со странным названием «Торт». Население города было многонациональным, и в корпусе Закон божий преподавали представители разных религий: православный священник, мулла и ксендз. Вероисповедание для кадетов было свободным.

Очень рано утром мы спешили сесть на окно, чтобы посмотреть на караван верблюдов, который проходил мимо корпуса. Шли погонщики с вереницей нагруженных верблюдов, а между ними шли нарядно украшенные верблюды с паланкинами, где важно восседали купцы. Картина была увлекательная, но проход каравана длился очень долго. О таких караванах мы читали в книгах и было интересно посмотреть их наяву. Кроме того, Оренбург нас привлекал тем, что он был связан с Пугачевым, на площади между городом и казачьим пригородом Форштадтом стояла церковь, и на кладбище около нее мы выискивали могильные плиты пугачевского времени, но их там не было. Площадь между Форштадтом и городом была настолько большая, что во время бурана (а они зимой были часты) приходилось проходить через нее вслепую. При снежной метели начинали звонить церковные колокола, чтобы помочь заблудившимся.

Два раза мы выезжали из Оренбурга на лето в Царское Село, один раз совершили поездку по Волге на колесном пароходе «Ломоносов», от этой поездки в памяти осталось обилие ягод на пристанях и расстройство желудка.

В Царском Селе мы жили у деда Бронислава на Леонтьевской улице, около Гостиного двора.

Гуляя в парке и проходя мимо Александровского дворца, нам очень хотелось повидать государя императора, но наше желание не сбылось. Любовались выездами сводного караульного полка, очень импозантного, особенно нам нравились кавалергарды в блестящих латах и касках с орлами. Около парка мы видели несколько раз наследника Алексея, который ехал на маленьком автомобиле в сопровождении своего дядьки-казака. В парке весь обслуживающий персонал был в морской форме.

ОРЕНБУРГ, РЕВОЛЮЦИЯ

В Оренбурге в 1917 г. мы встретили и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Встретили восторженно, ходили с красными бантами, царь в кругах интеллигенции был уже не популярным. Мы, дети, жалели только, что кадеты лишились погон, но скоро они были восстановлены, так как в ноябре 1917 г. атаман Дутов захватил власть в Оренбурге и установил военную диктатуру.

В январе 1918 г. Оренбург был взят красноармейцами, казаки отступили. Отец в чине полковника ушел в отставку (май 1918 г.), оставил корпус и был избран директором Оренбургской гимназии. Мы переехали на главную улицу города (Атаманскую) в здание гимназии. Неподалеку от гимназии находилось и реальное училище, где директором был друг отца — математик К. А. Торопов. Жизнь в городе был беспокойная, дутовские войска были недалеко и совершали набеги на город. Помню, как однажды утром в городе появились белые казаки, разъезжали по городу, красные отступили, а вечером казаки снова ушли. Население города жило обычной жизнью, так как власть основ жизни не касалась, особенно частного рынка, город работал и жил, правда, неритмично.

Летом 1918 г. через Оренбург проходили «голубые чехи», сочувствовавшие белогвардейцам, но их пропускали на родину. В садах Оренбурга, в так называемых собачьих садиках, около гимназии чехи устраивали концерты и вечера, на которые стекалась «лучшая публика».

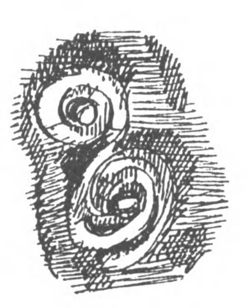
В июле 1918 г. казаки Дутова снова захватили Оренбург и продержались в нем полгода, до конца января 1919 г.

Мы жили в гимназии, и у нас дома часто собирались преподаватели гимназии, а среди

них — дьякон гимназической церкви Прокимнов. Это был общительный человек, с прекрасным голосом, любивший петь и светские песни. Я помню, как он у нас дома вел пение «Вечернего звона». Дьякон любил руководить хором гимназистов и совершать экскурсии с детьми. Мы отправлялись с ним за Урал в степь собирать тюльпаны и травы для аптек. Ребята разбредались по степи и в назначенное время собирались у кургана, где их ждал Прокимнов.

Помню и торжественную встречу атамана Дутова, во время которой мы хором под управлением дьякона пели кантату в честь атамана. Вспоминаю первые слова: «Слава высшему зиждителю, мира знания благого! Слава!». В торжественной процессии Дутов шел спешившись с фуражкой в руке, а его конь был украшен цветами.

С чувством благодарности вспоминаю я и учителя рисования гимназии Курашкевича, который, как я узнал позднее, был известным краеведом, производившим раскопки. Курашкевич любил заниматься с детьми, водил на экскурсии по городу и в городской музей, где нас более всего интересовали пугачевские реликвии. Он ведал этим краеведческим музеем и предлагал ребятам выполнять работу сторожей. Мне очень хотелось работать сторожем в музее, но родители не позволили, что меня очень огорчило. Тогда я не знал, что впоследствии стану «сторожем» самого крупного в стране музея. Но, несомненно, интерес к древностям у меня уже начался, хотя с историей у меня не ладилось. Сохранилась «Ведомость об успехах и поведении ученика 1-го класса» Пиотровского Бориса за 1918/19 учебный год. Наряду с хорошими пятерочными отметками по русскому языку, геометрии, рисованию, географии и немецкому языку я имел чистую годовую тройку по истории — отметки стояли на бланке ведомости Оренбургского реального училища, но я учился в гимназии, где, по-видимому, свои бланки кончились, а печатать новые в это время было трудно.

В январе 1919 г. власти атамана Дутова пришел конец, и Оренбург был взят войсками Красной Армии, казаки отступили за Урал и держались там за рекой очень долго. С крыши гимназии были хорошо видны степь, появление казачьих отрядов и перестрелка с красноармейцами.

В день входа Красной Армии в Оренбург у нас дома появился Прокимнов, к громадному нашему

удивлению — в форме красного командира, в портупее с маузером на боку. К сожалению, я не знал его гражданского имени, и среди оренбургских краеведов эпизод о «дьяконе» Оренбургской гимназии в памяти не сохранился.

С этого времени мы остались жить с матерью, так как отец трудными путями отправился в Петроград. Из гимназического здания наша семья переехала в Форштадт, где мы сняли целый домик у жены казачьего офицера, ушедшего с белыми частями. Мать преподавала в бывшей женской школе, и я стал учиться там же. Мальчиков в классе было наперечет, и мы пользовались правом выходить с разрешения учителя с уроков, так как подсобные помещения в школе не были рассчитаны на два пола. Этим правом мы пользовались с превышением потребностей. На рынке становилось трудно с питанием, и в школе мы во время занятий получали кусок белого хлеба и чай. Выстраивались и большие очереди у хлебных лавок. Мой брат Юрий и его товарищи по школе взялись за организацию очередей. В библиотеке отца было много книг по военному делу, которые после 1914 г. совершенно потеряли свое значение, так как военная техника быстро шагнула вперед. У этих книг ребята отрезали полоски полей, на них писали номерки и с вечера раздавали их покупателям хлеба. Ночью ребята дежурили, а утром с очередью было все в порядке, давки не было, как и протестов против их инициативы.

Зима 1919 г. была тяжелая, в нашем доме не было водопровода, и приходилось возить воду на санках. Я сильно обморозил ноги и руки и долго лежал дома, один. У нас был дореволюционный учительский журнал «Вестник воспитания», и я читал в нем фантастические рассказы о человеческом прогрессе в XX в., о частных дирижаблях, движущихся панелях, домах с немыслимыми удобствами. С одеждой тогда было трудно, детская мечта о папахе и овчинном тулупчике не осуществлялась, но высокие сапоги я все же носил. Их шил пожарный, и очень интересно было ходить к нему в казарму, где однажды нас застала тревога, а мой «сапожник», быстро сложив все в сундучок и закрыв его, спустился вниз по шесту.

Летом 1919 г. белые казаки капитулировали — начальство ушло в степи, а основная масса дутовской армии была разоружена и отправлена по станицам. На улицах Оренбурга стояла громадная

толпа — нарушенный строй казаков. Конечно, мы побежали на них смотреть. Казаки стояли, шумели и лущили семечки, после их ухода вся мостовая была покрыта огрызками семечек.

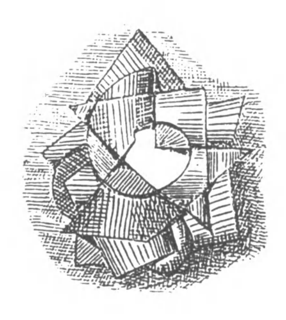
Мы жили надеждой возвращения в Петроград, но время шло очень медленно, да и связь с Центром налаживалась медленно. Наконец в 1920 г. мы получили известие от отца о том, что он работает в Петрограде педагогом карантинно-распределительного детского пункта, находящегося в гостинице «Европейская» на Невском проспекте, и предпринимает усилия переправить нашу семью в Петроград. Стали готовиться к отъезду, начали распродавать вещи, а библиотеку решили переслать в Петербург посылками. Почта в то время была бесплатной. Мы накупили большое количество мешков, зашивали в них книги и относили на почту. Удивительно, что все посылки дошли по назначению, затерялась лишь одна с книгами-приложениями к журналу «Огонек», среди которых было собрание сочинений Тютчева. Таким образом мы сохранили свою библиотеку. Шло время, и мы получили сообщение, что за нами приедет бывший казачий офицер М. П. Корженевич, инструктор конницы в Детском (б. Царском) Селе, и что нам будет предоставлена «теплушка» (отапливаемый багажный вагон) до его места работы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОГРАД. КАРАНТИННО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

М. П. Корженевич приехал, отъезд стал реален, но внезапно наш спутник заболел сыпным тифом, пришлось на чемоданах ждать его выздоровления. И наконец зимой, в конце 1920 г., мы тронулись в путь. Нам была предоставлена (на две семьи) теплушка (сев. № 763239), преобразованная для житья: установлена печурка, расставлены кровати, в полу пробиты дырки. Были взяты запасы замороженных пельменей и сухарей, причем сухари были расфасованы по маленьким пакетикам для оплаты в пути. В теплушке нас было девять человек: пять Пиотровских и Корженевич с женой и двумя детьми — сыном и дочерью. Ехали дружно, тяжело и медленно, но М. П. Корженевич был очень предприимчивый человек и шутник. Он легко доставал дрова для теплушки, и мы от холода не страдали. С питанием было хуже.

Наконец добрались до Москвы и пошли в город, который меня поразил, хотя я его знал по фотографиям. Но особенно остался в памяти базар («барахолка») на Сухаревке — очень большой, шумный и с различными товарами.

Добрались до Петрограда в январе 1921 г., высадились, а теплушка со всеми вещами отправилась к месту назначения — в Детское Село. Встретил нас отец, и мы поехали (не помню на чем) на площадь Лассаля, к гостинице «Европейская». Из теплушки прямо попали в гостиницу, сохранившую свою былую роскошь: бронза, ковры, картины. Отец занимал номер во втором этаже, выходящий на городскую Думу, на лестнице которой стоял тогда памятник Лассалю. Из промерзшей теплушечной кровати с примерзшим к стене вагона одеялом я попал на мягкую постель, в этом было что-то нереальное.

Карантинно-распределительный детский пункт был удивительным учреждением первых лет советской власти. Его директором был выдающийся педагог Дмитрий Эдуардович Теннер, а помощником — его супруга, врач Афанасьева. В «Европейскую» доставляли беспризорных, которых после карантина размещали по номерам гостиницы «семьями». Несколько детей жили вместе со своим воспитателем. Дети были в шоке, дисциплина была удивительная, ничего не крали, ничего не ломали. Об этом замечательном учреждении в своей книге писал Герберт Уэллс, побывавший в нем осенью 1920 г. Он обратил внимание и на то, что в гостинице сохранилась золоченая надпись: «Дамская парикмахерская». В пункте были замечательные педагоги, воспитателями работали А. А. Брянцев, создатель Театра юных зрителей в Петрограде, Т. Б. Лозинская, жившая в гостинице вместе с мужем, знаменитым литератором-переводчиком М. Л. Лозинским. Много внимания этому заведению уделяла З. И. Лилина, а ее сын Степан Радомысльский посещал специальную школу, в которой учился и я. Заведовал этой школой мой отец. Классы размещались на знаменитой «крыше» гостиницы «Европейская» в громадном зале ресторана, который коврами был разделен на отдельные отсеки. Преподавали опытные педагоги. Однажды на уроке истории учительница (Елфимовская или Ефимовская) принесла в класс подлинные египетские древности и дала их в руки ученикам. Надо сознаться, что этот урок сыграл решающую роль в

моей жизни, я «заболел» Древним Египтом и стал им увлеченно заниматься. Памятники Древнего Египта, о которых я начал читать, поразили меня и пленили.

1921-й был трудным годом. В роскошной гостиничной обстановке мы скудно питались, получали белый кукурузный хлеб «Ара» (из муки США), суп из фасоли и селедки.

Время, прожитое в «Европейской», было удивительным временем подъема идей, налаживания новой жизни в труднейших условиях. Тревогу вызвало Кронштадтское восстание, два дня стояла в городе канонада.

Запомнились торжественные похороны жертв мятежа. По Невскому двигалась громадная траурная процессия — костюмированное шествие солдат в различных формах русской армии. По Невскому проспекту долгое время не ходили трамваи, пробегали небольшие паровозики, тянувшие грузовые вагоны. Когда же трамвайное движение возобновилось, оно стало бесплатным, хотя и труднодоступным из-за массы народа. Трамвайные вагоны были обвешаны людьми и выйти на остановке было делом почти невозможным. Садик в конце улицы Лассаля, перед Русским музеем, был конечной остановкой трамвая, и там было сравнительно легко войти и выйти.

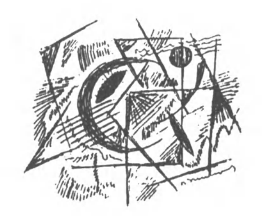
Прожили в гостинице «Европейская» мы более полугода. В связи с новой экономической политикой (НЭП) гостиница была освобождена от детского пункта. По существу он был упразднен и педагогический состав перешел в другие учреждения.

САН-ГАЛЛИ — ПАВЛОВСК

Мой отец стал работать в Педагогическом институте им. К. Д. Ушинского, реорганизованном из Учительской семинарии. Мы переехали на новое место жительства, на Петровский остров, в городок Сан-Галли, который был выстроен промышленником для работавших у него квалифицированных рабочих и инженеров. Он состоял из небольших коттеджей по четыре квартиры в каждом. В этом учительском институте работали видные педагоги города. Учащиеся педтехникума были главным образом из сельских местностей и жили в интернате; многие из них были детьми учителей и поэтому к учебе относились серьезно. Несколько человек бы-

Борис Борисович Пиотровский, студент. 1926 г.

ло петроградцев, в их числе В. В. Эренберг, сын основателя театра «Кривое зеркало», ставший ведущим артистом и режиссером Академического театра драмы им. Пушкина. С Яликом Эренбергом мы иногда ходили в «Кривое зеркало», где его сердечно встречали, и внимание артистов перепадало и мне. Мы с интересом по нескольку раз смотрели комические спектакли, сатиру на театр «Вампуку» («Дочь негритянского царя») и «Гастроли Рычалова», в которых блистал артист Копьев.

С нами учился и внук знаменитого певца-педагога Эверарди — Лёва, довольно флегматичный мальчик. Иногда по воскресеньям за ним приезжал артист П. З. Андреев и увозил его к себе домой, чтобы подкормить. Лёва гордо уезжал на пролетке, гордо возвращался, но рассказывал мало и то преимущественно о еде.

Был у нас и Дима Константинов — его мать писала книги по искусству эпохи Возрождения.

После второй мировой войны я узнал, что он перебрался в США, принял там сан священника и стал деятелем православной церкви.

В техникуме проводились внеклассные занятия по вечерам, в частности очень активно работал исторический кружок. По субботам в помещении столовой устраивались лекции приглашенных из города общественных деятелей и ученых. С лекциями выступали А. Ф. Конни, В. Э. Мейерхольд; путешественник П. К. Козлов рассказывал о своих раскопках в Монголии, а Н. Д. Флиттнер делилась со слушателями первыми сведениями (тогда еще только по иностранным газетам) о раскопках гробницы Тутанхамона в Египте.

У педтехникума в Павловске была своя база, поля, огороды, сады, и выступавшие лекторы получали оплату продуктами, причем их привозили на лекцию и отвозили домой на пролетке, принадлежащей техникуму. Эти замечательные лекции были

Наталия Давидовна Флиттнер. Наставник и друг.

очень полезными, не говоря уже о встречах с передовыми людьми.

Летом учащиеся и преподаватели педагогического техникума выезжали в Павловск, жили в домах прежней Учительской семинарии, которая находилась около чугунных ворот Павловского парка. Там были большие поля, почему-то занятые овсом; огороды, где наиболее почетное место занимал турнепс; сад с яблонями и лес, огороженный забором. Участок был большой, с протекающей через него речкой, которую мы называли Фуфыровкой. На ней мы устраивали плотины, строили из песка и веток дома. Павловский дворец и парк были рядом, и я посещал дворец часто, без «парадного одеяния», босиком, так, как мы ходили целое лето. Мне очень нравился вестибюль со статуями в египетском стиле и особенно круглый зал. Дворцовое убранство и прохлада дворца делали прогулки по нему очень приятными, тем более что посетителей было очень мало. Меня, босоного мальчишку, служащие знали, и я подолгу бродил по дворцовым залам. Любили мы забираться в глубь парка, залезали в полуразрушенные павильоны, находили в зарослях и рассматривали скульптуры. Парк был запущен, павильоны обветшали, но никому и в голову не приходило валить бронзовую скульптуру или портить мраморную, как позже. В нашем техникуме был поэт Дмитрий Толмачев, который написал цикл очень удачных стихов «Обитель Павла — камень драгоценный».

За годы летнего пребывания в Павловске я хорошо узнал Павловский дворец, и, когда в 1945 г. пришел на его развалины, у меня было странное чувство, совмещавшее картину разрушения и четкое воспоминание о том, что тут было как будто в иной жизни.

Был у нас в техникуме мечтатель Андрей Раутиан. В Павловске он жил в отдельной каморке под лестницей, собирал геологическую коллекцию и ходил в Поповку за палеонтологическими образцами. У него были хорошие образцы трилобитов, «чертовых пальцев», разных диковинных отпечатков живых организмов палеозойской эры. Меня всегда поражало, что трилобиты, отпечатки которых я держал в руках, существовали в непостижимой древности, более трехсот миллионов лет назад.

Три летних сезона, проведенных в Павловске, были для меня полны впечатлениями. В живописных руинах Павловского парка в свое время ле-

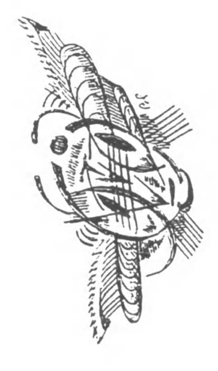
жали и подлинные, сильно поврежденные античные статуи, которые были в 1924 г. перевезены в Эрмитаж и ныне находятся в экспозиции Античного отдела.

Учебное дело в педтехникуме им. Ушинского было поставлено очень хорошо. Педтехникум старался привлекать для преподавания крупных ученых и педагогов. Петровский остров, где находился наш городок Сан-Галли, был на отшибе, городской транспорт туда не ходил, и приглашенные педагоги пользовались гостеприимством сан-галльцев. Мы принимали у себя дома философа И. И. Лапшина, и я должен был заботиться в большую перемену о приготовлении завтрака для семьи и гостя, так как мать работала педагогом в школе на Петроградской стороне. Тогда я завидовал моему другу Алексею, сыну преподавателя истории А. Г. Ярошевского, у которых завтракала Н. Д. Флиттнер, приносившая из Эрмитажа египетские древности; тогда это было, несмотря на строгость заведующего отделом древностей О. Ф. Вальдгауера, возможным.

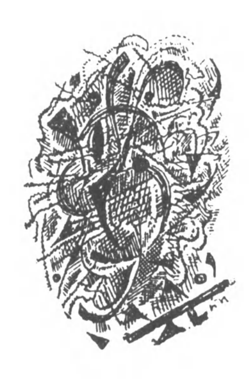
Я продолжал увлеченно заниматься Древним Египтом. Директор школы Изабелла Васильевна Гиттис (той школы, где преподавала моя мать) снабжала меня книгами по Египту, я читал их запоем, делал рисунки и небольшие доклады в историческом кружке, стал собирать и библиотеку.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЭРМИТАЖЕМ

Летом 1922 г. за 40 тыс. рублей (таковы были тогда цены) я купил первую книгу по Египту. Это была книга Б. А. Тураева «Древний Египет», вышедшая в серии издательства «Огни».

В 1922 г. отмечался 100-летний юбилей со дня расшифровки древнеегипетских иероглифов Франсуа Шампольоном. В связи с этим в Москве 17—20 августа был созван Первый Российский съезд египтологов, отмечавший эту дату. После окончания съезда в Петрограде также было организовано юбилейное заседание. Там впервые я увидел и услышал В. В. Струве, И. Г. Франка-Каменецкого, А. В. Шмидта. Я смотрел на них и слушал их с раскрытыми глазами, даже не мечтая о том, что мы впоследствии будем хорошо знать друг друга — тогда это казалось мне невозможным. Летом этого же года в Эрмитаже была открыта выставка Отдела

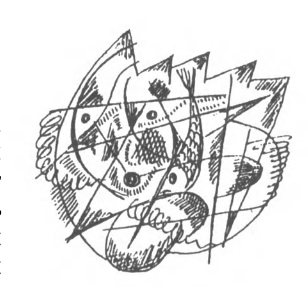
древностей, и я ее посетил вскоре после открытия. Вход был через портик с атлантами, гардероб располагался в западинах перед большой лестницей, и его вполне хватало, так как посетителей в музее было мало. Через залы с греческой и римской скульптурой и вазами я прошел в Отдел Древнего Египта. Выставка была очень удачной и производила сильное впечатление. В светлой части, с окнами, в массивных черных витринах были расставлены и развешаны предметы прикладного искусства и мелкой скульптуры. В большей, полутемной части посредине стояли крупные каменные саркофаги, а по стенам в вертикальном положении были установлены деревянные расписные саркофаги. Выделялись саркофаги периода Петесе, мумия которого лежала в витрине еще не распеленутой. Особенно подолгу я рассматривал бронзовые фигурки богов и фаянсовые ушебти, форма которых мне особенно нравилась.

В небольшом закутке, рядом с Египетским залом, были размещены ассирийские рельефы, им было тесновато, но и они поражали своей могущественностью.

На верхней площадке лестницы стоял киоск с репродукциями и литературой, его обслуживал старый дворцовый служитель Кулиманин. Мы с ним подружились, и он доставал мне со склада репродукции картин, которые я подбирал. Позже в Эрмитаже работали его дочь и сын, но сыну не повезло: обнаружилось, что в его метрике крестным отцом был записан государь император, и в конце 30-х годов царский крестник был выслан из Ленинграда.

Картинная галерея в общих чертах была очень похожей на нынешнюю. При входе в Большом просвете в глаза бросалась крупная картина Тьеполо «Пир Клеопатры», находящаяся ныне в Австралии. Я любил бродить по залу с «маленькими голландцами», они меня поражали удивительным мастерством. Постоянно ходил к моим любимым картинам: «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Кузница» Райта, «Возвращение блудного сына» Рембрандта. В помещениях третьего этажа, которые позднее были заняты коптским искусством, была выставка гравюр Рембрандта из собрания Ровинского. И туда меня тянуло.

У меня понемногу составлялась библиотечка по Древнему Египту. Сначала книги я покупал в магазинах на Большом проспекте Петроградской сто-

роны, а потом у меня появился свой букинист. Это был Илья Иванович Базлов, державший свою лавочку в д. 30 на Литейном проспекте. Магазинчик был недорогой, без дорогих изданий, в задних помещениях лежали и висели тюки с брошюрами и отдельными оттисками, этим Базлов отличался от других продавцов, и у него можно было достать редкие, но дешевые издания. В заднем помещении сидели две его дочери, которые вели картотеки книг для постоянных покупателей, среди которых был и я. Хозяин сидел у входа на стуле, ему подавали выбранную книгу, и он называл цену, никогда не уступая. И если я говорил, что у меня денег не хватает, то слышал постоянный ответ: «Бери, донесешь после!». На Литейном были разные букинисты, некоторые держали только дорогие издания, а букинист Ф. Наумов продавал книги даже на вес, с определенной ценой для разных категорий. У меня сохранились записи цен купленных книг. В ноябре 1922 г. за маленькую брошюрку И. Г. Франка-Каменецкого «Как научились читать египетские письмена», я заплатил 500 тыс. рублей, за В. А. Тураева «Сипулет» — 2 млн рублей, за Г. Масперо «Древний Египет» — 50 млн рублей. В конце 1923 г. произошла переоценка дензнаков, и за книгу «Арамейские документы Элефантины» Волкова я заплатил уже один рубль золотом. С покупкой книг на Литейном проспекте не обошлось и без курьезов. Однажды, когда я был болен и лежал дома, отец спросил, какие книги по Египту меня интересуют. Я взял один том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и выписал несколько названий из библиографии к статье «Древний Египет», и среди них «Description de l'Egypte» наполеоновской экспедиции, не зная, что это издание составляет несколько громадных по размеру книг, подобно атласу Лепсиуса. О них известный египтолог Мариетт шутил: «Чтобы пользоваться ими, надо иметь в помощь капрала и по крайней мере четырех солдат». Конечно, мой отец наполеоновский атлас мне не принес, но через некоторое время у моего Базлова мне посчастливилось купить несколько таблиц из разрозненного атласа «Description de l'Egypte» (в частности, листы с изображениями «Розеттского камня»). У букинистов на Литейном все могло быть.

Среди учителей педтехникума хорошо помню Е. С. Борац, которая часто бывала у нас дома; тогда еще была привычка заходить «просто так».

Она любила искусство, древности и помогала мне с переводом французских книг и статей.

Ей удалось поехать во Францию, и я получил от нее из Парижа открытку с репродукцией древнеегипетской скульптуры. Это была моя первая иностранная корреспонденция. Е. С. Борац рано умерла, и после ее смерти ее подруга Т. Б. Лозинская передала мне собрание фотографий памятников искусств, выполненных фирмой «Алинари» (Италия), очень высокого качества. Многие фотографии из этого собрания украшали и украшают стены моей квартиры.

Осенью 1922 г. была экскурсия нашего класса в Эрмитаж, проводила ее Н. Д. Флиттнер. Не знаю, показал ли я свои знания или же А. Г. Ярошевский рассказал о моем увлечении Египтом, но после экскурсии Н. Д. Флиттнер предложила мне приходить в Эрмитаж и заниматься у нее вместе с двумя другими школьниками — С. С. Черниковым и Н. А. Шолпо. Позже к нам присоединился И. М. Лурье, приехавший из Минска. Разумеется, от этого предложения я был на седьмом небе.

Начали с занятий по египетской иероглифике в сентябре 1922 г. Это было интересно и сравнительно легко. Кроме того, по вечерам я посещал лекции Н. Д. Флиттнер в Институте истории искусств в б. Зубовском особняке на Исаакиевской площади. Помню, что во время лекции появлялся как тень и сам хозяин дома, и Институт этот в просторечии называли «зубовским».

В отделение классических древностей Эрмитажа я проходил через служебный вход (малый подъезд фельтеновского здания), на каменном подоконнике которого мне иногда подолгу приходилось ждать Н. Д. Флитнер, так как постоянный пропуск школьникам не выдавали. На подъезде дежурили два бывших дворцовых служащих — Иван Харитонович Плешаков и Дмитрий Иванович Бобров, оба высокого роста, суровые с виду. Иван Харитонович был отцом известного оперного певца И. И. Плешакова. При них был и третий служитель — иногда появлявшийся татарин Акчурин, полная противоположность величественным сторожам. Над столом висел список академиков, которым предоставлялось право беспрепятственного прохода в музей. В этом списке были: Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд и другие. Я тогда еще не знал, что они играли важную роль в жизни Эрми-

тажа и музейного отдела в Зимнем дворце. Тогда мне и в голову не приходило, что и я когда-то могу стать академиком и директором Эрмитажа. В мальчике, сидящем на подоконнике, не мог предполагать будущего директора и проходящий через подъезд С. Н. Тройницкий, который тогда занимал этот пост. Это был важный человек с рыжеватой бородой, ходивший тогда в сером костюме и в гетрах, куривший или просто державший трубку во рту. Он проходил степенно, приветствуя словами: «День добрый!».

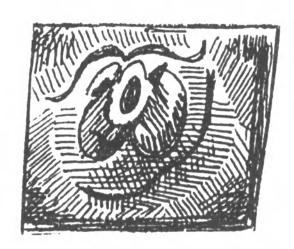
Служители на подъезде относились ко мне дружелюбно и покровительственно. Экзаменовали меня по религии, рассказывали об Эрмитаже, а однажды Иван Харитонович вытащил из ящика французский каталог египетской коллекции, составленный В. С. Голенищевым, и подарил его мне.

Постепенно я входил в работу отделения классических древностей Отдела древностей. Сотрудники занимали длинную галерею под лоджиями Рафаэля, на одной стороне галереи был кабинет О. Ф. Вальдгауера, на другой В. В. Струве. В отделении классического Востока, кроме В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер, работали М. Э. Матье-Ольдерогге и В. Николаева. Я стал постоянным помощником отделения, делал рисунки для выездных лекций в клубы и для экспозиции, в которую вводился дополнительный материал, главным образом копии с древнеегипетских росписей, изображающих сельскохозяйственные и ремесленные сцены. Получил и научную тему «Додинастическая культура Египта». Пришлось пользоваться книгами на иностранных языках, что мне было трудно. У меня сохранился перевод с французского нескольких глав книги Ж. Капара о начале искусства в Египте.

С этих пор я стал постоянно и с охотой делать рисунки для статей и книг египтологов. Пользовался библиотекой отдела и библиотекарь Г. Ю. Вальтер, он с постоянно любезным жестом доставал из шкафов, стоящих у стены, нужные мне книги, и эта любезность меня очень смущала.

Мое увлечение Египтом не затухало, но я понимал, что поездка в Египет — это несбыточная мечта, так как все мои учителя-египтологи и старшие коллеги в Египте не были. Я настолько страстно хотел попасть в Египет, что завидовал перелетным птицам, их возможности посидеть на пирамидах, на развалинах древних храмов. В

1924 г. родственница М. Ф. Ропп, моей учительницы истории, подарила мне небольшого египетского скарабея, фаянсовую фигурку Исиды и две птолемеевские монеты. По ее рассказам, эти древности она получила от знаменитого египтолога Г. Масперо при посещении Египта, когда она сопровождала семью великого князя Константина Константиновича Романова. Г. Масперо после завтрака предложил им два блюдца «конфет» — на одном лежали фаянсовые древние амулеты, на другом монеты. Получение подлинных египетских древностей было для меня настолько большой радостью, что я ночью не мог спокойно спать, вставал и рассматривал полученные подарки.

К древностям у меня было особое отношение, я имел небольшую коллекцию старинных русских монет, несколько античных монет я купил в нумизматическом магазине на Невском проспекте, около Литейного, где были выставлены красивые серебряные греческие монеты. Но такие покупки были мне не по карману, и приходилось ограничиваться лишь медными римскими.

Однажды летом я со своими школьными товарищами поехал гостить к нашему однокласснику Густаву Мурри, отец которого был лесничим на финской границе. Мы проводили дни в лесу, лазали по окопам, за которыми наблюдал лесничий, собирали там сморчки, ночью неудачно ходили на тетеревиный ток, промерзли и вернулись. Когда я собрался домой, отец Густава на дрожках довез меня до шоссе, которое шло к железнодорожной станции, и я быстро зашагал с большим букетом ландышей. Утомившись, присел на песчаный пригорок и стал перебирать рукой теплый песок. И вдруг в моей руке оказалась петровская полушка с копейщиком. Я стал разгребать песок, надеясь, что найду еще монетки, но безрезультатно. Это была моя первая археологическая находка, пополнившая мою небольшую нумизматическую коллекцию.

Мои интересы в области истории не ограничивались лишь Древним Египтом. Я писал классные сочинения на темы: «Олимпийские игры», «Салическая правда». «Последние Меровинги и первые Каролинги», «Готическая архитектура Франции», «Монастырь как крупный хозяйственный центр». Делал также доклады по русской истории и по эпохе Возрождения.

Очень внимательными учителями по истории были А. Г. Ярошевский и М. Ф. Ропп, занимавши-

еся с учениками в кружках и в вечернее время. Повезло и с учителями литературы. А. Л. Слонимский, брат видного писателя, превращал свои уроки в художественное чтение. Он великолепно читал «Илиаду» Гомера, произведения Гоголя, Бабеля, знакомил нас с современной литературой. По его приглашению на школьных субботниках выступал и В. Э. Мейерхольд.

Преподавательница Е. И. Досычева старалась на уроках показать сюжетные построения произведений в схемах и рисунках. С большим интересом мы разбирали таким образом «Мертвые души» Гоголя. На уроках много внимания уделялось и современной поэзии, и я написал обстоятельное сочинение о Владимире Маяковском, охарактеризовав не только его творчество, но и самостоятельно разобрав структуру его произведений и стихотворный их размер.

Но, разумеется, с наибольшей охотой я занимался Древним Египтом. В свободное время, когда уроки кончались раньше, я бежал в Эрмитаж, в Отдел древностей. Хозяином Отдела был О. Ф. Вальдгауер. Летом он ходил в черной накидке с блестящими застежками, говорил низким голосом, все его боялись, в Эрмитаже он занимал ведущее положение в Дирекции. При нем была А. А. Передольская, несколько экспансивная, но легко отходившая.

Греческой папирологией занимался О. О. Крюгер, полный, лысый, похожий на пастора и по внешнему виду и по существу. Г. Ю. Вальтер был библиотекарем, но активно участвовал в жизни Отдела. Разговорным языком в Отделе был немецкий, так же как на втором этаже в Отделе живописи — французский. Только одна М. Э. Матье, англичанка по происхождению, немецкий не любила. Связью первого и второго этажей была М. И. Максимова, дочь известного петербургского купца, которая объединялась с И. А. Орбели против «эрмитажных иностранцев». М. И. Максимова занималась античностью и резными камнями. Она была красивой и представительной, к ней все относились с почтением, еще в 1918 г. она была избрана хранителем Эрмитажа.

Уже в дни блокады 1941—1942 гг. И. А. Орбели рассказывал о том, как он в молодые годы, до революции, решил пойти к М. И. Максимовой в гости, как его встретил швейцар и, узнав, что молодой человек пришел к «барышне», доставил

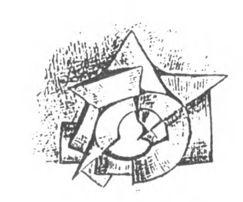
его к матери М. И., которая устроила молодому армянину тщательную проверку и только после допроса позвала дочь. Больше И. А. Орбели в этот собственный дом Максимовых не приходил.

В Отделе древностей появлялся и знаменитый Э. К. Липгарт, появлялся как тень, настолько он был худым, призрачным и двигался мелкими шажками. В. В. Струве шутил, что Липгарт может сразу исчезнуть, и на его месте останется только пуговица. Но я на знаменитого Липгарта смотрел широко открытыми глазами.

В 1923 г. в Эрмитаже одна за другой открывались выставки и из старых фондов, и из новых поступлений. Некоторые из них устраивались в залах Зимнего дворца, несмотря на то что залы и особенно полы требовали ремонта. Так, в Пикетном и Александровском залах была выставка оружия. Выставлялись модели эпохи Возрождения, античная глиптика, кружева, часы, французская литография XIX в. Была и выставка вееров XVIII в., с которой однажды ночью были украдены веера, найденные позднее в ободранном состоянии. В эту ночь дежурным от Дирекции был И. А. Орбели, и его «друзья» торжествовали и злорадствовали по поводу того, что кража была именно в его дежурство.

Осенью 1924 г. наш дом посетила беда: от острого воспаления почек скончался брат Александр, студент-математик, который помогал отцу в его работе над книгой «Тригонометрия». Отец очень тяжело пережил эту кончину, его легочная болезнь ускорилась, и он стал постепенно угасать.

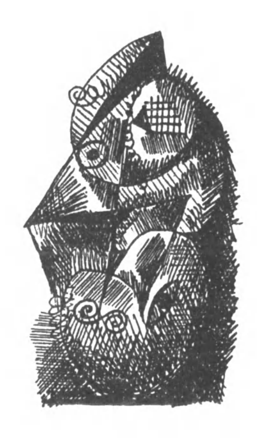
7 ноября 1924 г. в Ленинграде было самое крупное наводнение после того, которое описано Пушкиным в «Медном всаднике». С утра дул сильнейший западный ветер, переходил в ураган, гнавший воду из Финского залива. Я был на берегу Невы, на Петровском острове, и наблюдал, как мощные валы воды захлестывали берег. Вдруг прибежал мой товарищ и сообщил, что на другой стороне острова река Ждановка вышла из берегов и заливает наш городок Сан-Галли. Действительно, городок был уже залит, и мне пришлось добираться до дому по колена в воде; к счастью, входная дверь на лестницу была открыта, и я мог проникнуть в дом. Нижний этаж был уже залит. Ребята достали лодку и на ней поплыли к домикам, где были расположены учебные кабинеты, чтобы поднять приборы и оборудование на второй этаж. Вода все

прибывала (на цоколе фельтеновского здания Эрмитажа есть отметка уровня воды, 7.XI.24), она доходила мне до груди. Во вторую половину дня ветер утих, и вода стала спадать, а следующее утро было тихим и солнечным, только принесенные водой бревна, лодки и балка, да намокшие нижние части домов свидетельствовали о вчерашней катастрофе.

Сначала мы побежали на Смоленское кладбище. Могила брата не пострадала, холмик размыт не был. Затем я пошел на Неву к Эрмитажу. Против здания музея на набережную была выброшена громадная цистерна, из подвалов уже откачивали воду. На Невском проспекте деревянная торцовая мостовая всплыла, и ее шашки лежали в беспорядке. Много можно было видеть прибитых водой бревен и досок. В Эрмитаж зайти я не решился и только обошел здание кругом. Жизнь в нашем городке наладилась быстро, но долго не просыхала штукатурка стен домиков. Во время наводнения пострадали книги на складах и в книжных магазинах появились книги с покоробленными от воды полями страниц; таков у меня первый том «Истории древнего Востока» («Классический Восток») Б. А. Тураева.

УНИВЕРСИТЕТ, НАСТАВНИКИ

В 1925 г. я решил поступать в университет, для этого надо было сдать некоторые дополнительные экзамены в педтехникуме, после чего выдавалось удостоверение об окончании 200-й советской школы.

Вступительных экзаменов в университет тогда не было. Для отбора будущих студентов в школы приезжали комиссии, которые проводили «тесты», ученикам давали задачи на зрительную и слуховую память, на комбинационные способности. Это сводилось к «культурным играм» — из букв предъявленного слова составить новые слова, из набора слов составить рассказ и т. д. В своем классе по тестам я занял второе место, первое — наша приходящая интеллигентная отличница Эсфирь Бам. С рекомендациями от школы 13 июня надо было явиться в отдел народного образования в аттестационную комиссию для политпроверки. Со второго захода я эту политпроверку прошел и поступил в Ленинградский государственный университет на

факультет языка и материальной культуры. Тогда названия факультетов постоянно менялись, и кончал университет я уже по историко-лингвистическому факультету. С совершенно непередаваемым чувством я пришел первый раз в «длинный коридор» университета и нашел аудиторию, где собирались студенты, поступившие на ямфак (так сокращенно прозывался наш факультет языка и материальной культуры). У дверей я познакомился с тремя моими новыми сокурсниками. Это были: Ираклий Андроников, Борис Томашевский, сын пушкиниста, поступивший на литературное отделение, и очень высокий ростом Григорий Линко (мы его потом называли Длинко), желавший специализироваться по средневековой истории. Затем подошли два студента, выбравшие специальностью археологию и историю древнего мира: приехавший из Грузии Антон Аджян и москвич Владимир Шевченко, называвший себя учеником Валерия Брюсова, так как он слушал его лекции по истории античности в Москве. На отделении Древнего мира нас оказалось всего трое, литературоведы и русские историки остались в объединенной аудитории, а нас троих направили в кабинет древностей, который и стал нашим пристанищем на все пять лет учебы. Кабинет состоял из четырех комнат: первой, уставленной шкафами и с большим столом посередине; большой аудитории, тоже с общим столом и стульями по периметру; комнаты библиотекаря по фамилии Лютер, очень заботливой, но строгой; и небольшой аудитории. Хозяином кабинета древностей был сторож Михаил Петрович, который к концу дня (а мы засиживались в кабинете до 9 часов вечера) обычно был в подпитии. Ассистентом, заведующим диапозитивами, был М. К. Каргер, с ним позднее меня свела судьба на многие годы. Каждому из нас надо было составить свой индивидуальный план, кроме обязательных предметов, выбрать предметы по специальности, по истории необходимо было сдавать зачеты. План каждого студента утверждался на академическом Совете. Составить план было делом трудным, глаза разбегались, но зато тогда университет давал возможность выбрать редкую специальность, обеспеченную высококвалифицированными учителями. Студенты свободно записывались на занятия по объявленным курсам, и если у профессора или доцента не было студентов, то ему поручалась работа по написанию учебника или научного труда.

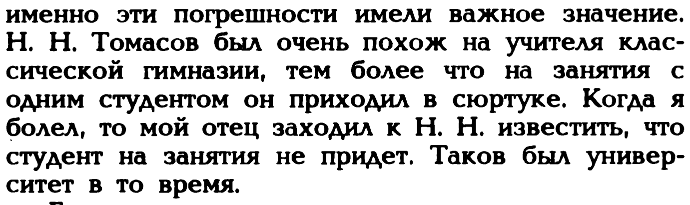

Свободная запись на специальные курсы для первокурсников была невыгодной, так как записывались на занятия аспиранты, старшекурсники и допущенные к занятиям вольнослушатели. Так получилось у меня с древнееврейским языком, курс по которому вел М. Н. Соколов. Вместе со мной занимались аспиранты-арабисты Церетели и Эберман, уже сложившиеся ученые, античник М. С. Альтман, хорошо знавший современный еврейский язык, и ясно, что я за ними не поспевал. Бывали случаи, когда во время моего перевода текста М. Н. Соколов, постукивая по столу, говорил: «Так, так, а это слово есть только в русском переводе Библии с греческого, а в нашем тексте их нет... Так, так». Конечно, мне пришлось изменить мой учебный план и исключить древнееврейский язык из обязательных для сдачи зачета предметов. Тогда в университете экзаменационных оценок не было, в матрикуле проставлялся только «зачет». Студенты, учившиеся после меня, этому завидовали и в шутку объявляли мой диплом об окончании университета «недействительным».

Небольшое количество студентов позволяло профессору приспособлять свой курс к их интересам и подготовке. Я. и В. Шевченко записались на курс академика С. А. Жебелева «Греческая папирология». Но когда мы пришли на первое занятие, то С. А. понял, что этот курс нам не под силу и стал читать «Историю изучения античных письменных памятников» с практическими занятиями по копированию и эстампированию греческих надписей, стоявших тут же в кабинете древностей. Нам, первокурсникам, такие занятия были очень полезны, но зачет в матрикуле мы получили по папирологии («Введение в греческую папирологию». Древнегреческим языком я занимался один у Н. Н. Томасова; к счастью, аспиранты не записывались на начальный курс. Н. Н. был большой педант, на занятия всегда приходил за 15 минут до занятия, назначенного рано утром, и когда я извинялся, что пришел позже него, отвечал, что это его привычка перед лекцией отдохнуть. На втором курсе я занялся археологией и делал доклад у профессора А. А. Миллера о древнем Танаисе в дельте Дона. Я приносил на занятия по древнегреческому языку местные надписи из Недвиговки, выполненные по-гречески. Н. Н. Томасов возмущался имевшимися в них ошибками, не верил, что «так может быть», и удивлялся тому, что для меня.

именно эти погрешности имели важное значение. Н. Н. Томасов был очень похож на учителя классической гимназии, тем более что на занятия с одним студентом он приходил в сюртуке. Когда я болел, то мой отец заходил к Н. Н. известить, что студент на занятия не придет. Таков был университет в то время.

Больше всего меня увлекали занятия по египтологии у В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер. Состав слушателей тоже был пестрый: египтологи со стажем — Д. А. Ольдерогге, Ю. П. Францов, В. И. Евгенова, Я. А. Шер — и наша молодежная группа — И. М. Лурье, Н. Л. Шолпо и я. Мы, младшие, занимались во всю силу и не отставали от других. По инициативе И. М. Лурье, я и Н. Шолпо переписывали особыми чернилами иероглифические тексты из «Документов», затем размножали их на гектографе, так что все занимающиеся имели у себя тексты. Эта переписка была для нас очень полезной; кроме того, я набил руку на выписывании иероглифов, хотя качество их выполнения было далеким от текстов, написанных Ю. Я. Перепелкиным, который присоединился к нам позже.

Из-за отсутствия пособий древние тексты нам приходилось копировать на пергаменте (в который в магазинах заворачивали масло).

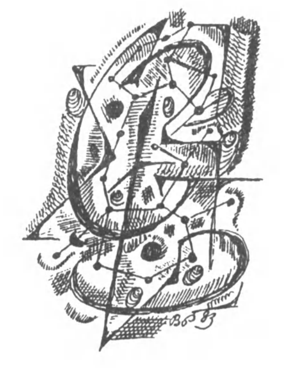
Работа была адская. Помнится, занимаясь додинастическим Египтом, я скопировал себе и «корпус додинастической египетской керамики» Флиндерса Питри, что мне помогло набить руку в рисунке, так как я продолжал иллюстрировать статьи и книги моих товарищей. На короткое время открылась возможность выписывать иностранные издания через «Международную книгу», а наладить обмен книг с иностранными фирмами я не сумел.

Некоторые тексты мы читали по изданию Б. А. Тураева в «Известиях Академии наук» (Магические тексты); студенты могли получать книги со склада Академии бесплатно, получив на это разрешение непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга. Для этого надо было идти к нему в Азиатский музей. Я долго не решался, а потом все же пошел. Меня удивил прием С. Ф. Он, взяв мое заявление, сразу же его подписал, а потом долго разговаривал, спрашивал об интересах, о темах, над которыми я работаю. Я стеснялся и просил только необходимое, но он никогда не отказывал молодым востоковедам, вплоть до выда-

чи бесплатно всех выпусков «Записок Восточного отделения Русского Археологического Общества» (тогда на складе издания хранились, и не было стремления как можно скорее распространить весь тираж).

В. В. Струве читал курсы и проводил семинарские занятия. Свои курсы он читал в буквальном смысле, по написанному тексту, часто просто зачитывал свои статьи. Эти чтения были содержательными, но слушать и усваивать их было трудно. Другое дело на семинарских занятиях, там переводили и комментировали древние тексты мы сами, а В. В. принимал живое участие в обсуждении — он все догадки понимания трудного текста объявлял «гениальными», при затруднении чесал свою шевелюру чернильным карандашом и в самый разгар дискуссии вставлял анекдот. Его постоянным и упрямым оппонентом был Ю. Я. Перепелкин. В. В. был трудолюбивым и разносторонним человеком, в молодости он увлекался боксом и шахматами, во время шахматных турниров среди музейных работников он и нумизмат Р. Р. Фасмер были непобедимыми, и первое место решалось партией между ними. В. В. на турнирах быстро расправлялся со своим соперником и, уходя, жал руки всем шахматистам и всем желал выиграть. В науке он долгое время хотел специализироваться по древнейшим культурам Мезоамерики. В. В. Струве прекрасно владел техникой научного исследования, у него была громадная картотека по разным темам, и он отлично знал библиографию. В. В. не любил талантливых людей, которым наука давалась легко. Его ученики помогали ему в библиографической работе, и я разносил на карточки статьи из немецкого журнала «Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde». На первых порах, когда я расписывал тома журнала по оглавлению, не обращаясь к самой статье, у меня появился новый автор — «г-н Derselbe», т. е. «тот же». Мои старшие товарищи говорили мне, что и они часто попадали в курьезное положение, когда также работали только над оглавлением.

В университете мы читали очень разнообразные древнеегипетские тексты, начиная с классических сказок Среднего царства. Читали рассказ о человеке, потерпевшем кораблекрушение, и выбирались на необитаемый остров по эрмитажному папирусу, — своего рода древнейшей робинзонаде. Читали повесть о Синухете, египетском вельможе,

бежавшем от царского гнева к бедуинам Сирии, «Повесть о двух братьях» с известным сюжетом о ложном обвинении младшего в прелюбодеянии, «Повесть о красноречивом крестьянине», посвященную социальной несправедливости.

Тексты Древнего царства были иными — в основном автобиографические надписи из могил знатных представителей VI династии, совершавших походы в Нубию. Переводы этих текстов мне пригодились значительно позже, когда я работал в Нубии по спасению памятников, которым грозило затопление при постройке высотной Асуанской плотины.

Когда мы перешли к памятникам Нового царства, то читали преимущественно царские анналы XVIII династии, парадные и повествующие об исторических событиях и доблестях фараона. Кроме того, В. В. Струве вел занятия по текстам, относящимся к египетской математике (тогда он издавал математический папирус из Музея изобразительных искусств в Москве) и храмовой политике Нового царства, ритуалам и магическим действам (сложным ритуалам во время праздников фараонов). Много времени мы уделяли чтению громадного папируса — так называемого «Гарриса» (по имени владетеля), являющегося документом храмового хозяйства XIX династии. У меня сохранилась иероглифическая транскрипция этого текста на 34 листах, и теперь я удивляюсь своему терпению и прилежности, проявленным в студенческие годы. Но мне приходилось стараться, так как на занятиях по египтологии я был единственным студентом; на курс младше меня было уже несколько египтологов, а мне приходилось заниматься вместе с аспирантами.

Еще в школьные годы я часто ходил к своему дяде Александру Брониславовичу в Музей антропологии и этнографии Академии наук. Мне очень нравились просторные витрины с макетами людей в натуральный рост, коллекции замечательных предметов, привезенных нашими прославленными путешественниками и моряками. Я не мог равнодушно пройти мимо макета фигуры вождя в разноцветном плаще из птичьих перьев, мимо полинезийских и меланезийских деревянных масок и ритуальных предметов, отличавшихся тончайшей виртуозной работой. В то время Александр Брониславович готовил для издательства Гржебина в Берлине книгу о Н. Н. Миклухо-Маклае, к сожа-

лению, так и не увидевшую свет; готовил к публикации дневники замечательного путешественника. И конечно, меня особенно интересовали древние дощечки с неведомыми письменами, привезенные им с острова Пасхи в Тихом океане. Этот остров привлекал меня своими загадками, мегалитическими статуями, на которые обратил внимание и Марков, открывший русским искусство негров. Мы вместе с дядей старались вникнуть в удивительное письмо этих дощечек, в ряды связанных друг с другом реальных и неопознанных фигурок, иногда фантастических. Александр Брониславович написал информационную статью об этих дощечках, к которой я составил таблицу знаков. Она была напечатана во французском журнале «Revue d'Ethnographie» (1925, № 23—24) и в настоящее время справедливо забыта, так как мы допустили ошибку, разделив текст на отдельные знаки, а не на их комбинации.

Я часто посещал этот музей и, когда в сентябре 1925 г. отмечалось 200-летие Академии наук СССР, был привлечен в музей в качестве «объяснителя» выставок, как это значилось в выданном мне удостоверении за подписью академика Е. Ф. Карского. Юбилей справлялся очень торжественно, я был на заседании в Филармонии, с благоговением слушал выступление президента Академии А. П. Карпинского, которого я часто видел на концертах в Филармонии, где он занимал постоянное место. Меня поразила блестящая речь наркома просвещения А. В. Луначарского, отмечавшего большую роль Академии в построении советской культуры. Позднее я посещал лекции А. В. в Филармонии на разные темы, всегда живые, оригинальные и блестящие по форме. Он с одинаковой эрудицией читал лекции о Достоевском и Бальзаке, но на его диспуты со священником Введенским, представителем «Живой церкви», на тему «Существует ли бог» — я не ходил.

С удивлением я смотрел на президиум торжественного заседания, где иностранные ученые сидели в непривычных для нас мантиях и шапочках.

На празднике науки я увидел и Эдуарда Мейера, по мнению В. В. Струве, величайшего историка современности, концепции которого он стал критиковать позже.

В Музее этнографии на выставке я встретился с В. П. Бузескулом и академиком А. Е. Ферсманом, к которым я относился как к легендарным

личностям, и непосредственное общение с ними меня очень смущало. Надо сказать, что в молодые годы и был довольно застенчивым и не проявлял никаких черт, которые должен иметь администратор. Кстати, и мой товарищ по факультету, Ираклий Андроников, был тоже очень скромным и не проявлял тогда тех явных способностей артиста, вольно держащегося на сцене. Я посещал на факультете эпизодически разные лекции, нельзя было пропускать лекции С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле — это я себе никогда бы не простил.

Однажды мы с Андрониковым шли с лекции Б. М. Эйхенбаума, профессор шел перед нами, и вдруг я увидел перед собой двух Эйхенбаумов, настолько хорошо Андроников сумел передать его фигуру и походку; правда, тогда фигура Андроникова позволяла ему импровизировать, позже он пополнел и у него осталась только голосовая имитация. Во всяком случае, я наблюдал, как из скромного студента, увлеченно занимавшегося творчеством Лермонтова, вырастал замечательный артист, отходивший от подлинных научных исследований.

С первого курса я стал заниматься и археологией. Археологический кабинет, которым ведал Т. Гелах, находился около начала большого коридора. Там стояли витрины с археологическими предметами, позже поступившими в Эрмитаж, и в аудитории висели две картины Н. Рериха: первая, изображающая двух славян на лодке в темноте, подплывающих к городку, и вторая — общий вид погребенья в Майкопском кургане (раскопки Н. И. Веселовского). После войны обе картины бесследно исчезли.

Очень интересными и содержательными были лекции А. А. Миллера по первобытному искусству. А. А. был прекрасным рисовальщиком и очень точно рисовал изображения бизонов из Альтамиры на доске. Он подходил к первобытному искусству как этнограф и по-новому раскрывал значение этих удивительных иллюстраций. Он давал мне свои конспекты на дом, и я с удивлением обнаружил на них зарисовки портретов, иногда гротескных, сотрудников Эрмитажа, среди которых был Б. А. Тураев. Я тогда не знал, что А. А. в первые годы революции входил в музейный совет и много делал для ускорения возврата в Петроград эвакуированных в Москву сокровищ Эрмитажа.

Кроме того, А. А. Миллер вел семинар по древностям Северного Кавказа. Он был немногословен,

Профессор Александр Александрович Миллер.

давал четкие формулировки и не мог вести занятия без мела и доски. А. А. входил в аудиторию, снимал зимой мягкую шапку (а летом кепку), клал на нее пенсне и, хмыкнув (это была его привычка), подходил к доске, что-нибудь рисовал и только после этого начинал говорить. Я отчетливо помню первую фразу занятий по Северному Кавказу: «В Нальчике был найден такой сосуд... хым...» (форма его рисовалась на доске), и дальше шли сопоставления с другими материалами. Я любил посещать также занятия замечательного археолога А. А. Спицына, небольшого ростом старичка с бородой, несколько суматошного, со сползающими всегда во время занятий очками. Это был изумительный знаток археологического материала, который следил за всеми раскопками и во время доклада и бесед зарисовывал, к сожалению, далеко не профессионально предметы. Эти листики, которые он называл «карточками», составляли целый справочник по археологии России и сохранили сведения о пропавших и неопубликованных предметах; часто они уточняют также обстоятельства

находки. А. А. Спицын уклонялся от дискуссий, и когда он делал доклады студентам, то просил не открывать прений.

Первобытная археология была мне всегда по душе, и с самого начала занятий в Эрмитаже я выбрал для изучения небольшую коллекцию додинастических древностей (IV тыс. до н. э.), которую опубликовал вместе с И. Л. Снегиревым.

В декабре 1926 г. я был командирован в Москву в Музей изобразительных искусств для изучения додинастических египетских сосудов, там хранящихся. Я не взял рекомендательного письма от В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер, и меня в Музее приняли далеко не любезно. Т. Н. Козьмина-Бородина, опубликовавшая московские додинастические египетские сосуды, подвела меня к витрине, сказала, что все они выставлены, но вынимать их из витрины нельзя. Я ей объяснил, что хочу их посмотреть и подержать в руках для определения техники изготовления, но она повторила, что все это можно видеть через стекло. Я очень обиделся и злорадствовал, когда уличил Т. Н. в том, что она в своей статье о сосудах приводила текст прямо из книги Капара без ссылок. Я-то перевод книги Капара знал хорошо, так как он потребовал от меня, по причине очень плохого знания французского языка, большого труда.

В Москве я жил в студенческом общежитии. Был лютый мороз, далекие трамвайные рейсы, а музеев в Москве много, и все их надо было посетить. Тогда я был в Морозовском и Щукинском особняках, и французская живопись конца XIX—начала XX в., особенно Матисс и Пикассо, произвела на меня волнующее впечатление по необычности и непонятности. Так было со мной, когда я в первый раз слушал оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Теперь трудно поверить, что и в балете «Ромео и Джульетта» было много трудновоспринимаемого. В Москве я сильно мерз, плохо питался, один встречал Новый 1927 год в малоудобном общежитии, но успел много посмотреть — то, о чем долго мечтал.

1927-й для Эрмитажа был трудным годом, назревало недовольство С. Н. Тройницким не только в самом Эрмитаже, о чем я мог судить по разговорам в Отделе древностей, но и в Главнауке. Членов ВКП(б) в Эрмитаже было мало, и все они состояли в штате технических работников. Вставал

вопрос о расширении штатов музея и об увеличении в нем числа членов партии. А Эрмитаж перестраивался с большим трудом и очень медленно.

В мае С. Н. Тройницкий был освобожден от должности директора Эрмитажа и сдал дела О. Ф. Вальдгауеру, который имел большую поддержку в Эрмитаже и активно взялся за работу.

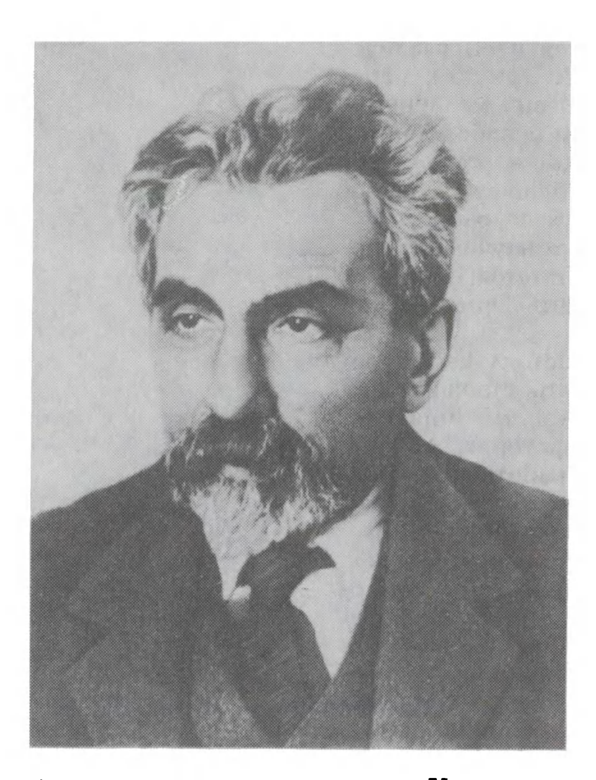
Много внимания стало уделяться научно-просветительной работе и расширению штатов, для того чтобы иметь возможность пополнить Эрмитаж новыми кадрами.

В 1917 г. весь штат музея состоял из 88 человек. Кроме директора, было пять старших хранителей и семь хранителей, восемь инвентаризаторов, три писца, пять реставраторов, 44 служителя и др. Помимо штатных работников, получавших жалование, в Эрмитаже до революции постоянно бесплатно работали специалисты-ученые, число которых было от шести до десяти человек. Это были обеспеченные люди, для которых жалование интереса не представляло. Так, В. С. Голенищев, заведовавший Отделом Египта, на свои средства издал книжечку об ассирийских рельефах, и в архиве сохранилось его письмо к государю императору с просьбой принять весь тираж издания для его распространения в Эрмитаже.

К 1927 г. штаты Эрмитажа значительно выросли и научный состав стал располагать уже 137 ½ штатными единицами (на полставки числился «член правления»). С тех пор количество сотрудников Эрмитажа стало неуклонно расти.

В университете я продолжал увлеченно заниматься египтологией, но интересы мои постепенно расширились. Как-то в университете я прочел объявление: «Профессор Н. Я. Марр приглашает лиц, предполагающих слушать в 1926/27 учебном году читаемые им курсы, собраться в понедельник 27 сентября в 9 часов утра в помещении Исследовательского института языков и литератур запада и востока для установления плана занятий. Проф. Н. Марр» (в университете он был не академиком, а профессором). Я, конечно, пришел в назначенное время и выбрал для себя курс «Палеонтология речи». Лекции Н. Я. Марра были своеобразны, он к ним готовился и всегда имел написанный текст, которого не придерживался. Всегда он имел и свежий носовой платок, который вынимал из кармана сложенным и резким движением его распу-

Академик Николай Яковлевич Марр.

скал. У доски стояли его ученики — доцент Л. Г. Башинджагян или Р. М. Шаумян, которые выписывали на доске необходимые слова в своеобразной марровской транскрипции. Лекции были увлекательными, хотя и не до конца понятными, но они являлись аккумулятором мысли; Марр разбрасывал мысли, более понятные историкам культуры, чем лингвистам. С каждой лекции я уходил заряженный идеями, преимущественно в области семантики, учения о значении слов. Египетское пиктографическое письмо было благоприятной почвой для таких сопоставлений. Сравнивались не только семантические ряды, в которых термин «камень» переходил на «металл», а затем дифференцированно на самый распространенный металл «медь». Становилось ясным, что египетские термины власти оказались связанными со скотоводством. В древнеегипетском языке термин «солнце» имел целую паутину связей, основанную на ассоциации. Солнце сопоставлялось с «птицей» (поскольку парит в воздухе), со «змеей» (по аналогии ожога с укусом), со всевидящим оком и др. Я пытался даже в словаре древнеегипетского языка выделить пучки

семантических связей — это объясняло значение многих амулетов и магических действий.

Наряду с лекциями Н. Я. Марра я слушал лекции И. Г. Франк-Каменецкого «Палеонтология мифа», основанные на разборе поэтических семантических образов Библии. Это были интереснейшие лекции, развивающие идеи Н. Я. Марра.

В связи с этим я увлекался книгой Б. Фрезера «Золотая ветвь», дающей богатейший материал, иллюстрирующий различные семантические связи. Тогда еще не было русского перевода этой книги, и на уроках английского языка, которые я брал, вместо занятий грамматикой я переводил нужный мне текст из Фрезера, что не способствовало обстоятельному изучению английского языка.

Я продолжал работать в семинарах А. А. Миллера и подготовил обстоятельный доклад о раскопках П. И. Леонтьева в 1953 г. в древнем Танаисе (Недвиговке). Доклад был одобрен, но А. А. Миллер пожурил меня за слишком критическое отношение к Леонтьеву, к которому я подошел «не исторически», не учитывая уровень археологии того времени.

ПЕРВОЕ ДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В 1927 г. я поехал практикантом в Северокавказскую экспедицию А. А. Миллера, которая должна была работать в августе в Северной Осетии и на Дону. В ожидании экспедиции я поехал на дачу под Лугу, в деревню Старые Круполи, и жил там ожиданием экспедиции — меня тянули археологические раскопки, и можно было ко мне применить строки из стихов Гумилева: «Свежим ветром сердце снова пьяно». Подходил уже август, и вдруг я получил телеграмму: «Донские работы отложены сентября Вас Аджяна вызову раньше Миллер». Огорчение было очень велико, тем более что я был уже в полной экспедиционной готовности. Пришлось ждать.

В это время я получил письмо от моего товарища археолога Б. Коишевского, который передал мне приглашение профессора П. П. Ефименко принять участие в археологическом обследовании Лужского района. С отчаяния я, было, уже согласился, но отец посоветовал не разбрасываться и уговорил ждать вызова Миллера. Время на даче тянулось тоскливо, ничем заниматься не хотелось. Посетили

меня аспирант П. Н. Шульц и университетский товарищ Г. П. Гроздилов, которые работали по заданию Ефименко. Я побродил с ними, но сердце щемило от ожидания. Наконец я дождался телеграммы: «Пиотровский Аджян выезжайте Ростов тчк пароходом станицу Константиновскую Миллер». Сборы были быстрые, телеграммой известил Аджяна, который был у себя в Грузии, в Телави, и выехал в Ленинград, где провел только один день.

Итак, я пустился в первое далекое путешествие. На вокзале меня провожали отец и Н. Д. Флиттнер. На дорогу из еды я взял только большой пакет пряников.

В Ростове прямо с вокзала я направился в музей, где, к великой радости, встретился с Аджяном, который приехал на несколько часов раньше меня. Решили времени не терять и сразу же двинуться в станицу Константиновскую. С нами поехали заведующий археологическим отделом музея Вязигин и краевед Кутилин. С парохода я увидел места раскопок, о которых много слышал, проехали мимо Кобякова городища, материал из которого я обрабатывал. Все время я сидел на палубе и неохотно спускался в каюту.

В Константиновской мы узнали, что экспедиция Миллера задерживается в Цимлянской. Мы стали проводить разведочные работы самостоятельно, начав с расспросов казаков. Их рассказы были полны легендарных сведений о богатых кладах в курганах, о якобы найденных в них золотых гробах и конях.

Ходили мы много, порядком уставали, особенно труден был путь про песчаному левому берегу, отходили далеко от Дона. Безумно хотелось пить, горло пересыхало, и я по пути рассказывал Аджяну (наши спутники нас покинули на второй день) древнеегипетскую повесть о Синухете, который, боясь гнева фараона, бежал в пустыню, где при ужасной жажде чувствовал «вкус смерти». Но дальнейшие мои экспедиционные странствования показали, что наши прогулки по пескам Дона в сравнении с условиями других работ были легкими, «детскими игрушками».

В 1927 г. богатые станицы Дона жили еще прежней жизнью, революция еще не вытеснила прошлое. В домах казаков висели портреты царей — Александра III и Николая II, членов царской семьи, лубочные картинки коронации или чудесного избавления царя при железнодорожной

катастрофе. Висели фотографии бравых казаков, иногда увешанных георгиевскими крестами, а иногда просто сидящих с часами напоказ. Но рядом с этими портретами и фотографиями можно было встретить портреты В. И. Ленина, групповые портреты народных комиссаров РСФСР, агитационные открытки.

Советская власть в станицах не была еще крепкой. Нам пришлось остановиться на ночлег у председателя станичного совета в одной из станиц. Он принял нас радушно, но настороженно, и уложил спать, постелив нам на балконе, а сам заперся изнутри у себя дома. Утром хозяйка, оправдываясь, сказала, что казаки уже два раза совершали покушение на ее мужа.

Наконец мы дождались приезда А. А. Миллера и аспиранта М. И. Артамонова, представили обстоятельный отчет о разведках, посетили отмеченные нами места с остатками древних слоев. А. А. Миллер счел разведки в станице Константиновской достаточными, и мы все вернулись в Ростов, а оттуда на раскопки в станицу Гниловскую. Из могильника у городища этой станицы мне были известны древнеегипетские предметы римского времени, и я уже тогда начал составлять корпус древнеегипетских предметов, найденных на территории СССР. С этого времени у меня собран громадный материал по данной теме и описаны те предметы, которые во время войны пропали из местных музеев.

Раскопки представлялись мне каким-то священным делом, с бережным отношением к каждому, даже мелкому обломку древней керамики, но в первую же минуту, как я попал на Гниловское городище, меня охватило недоумение и даже некоторое разочарование. Вся поверхность городища была усеяна древними черепками и невозможно было пройти пару шагов без того, чтобы не раздавить несколько черепков. Я был потрясен картиной разрушения и отсутствием четких архитектурных остатков.

Ныне я доволен тем обстоятельством, что мои первые археологические работы протекали в трудной археологической ситуации, что я сразу же столкнулся с задачей исследования слоев земляного городища. Но тогда я был огорчен, так как не видел ни стен, ни рвов — предо мной были холмы, представляющие собой, на первый взгляд, груду мусора. Это было совсем не похоже на то, с чем

имеет дело археолог в книгах о древностях Египта, Месопотамии и античных городах Северного Причерноморья.

До начала раскопок, в то время как А. А. Миллер и М. И. Артамонов уточняли топографическую съемку городища, мы с Антоном Аджяном целый день провели на городище. А. А. Миллер по своему обыкновению студентам сначала ничего не показывал и не рассказывал, а поручал им самим разобраться. Мы составили схематический план местности, определили территорию, занимаемую городищем, место могильника. Мы поработали усердно целый день, отбили себе ноги, порядком устали, кое-что получилось, а кое-что и нет. Когда начались раскопки, мне был поручен один участок, где я определял и чертил последовательные наслоения, расчищал очаги, остатки ям для хранения зерна, собирал черепки раздавленных на мелкие куски сосудов. Я окунулся в «археологические будни», которых значительно больше, чем «солнечных дней» с интересными находками. Надо было из всех отрывочных данных, разрушенных деталей составить определенную картину. А. А. Миллер любил повторять: «Археология исследует древний памятник путем его разрушения»; «Археологические раскопки можно признать удовлетворительными лишь в том случае, если по их материалам можно составить детальный макет исследованного памятника».

Еще до окончания работ в станице Гниловской А. А. Миллер решил провести разведку в станице Елисаветовской в дельте Дона на месте древнегреческого города Танаиса. Эту местность я знал по раскопкам курганов, о которых нам Миллер много рассказывал на своих лекциях. Поэтому я был очень обрадован, когда узнал, что я туда с ним еду на один или два дня. Я взял с собой полевую сумку, мыло, полотенце, и мы отправились в путь. Оказалось, что Миллер направился в Елисаветовскую с целью выяснения нижнего слоя городища, он хотел узнать, имеет ли древний Танаис слой, соответствующий архаическим слоям Кобякова и Гниловского городищ. Сразу же по приезде в Елисаветовскую мы заложили пробный шурф, и в конце дня раскоп дал нам несколько образцов архаической керамики. Миллер был очень обрадован, но на другой день, когда с самого утра в шурфе пошел материковый слой и выяснилось, что архаические материалы здесь очень бедны, радость

Миллера сменилась мрачностью, и он внезапно решил вернуться в станицу Гниловскую.

Условия полевой работы в то время были суровые: мы спали на полу, на ковре парадной горницы дома. Поднявшись на следующее утро, Миллер обратился ко мне: «Б. Б., вам поручаются раскопки древнего Танаиса, закончите и обработайте начатый раскоп. Я скоро вернусь, вы не скучайте, вот вам журнал (кажется, это был «Прожектор»), прочитайте его с начала до конца, а если мы к этому времени не приедем, то прочтите его с конца до начала, это поможет против скуки. Ну, до свидания, я еще успею на пароход».

Я остался один, за два дня закончил раскоп и стал ждать экспедицию, которая должна была привезти мои вещи. Прочитал журнал с начала до конца, но с конца до начала не получилось, попробовал совершить прогулку в Азов, пошел напрямик и попал в трясину, из которой еле выбрался.

Жили мы в доме богатого казака, за постой и еду в день платили 75 коп. Сам хозяин был на рыбной ловле, в доме оставалась жена с детьми. Хозяйка не могла найти со мной общий язык. Она спрашивала, есть ли у меня дома корова, и думала, что я над ней смеюсь, рассказывая, что наш дом имеет четыре этажа и живет в нем более 500 человек. Разговаривала со мной она стоя, а обед подавала полным котлом и полным блюдом. Лишь после того как я наедался досыта, обед уносили в кухню, где его ждала вся семья. Когда приезжал хозяин, то он разделял со мной трапезу. Это был самодовольный хитрый казак, крупный рыботорговец, он любил «умные разговоры» и доводил меня до отчаяния чтением своих стихов, бездарных до предела.

Наконец пришло избавление — в Елисаветовскую приехали сотрудники экспедиции и начались раскопки на городище разведывательного характера, преимущественно изучение стратиграфии.

Во время раскопок мы посетили Азов, чистый город с валами петровского времени, производившими сильное впечатление. Около станицы Елисаветовской был ранний греческий город Танаис, затем с переменой полноводности русел Дона, в римское время, он переместился на север, на побережье Мертвого Дона (около совр. станции Недвиговской), и, наконец, после обмеления и этого русла город Генуэзская Тана был перемещен на юг дельты (совр. Азов).

Итак, моя первая археологическая практика была интересной и очень полезной — А. А. Миллер сразу же поручил мне ответственную работу.

И УНИВЕРСИТЕТ, И ЭРМИТАЖ

Осенью я вернулся в Ленинград, занятия в университете шли своим чередом.

Кроме занятий в семинарах В. В. Струве, в которых мы читали и разбирали разнообразные древнеегипетские тексты, я слушал лекции Н. Я. Марра, пытаясь понять в них что-то очень важное. Лекции были трудными, так как гениальный ученый не всегда мог отделить второстепенное от самого существенного и слишком прямолинейно применял «историзм», с чем было трудно согласиться. Но как историк культуры он развил учение о семантике, которое явно выходило за рамки языкознания. Для меня эта тема в лекциях Н. Я. Марра была наиболее интересной, и, используя его работы, я с этой точки зрения подходил к амулетам Древнего Египта, росписям додинастической керамики — и результаты получались. У А. А. Миллера я разработал тему «Бронзовые пояса Закавказья начала I тыс. до н. э.», рассматривая магическое значение самого пояса и старясь вникнуть в смысл сложных изображений, нанесенных на пояса.

В свободное от занятий время я бежал в Отдел древностей Эрмитажа. В музее значительно усилилась научно-просветительная работа. Сотрудники читали лекции в клубах, устраивали выставки, преимущественно на антирелигиозные темы, и я выполнял для этих выставок рисунки, изображающие древнеегипетских богов и различные ритуалы, связанные с праздниками, напоминающими православные христианские праздники Святой Пасхи.

С начала 1928 г. в связи с решением о широком вовлечении музейных работников в научно-просветительную работу в Эрмитаже был организован цикл лекций по истории искусства, и душой этого начинания была Н. Д. Флиттнер. Лекции проводились в Белом зале Зимнего дворца, в это время многие залы второго этажа уже были переданы Эрмитажу, в то время как Музей Революции оставался еще в первом этаже. Первую лекцию 8 января читал А. А. Федоров-Давыдов, приехавший из Москвы. Н. Д. Флиттнер попросила меня показывать диапозитивы, я согласился, но

В. В. Струве комментирует процесс раскрутки древнеегипетской мумии в Эрмитаже. Зарисовка Г. С. Верейского. 1930 г.

оскандалился — во время показа у меня сбился фокус и самому лектору пришлось налаживать фонарь; после этого я старался к технике не прикасаться.

Несмотря на то что О. Д. Вальдгауер много внимания уделял научной и научно-просветительной работе в музее, он общей поддержкой не пользовался. Тогда И. А. Орбели я еще не знал, хотя слышал его резкие, доходившие до скандала вы-

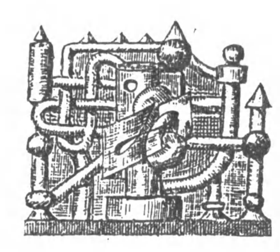

ступления на академическом Совете университета, но по разговорам и намекам в Отделе древностей я понял, что он представлял оппозицию Вальдгауеру и что в отделе его опасаются.

В университете И. А. Орбели с криком громил К. Э. Гриневича, и все этот взрыв объясняли тем, что Гриневич в каком-то заключении о работе Эрмитажа сказал, что там «марксизмом и не пахнет».

О. Ф. Вальдгауер был назначен временно исполняющим обязанности директора Эрмитажа, и он с полным правом имел основание просить о снятии с него «ВрИО». Но вместо утверждения его в должности директора в марте он был совсем освобожден от исполнения обязанностей директора и члена Правления. Это решение Главнауки было неожиданным, тем более что заменивший его Г. В. Лазарис, прибывший из Москвы, также был назначен временно исполняющим обязанности директора. Эрмитаж вступил если не в «смутное» время, то в очень неопределенное. Г. В. Лазарис в памяти моей не сохранился, тем более что он в декабре 1928 г. был освобожден от работы в Эрмитаже, и постоянным директором был назначен П. И. Кларк, человек с интересной и сложной биографией. В 1906 г. он был приговорен к смертной казни за организацию вооруженного восстания в Чите, которая была заменена 15 годами каторги, из нее он бежал с сыном сначала в Японию, а затем из Японии перебрался в Австралию. После Октябрьской революции вернулся в Россию и принял участие в организации Дальневосточной Республики, разгромленной интервентами. В 1918 г. как иностранный подданный под фамилией П. Грей был выслан обратно в Австралию и возвратился в Россию лишь в 1920 г.

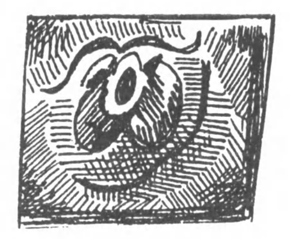
П. И. Кларк был очень больным человеком, небольшого роста, с нездоровой полнотой. Несмотря на то что его постоянно замещали в должности, он старался перестроить работу Эрмитажа, «ввести в экспозицию марксизм». Почти весь 1928 г. Эрмитаж работал без постоянного директора, но научно-просветительная работа продолжалась и, можно даже сказать, активизировалась. В частности, Г. И. Боровка организовал большую «эллино-скифскую» выставку, размещенную в помещениях первого этажа фельтеновского здания, выходящих на Неву (около помещения Дирекции). До того в одном из этих залов были хранилища скифских

древностей в сейфах, там я был лишь один раз и переступил порог как бы в «святую святых», впервые увидев скифское золото.

1928-й был годом интенсивных занятий в университете, несмотря на то что мои интересы значительно расширились. Я в полной мере продолжал заниматься египтологией, работа в семинарах В. В. Струве требовала много труда, так как мы читали сложные древние тексты (а с древнеегипетской грамматикой я никогда не был в ладах). Я продолжал слушать лекции Н. Я. Марра «Палеонтология речи» — они меня увлекли, и я все больше и больше находил в древнеегипетском языке идеи Н. Я. Марра о семантических связях понятий. Я даже поставил в свой учебный план курс „Палеонтология речи". Но когда дело дошло до сдачи зачета, все осложнилось. Н. Я. Марр решительно отказался принимать зачет. Я обратился к Б. А. Богаевскому с просьбой мне помочь и поговорить с Н. Я. И когда я снова обратился к Н. Я. с просьбой о зачете, он пристально посмотрел на меня и спросил: «Какие-нибудь языки знаете?». Я ответил, что знаю древнеегипетский. «Вот и напишите мне, что дали вам мои лекции по отношению к иероглифам». У меня сразу же возникла тема: «Термин „железо" в древнеегипетском языке». Он хорошо и крепко семантически связывался с небом: и у египтян в мифах небо представлялось металлическим. Кроме того, иероглифика давала четкий семантический ряд терминов: «камень», «металл», «медь». Материал у меня был подобран. Вечером я пошел в театр на оперу «Садко», получил необходимый настрой и за ночь написал небольшую статью о термине «железо».

Когда я принес ее Н. Я. Марру, он ее взял, просмотрел и сказал: «Первое качество то, что она короткая, прочту на извозчике». А извозчик был у него замечательный, кучером была красивая женщина, а у лошади в горле была вставлена трубочка. На мой вопрос, когда прийти за зачетом, он ответил: «Завтра ко мне домой в 7 часов». — «Вечера?» — «Нет, утром». Целую ночь я зубрил лингвистические переходы, какие звуки и слоги в какие переходят: это было сложно и малопонятно. Утром я был у двери его квартиры, меня впустила жена Н. Я. Марра, Александра Алексеевна, и спросила: «Николай Яковлевич вам назначил?». Получив положительный ответ, она позвала Н. Я.: «Коля, к тебе пришли». Н. Я. вышел в переднюю

в пиджаке, но без галстука, таким, каким он нам знаком по фотоснимку А. Башинджагяна, обратился ко мне: «Вы археолог?» и после этого стал шуметь: «Почему археологи понимают, а лингвисты нет?! Почему?». Прошли в кабинет, я сел на стул, он ходил и шумел, приводил примеры, развивал мою мысль, а я растерянно молчал. Звонил профессору Шаскольскому, спрашивал, почему в Древнем Египте «запад» справа, а «восток» слева, с ним не соглашался и снова шумно рассуждал. Наконец успокоился и спросил, что он должен делать дальше. Я ответил: «Поставить в матрикуле зачет». Снова разбушевался: «Неверно! уравниловка! Надо „весьма" поставить». Расписался и сказал: «Я эту статью напечатаю в „Известиях Академии наук", а вас приглашаю приходить в Яфетический институт». Вышел от него ошеломленный и побрел домой пешком, такого результата я не ожидал. Но для печати работу не отдал. Известный лингвист Л. В. Щерба был близким другом отца и нашей семьи, и я показал ему свою статью. Он посмотрел и сказал, что к лингвистам она отношения не имеет и что Н. Я. Марр «талантливый историк, вторгшийся в лингвистику». Я решил подождать, показать ее А. А. Миллеру.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Летом я работал снова в Северокавказской экспедиции. Сначала экспедиция работала на Кобяковом городище у станции Акайской, где А. А. Миллер производил раскопки в 1925 г. Это городище интересно тем, что именно на нем были произведены первые из засвидетельствованных раскопок на территории России. Венецианский купец Иосафат Барбаро, прибывший в 1436 г. с коммерческими делами в Тану, где прожил 15 лет, с кладоискательской целью произвел раскопки в восточной части Кобякова городища. В описании своего путешествия Барбаро много места уделил рассказу об этих раскопках. Следы котлована, вырытого, вероятно, Барбаро и его товарищами, были явственно заметны.

Экспедиция одновременно производила раскопки в нескольких местах городища. Два раскопа А. А. Миллера и А. А. Иессена исследовали каждые слои («Культуры I и II») в юго-восточной части городища. Они представляли особый интерес, так

как отсутствовала «доскифская культура». Разрезы этих раскопов выявили мощную свиту культурных слоев и давали большой материал для стратиграфических исследований. В этом деле А. А. Миллер был мастером. Раскоп Т. Н. Книпович и мой не выходили за пределы римского времени. М. И. Артамонов копал на холме восточной части, на месте «шляпы» (холм имел такую форму), где за 500 лет до него копал Барбаро. Там были средневековые слои.

Впервые я получил самостоятельный раскоп и был этим очень горд. Когда площадь моего раскопа значительно расширилась, ко мне на помощь пришел П. И. Шульц; с ним мы дружно поработали до конца раскопок. Работа меня увлекала, я старался ее выполнять как можно лучше, тщательно вел дневник, делал детальные чертежи, задерживался на раскопе и после окончания работ. А. А. Миллер любил рисовать карикатуры на своих студентов. Не ушел из-под его карандаша и я. Отъезжая после окончания дня на лодке, он видел, как я, разбирая и упаковывая добытый материал, еще копался на вершине городища, а мой раскоп был в самой высокой части. Он и изобразил мою фигуру, похожую на вопросительный знак, на вершине холма.

Раскоп содержал много ям различной формы, заполненных золой и обломками глиняной посуды, но однажды мне посчастливилось найти три целых горшка грубой лепки. Находка сосудов такой сохранности была редкостью. Я их тщательно забинтовал, а в станицу повез сам Миллер на лодке. Через несколько дней до нас дошла легенда о том, что экспедиция нашла горшки с золотом, которые увез сам профессор.

Когда коллекция предметов из раскопок Кобякова городища была передана в Эрмитаж, моим грубым горшкам была оказана честь на выставке Отдела истории первобытной культуры. Профессор Л. Д. Мацулевич усмотрел в них показательные образцы «народного искусства», и один из моих дикарских горшков красовался на очень хорошем пьедестале.

В этом году в экспедиции работало много студентов-практикантов, жили мы дружно и весело, ночевали на партах в школе. Обстановка в Северо-Кавказской экспедиции была дружной, и ее сотрудники продолжали совместно работать и зимой. Мне приходилось совмещать Мраморный дво-

рец, где была Академия истории материальной культуры, с Эрмитажем. После окончания работы на Кобяковом городище мы совершили разведочную экскурсию по линии С—Ю, проходившей через центр городища. Первый мой раскоп находился в самой северной части, на выступе, который был условно назван «пристанью». Выяснилось, что «пристань» была насыпной, и в разрезе четко выявлялась ее структура. Второй раскоп был разбит в южной части, на окраине городища. Там преобладала местная керамика при сравнительно небольшом количестве черепков античных амфор. Обратную картину дал раскоп в центре городища. Там преобладали обломки амфор, античной керамики разного типа, среди которых нередки были и черепки чернолаковых сосудов.

Мой третий шурф находился на берегу высохшего притока, омывавшего Танаис с юга. Очень четко в рамке обрисовались обрез песчаного берега и темные заполнения высохшего протока, в котором был найден только один сильно обмытый обломок ручки амфоры. Таким образом, разведочные работы, вернее шурфы, с полной очевидностью подтвердили данные топографической съемки.

После этого мне была поручена раскопка небольшого кургана в восточной части городища. Давно хотелось мне раскопать курган, так как я устал от кропотливой работы по изучению «культурных наслоений».

Курганный и грунтовый могильники Елисаветинского городища были богатыми. Из них немало золотых изделий пополнили Особую кладовую Эрмитажа. Во время дореволюционных раскопок А. А. Миллера был найден акинак в золотых ножнах. Около Елисаветинского я видел большой курган, который начал раскапывать Ушаков, а кончили за него рабочие, нашедшие много золота, но несколько человек были засыпаны обвалом. Много легенд ходило вокруг этих курганов. Один из наших рабочих очень убежденно рассказывал мне, что раз, когда он копал курган, показался уже угол сундука, но не успел он его расчистить, как вдруг зазвенели бубенцы и мимо него пролетела тройка с барином. Когда он оглянулся, то сундука уже не было — «это нечистый проехал на тройке». Убежденность свою он подкреплял тем, что крестился и понижал голос, чтобы «нечистый» не услышал. Теперь нам трудно понять психологию крестьян того времени, воспитанных на легендах.

Мой курган меня разочаровал, хотя нечистый тут был ни при чем, грунт оказался очень твердым, а погребение начисто разграбленным. Грабители оставили мне лишь обломки амфоры и разбросанные человеческие и конские кости.

В Елисаветовской я жил с А. А. Миллером в одном доме; за ужином с традиционной жареной картошкой я решился дать ему мою статью о египетском термине «железо». Он ее с интересом прочел, привел много этнографических примеров и настоятельно рекомендовал мне отдать ее Н. Я. Марру. Так я и поступил после экспедиции — статья была напечатана в первом выпуске «Докладов Академии наук» за 1929 г., и я был рад, что ей была предоставлена первая страница: она открывала «Доклады».

Вернувшись из экспедиции, по вечерам я постоянно работал в лаборатории Северокавказской экспедиции в Мраморном дворце, она помещалась в большой комнате, окнами выходившей на ул. Халтурина. Одна из стен была занята громадной картиной шведского художника Г. Цедерштрёма (1845—1933), изображающей шведских солдат, несущих мертвого Карла XII. При темноте, а я работал лишь с настольной лампой, картина производила жуткое впечатление. После того как Академия наук покинула Мраморный дворец, я об этой картине забыл, и через много лет встретился с ней в Музее Гетеборга в Швеции. Я попросил сообщить мне сведения о ее происхождении, и они подтвердили, что картина была куплена в Советском Союзе в 30-х годах.

«БАЛКОННОЕ ОБЩЕСТВО»

Часто в лабораторию я приходил перед концертом в Филармонии, куда мы, студенты, ходили часто и непременно на хоры, оттуда был хорошо виден зал. Постоянно на концертах бывали президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, начальник военного округа генерал М. Н. Тухачевский, иногда можно было видеть и А. А. Миллера. Душой «балконного общества» был Ираклий Андроников; тогда он еще не был таким шумным, как позже, но его рассказы и смех можно было слышать постоянно. Заходил на хоры после своего вводного выступления и И. И. Соллертинский, друживший с Андрониковым и выведший его на сцену объяснителем.

Ираклий позже из первого своего выступления сделал юмореску, рассказывал, как он неуклюже себя вел, наступал оркестрантам на ноги, терялся. Все было не так: дебют Ираклия, на котором я присутствовал, прошел гладко, и мы за него радовались.

Тогда в Филармонии можно было видеть многих замечательных дирижеров: элегантного бородатого Ансерме, любителя Дебюсси, немецкого бурша Кнапертсбуша, непревзойденного исполнителя вальсов Штрауса, неистового Клемперера, похожего на Сатану, дирижирующего мессой, Онеггера с его «Пасифик», имитирующим шум поезда, Штидри и многих других. Выступал в Филармонии и Бела Барток, но на его концерт публики пришло мало, и нас всех согнали с балкона в зал. Помню, как маленький седенький человек, тонувший на большой сцене, великолепно играл свои произведения. Было за него обидно, что людей мало пришло.

Ходил я с моими товарищами и в оперу, особенно на «Хованщину» Мусоргского, где блистали Андреев (Шакловитый), Преображенская (Марфа), Рейзен и Касторский (Досифей), Боссе (Хованский). Надо было привыкать к Прокофьеву, особенно к опере «Любовь к трем апельсинам», которая была поставлена в 1921 г.; к постановкам В. Мейерхольда; к «Лесу» Островского, в который были введены цветные парики; а позднее к «Пиковой даме» без Елецкого, но со «сплетниками». Помню и оперу «Иван Болотников» по тексту О. Брика, где русский царь выступал как мужик в красной рубахе.

Но заниматься приходилось много, и поэтому мои посещения концертов и театров все же были эпизодическими.

В Эрмитаже было междуцарствие, правили временно исполняющие обязанности директора Лазарис, Забрежнев, Великосельцев. Еще тогда я был убежден, а ныне твердо убежден в том, что Эрмитаж может существовать и без директора, так как его сотрудники преданы своему делу. Правда, с расширением штатов и повышением зарплаты преданность эрмитажника своему делу ослабевала.

Много времени у работников Эрмитажа заняли нашумевший на всю страну визит афганского падишаха Амануллы Хана, ремонт и приведение в надлежащий вид отведенных для него аппартаментов (Александра II во втором этаже Зимнего двор-

ца). Архитектор Эрмитажа А. В. Сивков готовил парадные комнаты по адмиралтейскому фасаду от Салтыковского подъезда до угла Дворцовой площади. Комиссариат иностранных дел был занят протоколом. Аманулла Хан ездил в карете, запряженной белыми лошадьми цугом. Такого роскошного выезда не было и у императора Российского. Сам Аманулла появлялся в серой военной шинели и в серой шапке, типа французского картуза, с козырьком. Его выезд из дворца был блистательным, поистине царским, и неудивительно, что он собирал много народа.

ПЕРВЫЕ СТАТЬИ. ВОЛГО-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Я должен был закончить университет в 1929 г. Тогда было стремление убыстрить высшее образование и вместо пяти лет пробыть в университете только четыре года. У меня было много спецкурсов, я хотел еще поучиться; кстати, студенческими конспектами, записями и переводами древних текстов я очень долго и постоянно пользовался. Поэтому я отсрочил окончание до начала 1930 г., что впоследствии причинило мне некоторые неприятности.

В 1929 г. в «Докладах Академии наук» вышли две мои статьи — уже упомянутая статья о древнеегипетском термине «железо» и вторая — о Карнакском рельефе верховного жреца Аменхотпе, представленная к печати академиком П. Н. Коковцовым. В ней я доказывал, что на рельефе в Карнакском храме награждение жреца Аменхотпе происходило перед статуей фараона Рамсеса IX, а это объясняло причину того, что жрец был изображен одинакового роста с фараоном (каноном это не допускалось). Мое предположение снимало давнее рассуждение о высоком положении жреца, осмелившегося изображать себя в одинаковом с фараоном масштабе. Эта моя статья долго не была замечена, и только в 1959 г. египтолог В. Федерн предложил ее вспомнить и отказаться от ошибочной интерпретации исторического значения изображения жреца Аменхотпе в Карнаке.

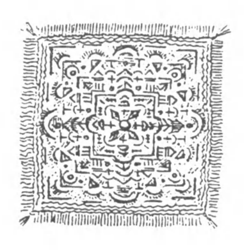
В том же году вышел иллюстрированный мною путеводитель Н. Д. Флиттнер по залам Древнего Египта, в предисловии которого она благодарила «студента Л⟨ен⟩. Г⟨ос⟩. Университета Б. Б. Пиот-

ровского, неутомимого помощника отделения во всех его работах».

В Архиве Эрмитажа сохранились протоколы заседания Правления Эрмитажа, где было принято заявление Н. Д. Флиттнер «об оплате студентов Пиотровского и др. за работу по этикетажу и рисункам для выставки Отдела классического Востока». Я помню, что бумага, на которой я выполнял рисунки для экспозиции, вымачивалась в чае, для придания ей цвета, близкого к древнему папирусу. Даже в письмах в экспедицию М. Э. Матье писала мне, что меня ждут в отделении, так как надо выполнить рисунки для экспедиции и лекций.

Много рисунков я делал и для своих товарищей египтологов, и Издательство Академии наук часто просило меня рисовать для статей те иероглифы, которые отсутствовали в наборе.

Воспользовавшись приглашением Н. Я. Марра, в 1929 г. я стал посещать заседания Яфетического института, происходившие на его квартире. В большой комнате, где происходили заседания, стоял стол, на котором лежали оттиски работ Н. Я. Своих постоянных посетителей и близких учеников Н. Я. приглашал во внутренние комнаты. Я посещал Яфетический институт с интересом, но лингвистические работы были от меня далеки, а вопросы семантики обсуждались редко, поэтому в институте я был только в роли слушателя.

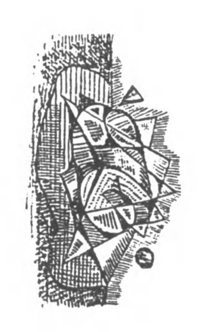

Зима была у меня напряженной, надо было много заниматься и сдавать зачеты, обязательные для окончания университета. Кроме того, у меня были сложности и дома — значительно ухудшилось здоровье отца, и он не мог продолжать свою работу в Пединституте им. Герцена, хотя все надеялись на улучшение его положения.

В экспедицию я уехал с тревожным чувством, и письма из дома не были утешительными.

В 1929 г. мои археологические работы начались с обследования трассы проектируемого Волго-Донского канала (13 июня—12 августа). Группа была небольшая, ее руководителем был А. А. Иессен, а сотрудниками, кроме меня, Г. В. Григорьев, Евг. Влад. Веймарн (из Крыма) и Е. Ю. Кричевский. Сначала я выехал в Сталинград (Царицын) один, и на меня легли организационные дела.

Приехав утром в Сталинград, устроился в гостинице и пошел по делам. Посетил строительную площадку будущего тракторного завода. Ровное, огороженное поле, с разметками сложены строи-

тельные материалы, но работы еще не начинались. Вернулся в гостиницу, ко мне подселили пожилого человека с бородкой, в фетровой шляпе и в иностранном плаще. Он меня удивил тем, что извинился по поводу того, что вселился без меня, и отрекомендовался французским коммунистом. Говорил он по-русски с акцентом, но, к сожалению, имени его я не узнал. Мой новый сосед достал холодную курицу, заставил меня с ним есть, рассказывал о Франции и сетовал на то, что он приехал в «такую дыру».

В Сталинграде я прожил два дня, и мне город не понравился — пыльный, берега Волги неопрятны, музей неустроенный. Управление Волго-Донским каналом находилось в Сарепте, куда я и отправился. Это небольшой «горчичный городок» немцев-колонистов, состоящий из чистеньких маленьких домиков.

В управлении меня принял молодой инженер А. А. Греков, дал мне нужные материалы и рассказал о порядке и сроках работ.

Вскоре в Сарепту приехали Г. В. Григорьев и Е. Ю. Кричевский, сразу стало мне спокойнее. Домой я написал, что все в порядке, что приехал Григорьев, которому уже за 30 лет, опытный в жизни, «умеет разводить на ветру костер». Е. Ю. Кричевский был его полной противоположностью, сын банкира, с трудом переносящий невзгоды. Григорьев заявил, что мы будем жить на берегу Волги, хотя песчаные берега часто оползали. Он выбрал место у недавнего обвала, и мы там обосновались. Действительно, Григорьев мастерски разводил костер — ведь топлива на берегу нет. На лодке он поехал вслед за колесным пароходом, выловил большую рыбу, убитую колесом, и у нас была уха и вкусная отварная рыба.

Ночи на Волге запомнились надолго: тишина, широкая река, черное небо с яркими звездами, огни проходящих пароходов и стук их колес, иногда тишина ночи прерывалась шумом обвала песчаного берега.

Осмотрев берега Волги в зоне устья предполагаемого канала, углубились по его трассе на 25 км и остановились в слободе Ивановка. Время было трудное, шла борьба с кулачеством. Сначала мы сняли жилье у владельца мельницы, но представитель сельсовета нас переселил в другое место.

В то время на трассе Волго-Донского канала было много мельниц с большими крыльями, громко

скрипевшими во время работы. Когда приехал А. А. Иессен, мы начали систематические работы, шли по трассе раздельно, но так, что каждый видел своих соседей — это обеспечивало надежность разведки. Так мы прошли по трассе через Варваровку, Кривомузгинскую до Калача на Дону. Однажды вечером, уже в темноте, к нам в лагерь пешком пришел Евгений Веймарн. Мы поразились его смелости идти в темноте по степи и не бояться собак. Он был прекрасным спутником, очень общительным и трудолюбивым.

Основные раскопки мы провели в слободе Ивановка, где еще в начале разведок обнаружили группу курганов скифского времени.

Наши рабочие были убеждены, что мы ищем золото, и удивлялись тому, что мы тщательно расчищали костяки людей. Все курганы оказались ограбленными, и предметов было крайне мало. Однажды в раскопе я обнаружил золотую бляшку. Рабочие засуетились: «Золото, золото». Это было нам ни к чему, мы жили в поле одни, а бляшка могла вырасти в рассказах в кучу золота. Тогда я при рабочих записал в дневнике: «Медная бляшка». Передал ее им и спросил: «У вас дома самовары тоже золотые?» Червонное золото матовое, и они признали его за латунь, и все успокоились.

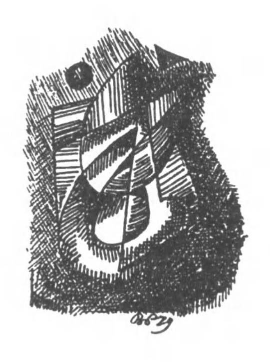
Других археологических памятников на трассе канала, кроме небольшого поселения у хутора Солянка, не было, и мы, вернувшись в Калач, снова встретились с Доном. Работы были закончены, и мы вечером двинулись к станции Тундутово, где решили сесть на поезд, и около станции расположились лагерем, чуть не проспав поезд. Вагоны были переполненными, мы забрались на верхние узкие полки для вещей и пристегнули себя ремнями к планкам. Так доехали до станции Кавказская (г. Кропоткин).

Через много лет я проехал по Волго-Донскому каналу на теплоходе; несмотря на обилие комаров, сидел на палубе, всматривался в берега канала, пытался что-то узнать, но все изменилось.

В НАЛЬЧИКЕ

По окончании Волго-Донской экспедиции я поехал в Кабардино-Балкарию, в город Нальчик, в экспедицию А. А. Миллера. Там был приехавший «на обмен опытом» археолог-античник В. Д. Блаватский

в белой гимнастерке, белой фуражке, в черных сапогах, с сумкой через плечо, в которой были разные лопаточки, совочки, шилья. Он своего облика не изменял, всегда изысканно вежливый. Приехал и Андрей Дальский, ходивший в пижаме, войлочной широкой шляпе, обычно в сопровождении супруги. Он был «коммунистом-администратором» у А. А. Брянцева в Театре юных зрителей, затем поступил в университет, работал у Б. Л. Богаевского по теме «Игры с быками на Крите», и тот направил его к А. А. Миллеру.

Третьим примкнувшим сотрудником был Б. Е. Деген-Ковалевский, ходивший в кожаной фуражке со значком конно-спортивного общества Осоавиахима. Он занимался железоплавильными печами в Сванетии, со всеми спорил и всё ему не нравилось; но потом я с ним подружился, много совместно работал в Академии истории материальной культуры (вплоть до его смерти во время блокады).

Фотографом экспедиции был А. А. Гречкин из Русского этнографического музея, очень хороший фотограф, трепетавший перед А. А. Миллером. В Нальчике я встретился и со своими товарищами по университету и экспедиции на Кобаковском городище — А. П. Кругловым и Ю. В. Подгаецким. В Нальчике я первый раз увидел «настоящий» Кавказ, видел настоящие горы со снежными вершинами, видел настоящих горцев в папахах или шапочках, в черкесках с газырями. Удивлял местный базар. Хлеб-чурек, освежованная медвежатина, очищенные от шкуры лапы медведя, очень похожие на человеческие руки.

Вспоминал произведения Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, иногда наступало романтическое настроение, разочарования не было.

Нальчик строился, он был чистым, вымощенным городком, с парком, уходящим в горы. При планировке центральной площади, около больниц, был обнаружен громадный расплывчатый курган (возможно, слившиеся небольшие холмики), очень ранний, близкий к неолиту, с громадным количеством захоронений. Они требовали большого труда для расчистки и обмеров. К сожалению, выехать в горы не удалось, времени было мало, а работ много. В Нальчике существовал музей, небольшой, но интересный, в нем было собрано много древностей из Кабардино-Балкарии, оказались там и отдельные предметы древнеегипетского типа (фаянсовые аму-

леты). Заведовал музеем Ермоленко, малограмотный, но по-мужицки хитрый. Жил он со своей супругой, в их комнате висел прекрасный этюд К. Коровина (кто-то сказал Ермоленко, что эту картину надо ценить). У Ермоленко, вероятно, были припасены и деньжата, так как он был убит при ограблении. Он охотно допускал нас работать в музее, так как побаивался А. А. Миллера.

Несмотря на короткий срок пребывания в Нальчике, я все же окунулся в кавказскую среду, и она мне очень понравилась. В моей жизни Кавказ стал вытеснять далекий Египет.

...И АКТИВНО ЗАКОНЧИЛ УНИВЕРСИТЕТ

Когда я вернулся из экспедиции домой, состояние отца было крайне тяжелым, с трудом привезли его с дачи из-под Луги. Работать он уже был не в силах, а хлопотать о пенсии было поздно. Пришлось думать о заработке, и я обратился к А. А. Миллеру с просьбой зачислить меня штатным лаборантом в Академию истории материальной культуры до окончания университета. Он охотно согласился и сказал, что это осуществимо в конце года. Надо сказать, что в мое время обучение в университете было без стипендий, существовала только система контрактации, т. е. учреждение, подавшее заявку на студента, оплачивало его учебу. Учреждения моего профиля права контрактации не имели. Учеба в университете тогда была платной, но от нее освобождались многие; так, дети педагогов, как я, учились бесплатно, так же как и студенты, родители которых имели небольшой заработок. Студенческий комитет предоставлял студентам временную работу, следил за тем, чтобы эта работа не мешала учебе, а также за суммой оплаты.

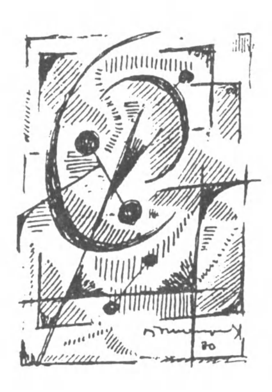
Большинство студентов работало в торговом порту по разгрузке иностранных судов (как правило, им оплачивали натурой). Для меня эта работа была исключена, так как я не мог ходить по доске с ящиком на плечах. В прошлые годы я получил работу в Музее здравоохранения, что на ул. Ракова. Там я рисовал пирамиды, какие-то могильные сооружения и даже разрез готического собора. Максимум моей зарплаты был 15 руб. в месяц, но так как я делал рисунков на бóльшую сумму, то музей оплачивал мне работу и в другие месяцы.

Когда мы собирались студентами, то мои товарищи, работавшие в порту, приносили еду, печенье и какао, а я должен был выставлять питье за наличные деньги.

Но в 1929 г. эта налаженная система предоставления работы университетом уже разваливалась, и вся моя надежда была на заработок от камеральной обработки археологических материалов.

19 сентября отец скончался. На его похороны на Смоленское кладбище пришли учителя старшего покойного брата проф. Г. М. Фихтенгольц, Б. М. Коялович, а также Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве.

Надо было думать об окончании университета и сдаче необходимых зачетов. В учебном плане студентов четко разделялись обязательные предметы (политические) и специальные. Пришлось серьезно готовиться.

Из обязательных предметов меня больше всего интересовал исторический материализм — еще на первых курсах я слушал интересные лекции профессора Гредескула «История общественных форм», собирал книги по этой теме, так как она была очень важной для понимания археологических культур. Сдавал я зачет по историческому материализму профессору М. В. Серебрякову, в те дни, когда он был назначен ректором университета. Принял он меня в одной из аудиторий и задал вопросы, я стал отвечать, а он не слушал; вероятно, его мысли были заняты ректорскими заботами. Я кончил, он сказал: «Дальше!» Я начал снова в несколько другом аспекте и зачет получил. С М. В. Серебряковым я встречался и после окончания университета, беседовал с ним по методологическим вопросам и как-то получил от него оттиск его статьи о Зомбарте. Зачет по предмету «Государственное устройство СССР» я получил также без труда, так как был уполномоченным академсекции по этому предмету, сговаривался с профессором о времени зачетов и присутствовал при сдаче экзамена студентами.

Сложнее было с политической экономией. По этому предмету я занимался в семинаре А. А. Вознесенского, будущего ректора университета. Занятия вел он интересно и оригинально, но был очень требовательным, и я решил сдавать зачет профессору Плотникову, который считался более мягким экзаменатором. Но произошла осечка, мне были

даны задачи и вопросы не в плане занятий А. А. Вознесенского, и я тихо смылся из аудитории, не решившись отвечать. Тут же пошел сдавать Вознесенскому, попал в группу математиков, и в ответах блистал как гуманитар, четко зная, что «собственность» это не что иное, как «общественные отношения». Меня похвалили и даже поставили в пример.

В то время в университете была борьба с «академизмом», сменился состав студентов; считалось, что чем быстрее студент кончит университет, тем лучше. Углубленные занятия стали отходить в прошлое.

В студенческий комитет, заменивший академсекцию, вошли молодые комсомольцы. Руководил ими Серафим Демьянов, очень экспансивный и решительный; вокруг него объединились студенты курсом младше меня, среди них был комсомолец Юрий Кричевский, участвовавший в экспедициях Миллера. Я вызвал недовольство тем, что хотел проучиться все пять лет и был «студентом-выдвиженцем» (т. е. «отличником») по узкой теме и мало участвовал в общественной работе. В результате после неудачи с зачетом у Плотникова С. Демьянов подал записку в деканат о моем отчислении из университета как «академиста», не желающего заниматься политическими предметами и общественной работой. Пришлось обратиться к декану факультета профессору Пальвадре и предъявить ему зачетную книжку. Тот пожал плечами и оставил записку студенческого комитета без последствий.

В самом студенческом комитете были нелады, на одном из комсомольских собраний студент С. С. Черников, с которым я занимался еще у Н. Д. Флиттнер, простодушный человек, спросил без всякой задней мысли Кричевского: «Я смотрел книгу „Весь Петербург" за 1915 год и нашел имя Евгения Кричевского, управляющего банком — случайно, это не твой отец?» С. С. Черников попал в цель, поднялся шум, жена Кричевского С. И. Капошина, одна из самых активнейших комсомолок, требовала от мужа раскаяния и покаяния. Кричевского исключили из комсомола, но его роль осталась прежней. Хуже получилось с самим С. Демьяновым: позже, когда я уже закончил университет, он запутался в делах гомосексуализма и застрелился.

После инцидента с моим «отчислением» я стал активно «заканчивать» университет.

В конце учебы в университете, имея право на производственную практику, я им воспользовался, с 1 сентября был зачислен практикантом в Эрмитаж, делал я там то, что выполнял раньше, но теперь как практикант и со стипендией.

Оформляя свою практику, я первый раз за семь лет посещения музея получил пропуск, «включая понедельники и с портфелем». Раньше я проходил в Отдел древностей в часы открытия музея как посетитель, тогда вход в Эрмитаж был бесплатный.

Оформление моей практики началось с ученого секретаря Эрмитажа М. Д. Философова, который занимал крошечный кабинет в первом этаже, рядом с таким же кабинетом директора. М. Д. был внимательным и деловым человеком. На его столе лежал продолговатый лист бумаги, на котором он записывал все, что надо было сделать, и по мере выполнения вычеркивал записи. Он был в курсе всех эрмитажных дел, хорошо знал искусство, занимался английским фарфором и был умелым политиком в повседневной жизни.

На его столе постоянно стояла бутылка молока и завернутый в салфетку завтрак. Я переступил порог его кабинета, чувствуя неловкость, но он меня знал по рассказам, и мы скоро нашли общие интересы и подружились.

Директор Эрмитажа П. И. Кларк болел целый год, его постоянно заменял В. И. Забрежнев, работавший с начала года заместителем директора по научной части. С середины октября он и был временно и. о. директора Эрмитажа, но я ограничился М. Д. Философовым и В. И. Забрежневу как практикант не представлялся, хотя с ним был издали знаком.

Оформлять практику надо было в канцелярии Эрмитажа, где хозяйничала делопроизводитель О. Тепленко, высокая строгая дама, носившая протезированную обувь. Она ко всем относилась покровительственно. При ней был второй делопроизводитель Б. И. Игнатьев, маленький человек в очках, ранее служивший в Министерстве Двора, очень педантичный. Сначала я в обществе этих двух правителей канцелярии смущался, но после я к ним привык, и между нами установились добрые отношения.

В план моей практики входило изучение египетской додинастической коллекции. Я прорисовал и зачертил все предметы, подобрал к ним аналогии, составил описания.

Кроме того, я выделил их из общей экспозиции и поместил в отдельную витрину, поставленную перед ассирийскими рельефами (правда, после окончания практики я своими руками вернул предметы обратно, а витрину убрал).

В Эрмитаже с трудом рождался план новой музейной экспозиции. После выхода книги Дубровского об «Азиатском способе производства» в Эрмитаже состоялась дискуссия об общественно-экономической формации на Древнем Востоке. Там сражались И. М. Лурье и В. В. Струве, форма дискуссии выходила за обычные рамки ученого спора. В. В. Струве был против теории извечного феодализма на Древнем Востоке. И. М. Лурье был за нее, так как у него была привычка во всем возражать В. В., заведующему отделением классического Востока. Когда В. В. Струве, подтверждая свою мысль о рабовладении на Древнем Востоке, стал приводить цитаты из работ И. В. Сталина, И. М. Лурье было трудно с ним спорить. М. Э. Матье всегда была в стороне от дискуссий.

Еще в 1927 г. при Ленинградском университете был образован египтологический кружок, председателем которого стала М. Э. Матье. В. В. Струве и И. Г. Франк-Каменецкий были сразу же избраны почетными членами. С 1929 г. стал издаваться журнал этого кружка, напечатанный на гектографе (статьи для печати перепечатывали Н. А. Шолпо и я). В нем были напечатаны моя, совместная с И. Л. Снегиревым, статья об египетской додинастической коллекции Эрмитажа и довольно наивная статья «О пересмотре распределения слов в древнеегипетском языке».

В Эрмитаже было одно событие, привлекшее общее внимание: решили распеленать мумию жреца Петесе, которая вместе с саркофагами была передана Эрмитажу из Академии наук. Этот акт происходил в переполненном Эрмитажном театре; на «пятачке», где стоял стол с мумией, действующими лицами были: В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, М. Э. Матье, И. М. Лурье и реставратор Байкеев. Сначала все шло хорошо, легко развертывались пелены, на одной из них оказалась надпись, называвшая имя Петесе, ее торжественно показали всему залу. А далее развертывать пелены стало очень трудно, так как они слиплись, и их надо было отдирать при помощи ланцета. Эта скучная работа была прервана, но она еще долго продолжалась в кабинете отделения и была доведена до

конца, но, к сожалению, ожидаемых амулетов при мумии не оказалось. У меня сохранился рисунок художника В. Верейского, изображающий В. В. Струве перед мумией.

Наконец, двинулось мое дело с зачислением в Академию истории материальной культуры, и я свое свободное время делил между Эрмитажем и Академией. Ученый секретарь Академии В. В. Фармаковский, лекции которого я слушал в университете, сказал мне, что в принципе мое зачисление согласовано, о чем хлопочет А. А. Миллер, но зачисление будет в начале декабря. Ко мне благосклонно относилась и В. А. Миханкова из управления делами Академии, крупная решительная дама, секретарь Н. Я. Марра, председателя Академии (к нему лично обратиться я не решался).

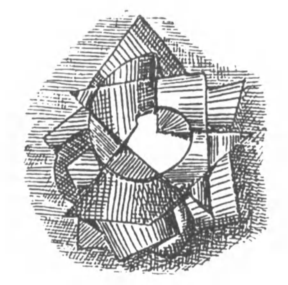
Шли дни, наконец состоялось Правление Академии, на котором решались новые зачисления. На другой день после Правления я зашел к А. А. Миллеру узнать о своей судьбе, но тот встретил меня смущенно и спросил, не произошел ли у меня конфликт с Н. Я. Марром; рассказал, что когда он представил мою кандидатуру лаборантом в свой отдел, то Н. Я. Марр расшумелся и в зачислении меня лаборантом отказал. Я был огорчен, но тут же встретил В. А. Миханкову, которая меня поздравила с зачислением с 1 декабря 1929 г. в должности не лаборанта, а младшего научного сотрудника в «Сектор языка как фактора истории материальной культуры», которым руководил Марр.

С одной стороны, я был огорчен, так как больше хотел работать в археологическом секторе, а с другой — должность младшего научного сотрудника меня радовала: будучи еще студентом, я перескочил через одну ступень служебной лестницы.

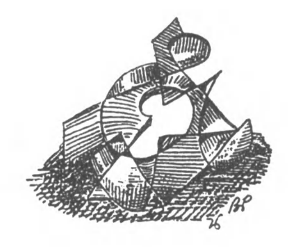
Наконец в конце января 1930 г. я сдал последние экзамены по университету и получил от Серафима Демьянова справку о том, что я «учебный план выполнил». На основании этого документа мне выдали вторую справку из канцелярии по студенческим делам о том, что 2 февраля 1930 г. я окончил ЛГУ. Но я долго ночами видел кошмарные сны, будто я не сдал всех зачетов и мне надо еще что-то досдавать.

1 марта 1930 г. получил свидетельство об окончании отделения истории материальной культуры историко-лингвистического факультета ЛГУ по археологической специальности.

Один из этапов моей жизни был закончен.

У Н. Я. МАРРА

«Сектор языка как фактора истории материальной культуры» занимал последнюю комнату в анфиладе помещений второго этажа Мраморного дворца, на углу Дворцовой набережной и Мраморного переулка. Сразу справа, около окна находился стол Н. Я. Марра, с лазуритовым чернильным прибором в бронзовой оправе. У противоположной стены, у замурованного окна на Мраморный переулок, стоял стол ассистента Ахтямовой, мало интересовавшейся наукой, но всегда державшей на столе открытую книгу.

У меня собственного места не было, мои книги и бумаги находились в шкафу, а я сидел на противоположной стороне стола Н. Я. Марра, не занимая его стул. Когда появлялся Н. Я., а это бывало редко, я покидал это свое место и пересаживался за круглый стол красного дерева, стоящий в глубине комнаты. За ним постоянно сидел И. И. Мещанинов и мелким четким почерком строчил свои статьи, которые без перепечатки на машинке, как было тогда принято, прямо сдавались в типографию.

В наш сектор надо было проходить через анфиладу комнат библиотеки Академии, директором которой был уже престарелый крупнейший русский медиевист И. М. Гревс. Сразу после библиотечных помещений (перед нашим сектором) находился сектор древнейшего Кавказа, которым руководил И. И. Мещанинов. В этой проходной комнате работали два сотрудника сектора — Б. А. Латынин и Т. С. Пассек. По существу мы работали с ними совместно, и я интересовался материалами Кизил-Ванкской экспедиции, которые они разбирали. В свое время пограничный офицер Федоров произвел около Кизил-Ванка раскопки, открывшие памятники древнейшей из известных тогда культур Закавказья с интересной расписной керамикой (с этих раскопок начинался курс археологии Закавказья). Раскопки И. И. Мещанинова и А. А. Миллера на этом месте открыли лишь погребения более позднего периода, эпохи поздней бронзы, но и они представляли большой интерес.

Борис Александрович Латынин, худой высокий человек, ходивший тогда в кожаных гетрах и с короткой тростью в руке, занимался культурой эпохи бронзы Северного Кавказа, а Татьяна Сергеевна Пассек, из знаменитого дворянского рода,

стала позже крупнейшим исследователем Трипольской культуры на Украине. Я с ними подружился, так как археология меня привлекала больше, чем языкознание. В. В. Струве часто, улыбаясь, мне говорил, что он завидует тому, что я работаю рядом с самой красивой женщиной в Институте.

В комнате Латынина и Пассек была еще боковая дверь, ведущая в сектор средневековья Кавказа и Средней Азии, которым руководил И. А. Орбели. Его ближайшими сотрудниками были К. В. Тревер, спутница всей его жизни, и А. Ю. Якубовский, пришедший в науку из педагогов средней школы. Там же работали мой старый друг по университету Антон Аджян и Левон Гюзальян, специалист по средневековому Ирану, находивший на изразцах строки стихов знаменитых и малоизвестных иранских поэтов.

Мои работы в секторе языка касались преимущественно семантики, я продолжал свою работу по семантике терминов «металла» в Древнем Египте, об амулетах в форме глаза, связанных с «жизнью» и «благополучием» (этими небольшими работами я удовлетворен и поныне). Я написал также необычную работу, выпущенную отдельной книжкой «Семантический пучек в памятниках материальной культуры», в которой я детально, с привлечением этнографического и археологического материала, разобрал росписи на додинастических египетских сосудах. В этих раскопках явно прослеживался пучек семантических связей: «вода» — «дерево» — «женщина» — «плодородие», и эти элементы древнейших изображений позднее, в историческое время, перешли в так называемую Книгу мертвых, состоящую из магических текстов (они должны были помогать в странствовании души умершего в потустороннем мире). В литературном отношении эта работа имела огрехи, но ее основная мысль была археологами принята. Н. Я. Марр с интересом относился к материалу древнеегипетского языка, где семантические связи были особенно четки из-за пиктографической системы письма. Об этом свидетельствовали его замечания на представленных мною планах моих тем, да и он сам написал несколько статей, используя иероглифическое письмо Древнего Египта. Рукописи этих статей он передавал мне для редакции, и В. А. Миханкова приходила в ужас, когда я убирал из них случайные совпадения, связанные с тем, что Н. Я. не всегда делал разницу между фонетическими и пик-

тографическими иероглифами, но сам Н. Я. всегда принимал мои исправления и не сердился, что с ним бывало часто.

Однажды Н. Я. Марр имел со мной разговор, в котором сказал, что Египет далеко, неизвестно, когда я смогу туда попасть, а вот на Кавказе, в Армении, существует еще неоткрытая культура одного из народов древнего государства — халдов. Известны надписи на скалах Советской Армении, вспомнил он свои и И. А. Орбели раскопки в Ване, в Турции, открытие там большой стелы с летописью халдского (тогда так называли урартов) царя Аргишти, сына Сардури.

Он стал говорить, что мне надо заняться поисками памятников этой культуры в Закавказье и переехать в Тифлис, в Кавказский археологический институт, на Лермонтовской улице, так как этот институт, где работает его ученик С. В. Тер-Аветисян, начинает заниматься халдской тематикой и предполагает начать систематические раскопки на Армавирском холме в Армении, где были найдены клинописные памятники.

Этот разговор имел очень важное значение в моей жизни, так как изменил направление моих работ, которые пошли по-новому, очень перспективному руслу. Но я тогда и не думал, что на этом пути добьюсь больших успехов. Я был обрадован предложением Н. Я. Марра, но покидать Ленинград не решился.

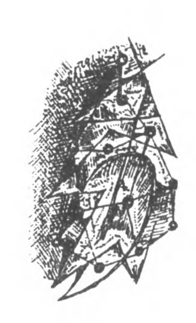
«ХАЛДОВЕДЕНИЕ» И И. И. МЕЩАНИНОВ

На помощь мне пришел И. И. Мещанинов, предложивший заниматься у него халдской клинописью. Незадолго до того в Баку вышла его книга «Халдоведение», первая из книг на русском языке по истории древнего Ванского царства (Урарту).

Я охотно принял это предложение, и к занятиям по клинописи примкнули мои друзья армяне — А. Аджян и Л. Гюзальян — и специалист по скифской культуре А. П. Манцевич, работавшая в Эрмитаже. Занятия носили своеобразный характер. Сначала сидели в секторе за круглым столом и читали клинописные тексты по «Халдоведению» или же по роскошному изданию летописи Сардури. Затем И. И. Мещанинов приглашал нас в ресторан на канале Грибоедова, там мы обедали с водкой, а затем все отправлялись домой к И. И. на Надеж-

динскую улицу для продолжения «практических занятий». Туда приходили Б. А. Латынин и Т. С. Пассек, ученый секретарь Яфетического института Л. Г. Башинджагян, С. Л. Быховская, А. П. Рифтин, у которого я занимался аккадской клинописью, египтолог И. Г. Лившиц, блондин с бородой, — его я первый раз видел в 1922 г. на заседаниях в честь Шампольона; бывал и осетиновед В. И. Абаев, носивший черкеску. Приходили туда и грузины Дзидзигури и Джикия, также в национальной одежде. Время проводили весело и непринужденно. Иногда «отправлялись поездом» в Баку, так как И. И. руководил археологическими работами в Бакинском университете, издавшем его книгу «Халдоведение».

«Поездка» протекала так: один из нас держал в руках расписание поездов и называл станцию. Когда около названия станции стояло обозначение буфета (рюмка) или ресторана (традиционные вилка и нож), то все после провозглашения тоста выпивали свою рюмку. Так и «ехали» с разговорами между объявлениями станций, некоторые высаживались на мягкий диван или же на качалку. Однажды на «практические занятия» с опозданием пришел В. И. Абаев и увидал, что кавказцы (Аджян и Гюзальян) уже высадились, а русские (Мещанинов, Латынин и я), разговаривая, продолжали путь. Абаев рассердился и объявил соревнование на следующий день. Тогда я быстро пересел на качалку и помню как «клодтовские кони», стоявшие на шкафу, «опускали свои копыта».

Очень скоро на основных занятиях по клинописи присутствовали только я и А. П. Манцевич, остальные же посещали только «практические занятия». И. И. был очень гостеприимный хозяин. Его обслуживала старая Карловна, которая привыкла к нашим встречам и обеспечивала их всем необходимым.

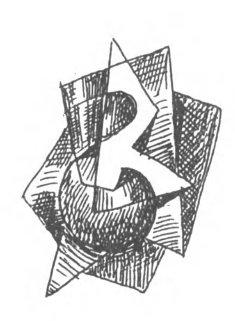
В Академии я ближе познакомился с И. А. Орбели, руководившим соседним сектором, где работали мои «соученики» по урартскому языку. Он оказался не таким уж «диким и несносным», как его представляли в отделении древностей Эрмитажа. В его секторе был еще один сотрудник, с которым я подружился на долгие годы. Это был архитектор Николай Михайлович Токарский, инженер, работавший в Анийской экспедиции Марра и Орбели и начавший в 1923 г. изучение армянской архитектуры. Он был очень живой, талантливый,

иногда легкомысленный в поведении, приятный хозяин у себя дома.

Приближалось лето, и я жил надеждой на участие в Закавказской экспедиции. Однажды в наш сектор решительным, как всегда, шагом зашла В. А. Миханкова и сказала, что Н. Я. Марр просит прийти к нему для разговора меня, Аджяна и Гюзальяна.

В назначенное время мы пришли в громадный и торжественный Мраморный зал дворца, служивший кабинетом председателя Академии, в котором совершенно терялся его письменный стол. Н. Я. встал, поздоровался с нами, посмотрел, как обычно, грустными глазами и сказал, что он направляет нас в Армению и Грузию «искать халдов» (памятники урартской культуры). Затем он вынул из ящика стола свою рукопись о каменных стелах-вишапах и стал нам ее читать. Чтение было долгим, сложным и не всегда понятным. Мы слушали и приняли его предложение как директиву. В. А. Миханковой было поручено дать заявку на деньги и оформить наши командировки.

ТБИЛИСИ — ЕРЕВАН

20 июля мы втроем собрались в путь. Сначала прибыли в Тифлис. Тогда путь шел через Дербент и Баку. Город поразил меня веселостью, роскошью, особенно в вечернее время, — казалось, что там каждый день праздник. Поразило меня и то, что люди часто и долго смеялись. Посещали вечером духаны, где пили вино, ели рыбу, выбранную еще живой в садке, стоявшем посреди зала. Застал еще знаменитых кинто — молодых людей в черных фуражках, бесшабашных, веселых, торгующих на базаре. Фаэтоны с сигнальными, как у автомобилей, грушами. Все это не было похоже на Ленинград и было далеко от нынешнего Тбилиси, жизнь которого я видел на протяжении более полустолетия.

Запомнился мне духан «Симпатия» на Солдатском базаре, стены которого были украшены портретами работы К. Григорянца (1904 г.). На стенах были изображены: Сократ, Наполеон I, Франклин, Галилей, Пушкин, Лермонтов, Горький, Шекспир, Шиллер, Коперник (без подписи), Лютер, Дарвин, Саакадзе, Давид, Мак-Кинлей, Фультон, Жакар, Рафи, Адамян, Айвазовский (три портрета прикры-

ты буфетом). Странное сочетание персонажей. Вероятно, художник брал иллюстрации какого-то журнала и по ним писал портреты. Ныне портреты все забелены и название «Симпатия» сохранилось только на приступке у входа.

Переступили мы порог и знаменитого Кавказского музея с его богатыми археологическими коллекциями. Там нас встретил Георгий Капланович Ниорадзе, который был очень приветлив. Тогда он был увлечен объяснением раскопанной им Земоавчальской могилы, где расположение костей человеческого скелета он считал результатом помещения покойника в сидячем положении. Георгий Капланович садился на корточки посреди зала, затем падал на бок, пытаясь объяснить свою реконструкцию погребения. Ниорадзе был первым из закавказских археологов, которого я встретил, и мы с ним оставались друзьями до его кончины.

В Кавказском институте нас принимал Смбат Вартанович Тер-Аветисян, верный ученик Марра, относившийся к своему учителю с величайшим почтением. Он говорил мало, готовился раскапывать Армавир и мечтал о Ване, где он во время войны 1914—1917 гг. спас от гибели многие ценности культуры, вывез камни с урартскими клинописями, армянские рукописи и резную дверь из Мушского монастыря. Тогда Смбат Вартанович показался мне пожилым, и я не думал, что через девять лет я с ним подружусь и мы вместе начнем раскопки на Кармир-Блуре.

Мы бывали в домах тифлисских старожилов, у сестры Арташеса Кариняна, председателя ЦИК Армении, видели великолепную библиотеку его брата и картину А. Коджояна «Персидский базар». В одном из домов за столом без удивления я встретил Ираклия Андроникова, который уже делал первые шаги на своем артистическом поприще.

Тифлис с широкой быстрой Курой, окруженный горами, казался сказочным. Не совсем реальной представлялась и жизнь этого города. Вспоминаются стихи О. Мандельштама: «Над Курою есть духаны, в них вино и сладкий плов, и духанщик там румяный подает гостям стаканы и служить всегда готов».

Не менее удивительным был путь по железной дороге в горах до Еревана. Ехали ночью, спать не хотелось, боялся пропустить красивые пейзажи, горные перевалы. Прохладный чистый воздух, подступившие к железной дороге горы с низкими

облаками, гудки паровоза, требующие «отпустить тормоза», остались у меня в памяти на всю жизнь.

Утром 26 июля мы приехали в Ереван. Тогда вокзал был далеко от города и средством сообщения были только «линейки», запряженные лошадью; пассажиры садились с двух сторон и ехали на линейке по пыльной дороге, свесив ноги. Дорога до города показалась мне более длинной, чем она была на самом деле. Деньги у нас были ограничены, и мы старались миновать гостиницы. Антон Аджян разыскал своего товарища Ашота Чичяна, тогда молодого человека, жившего в старом небольшом покривившемся домике. Он радушно нас принял, отослал сестру к родственникам и предоставил нам ее комнату.

В Ереване все казалось мне новым и необычным. Улочки с небольшими, сложенными из сырцового кирпича домами, дворы с зеленью, текущие около панелей арыки с чистой водой. Горы на горизонте и величественный контур Арарата. Главная улица, Абовяна, б. Астафьевская, с трамваем, поднимавшимся вверх от рынка к садам, застроенная мелкими постройками площадь и около нее здание б. гимназии, где размещался Музей Армении, директором которого был художник Мартирос Сарьян. Я тогда и не думал, что судьба накрепко свяжет меня с этим городом и на протяжении более полувека я ежегодно стану наблюдать коренные изменения Еревана, его превращение в большой город, столицу Советской Армении.

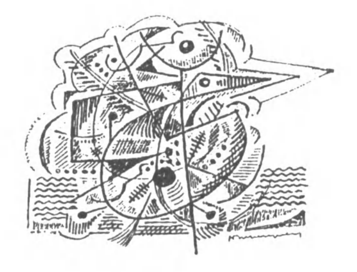
Задача, которую мы поставили перед собой, — изучение циклопических крепостей на территории Армении и установление связи между ними и урартскими клинописями как на скалах, так и на камнях из древних построек. Предварительно мы изучали две работы по древним крепостям Атрпета архитектора Т. Тораманяна. К Тораманяну мы сразу же и направились в Музей Армении. Это был грузный, обычно плохо выбритый человек с седеющей шевелюрой и с очень низким голосом. Он нас принял очень радушно, но для него крепости были памятниками архитектуры, а не истории.

В Музее работал и молодой археолог Евгений Артемьевич Байбуртян, учившийся в Московском университете у Городцова. Он охотно согласился отправиться с нами в разведку, охотно делился своими знаниями, показывал нам весь музейный материал, что позднее стало редкостью, и ничего не хранил у себя дома. Он был довольно медли-

тельным и плохо знал армянский язык; Тораманян меня ехидно спрашивал — не Байбуртян ли будет обучать меня армянскому?

Председателем Комитета охраны памятников Армении тогда был А. И. Таманян, б. ректор Академии художеств в Петрограде, но он тогда был очень занят генеральным планом нового Еревана, строительством здания Оперы. Приняв нас очень доброжелательно в рабочих бараках около фундамента Оперы, он показал нам макет будущего здания, удивительную работу каменщиков, выбивавших в камне точечные узоры переплетения, и перепоручил нас секретарю Комитета Ашхарбеку Калантару, ученику Н. Я. Марра по Петроградскому университету. Разумеется, и с его стороны мы получили полную поддержку и внимание. В Ереване мы разделились. Аджян поселился у своей сестры, Гюзальян ушел к брату, а меня поручили сестре Гюзальяна Назели Тиграновне и ее мужу Каро Казаряну, историку, работавшему по истории КП Закавказья. С ними жила и младшая сестра Левона — Евгения, работавшая в Музее Армении. Я ночевал на небольшом балкончике, выходящем на улицу Абовяна, на которой уже появились такие крупные здания, как гостиница «Интурист», переименованная в гостиницу «Ереван». Рядом с гостиницей заканчивалась постройка кинотеатра, а на площади между ними уже стоял небольшой памятник Абовяну.

Ереван отличался от Тифлиса — тогда он больше был похож на провинциальный город, хотя уже стал центром развития новой советской армянской культуры, и многие выдающиеся армяне, жившие ранее в России, Грузии и за границей (например, поэты Иоаннес Иоаннисян и Ованес Туманян, писатель Александр Ширванзаде, художник Мартирос Сарьян и архитектор Александр Таманян), уже навсегда переехали в Ереван. Быстро росла новая интеллигенция. Художники, писатели, артисты и деятели культуры собирались вместе, и эти сборы назывались «Академиями». Одна из них была в подвале, в кафе на улице Гнуни, другая в чайной Гёй-мечети.

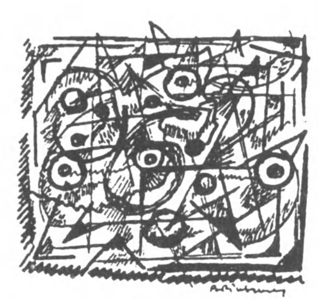
Уже с первого года приезда в Ереван я познакомился, а позднее и подружился со многими деятелями новой армянской культуры, лишенными национального шовинизма, хорошо знавшими русскую и иностранные культуры. В доме Казаряна я встречался с поэтом Акселем Бакунцем, прозаиком

Алазаном, вместе с Левоном Гюзальяном я бывал в мастерской его старого знакомого, художника Акопа Коджояна, творчество которого мне очень нравилось. Много времени мы проводили в доме брата Левона Гюзальяна — Рубена, работавшего в Госполитуправлении республики, занимавшего, судя по чину (два ромба в петлицах), высокое место. Дома он был веселым балагуром, с большими музыкальными способностями, и по вечерам с его семьей мы отправлялись на концерты и в кино.

Жена Рубена Анаида отправляла нас в пешее путешествие по Армении, отправляла нас четверых: Аджяна, Гюзальяна, Байбуртяна и меня. За плечами у нас были рюкзаки, а у меня в руках еще двухметровая рейка для глазомерных съемок.

С РАЗВЕДКОЙ НА АРАГАЦ

Наш путь лежал к горе Арагац, тогда ее еще нередко называли Алагёзом, на склонах которого находились известные нам «циклопические» крепости и клинообразные надписи урартских царей. Решили начать с Ленинакана (б. Александрополь), второго по величине города Советской Армении. Выехали вечерним поездом и прибыли в Ленинакан ранним утром. Сразу же с поезда мы пошли на базар есть знаменитый ленинаканский хаш, который я называл «холодцом в горячем виде». Уже тогда я понял всю прелесть этого блюда.

Город меня поразил армянской экзотикой и суровостью. В климатическом отношении Ленинаканский район отличается прохладой, и армяне часто называют его «армянской Сибирью».

Зашли к секретарю райкома Араму Костаняну, которого мои спутники хорошо знали. Это был интересный и разносторонний человек, рано погибший.

В первый же день своего боевого крещения я получил небольшой солнечный удар, связанный с тем, что мои спутники, обходившиеся без головных уборов, мою кепку выбросили из окна поезда.

Ленинакан был военным городом, и в магазинах мы смогли купить лишь белую военную фуражку, в которой я и пропутешествовал по склонам Арагаца, бросив ее при возвращении в Ереван.

Наша работа была нелегкой, ходили пешком, из селения в селение шли часто в вечерней прохладе, на лай собак. На дорогах нам встречались и мы

обгоняли арбы, запряженные волами; автомобили были большой редкостью, а лошади употреблялись для верховой езды. В то время движение по проселочным дорогам было левосторонним, а в городе оно уже стало правосторонним. Нам приходилось подниматься по крутым каменистым склонам в полупустынной местности, иногда по нагромождениям камней. Минуты блаженства мы испытывали у родников. Пили студеную воду и ели овечий сыр, завернутый в лаваш, армянский хлеб в виде тонкой, толщиной в полсантиметра, лепешки. Н. Я. Марр писал, что во время отдыха у горных родников ему в голову приходили лучшие мысли.

Начали мы свою работу с громадных крепостей северного склона Арагаца — Хаджи-Халила (ныне Цахговит) и Кирх-Дагирмана (Хнаберд). Мы делали глазомерную примитивную съемку при помощи алидадной линейки, съемка с горизонталями нам была не по зубам. Я визировал, Аджян и Гюзальян обмеряли и описывали стены, сложенные из громадных камней, а Байбуртян собирал на поверхности обломки глиняных сосудов, он был медлительным и любил философствовать. Жили мы в школах, спали на жестких партах крепким сном, утром умывались студеной водой из горной речки или родника; поначалу это дело было неприятным, но потом к нему я привык и считал холодные умывания хорошей физической зарядкой.

В те годы в армянских селах проводилась коллективизация хозяйства и строжайшим образом была запрещена частная продажа сельскохозяйственных продуктов. Вопрос нашего питания был достаточно трудным. Приходилось пользоваться большим гостеприимством армянских крестьян. Работая на крепостных холмах, мы наблюдали за крестьянами, трудившимися на полях, и когда они садились отдыхать, то спускались к ним «беседовать», и нас они всегда угощали харисой — кашей из пшеницы, обильно залитой маслом, национальным блюдом, которое всегда подавалось утром, особенно после долгого и обильного ужина.

Однажды в горах мы с трудом раздобыли мясо и отдали его одной женщине с просьбой сварить нам суп. Пришли голодные в ожидании этой еды. Но не тут-то было, когда я поднес первую ложку ко рту, я тут же ее опустил — суп был настолько наперчен, что я его есть не мог. Потом к такому супу я привык, но тогда находился в отчаянии, тем

более что к супу лаваша не было. Я с завистью смотрел, как мои спутники ели суп и еще его хвалили.

Другой раз один священник пригласил нас к себе в гости и угостил большим количеством меда с одним лавашом на четверых; несколько дней мне не хотелось даже видеть мед.

Местные жители относились к нам хорошо. Во время разговоров они вспоминали Н. Я. Марра, работавшего в этих местах и в Ани (ныне на турецкой территории), и археологов они называли «маррами». Наши официальные командировочные удостоверения от Комитета охраны исторических памятников и мандат от ГПУ показывать не приходилось. По пути нам встречались средневековые армянские храмы, приятно было отдыхать в их тени и любоваться простой, но впечатляющей их архитектурой. Только Байбуртян не проявлял к ним интереса и оставался в роще около них, в тени деревьев.

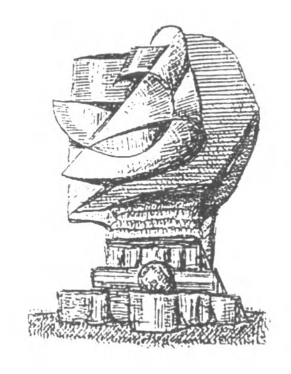
У села Кулиджан (Спандарян) мы встретили первую клинообразную урартскую надпись, нам известную по литературе. Рядом с ней была пещера, перегороженная каменной стеной, и остатки древнего поселения. Там мы собрали обломки глиняных сосудов, но красные лощеные черепки мы приняли за средневековые, так как тогда урартской керамики еще не знали.

За наше путешествие по склонам Арагаца мы собрали большой материал, образцы керамики из разных крепостей, сняли много планов, сделали большое количество фотоснимков, но основной задачи — связь крепостей с клинописями и определение урартских памятников — мы еще не решили. Вышли с гор к Талину, где находится великолепный средневековый храм, и оттуда на поезде вернулись в Ереван. Вид у нас был, вероятно, бродяжий, во всяком случае Анаида Гюзальян, прежде чем впустить нас в комнаты, выставила на балкон тазы с горячей водой для мытья.

Результатами разведки мы были довольны, но наш доклад в Комитете охраны исторических памятников Армении был не всеми хорошо принят. Тепло к нам отнеслись А. И. Таманян и Ашхарбек Калантар, а вот Бунятян, архитектор, мечтавший восстановить Гарнийский храм, встретил наш доклад недружелюбно, без оснований говорил, что мы за остатки древних жилищ приняли загоны для скота. Последующие работы полностью подтверди-

ли нашу правоту. Молчал Х. Самуелян, хотя позже у меня с ним установились добрые отношения. Мы очень жалели, что на доклад не пришел Ерванд Лалаян, который раскопал в Армении много курганов (с материалами его раскопок я ознакомился в Музее Грузии в Тбилиси). Позже я встретил Е. Лалаяна на улице, нас с ним познакомили, но к сожалению, эта короткая встреча была первой и последней.

После первого года разведок в Армении я уже чувствовал, что мои основные археологические работы будут связаны с этой гостеприимной страной. Мы работали в трудных условиях, ходили пешком, жили в суровой обстановке. Теперь в археологию прочно вошли автомобили, самолеты, гостиницы, а часто и археологические базы. Как-то я с интересом прочел книгу о работе первых советских дипкурьеров в Иране, и оказалось много общего между их работой и первыми годами наших археологических разведок в Армении: трудности с транспортом, передвижения с места на место, по ночной прохладе, встречи с добрыми людьми.

Наши тяжелые рюкзаки подвозили крестьяне на своих медленно ползущих арбах, мы пили воду и мацони в сельских домах и никогда за это крестьянам денег не платили. Теперь же, к сожалению, все изменилось: хотя гостеприимство осталось, но оно как-то странно уживается с меркантильностью.

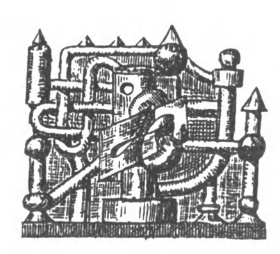
Вернулись в Ленинград. Трое, совместно, делали доклад — рукопись его была выполнена тремя почерками, работали всю ночь, волновались. Доклад прошел хорошо, прения были доброжелательные, но когда доклад вышел из печати в «Сообщениях ГАИМК» (Аджян А. А., Гюзальян Л. Т. и Пиотровский Б. Б. Циклопические крепости Закавказья. Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2), то появилась приписка редакции о недостаточной обоснованности наших некоторых выводов.

С нашими археологическими работами в Армении получилась ситуация, близкая к занятиям урартской клинописью. Антон Аджян стал постепенно отходить от археологии, перешел в тюркологию и стал заниматься литературой (Эвлия Челеби), Левон Гюзальян также продолжал основной своей работой считать персидскую литературу, но обещал продолжать со мной поездки в Армению. Постепенно я оставался один.

В Ленинграде я пробыл недолго и в конце августа поехал в Северокавказскую экспедицию А. А. Миллера, в Кабардино-Балкарию (1 сентября—10 октября). В этот год у него на кургане в Нальчике работали только А. М. Оранжиреева и Б. Е. Деген-Ковалевский. Копали курган около строившейся больницы, расчищали одинаковые погребения, в большинстве без предметов, я делал чертежи, упаковывал кости для антропологических исследований. Это была работа, часто встречающаяся в археологии, — скучный процесс и интересные общие выводы: Нальчикский могильник откры- вал новую неизвестную страницу древнейшей культуры Северного Кавказа.

Погода в октябре была хмурой, хмурым был и сам шеф. В середине месяца в экспедицию приехал А. А. Иессен, и мы с ним отправились на разведку в Баксанский район. Наняли линейку с запряженной лошадью, запаслись продуктами и пустились в путь. Посетили Баксан, три Кызбуруна и Кишпек. Эта поездка была особенно интересна с этнографической стороны, я чувствовал большую разницу между армянами и балкарцами. Балкарцы были более суровыми, менее гостеприимными, вспоминалась «Кавказская линия» времен «покорения Кавказа», настороженность к русским.

ДИРЕКТОРА ЭРМИТАЖА Л. Л. ОБОЛЕНСКИЙ, Б. В. ЛЕГРАН. РАСПРОДАЖА ЦЕННОСТЕЙ

Работа в Академии истории материальной культуры не мешала мне продолжать посещение Эрмитажа и участвовать в его работе. 1 февраля 1930 г. был назначен новый директор Эрмитажа — Леонид Леонидович Оболенский, работавший в Наркомпросе; он заведовал Главискусством, после чего был послом РСФСР в Польше. С этой должности он и перешел в Эрмитаж. Он был крупным, грузным человеком, очень больным. В архиве Эрмитажа сохранилась его обширная записка о том, что он не имеет никакого отношения к князьям Оболенским.

При нем работа шла ритмично, много внимания уделялось перестройке экспозиции «по принципам общественно-экономических формаций», для чего были созданы «структурные комиссии», занимавшиеся теоретическими вопросами. На заседании одной из таких комиссий я делал доклад о доисториче-

ской культуре Египта и Передней Азии. Успех этой работы был обеспечен тем, что в апреле 1930 г. заместителем директора по научной работе был назначен Борис Васильевич Легран, очень образованный и интересный человек, прекрасный организатор. У него была довольно сложная биография. Воспитывался он в Тифлисе, в семье матери, дочери офицера Кавказской армии, и это наложило отпечаток на его характер. Он работал в Тифлисской организации социал-демократической партии со Сталиным, Шаумяном и Спандаряном. Входил в большевистскую фракцию, дружил с Авелем Енукидзе.

С 1915 г. Б. В. Легран служил в царской армии офицером. В ноябре 1917 г. приехал в Петроград, работал там и получил назначение товарищем народного комиссара по военным делам. Затем он был переведен на дипломатическую работу, был генеральным консулом в Харбине, полномочным представителем РСФСР в дашнакской Армении. Б. В. активно работал по установлению Советской власти в Армении, что было отмечено в Ереване в связи с 90-летием со дня его рождения. Он вел дело спокойно, сидел в маленьком кабинете, всегда хорошо одетый, держал обычно на столе иностранные газеты, любил теннис и на большом дворе Зимнего дворца устроил теннисный корт. Легран был активным деятелем всех преобразований в Эрмитаже и автором книги «Социалистическая реконструкция Эрмитажа». Новым было и то, что Борис Васильевич широко открыл эрмитажные двери для молодежи.

Но уже с начала 1930 г. над Эрмитажем стали сгущаться тучи.

В январе 1930 г. начальник Ленинградского отделения Главнауки Б. Позерн известил и. о. директора Забрежнева о том, что по постановлению правительственной комиссии Эрмитажу надлежит отобрать музейные ценности для экспорта через Антиквариат. Для экспорта предусматривался отбор 250 картин, «в среднем не ниже 5000 руб. каждая», оружие из арсенала на сумму 500 тыс. рублей, скифское золото из Особой кладовой на сумму по соглашению с правлением Эрмитажа, и гравюры.

Это письмо было как гром при ясной погоде. Затем в том же месяце последовало письмо зам. зав. Главнаукой т. Вольтера о выделении для «нужд Антиквариата» предметов, относящихся к античному искусству, эпохи Ренессанса и готики,

преимущественно изделий из золота, эмали, слоновой кости, драгоценных металлов.

По иронии судьбы это предписание, значительно обеднявшее коллекции Эрмитажа, подписано человеком, чья фамилия в написании совпадает с фамилией замечательного французского энциклопедиста Вольтера, помогавшего Екатерине II в собирании сокровищ Эрмитажа. Мне неизвестно, как произносил свою фамилию заместитель заведующего Главнаукой; возможно, что из уважения к великому французскому просветителю он и ударение ставил на последнем слоге.

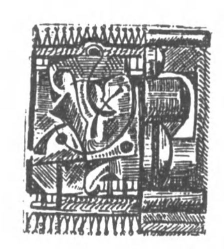
Сначала выделение предметов для Антиквариата производилось секретно, но уже в конце января в музее были созданы «бригады по выявлению и отбору музейных ценностей экспортного значения», а телеграммы о выделении определенных картин посылались открытым текстом. Уже в феврале первой из картин ушел с экспозиции «Портрет Елены Фурман» кисти П. Рубенса, в марте портрет лорда Ф. Уортона работы Ван-Дейка, а в ноябре со стены испанского зала исчез портрет папы Иннокентия X, шедевр Веласкеса.

В Антиквариате скопилось громадное количество разных предметов музейного значения, и среди них был бронзовый водолей в форме коровы-зебу с теленком, на котором была вычеканена куфическая надпись.

Заведующему Отделом Востока И. А. Орбели удалось обменять этот бронзовый, очень ценный предмет, на «золотую лицевую пластину иконы-мощехранительницы высокопробного золота, с пунктирной грузинской надписью» (Акт от 4 мая 1930 г.).

Сотрудникам Эрмитажа было горько получать такие телеграммы: «Подтверждаем первую телеграмму вместо Ван Дейк читать Ван Эйк 51501 Луполл»; «Передайте ходатайству распоряжение Антиквариата картины 1 Рембрандт Паллада 2 Рембрандт Татус (читай Титус) 3 Ватто Музыкант 4 картина стакан лимонада 5 Вамдондиана (читай Гудон Диана) А. Бубнов № 171-ш».

Большинство лучших картин было куплено министром финансов США Меллоном и ныне находятся в Вашингтонской картинной галерее, а рембрандтовская «Афина Паллада» попала к нефтяному королю Галусту Гюльбенкяну. В 1966 г. в Багдаде я встретил его племянника Роберта Гюльбенкяна, который приглашал меня в Лиссабон по-

знакомиться с коллекцией дяди и посмотреть документы о том, как их «обманул господин Пятаков», комиссар финансов Советского Союза. В американской литературе существует версия, по которой молодой немецкий коммерсант Маттисен был секретно приглашен в Советский Союз для ознакомления с картинной галереей Эрмитажа и собраниями Москвы, с тем чтобы он составил список из 100 шедевров, которые ни в каком случае не могут быть проданы за границу. Такой список был составлен. Когда он ознакомился с коллекцией Г. Гюльбенкяна в Лиссабоне, то увидел, что им была приобретена одна из картин, включенных в его список шедевров (вероятно, «Афина Паллада» Рембрандта). Тогда Маттисен счел себя свободным от обязательств перед Советским Союзом и стал посредником в продаже 22 шедевров эрмитажной коллекции г-ну Меллону. Впоследствии у Меллона были неприятности; за финансовые операции он был привлечен к суду и отдал свою коллекцию государству. Так картины из Эрмитажа, купленные Меллоном, перекочевали в Национальную галерею в Вашингтоне, где они теперь и находятся.

Другие проданные картины растеклись по всему свету, и «Пир Клеопатры» Б. Тьеполо я встретил в Австралии, в картинной галерее Мельбурна.

Продажа эрмитажных картин за границу длилась почти три года. Сотрудники Эрмитажа, приходя на работу, часто видели пустое место там, где висела знакомая им картина.

ПЕРЕСТРОЙКА В ГАИМКе

А в Академии истории материальной культуры шла перестройка, активно внедрялись историки. Старая гвардия археологов отходила. Заместителем Н. Я. Марра стал Ф. В. Кипарисов, больше похожий на священника, чем на партийного работника; он был интеллигентен, учился за границей, добр, в меру демагогичен. Происходил он действительно из духовной семьи.

Н. Я. Марр был в зените славы, а вокруг него накапливались авантюристы-карьеристы и создавался ореол непогрешимости. Появился В. Б. Аптекарь из Коммунистической академии, который усиленно курил фимиам. В Академию вошли Пригожин, М. М. Цвибак. Был привлечен из провин-

ции С. Н. Быковский. Активную роль играл В. И. Равдоникас, очень талантливый человек со сложной и довольно засекреченной биографией. Он хвастал тем, что «танцевал со смолянками», когда в Смольном был привилегированный Институт благородных девиц; он рассказывал о совместной работе с комендантом Петропавловской крепости... но в документах личного дела возможности этих встреч со «смолянками» и Авровым не проясняются. Он приехал в Петроград из Тихвина, закончил аспирантуру при университете, читал лекции по марксизму и с этим багажом пришел в Академию, быстро написав книгу «За марксистскую историю материальной культуры». Книга имела определенное значение для оформления марксистской археологии, но тогда критиковать старых археологов за отсутствие методологических установок в их работе было нетрудно.

Владимир Иосифович Равдоникас примыкал одновременно и к группе историков марксистов, вторгшихся в Академию, и к старому составу — он сблизился с И. И. Мещаниновым.

Новое руководство Академии (а Н. Я. Марр уже отходил от непосредственного участия в повседневной работе) ревниво относилось к тем, кто был близок к Н. Я. Марру, за исключением И. И. Мещанинова. И старшие опирались на молодежь, в которую входили Е. Ю. Кричевский и А. Н. Бернштам; они считали себя «лучшими знатоками марксизма», вели семинары по марксизму с сотрудниками Академии. В их группу вошли и аспиранты: И. И. Смирнов, специалист по русской истории, и С. П. Толстов, тогда еще молодой, но буйный.

Из старых сотрудников больше всего попало С. А. Жебелеву, бывшему председателем библиотечной комиссии и заведующим архивом. К нему придрались — в одной из своих статей по истории археологии он назвал первые годы революции «лихолетием». Раздули, обсудили, осудили, освободили С. А. от должности заведующего архивом и от библиотечной комиссии (эти должности были взяты новым руководством). В библиотеке был громадный дублетный фонд, так как в нее вошли книги разных учреждений археологического профиля. Этот фонд объявили «премиальным», сотрудники составляли списки на те книги, которые им нужны на работе, но получилось так, что все книги в качестве премий получили новые руководители. Мне не досталось

ни одной книги, а издания по археологии Кавказа и «Zeitschrift fur Ethnologie», где печатались статьи Леман-Гаупта по изучению урартских древностей, были переданы Равдоникасу, который таким образом составил хорошую археологическую библиотеку. Мне было работать в это время неуютно, «временщики» ревновали меня к Н. Я. Марру, к которому я имел постоянный доступ. Так же трудно стало работать и В. А. Миханковой.

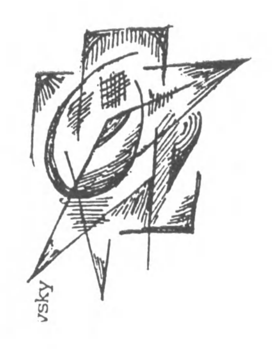
По отношению к яфетической теории создавался ореол непогрешимости. В октябре 1930 г. в Коммунистической академии образовалась группа «языковедный фронт», в которую входили К. Алавердов, Г. Данилов, Л. Лоя и др. Они выступали за марксистское языкознание, правильно отмечали некоторые, иногда существенные, ошибки теории Н. Я. Марра, но сами допускали вульгаризацию марксизма. Языковедческая дискуссия отражалась в информационных статьях газеты «За коммунистическое просвещение», начиная с 6 октября. Но «языкофронтовцев» явно зажимали, и они выступили с протестом «против нетоварищеских методов ведения дискуссии со стороны некоторой части яфетидологов» во главе с В. Б. Аптекарем. «Разгром» их был завершен С. Н. Быковским, осуждавшим деятельность «языковедного фронта» оглашенной резолюцией, в которой утверждалось, что «фронт» не понял теории Марра, и его критика «объективно переросла в критику немарксистскую». Была напечатана статья С. Н. Быковского (11 декабря) «Ответ т. Алавердову», и дискуссия прекратилась. Сам Н. Я. Марр в этой дискуссии участия не принимал.

Значительно позже, в январе 1932 г., в «Ленинградской правде» была напечатана статья аспирантов Института языка и мышления (б. «Яфетического»), в которой они критиковали многих сотрудников Института, в том числе и И. И. Мещанинова, по поводу того, что они неправильно развивали яфетическую теорию; но самого ее создателя критиковать было нельзя.

ШТАТНЫЙ СОТРУДНИК ЭРМИТАЖА

В начале 1931 г. после смерти Л. П. Оболенского директором Эрмитажа стал Б. В. Легран, который, с одной стороны, опирался на И. А. Орбели, а с другой — стал расширять (при перестройке музея)

штат. При организации в январе 1931 г. Отдела истории первобытной культуры его заведующим был назначен И. И. Мещанинов. Работая по археологии Урарту, я столкнулся со скифской проблемой, которой в то время интересовался и Н. Я. Марр, пытаясь показать, что скифское общество следует рассматривать как определенную стадию развития общества на большой территории земного шара. Несмотря на то что эта теория отрывала археологов от конкретного изучения материала, она значительно расширила диапазон изучения скифской культуры, тем более что с 1929 г. стали известны Пазырыкские курганы Алтая, в культуре которых явно прослеживались скифские элементы. Поэтому и я усиленно стал заниматься скифами, поисками истоков этой культуры. Стадиальность я принимал относительно и был убежден в том, что скифскую проблему без археологии Средней Азии решить нельзя.

И. И. Мещанинов и предложил мне аспирантуру по скифам в Эрмитаже, что поддержал и И. А. Орбели, с которым мы были уже в хороших отношениях. Но неожиданно местный комитет Академии истории материальной культуры, который возглавлял А. Н. Бернштам, дал мне отрицательную характеристику, напирая на «академизм». Н. Я. Марр очень рассердился и, несмотря на то что он был занят подготовкой к заграничной командировке, написал Б. В. Леграну письмо, аннулирующее отзыв местного комитета. Письмо, за- нявшее страницу бланка, состояло из одной фразы, определенной и эмоциональной. Разумеется, после этого местком дал новый, уже положительный отзыв. Но Б. В. Легран поступил мудро: он вызвал меня к себе и сказал, что мне незачем терять время в аспирантуре, и зачислил меня младшим научным сотрудником в Отдел истории первобытной культуры, чему я был рад.

Итак, 11 марта 1931 г. я стал уже посещать Эрмитаж на законных правах, как сотрудник. Это случилось ровно через семь с половиной лет с того дня, когда я начал заниматься у Н. Д. Флиттнер. В Эрмитаже я работал по совместительству, основным местом моей работы оставался ГАИМК.

Мое рабочее место было на антресолях директорского коридора, и я сидел у окна, выходящего на эрмитажный двор. Тогда я подружился с М. И. Максимовой, которая занималась скифами. Г. И. Боровки уже в Эрмитаже не было. Работа

меня увлекала, и я даже не жалел, что служить стал в Эрмитаже не в отделении Древнего Востока. Там сложилась довольно сложная обстановка. М. Э. Матье, очень честолюбивая женщина, объединившись с И. М. Лурье, составила оппозицию против В. В. Струве, стремясь занять пост заведующего. Н. Д. Флиттнер занимала промежуточную позицию, и у нее были свои ученики — О. А. Полтавцева и М. Сашевская. И. А. Орбели, хотя и не любил оппозиционеров Струве, но пользовался их помощью. И при одном из конфликтов (после открытия вакансии в отделении древностей) он не согласился ни с одним из представленных кандидатов и «прямолинейно», как это он умел делать, перевел меня из Отдела истории первобытной культуры в Отдел древностей, передав мне хранившиеся у К. В. Тревер замечательные предметы урартского искусства, купленные в 1884 г. в Ване русским консулом Камсараканом. Я это перемещение переживал, не хотелось уходить от скифов и хорошей обстановки, от сотрудничества с М. И. Максимовой и А. А. Иессеном, не хотелось садиться на место, которое было предназначено для других. Но после разговоров с В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер, чьи кандидаты были отставлены, я перешел в Отдел древностей и стал ведать коллекциями по Урарту и Закавказью, а они представляли определенный интерес. Пришлось разбирать поступившие в «мешочках» из Русского археологического общества материалы из раскопок 1916 г. Н. Я. Марра в Ване. Это была кропотливая, но интересная работа — надо было выделить экспозиционный материал.

Коллекции по археологии Закавказья также требовали приведения их в порядок. Среди них находился очень ценный материал из раскопок Э. Ресслера в Нагорном Карабахе, а среди них могильный комплекс предметов с ассирийской агатовой бусиной, на которой было помещено имя ассирийского царя Ададнирари I. Особенно в хаотическом состоянии находилась коллекция предметов из раскопок Е. С. Такайшвили в Ворнаке (Армения), где начинал раскопки Н. Я. Марр. В Императорский Эрмитаж, после выставки в Зимнем дворце, поступили только бронзовые предметы, вся керамика была куда-то отдана. И когда в Эрмитаж из музея Ленинградского университета поступили древности, то я обратил внимание, что на ручках некоторых сосудов сохранились цветные веревочки от этике-

ток цвета русского флага (синий, красный, белый), такие же как и на бронзовых предметах из Ворнака. Действительно, при помощи материалов из архива б. Императорской Археологической Комиссии, хранящегося в ГАИМК, удалось восстановить комплекты предметов по погребениям.

Мое рабочее место было в галерее, выходящей на Зимнюю канавку, на южном ее конце был кабинет В. В. Струве, а на северном — О. Ф. Вальдгауера; перегородка отгораживала отделение классического Востока от античников. Вот у самой перегородки и стоял мой рабочий стол, за стеной сидела Прокопе-Вальтер

В ТБИЛИСИ С И. И. МЕЩАНИНОВЫМ

Подошло время экспедиций. Продолжать работу по изучению циклопических крепостей со мной согласился Л. Т. Гюзальян. Антон Аджян отходил в тюркологию и администрацию. Неожиданно ехать с нами в Армению выразил желание И. И. Мещанинов, а до Тифлиса и В. И. Равдоникас, который ворчал по поводу того, что мы поехали в жестком вагоне. Путь прошел весело и легко с большим количеством опорожненных бутылок.

В Тбилиси (6 июля) прямо с поезда мы пошли в гости к аспирантке ГАИМК В. В. Ломия-Бардавелидзе, работавшей по этнографии Кавказа. Первым ее мужем был ученик Н. Я. Марра — Ломия, а затем она была замужем за крупнейшим грузинским этнографом Читая. Нагрянули к ним неожиданно, но встреча была очень гостеприимной, пришли к ним днем, а ушли ночью. Нас пригласил к себе доцент Тифлисского университета В. С. Путуридзе, очень симпатичный и стеснительный. К нему пришлось добираться по ночному городу; надо было по всему проспекту Руставели протащить трудно передвигавшегося и шумно на все реагировавшего Равдоникаса. Дошли до университета и решили дать время нашему спутнику отдохнуть. Спустя некоторое время И. И. Мещанинов пошел на разведку к нашему хозяину выяснять обстановку. Он вернулся с В. С. Путуридзе. Оказалось, что обстановка осложнилась — к нему неожиданно вернулась с дачи семья, и нам надо было переместиться в другую комнату. С максимальной деликатностью мы проследовали в дом. В. И. уже отошел и вел себя смирно.

В Тифлисе мы знакомились с городом, с музеями и посетили знаменитые серные бани, которые тогда хранили старые традиции и были любимым местом встреч тбилисцев.

Вспомнилось пушкинское описание этих бань, очень близкое к тому, с чем мы познакомились. Колоритные банщики в набедренных повязках из полотенца, в «сандалиях» с деревянной стучащей подметкой и с сетками, заменявшими мочалки. Их вид и система обслуживания были устрашающими. Первым лег В. И. Равдоникас, и было страшно смотреть, как банщик, как бы в экстазе, прыгал по его спине, массируя и руками, и ногами, выворачивал суставы рук и ног. В. И. от удовольствия рычал и ругался и был очень удовлетворен процедурой. Она действительно оказалась очень ободряющей и приятной, хотя я боялся, что прыгающий по мне банщик переломит мне спину.

В Тбилиси мы распрощались с В. И. Равдоникасом, веселым, но капризным попутчиком, и поездом отправились в Ереван. Поезд был ночной, мы мало что видели, постоянно слышали гудки паровоза, требующие «отпустить тормоза», которые включались на спусках. Поезд шел медленно, долго стоял на станциях, которые, несмотря на ночное время, были шумными. Утром прибыли в Ереван и на линейке отправились в город, который в эти годы только что начал строиться и по внешнему виду отставал от роскошного Тбилиси. Мещанинову он показался провинциальным (правда, он таким тогда и был), несмотря на кипучую жизнь по созданию новой армянской культуры. Зашли в музей, посетили Ашхарбека Калантара, скучавшего в своей конторе в небольшом домике на улице Абовяна. Там висели росписи, снятые со стен разрушенного храма Сурб Погос, около здания школы, в котором первоначально размещалась Академия наук Армянской ССР.

НА СЕВАНЕ, УРАРТСКИЕ НАДПИСИ

Рано утром, на рассвете, выехали автобусом в Еленовку (Севан). Автобус был похож на те, которые курсировали по курортному побережью Черного моря. Он был открытым, при дожде или палящем солнце натягивался тент. Пассажиры сидели рядами, человек шесть в ряд. Не помню, в этот ли раз или в другой я сидел рядом с челове-

ком в морской форме и с большой рыночной корзиной в руках. Это был известный всем «капитан» севанского флота Гаспарян, очень колоритный человек, могила которого ныне находится около храмов на б. острове (ныне — полуострове).

Доехали до Еленовки, маленького городка, где должна была строиться Севанская ГЭС. Нашли гостиницу, небольшую постройку с балконом, выходящим на озеро. Нас встретила русская женщина из молокан, единственная представительница администрации, отвела нам комнату. В Севанском районе и до сих пор живет много русских, принадлежавших к секте молокан, выселенных из России в давние времена. Они хорошие коневоды и скотоводы; раньше сметану готовили только они. Когда мы вышли на балкон, то увидели перед собой холодное, свинцовое озеро — трудно было представить, что в Ереване в это время жара. Кругом горы, частью покрытые снегом. Любовались открывавшимся видом, ели лаваш с сыром и запивали водой; разумеется, в гостинице буфета не было. Прохлада была неожиданная и неуютная, но днем стало теплее. Пошли в Ордаклю, осмотрели камень с урартской надписью царя Сардури — она нас несколько разочаровала: казалось, что текст должен быть виден отчетливее. Тогда камень находился на самом берегу озера, которое еще не было опущено в связи с гидроэлектростанцией. Знаменитые Лчашенские курганы (село Ордаклю было переименовано в Лчашен) находились еще под водой, далеко от берега. Большая крепость была аморфна и непонятна, слишком много каменных завалов.

На другой день двинулись на юг в Нор-Баязет, где недавно была открыта клинообразная надпись на территории древней крепости, опубликованная Авдалбегяном, с которым мы в Ереване познакомились (он оказался очень далеким от археологии Урарту).

Нас удивили размеры селений, через которые мы проходили и проезжали. Одно из них, в шутку называемое «Лондоном», простирается на большое расстояние. Дома каменные, продымленные от очагов (тондыров), находящихся внутри них. Жизнь более суровая, чем в долинах, и люди суровые, но гостеприимные.

В Нор-Баязете гостиница больше, чем в Еленовке, также с большим балконом, на котором были развешаны ручные умывальники. И снова одна хозяйка.

Пришел местный учитель Седрак Бархударян, с длинными волосами и крупным носом, он хорошо знал местность и уже приобщился к археологии. Под «руководством» Ашхарбека Калантара он снимал эстампаж Колагранской (Цовинарской) надписи, много помогал Комитету охраны исторических памятников Армении.

Вместе с ним обошли Нор-Баязетскую крепость. В глаза бросился хорошо оформленный каменный ящик типа дольмена, стоящий в стороне от современного кладбища. И. И. Мещанинов собрался его раскопать, но местные жители сказали, что тут похоронена женщина, погибшая от взрыва примуса, и так как ее смерть была необычной, то и на общем кладбище под крестом ее нельзя было похоронить.

Посетили небольшие крепости вокруг Нор-Баязета. Я снял несколько планов, но археологических предметов встречено не было. В Севанском районе работали всего девять дней, так как надо было возвращаться в Ереван, а оттуда к 1 августа на Тамань для участия в Северокавказской экспедиции А. А. Миллера.

Будучи молодыми и довольно легкомысленными, мы с Л. Гюзальяном решили ехать на Тамань через Батуми, хотя явно у нас для такой поездки не было «материальной обеспеченности». Но нас это не остановило. Провели два приятных и интересных дня в Батуми, на пристани, в порту, на пляже, в садах и кофейнях. Батумский порт произвел сильное впечатление, особенно моряки и грузчики, таких на Севере не было. И кофейни имели восточный колорит, и такого кофе у нас на Севере не было. Все было необычно, с сильной окраской Востока, все это теперь уже ушло в прошлое.

КЕРЧЬ, ТАМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

На пароход в Керчь достали только первый класс, и с легкими карманами вступили на его палубу. Любовались морем, игрой дельфинов, прибрежными пейзажами, на остановках выходили в чайные, о еде старались думать меньше, этому способствовала и качка.

В Сухуми к нам в каюту подсел молодой грузин, очень веселый, но озабоченный тем, что у него сбежала жена. Он направлялся в Крым на ее поиски. Нам повезло: у него были большие запасы

еды, которой вдоволь хватило и на нас; было и вино.

Однако так же неожиданно, как он появился, так же неожиданно он передумал плыть в Крым. Но и на том спасибо!

Доплыли 2 августа до Керчи с копейками в карманах, а нам надо было еще на катере переплыть до Тамани через пролив. Пошли на пристань, купили билеты на катер «Урс», который курсировал между Керчью и Таманью. На оставшиеся копейки купили хлеб и стали коротать время, которое, как назло, было у нас в большом запасе. Зашли в Керченский музей, с директором его Марти мы знакомы не были — он дружил только с античниками. Ничего там об экспедиции не узнали и, опечаленные, пошли бродить по городу. Тут, к нашей радости, встретили Н. И. Репникова, члена нашей экспедиции, и сразу же поняли, что мы в надежных руках. Действительно, мы смогли пообедать в столовой.

Таманская экспедиция 1931 г. была самой нелепейшей из экспедиций, в которых я участвовал. А. А. Миллер считался самым лучшим методистом по раскопкам, и руководство ГАИМК полагало, что он должен передать свой опыт другим ведущим археологам. Поэтому экспедиция была очень большой по составу, и в нее были включены известные археологи — В. И. Равдоникас, Н. И. Репников, А. С. Семенов-Зусер, архитектор Н. Б. Бакланов; не обошлось и без прикомандирования к экспедиции представителя рабочих — тов. Наумова из подшефной «фабрики 1-го Мая». Понятно, что этот член экспедиции хорошо проводил время со студентами, преимущественно на берегу Керченского пролива. Всего набралось 30 сотрудников, очень разношерстных и по специальности, и по характеру. Н. Б. Бакланов стал соревноваться с А. А. Миллером в точности разрезов культурного слоя по художественности их выполнения. В. И. Равдоникас не хотел себя утруждать, он считал, что уже превзошел археологическую технологию, и около своего раскопа загорал в высокой траве. Практикантки кидали ему через траву выкопанные черепки для определения.

В шуточных карикатурах «стенной газеты» экспедиции изображалась черная распластанная фигура В. И. с подписью: «Он загорает до цвета кваса, кто не узнает Равдоникаса», а под изображением печальной фигуры Н. И. Репникова была подпись:

«Край ты мой безрадостный, Таманский край, иль опять ограбленный, иль опять баглай». Дело в том, что Н. И. Репников для своих раскопок выбрал могильник, и ему очень не повезло: все погребения оказались совершенно ограбленными. Он был в панике и нанял на помощь «счастливчика» — так назывались люди, промышлявшие раскопками древних могил и продажей древностей. После этого ему удалось найти несколько непотревоженных, но бедных погребений.

На моем раскопе среди рабочих также был один «счастливчик», пожилой профессиональный грабитель древностей. Он очень скептически относился к точным методам раскопок и системе фиксации находок, но его советы и рассказы были очень полезными. Он показывал, как по белым вкраплениям можно отличить перерытую землю от непотревоженной, как обрисовываются контуры входа в подбойной могиле или в склепе. Много рассказал он интересных эпизодов из своей практики и из жизни «счастливчиков». Однажды, при похоронах своего товарища, они уложили покойного в древний склеп, обставили его античными вазами, а в головах поставили бутылку водки. Возможно, археологи когда-нибудь натолкнутся на это захоронение.

Мой раскоп был однообразным и большой радости не доставлял. Было много остатков жилищ византийского времени с хорошо сохранившимися печами. Печей было так много, что я в шутку утверждал, что название «Тмутаракань» произошло от «тьмы тараканов», так как в теплых помещениях должно было быть много тараканов. Обрадовала меня находка на раскопе замечательной фаянсовой чаши (вернее, ее обломков) с изображениями двух птиц. Она заняла достойное место в византийской экспозиции в Эрмитаже.

Я охотно принял предложение А. А. Миллера совершить этнографическую разведку, в частности в аул Суворово-Черкесский, чтобы ознакомиться с бытом таманских черкесов и найти общее и отличное с черкесами кавказскими.

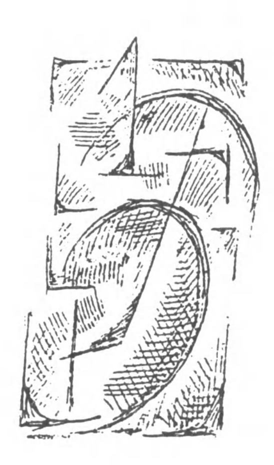
Моей задачей было обследование и зарисовка земледельческих орудий, кладовых для запасов зерна, инструментов для обработки дерева. Мы с Л. Т. Гюзальяном провели несколько хороших дней среди гостеприимных черкесов, помогавших в наших работах, но не допускавших нас в женскую среду. Даже за столом во время еды жен-

щины-черкешенки обслуживали мужчин с закрытыми лицами. Заплатили нашему хозяину Ашизу 5 руб. за прожитье и консультацию и отправились обратно в Тамань.

Я привез много зарисовок и чертежей, а Гюзальян — записи терминов, которые были переданы Миллеру.

Таманская экспедиция не дала положительных результатов. Она была громоздка; опытные археологи, недостаточно владевшие техническими приемами раскопок, их не получили, так как им не хотелось быть в роли учеников-практикантов. Между ними и Миллером установились недоброжелательные отношения, происходили конфликты в денежных расчетах. Все это меня очень огорчало, так как я чувствовал, что участие в Таманской экспедиции было последним участием в экспедициях Миллера. По плану ГАИМК я работал по обобщающему труду по археологии Закавказья, а это требовало много времени.

ЧИСТКА

Летом 1931 г. в Эрмитаже работала комиссия Рабоче-крестьянской инспекции по чистке государственного аппарата. Возглавлял ее рабочий тов. Воробьев, который от культуры был далек, но имел много советчиков. Пострадало немало старых и нужных музею работников. По 1-й категории (без права работы) были «вычищены»: А. А. Ильин, А. Н. Кубе, Л. А. Мацулевич. По рассказам, особенно неприятное впечатление произвела на всех «чистка» Ильина. Старый и очень уважаемый ученый стоял перед всеми, подперев рукой голову (он был частично парализован), а на него нападали бойкие ребята — А. Н. Бернштам и Е. Ю. Кричевский; к ним присоединился О. О. Крюгер. Во время работы комиссии я был в экспедиции, но и после моего возвращения Эрмитаж бурлил как муравейник, так как снятые сотрудники имели перед музеем определенные заслуги, а обвинения часто бывали абсурдными и неверными. Так, М. И. Максимовой, «вычищенной» по 3-й категории (без права работы на два года), были предъявлены обвинения: «...участие в реакционных группировках и монархических изданиях, связи с контрреволюционерами белоэмигрантами Европы, сотрудничество в контрреволюционном белоэми-

грантском журнале». По апелляции Максимовой эти обвинения в феврале 1932 г. были сняты, решение Ленинградского городского и областного РКИ было отменено, ей было разрешено работать по специальности и поступить в Эрмитаж «на общих основаниях»; предписывалось «трудсписок» заменить новым, исключив из него запись комиссии по чистке соваппарата.

Восстановлены были А. Н. Кубе и Л. А. Мацулевич, а А. А. Ильин был реабилитирован позднее. До рассмотрения апелляций они продолжали работать в музее. Некоторые из «вычищенных» были восстановлены с объявлением строгого выговора (вероятно, за «скрытие социального происхождения»).

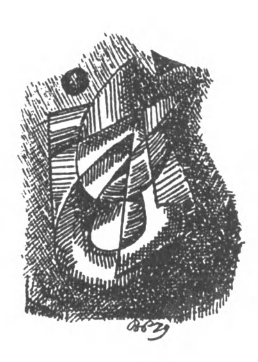
Сохранилась справка о «засоренности аппарата Эрмитажа». В ней указывается, что белогвардейцев и жандармов нет, офицеров старой армии — 7, фабрикантов — 1 (А. А. Ильин), детей служителей духовного культа — 5, из торговцев и купцов — 4, дворян — 55.

Таким образом, чистка прошла бурей, причинив небольшие разрушения, которые были восстановлены.

Комиссией был отмечен недостаток в комплектовании собраний музея, выразившийся в том, что приобретались преимущественно художественные ценности только господствующего класса, а в научных работах чувствовались «индивидуалистические тенденции».

Исправление указанных недостатков выразилось в том, что в залах рядом с подлинным рыцарским доспехом появился рисунок, изображающий средневекового крестьянина, в экспозицию было включено много и других рисунков и фотографий. Это считалось также «внедрением марксистского метода» в музее.

Дополнительный материал в экспозицию включался, а многие ценнейшие экспонаты продолжали уходить в Антиквариат на продажу за границу. Реальной стала угроза скифскому золоту и сасанидскому серебру, которое в письме, подписанном Вольтером, именовалось «сассонитским». Размах продажи и ее форма вызывали тревогу, так как чувствовалась бессмысленность этого предприятия. Протесты в инстанциях против продажи успеха не имели. Тогда И. А. Орбели написал письмо прямо И. В. Сталину, а Б. В. Легран решился передать его через своего старого друга А. Енукидзе.

ЦИКЛОПИЧЕСКИЕ КРЕПОСТИ

Меня тянуло в Армению, в Севанский район, где были известные клинообразные урартские надписи, а одна из них, Колагранская, связывалась с крепостью. Хотя Л. Т. Гюзальян уже напрочь перестал заниматься урартскими древностями, все же согласился поехать со мной в Севанский район, но каждый день откладывал наш выезд. Наконец 5 июля выехали тифлисским поездом.

Начали мы свои разведки с восточного угла южного побережья озера Севан, с селения Загалу (Цовак), где в свое время производил раскопки Е. Лалаян. Склепы курганов стояли открытыми и производили большое впечатление, материалы, добытые при раскопках, обнаруживали связи Присеванского района с Азербайджаном (наша с Гюзальяном статья об этих работах напечатана в «Проблемах истории материальной культуры», изд. ГАИМК, 1933, № 5—6). В Загалу не задерживались, так как хотелось скорее попасть в селение Колагран (Цовикар), где находится древняя крепость и знаменитая надпись урартского царя Русы I.

Развалины крепости на скале у озера сохранились хорошо, отчетливо видны каменные стены с выступами-контрфорсами, характерными для урартской архитектуры. Заметна поперечная стена, разделяющая крепость на две неравные части. Поверхность крепости была основательно изрыта ямами. Местные жители рассказали, что тут было кладбище «неверных», а у населения Присеванского района существовало поверье — при засухе бросать в озеро череп человека, взятый из древней могилы. Не знаю, насколько правильны эти рассказы, около ям костей людей я не видел. Но этнографы позже подтвердили мне существование такого обряда.

Южная часть крепости сохранилась лучше и для раскопок удобна. На юго-западном углу сооружена мощная башня, укреплявшая этот угол. Как и во всех других урартских крепостях, тут также сохранилась каменная кладка нижней части стены, на которой возводились стены из сырцовых кирпичей, угловая башня укрепляла склон, и в ней не было внутреннего помещения. Кроме ям, на крепости была собрана куча камней. Нам рассказали, что камни сложены на том месте, где недавно был убит главарь «бандитов». О том, что в Севанском районе

было не очень спокойно, нас предупредил Рубен Гюзальян.

Большое впечатление произвела знаменитая клинопись. Уровень озера в связи с сооружением гидростанций у выхода реки Раздан опустился, и ныне скала с клинописью свисает над берегом, а не над водой, как раньше. По берегу течет небольшой родниковый ручеек. Надпись выполнена на неровной поверхности, и снизу разобрать ее трудно, а никаких лестниц поблизости не было. Это меня огорчило.

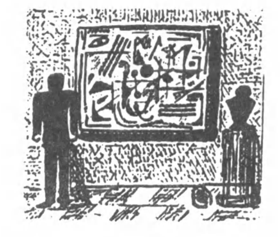
Над Севаном белые кучевые облака, прохладно. Ветер, подгоняющий барашки волн, и удивительно прозрачный воздух. Не хотелось двигаться дальше. Шли мы пешком, иногда на арбу, запряженную волами, клали свои вещи, но арба двигалась очень медленно, телег, запряженных лошадьми, не было, конь применялся лишь для верховой езды. Останавливались в школах, спали на партах, что удивляло местных жителей, и однажды учитель заставил нас переночевать у него, но школьные классы нам нравились больше.

Сельские жители отказывались тогда брать деньги за подвоз на арбе, постой и за еду. На наше предложение заплатить они отвечали: «Мы не курды». Теперь это трудно себе представить, но раньше было именно так.

Приходилось с собой брать мелочи для подарков: перочинные ножи, мелкие инструменты.

На юго-западном побережье озера мы остановились в селе Атамхан, где в 1907 г. в одном из курганов Е. Лалаян обнаружил богатое погребение середины второго тысячелетия до н. э. с хорошо сохранившейся деревянной колесницей, украшенной резьбой.

Мы решили не возвращаться в Еленовку (Севан), а перевалить Гехамские горы, через Гегард и Гарни, для чего наняли проводника с ослом. Вышли рано утром, бодрящий холодок, вершины гор начали освещаться первыми лучами солнца. Путь был нетрудным, у родников садились отдохнуть. Кругом голые камни, растительности мало, и именно в этом была особенная красота. Стали подниматься к линии снега. Снег лежит полосами, что создает необычный пейзаж. Стали пересекать сплошное поле снега — он рыхлый, ноги проваливаются. Поскользнулся и упал наш ослик с поклажей, сам подняться не мог, пришлось его разгружать. Блестящая гладь озера внизу, наверху черные скалы и под ними и между ними снежные поля.

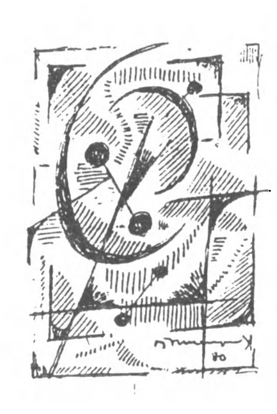

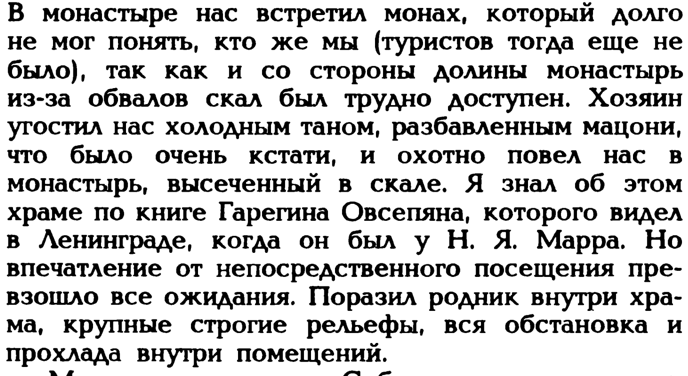
Перевалили через хребет и внезапно перед нами вдали, в дымке, открылась Араратская долина. Из-за дымки все просматривалось неотчетливо, но чувствовалась широта.

Попали в курдское кочевье. Собаки оказались не очень свирепыми, и нас сразу же окружили курды, приняв за торговцев. Шум, оживление, но все дружелюбно. Очень колоритная толпа, все в национальной пестрой одежде, мужчины с платками на головах, женщины с большим числом украшений, дети с ожерельями-амулетами; среди их бус — зубы хищников.

Поели у курдов отменное мацони. Курды также не взяли деньги. Немного отдохнули и стали спускаться вниз, к Гегарду. Шли по лесистому склону и вышли к боковому входу монастыря. Перед нами открылась площадка — справа храм, слева дома.

ГЕГАРД И ГАРНИ

В монастыре нас встретил монах, который долго не мог понять, кто же мы (туристов тогда еще не было), так как и со стороны долины монастырь из-за обвалов скал был трудно доступен. Хозяин угостил нас холодным таном, разбавленным мацони, что было очень кстати, и охотно повел нас в монастырь, высеченный в скале. Я знал об этом храме по книге Гарегина Овсепяна, которого видел в Ленинграде, когда он был у Н. Я. Марра. Но впечатление от непосредственного посещения превзошло все ожидания. Поразил родник внутри храма, крупные строгие рельефы, вся обстановка и прохлада внутри помещений.

Монах разговорился. Собеседников таких, как мы, было мало, приходили преимущественно местные крестьяне для жертвоприношения (матаха), и поэтому долго не хотел нас отпускать. Но до Еревана еще далеко, а по пути Гарни. Тогда к Гегарду новая дорога еще не подходила, а старая была завалена обвалами скал, что создавало фантастическую картину, особенно деревья, принявшие при обвале горизонтальное положение. Это нагромождение обвалившихся скал в свое время привлекло А. Коджояна (один из рисунков этого цикла имеется и у нас дома).

В Гегарде мы попрощались со своим проводником и его милым осликом и пустились в путь по тропинкам. Издали увидели село Гарни (тогда оно

называлось Баш Гарни), раскинувшееся на большом пространстве и утопающее в зелени. Оно сильно отличалось от горных селений своими постройками и всем укладом жизни — в нем процветало садоводство и земледелие. Конечно, мы шли к развалинам античного храма, и собралась большая группа сопровождающих. Нас провели по улочкам, через речку, к высокой по сравнению с урартскими крепостями стене, сложенной из крупных отесанных камней; через ворота прошли внутрь крепости, занятой фруктовым садом. Посредине хорошо видна массивная платформа храма, с просверленными дырами, через которые доставался свинец от скрепления камней. Вокруг развал камней, лежат части колонн, капители, архитектурные детали и просто каменные блоки. Развал очень живописный и очень впечатляющий, казалось — от большого храма, хотя по реконструкции он представлялся небольшим римским храмиком. Камни лежат в густой траве, но видно, что их пытались разобрать по группам. Архитектор Бунатян собирался этот храм восстановить и начал уже эту работу, которая оказалась тогда невыполнимой.

Походили между камнями, взобрались на платформу, вышли на мыс, с которого видно глубокое ущелье реки; далеко на том берегу армянский храм. Высота ущелья головокружительная. В Гарни задержались, и стало ясно, что мы в тот же день до Еревана не доберемся. Поэтому заночевали по пути, где нас в первый раз за время путешествия приняли подозрительно и попросили предъявить документы, не предложив поесть. Но мы от пути и впечатлений настолько устали, что и есть не хотелось.

ЕРЕВАН, НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Вернувшись в Ереван, поработал в Историческом музее, где единственным археологом был Е. А. Байбуртян, с которым у нас установились добрые деловые отношения. Он охотно показывал мне все музейные коллекции и присылал в Ленинград рисунки найденных им древностей.

В Комитете охраны памятников Армении сидел ученый секретарь Комитета Ашхарбек Калантар, который тогда увлекался наскальными изображениями Армении, но в Комитете у него постоянно был скучающий вид. Калантар учился в Петрограде, был

учеником Н. Я. Марра и относился к учителю с большой любовью и уважением. Несмотря на некоторую пассивность работы Калантара в Комитете, возглавлявшемся архитектором А. И. Таманяном, она была нужной и полезной.

В Эчмиадзине существовал свой собственный музей, его директором был Сенекерим Акопян, ревниво относившийся к археологическим коллекциям. Тогда я видел у него в музее две цилиндрические ассирийские или урартские печати (в них я еще плохо разбирался). При передаче Эчмиадзинского музея в Исторический музей Армении эти печати до Еревана не дошли. Из молодых археологов начинал свою работу по памятникам средневековья Каро Кафадарян, с которым позднее судьба свела меня очень близко.

Встречался я с Арташесом Кариняном, занимавшим тогда высокий пост в правительстве. Он очень интересовался литературой и историей и всегда бывал интересным собеседником. Он постоянно держал в руках книгу, другим я его не видел.

У меня уже увеличилось число знакомых в Ереване, и я посещал «академии», особенно в саду ереванской мечети. Там я встречал поэта Егише Чаренца, но знаком с ним не был. Зато уже тогда я познакомился с Левоном Калантаром (тоже ученик Н. Я. Марра), который, оставив науку, стал режиссером Русского театра в Ереване.

В мечети был замечательный чай, шла торговля персидскими коврами, было весело и шумно, периодически раздавался стук крышки сундука: таким образом хозяева чайной отгоняли прилетавших в сад птиц.

ИММУНИТЕТНАЯ ГРАМОТА

Вернулся в Ленинград и сразу же окунулся в дела. Тогда работа в Эрмитаже не ограничивалась «рабочим временем», все научные заседания, на которые приходили и работники других учреждений, проходили во вторую половину дня.

Однажды, в начале ноября, когда мы расходились после одного такого научного заседания, с Малого подъезда передали, что И. А. Орбели ожидает «командир» (тогда термин «офицер» был мало употребителен). Мы вышли вместе, офицер в форме НКВД передал И. А. большой пакет с грифом Ленинградского отдела НКВД. Когда И. А. нервно

его вскрыл, то в нем оказался второй запечатанный конверт Московского отделения НКВД, а в нем простой конверт, в котором оказалась записка на клетчатом листке из блокнота со следующим текстом: «Уважаемый т-щ Орбели! Письмо Ваше от 25-X получил. Проверка показала, что заявки Антиквариата не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным. С глубоким уважением. И. Сталин. 5-XI-32».

Это был ответ на письмо, переданное через А. Енукидзе.

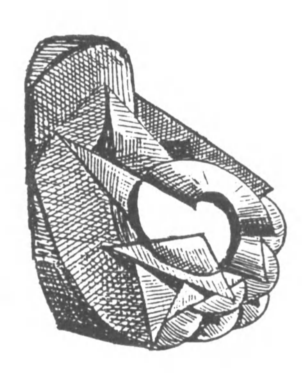
Разумеется, оно стало иммунитетной грамотой для всего Эрмитажа. Сначала все западноевропейские экспонаты, предназначенные для отправки в Антиквариат, были объявлены связанными с Востоком (по изображению на них восточных изделий, в частности ковров, или же по другим очень отдаленным мотивам), а позже вообще прекратились требования на передачу эрмитажных предметов в экспортные органы и стали возвращаться непроданные за границей музейные ценности. Это явилось большой победой здравого смысла, и кончился черный беспокойный период жизни Эрмитажа.

Значительно позднее, уже в 70-х годах, во время вернисажа по случаю открытия одной из выставок, американский консул в Ленинграде принес и тихо положил на стол моего заместителя В. А. Суслова журнал, в котором подробно описывалась история продажи эрмитажных картин и назывались имена акул, которые хотели на этом деле поживиться; среди них был и Арманд Хаммер, выторговывавший «Мадонну Бенуа», но, к счастью, безрезультатно.

МОЗДОКСКИЙ МОГИЛЬНИК, СКИФЫ

Кроме моих занятий по археологии Закавказья, я много занимался вопросами первобытного искусства, которыми интересовался еще со студенческих лет, с лекцией А. А. Миллера, мастерски воспроизводившего на доске фигуры животных доисторических пещерных росписей, особенно Франции. В этнографической литературе я пытался найти аналогии групповым обрядам, совершавшимся в пале-

олитических пещерах, объяснить этот обряд групповой настройкой перед охотой. Мне очень понравилось замечание одного из этнографов: по его мнению, дикари, вместо того чтобы благоразумно выспаться перед охотой, всю ночь танцуют и поют песни. Вероятно, этот обряд с песнями и танцами был им нужен и именно сон был для них неблагоразумен, так как он прерывал настрой коллектива перед охотой, а диспозиции, основанной на аналитическом мышлении, быть у первобытных людей не могло. У меня в сборнике «Первобытное общество», изданном «Журнально-газетным объединением», вышла статья о первобытном искусстве,[1] которой я не был доволен, но в ней была правильная мысль о том, что не все произведения изобразительной деятельности первобытного человека можно считать искусством. На эту мою статью еще в 1931 г. был составлен и первый в моей жизни издательский договор. Он был напечатан на плохой бумаге, довольно небрежно, и под ним стояла подпись «Мих. Кольцов». Эту подпись я оценил позднее, во время и особенно после Испанской войны 1936 г., в которой М. Е. Кольцов принимал активное участие и в ней прославился, и эту славу не смогла стереть и дальнейшая его судьба.

Занимаясь Кавказом, меня в 1933 г. снова привлекли к себе скифы. С. Н. Замятин, заведующий археологическим отделом Музея антропологии и этнографии, показал мне коллекцию скифской керамики, присланной из Моздока геологом Гошевым, там песчаный карьер разрушал могильник. Эрмитаж дал мне деньги на экспедицию, а мой друг египтолог Исидор Лурье выразил желание поехать со мной на раскопки.

В Моздоке нас встретил начальник карьера Евмен Заплюй-Свечка, высокий украинец, очень активный, интересующийся многим, в том числе и археологией.

Мы устроились на квартире у потомственных машинистов, но дома бывала лишь старуха, которой трудно было готовить нам обед, и нам пришлось обедать в столовой карьера. В Ленинграде И. Лурье казался мне приспособленным к еде во всех условиях; во всяком случае в холостяцком

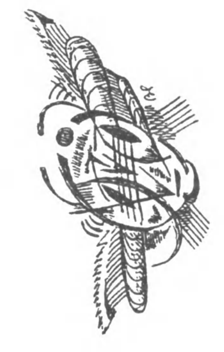
---

[1] См.: Пиотровский Б. Б. Первобытное искусство // Первобытное общество. М., 1932. С. 14—154. В 1934 г. в Токио вышел перевод этой книги на японский язык.

положении мы с ним ели «с газеты», но тут ему из-за брезгливости приходилось туго. В результате я был сыт, он голоден. Приходилось дневную еду восполнять вечером за самоваром и за разговорами о профессии машиниста. Два хозяина — отец и сын — хвалили свою профессию, жалуясь лишь на зиму, когда была резкая разница в температуре около топки и у окна.

Раскопки начали на площади карьера, где был групповой могильник с очень редко расположенными погребениями. Мы открыли лишь одну целую могилу скифской женщины с интересными предметами конца VII в. до н. э. (керамика, бусы, бронзовые украшения, бронзовое зеркало). Второе погребение было разрушено. Перенесли работу на курганное поле, и там нам повезло. В двух курганах были погребения скифов с конями и характерными крупными сосудами также раннескифского времени, что подтверждалось и железными удилами на черепах коней. Таким образом, мы открыли рядовые погребения, синхронные богатым скифским курганам из станицы Келермесской на Кубани. Именно эти курганы, раскопанные в самом начале нашего века горным техником Шульцем, дали интересные золотые предметы, в частности железный акинак в ножнах с золотой обкладкой, на которой так же, как и на рукоятке короткого меча, были помещены изображения древневосточного стиля, — как позднее выяснилось, урартского (дерево жизни с гениями по его сторонам, фантастические животные, по стилю очень напоминающие урартские).

Хотя Моздокский могильник оказался и рядовым, но он относился к очень интересному и тогда еще малоизученному периоду скифской культуры. Обработку моздокского материала я уступил А. А. Иессену, вплотную занимавшемуся ранними скифами, а сам ограничился написанием лишь отчета о раскопках. А. А. Иессен, лучший кавказовед-археолог, по своей привычке затягивал написание работы, так как очень скрупулезно собирал материал, и наша совместная книжка о раскопках в Моздоке увидела свет лишь в 1940 г.[2]

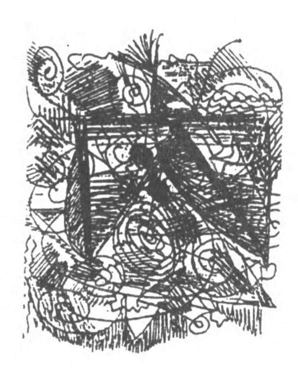

Из Моздока, заехав в Нальчик, я поехал в Армению один, мои прежние спутники окончательно отошли от урартской темы.

---

[2] См.: Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940. С. 1—12.

Е. А. БАЙБУРТЯН

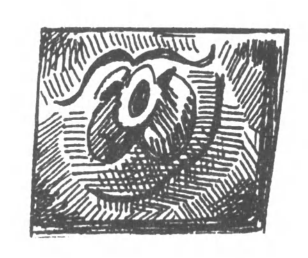

В Ереване я много работал в Музее, был на раскопках Е. А. Байбуртяна, который на окраине (тогда) города, на холме Шенгавит, открыл поселение очень интересной древней культуры. На поверхности холма ясно были видны контуры древних круглых построек, раскопки которых дали черную, до блеска лощенную керамику с вдавленными узорами, каменные и костяные предметы. Тогда датировка Шенгавита была загадкой, и только позднее этот материал вошел прочно в культуру III тыс. до н. э. И честь открытия этой культуры всецело принадлежит Е. А. Байбуртяну — на эту тему он подготовил и свою диссертацию, оппонентом которой был назначен Б. А. Куфтин, работавший после ссылки в Кавказском музее в Тбилиси. Но когда в 1939 г. Куфтин прибыл в Ереван на защиту диссертации, то Байбуртян «по объективным причинам» на свою защиту не пришел, так как был арестован, а затем выслан в концлагерь, где и умер. (Поскольку рукопись работы осталась у Куфтина, то он издал материалы раскопок Шенгавита с аналогичным материалом из Грузии в своей книге, не имея возможности назвать автора раскопок Шенгавита).

В 1933 г. мне удалось с Байбуртяном произвести небольшую археологическую разведку по реке Раздан (Занге). В путь мы пустились пешком, с рюкзаками за спиной, в моем рюкзаке была запасная пара брюк.

Посетили мощные развалины крепости Кизил-Кала у селения Тазакенд, стены которой сложены из громадных каменных глыб. Около нее большой могильник II тыс. до н. э. был раскопан офицером пограничной стражи П. Чарновским. Отчет об этих раскопках, очень точный, хранится в архиве Института археологии АН СССР (тогда ГАИМК), а предметы поступили в Музей Грузии. Позже, уже после второй мировой войны, в Киеве от наследников Чарновского Музей Грузии приобрел большую коллекцию красной керамики с черной росписью, несомненно происходящую из Тазакенда, но не отмеченную в отчетах о раскопках.

С этой крепостью и могильником был связан инцидент, отраженный в архивных материалах в противоборстве Императорской археологической комиссии в Петербурге с Московским археологическим обществом (в противоборстве графа А. А. Боб-

ринского и графини П. С. Уваровой). Каждое из учреждений старалось друг друга уличить в недобросовестности. Комиссия обратила внимание на незаконные раскопки некоего Закарянца от Московского археологического общества в местности Гая-Хараба. Предметы, доставленные Закарянцем, были опубликованы, и на место его раскопок выехала инспекция Археологической комиссии, установившая, что «Закарянцем расхищен громадный могильник». Впоследствии выяснилось, что Закарянц копал тот же могильник, что и Чарновский, но называл его по другому селу, нежели Чарновский. Таким образом, реабилитация представителя Московского археологического общества состоялась уже после прекращения его деятельности, так же как и деятельности Императорской Археологической комиссии. С Е. А. Байбуртяном я посетил Аван, Ариндж, где на портале старого храма помещены изображения сплетенных змей-вишапов, Элар с клинообразной надписью около развалин урартской крепости, Пттни. На правом берегу Раздана мы шли по курганному полю (из небольших насыпей), занимавшему громадную территорию. Ныне после попытки занять эти каменистые земли для посевов все следы могильников пропали.

Наши разведочные работы в то время, по их условиям, были очень далеки от современных. Мы ходили пешком, у нас не было ни транспорта, ни базы, все несли на своих спинах, стараясь как можно меньше вещей взять в путешествие. Но запасные брюки в моем рюкзаке оказались нужными. На одном крутом склоне, заросшем колючим кустарником, Байбуртян оступился и покатился вниз, порвав свои брюки. В Ереван он вернулся в моих запасных, с отвернутыми обшлагами, так как они были ему непомерно длинными.

ДЕЛО О НАЦИОНАЛИЗМЕ

В Ленинграде меня ожидали неприятные известия: в Русском этнографическом музее было возбуждено дело о национализме, и ведущий состав этнографов и археологов музея был арестован, среди них и А. А. Миллер. Они были осуждены к высылке из Ленинграда на разные сроки, но не все вернулись обратно. Миллер, высланный в Петропавловск-на-Камчатке, умер на крыльце музея, в

котором он работал как ссыльный; скончался и археолог С. А. Теплоухов. Но более молодые, и среди них М. П. Грязнов, вернувшись домой, продолжали работать в Институте археологии еще долгие годы. Никто тогда еще не подозревал, что в ближайшее время начнутся более суровые репрессии и многие из археологов не вернутся к своей прежней деятельности. В ГАИМКе Миллера заменила В. Гольмстен, опытный археолог с большим стажем (но без миллеровского дара широких обобщений). Она руководила сектором эпохи бронзы, где работали кавказоведы А. А. Иессен, А. П. Круглов и я. Но было скучновато. Ослабли мои научные контакты и с Н. Я. Марром, его новое окружение ревниво отстраняло прежних учеников, да и сам Н. Я. был в длительной заграничной командировке в Турции и Греции.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА НОВОСТРОЙКАХ

В Академии усилилась работа по изучению археологических памятников на новостройках, был организован особый сектор, в котором самое деятельное участие принял Б. А. Латынин, и мне пришлось снова участвовать в работе Волго-Донской экспедиции, но уже не по обследованию трассы канала, как это было в 1929 г., а по обследованию некоторых участков Дона, где подъем воды после сооружения плотины стал грозить затоплением. Меня назначили начальником 1-го отряда экспедиции от станицы Мигулинской до города Серафимовича.

16 июля наш отряд, в который входили М. М. Худяк и А. М. Волкович, выехал в Воронеж, откуда предполагалось начать работы. Пробыв несколько дней в Воронеже, вернее проскучав в нем, через два дня мы выехали поездом в Лиски, оттуда пароходом «Киев» на Павловск и, сменив транспорт (пароход «Революция»), 23 июля прибыли в Богучар, небольшой приветливый городок, где стоял удивительный деревянный памятник В. И. Ле- нину, изготовленный мастерами-«ложечниками» (Богучар славился своими деревянными ложками; к сожалению, судьба этого памятника после Великой Отечественной войны мне неизвестна). С пристани Галиевка мы должны были плыть дальше до Вешенской. Но парохода не было, и в Галиевке мы просидели три тоскливых дня в компании началь-

ника пристани, очень примитивного, но приветливого, который ходил босиком и в рубашке без кушака. Наконец приплыл пароход «Пионер», и мы отправились в Вешенскую, большую казачью станицу, в которой жил М. А. Шолохов. В ней кипела жизнь, большие и малые катера стояли и сновали у пристани, и на них были заправские капитаны, совершенно не похожие на галиевского начальника пристани.

В Вешенской мы пробыли три дня, в период «чистки» М. А. Шолохова, которая происходила в клубе, куда мы попасть не могли: так много пришло народа. «Чистка» превратилась в чествование любимого донского писателя, хотя позже в Усть-Хоперской, переименованной в город Серафимович, нам говорили, что писатель Серафимович имел к Шолохову некоторые претензии, которым трудно было верить (об использовании чужой рукописи при написании первой части «Тихого Дона»).

Разведочные работы были довольно скучными и трудными, так как основной материал был находим в песчаных выдувах. Меня радовали сборы кремневых микролитов у озера Подпешного: для меня это был новый материал, очень ранний. Поражали правильные геометрические формы крошечных кремневых изделий, из которых составлялись орудия. Я их с интересом собирал и зарисовывал. В песчаных выдувах мы собрали множество обломков керамики эпохи бронзы, скифские бронзовые наконечники стрел, керамику золотоордынского времени.

Недалеко от большой станицы Мигулинской, на впадающей в Дон реке Тихой, около хутора Батальщикова в середине прошлого века были случайно найдены золотые предметы, и среди них сарматский сосуд с ручкой в виде животного и греческой надписью. Обследование этой местности показало, что древнее городище и могильник уже разрушены оврагами, которые все время увеличиваются.

Во время этой разведки мы много ходили, долго ждали пароходов, жили где попало и как попало. Из Серафимовича на знакомом пароходике «Пионер» доехали до Калача и там пересели на большой и комфортабельный для того времени пароход «Большевик», который доставил нас в Ростов-на-Дону.[1]

---

[1] Мой краткий отчет об этих раскопках см.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941. С. 169—174.

Там я остановился в Доме ученых, где меня ждала телеграмма, извещающая, что я командируюсь в Армению, куда уже выехал Н. М. Токарский. Но я все же вернулся в Ленинград. К работам в Армении надо было подготовиться, так как в их плане стояла съемка плана Амбердского средневекового замка, где И. А. Орбели предполагал начать работы и разведочные раскопки в урартской крепости Колагран (Цовинар), на южном берегу озера Севан. Это были мои первые раскопки в Армении.

Кроме того, пешие и пароходные разведки на Дону были утомительными, и надо было привести в порядок свое белье и обувь.

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ. КОЛАГРАН

В Армению я выехал с опозданием, только 20 сентября, и сразу же после приезда в Ереван направился в горы, в замок Амберд, который И. А. Орбели по аналогии с АНИ называл Анберд. Н. М. Токарский тогда впервые применял стереофотограмметрическую съемку, очень быструю по процессу работы в поле, но сложную по обработке снимков в стереокомпараторе. Он выпустил даже небольшую книжку, описывающую метод этой съемки.

С Токарским, кроме меня, работал фотограф А. А. Миллер, С. Г. Гасилов, перешедший в Эрмитаж, и аспирант Армянского филиала Академии наук Армянской ССР О. Манвелян, которого из-за хрипоты его голоса называли именем героя Сасунского эпоса — Дзеновом Оганом.

С аппаратурой на ослах, через Аштарак, Ошанак и Бюракан мы добрались до Амберда, но там, кроме развалин замка и лучше сохранившегося храма, никакого жилья не было.

Нарвали траву, застелили ею весь пол крошечного притвора около алтаря храма и там устраивались на ночь — целый день уходил у нас на работу. Вся тяжесть ее легла на меня, так как в мою обязанность входила установка реперных знаков (на картоне) для дальней съемки. Мне приходилось со знаками перебираться через ущелье и по сигналу Токарского расставлять эти проклятые знаки, которые часто валил ветер. Мне приходилось снова лезть через ущелье и их восстанавливать. Работа не из веселых, но Токарский обещал после Амберда снять для меня план Колагранской крепости,

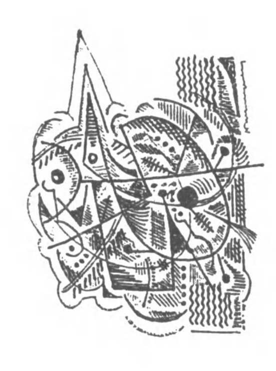
и я был согласен на все. Три дня прожили мы как дикари, спали хорошо, ели пищу, приготовленную на костре, но с водой было труднее, так как родник, из которого мы брали воду, находился сравнительно далеко. С людьми мы не встречались, поскольку с ближних ночевок скот уже был угнан.

Съемка проходила быстро, труднее было в Ленинграде с обработкой снимков: стереокомпаратор Токарскому давали только на ночь. Приходилось мне сопровождать его на ночную работу, прихватив ужин и бутылочку, без которой Токарский отказывался работать. Посадив его за аппаратуру, я укладывался на стол спать, подложив ужин под голову, так как мой подопечный норовил его поскорее уничтожить, не выполнив своего урока. Несколько раз он пытался выкрасть ужин из-под моей головы, но это ему не удавалось.

После Амберда, пробыв неделю в Ереване, я с Токарским и Гасиловым отправились на съемку Колагранской крепости. К нам присоединились археологи С. Г. Бархударян и Е. А. Байбуртян. На автобусе доехали до Севана (б. Еленовки) и решили дальше путь держать пароходиком, единственным из Севанского флота, носившим имя «Мравян». До отхода парохода было время, и мы с Бархударяном пошли за провизией и купили целую тушу жареного барана, которого нам хватило надолго. Когда мы пришли на пристань и сказали, что нам надо на Мартуни (юго-восточный угол озера Севан), то один из работников пристани нас поторопил и почти силой втолкнул на небольшой буксирчик. Только когда мы отвалили от берега, поняли, что попали не на «Мравяна» (с его палубы нам кричали и махали наши спутники), но команда буксира успокоила, что мы доплывем до пристани Мартуни раньше их.

В октябре озеро бывает неспокойным. Волны отчаянно бросали наш кораблик в разные стороны, но он неудержимо рвался вперед, и мы с Бархударяном благополучно добрались до Мартуни. Высадились на берег, легли на песок и стали смотреть на бурное озеро. Ждали долго, наконец «Мравян» причалил, и мы встретили наших спутников в потрепанном виде. Надо было спешить, чтобы до сумерек добраться до Колаграна. Наняли человека с осликом, погрузили на маленькое животное большую поклажу и отправились в путь. В Колагране встретили старых знакомых по 1932 г., и нас разместили в брошенном домике около самой кре-

пости. Было уже холодно, но домик имел дверь и застекленные окна, лучшего и желать было нельзя.

Съемка общего плана прошла быстро, но надо было заложить пробный раскоп и снять эстампаж с надписи на скале, над водой озера. Уровень озера в связи с постройкой СеванГЭС уже падал, но под скалой был родник.

Раскопки дали неутешительные результаты: центр крепости изрыт ямами и занят могильником, в сохранившихся местах слой урартского времени был небольшой и под ним был слой черной с блестящей поверхностью керамики типа Шенгавит, относящегося к эпохе ранней бронзы. На склоне крепости верхний слой был смыт, и пришлось копать слой значительно более ранний. Было ясно, что для стационарных раскопок этот памятник не годится. Не повезло и со снятием эстампажа с надписи. Достали веревки, перевернули стол, полученный из школы, вверх ножками, и я с Бархударяном стали накладывать эстампажную бумагу. Но мешал сильный ветер, он раскачивал стол и срывал бумагу с камня. В результате стол развалился, и мы повисли на веревках. Пришлось отказаться от эстампирования и ограничиться проверкой текста. Но и это дело было трудным, так как ветер бил меня о скалу, были разбиты руки и порвана копия, которую я сверял.

Но условия жизни были лучше амбердских: нам принесли посуду, у нас в углу помещения висела туша барана и продуктов было достаточно. Николай Токарский очень любил готовить еду, причем все приготовляемые блюда называл по-французски, и при готовке пачкал много подсобной посуды, которую нам приходилось мыть в холодной воде. Жили мы весело, только Сергей Гаврилович Гасилов страдал от холода, ветра и отсутствия комфорта, но так как он был весьма деликатным человеком, то тяготы переносил молча. Покончив разведочные раскопки в Колагране, мы поспешили в Ленинград, даже не задерживаясь в Тбилиси.

ОТДЕЛ ВОСТОКА ЭРМИТАЖА

В городе нас ждали неприятные известия. 15 октября на заседании в Институте языка и мышления Н. Я. Марру стало плохо, произошло кровоизлияние в мозг. Он долго лежал в больнице, а когда из нее вышел, то не тем активным и бодрым,

каким был раньше. Он нуждался в постоянном уходе, и его всюду сопровождал его ученик Иосиф Мегрелидзе.

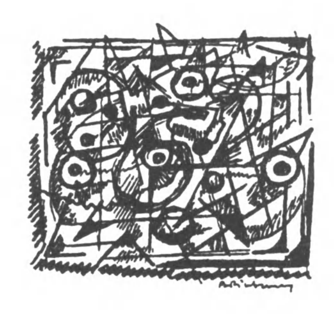
В феврале 1934 г. Н. Я. выступил на пленуме Академии истории материальной культуры, но прочел лишь начало своей речи и покинул заседание. Трудно было примириться с «таким Марром». Было ясно, что его ученики не смогут защитить яфетическую теорию, полную противоречий и гениальных догадок; по существу это был конгломерат мыслей, часто в неправильной внешней оболочке. Так оно и получилось.

В Эрмитаже поднимался Отдел Востока, так как И. А. Орбели получал постоянную поддержку Б. В. Леграна. При прежних директорах он чувствовал себя не совсем уютно, одно время был даже в подавленном состоянии, ходил в кожаной шляпе с большими полями, как моряк с потонувшего корабля, был на все обозлен. В 1934 г. Н. Я. Марр провел в академики И. И. Мещанинова. Орбели до прихода Леграна не имел поддержки от дирекции Эрмитажа, так как частые конфликты и память о том, что «Орбели свалил Тройницкого», заставляли их быть осторожными. Легран нашел с Орбели общий язык и гасил конфликтные ситуации тем, что не обращал на них внимания.

Отдел Востока становился ведущим центром советского востоковедения. Кипела научная работа, активно осваивался Зимний дворец, собирались коллекции, готовилась большая экспозиция по культуре стран Востока, зарубежных и входящих в Советский Союз. С Отделом Востока стал конкурировать Отдел Запада, заведующей которого стала Лиловая, упорно утверждавшая, что на прекращение продажи сокровищ Эрмитажа повлияла ее записка, направленная в ЦК; но, по-видимому, она по назначению не дошла, а письмо Сталина было в кармане И. А. Орбели.

Было решено отделить территориально отделение Древнего Востока от Отдела древностей, главным образом от Вальдгауера. Экспозиция Древнего Египта была переведена в Растреллиевскую галерею, восстановленную реставрационными работами, убравшими антресоли и восстановившими стиль барокко. Она стала значительно хуже прежней, потеряла монументальность. Для кабинетов были предоставлены помещения около Комендантского подъезда. Я со своими коллекциями разместился в просторной комнате на антресолях, мое рабочее

место стало гораздо лучше, чем в галерее Отдела древностей. В конце Растреллиевской галереи был небольшой удлиненный закуток, и там наши египтологи решили устроить макет древнеегипетской могилы с росписями. Это было поручено художнице Т. С. Шевяковой, которая с большой охотой взялась за дело. Из Растреллиевской галереи был выход в главный двор Зимнего дворца, и там Б. В. Легран, любитель тенниса, устроил корты. Участники игры иногда пользовались незаконченной «египетской могилой» для переодевания. Однажды мы принесли туда бутылку красного вина, неудачно ее открыли и выплеснули вино на роспись — в самом центре изображения жертвоприношений оказалось пятно, не очень большое, но очень красное. Когда Шевякова пришла на следующий день продолжать свою работу, то увидела перед входом в гробницу трех молодых людей, стоящих на коленях. Все закончилось мирно, она стерла часть росписи, где красовалось красное пятно и заново переписала испорченный участок, даже по-настоящему не рассердившись.

Вспоминается мне и другой случай этих же лет, когда виновником инцидента был художник. Однажды мы решили собраться у Л. Гюзальяна, который тогда жил в квартире, окнами выходящей на Неву. Когда хозяева вернулись домой, то они застали гостившего у них художника А. Осмеркина, сидевшего в шубе перед раскрытым окном и спокойно писавшего пейзаж. Дело было зимой, и он расклеил запечатанное на зиму окно. Только благодаря приходу гостей, архитекторов Фомина и Левинсона, а также соседа, графика Хижинского, Осмеркин получил прощение хозяйки.

В эти годы я много и прилежно работал, особенно в архиве по паспортизации эрмитажных закавказских коллекций. Можно было и без раскопок найти в архивных документах интересные сведения по археологии, которые в свое время были не поняты самими исследователями. Я писал работу по археологии Закавказья, но ее так и не дописал, но подготовил много статей, хотя усиленно работал и по другим темам. Подбирая сведения об Армении в старой литературе XVIII—XIX вв., занимался проблемами первобытного искусства, пытался реконструируемые обряды с изображениями животных связать с обрядами, описанными этнографами. Меня интересовало происхождение речи и попытка расшифровки изображений (семан-

тика) на древних предметах. Круг моих интересов значительно расширился, но я остался верен Египту, и если не писал по египтологии собственные статьи, то иллюстрировал статьи и книги моих друзей-археологов. Многое у меня оставалось в рукописи, я всегда строго относился к работам, сдаваемым в печать, но немало статей и публиковал. В шуточной песне, относящейся к Отделу Востока, про меня были написаны следующие слова: «Кто из нас всех моложе и выше, кто быстрей всех работы печет, кто по виду всегда тише мыши, а де-факто не скучно живет?»

Я принимал активное участие в жизни Эрмитажа. Тогда было значительно меньше сотрудников, чем нынче, и мы, молодые эрмитажники, жили одной семьей, без разницы между научными и техническими сотрудниками, и очень часто перетягивали молодых технических сотрудников в научные, и это себя оправдало. Моя общественная работа была целенаправленна, я был постоянным председателем комиссии по реализации (подписке) государственных займов. И эта работа себя оправдала через 30—40 лет. Тот, кто сберег облигации, неожиданно получил от государства обратно значительные деньги. Находили мы время и для того, чтобы повеселиться и посещать Филармонию и Оперу.

В августе Б. В. Легран перешел на работу в Академию художеств СССР, и по его настоянию директором Эрмитажа был назначен Иосиф Абгарович Орбели.

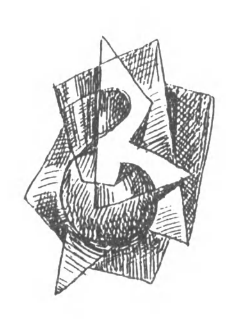
ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ, АРЕСТЫ

Иногда по вечерам раздавался телефонный звонок моего друга Аджяна: «Борка, выпить надо!» По этому сигналу мы собирались в небольшом ресторанчике на Мойке, около Невского. Приходили туда аспиранты: грузины Джинал и Дзидзигури в черкесках, аспиранты армяне и некоторые сотрудники Эрмитажа. Валентин Казимиров приводил своего друга Юрия Васнецова, иллюстратора детских сказок. Время проходило в беседе, и так как большинство было разных специальностей, то беседы обычно бывали интересными. Пили и ели скромно, так как лишних денег у нас бывало мало. Часто нас обслуживал пожилой официант, вежливый и предупредительный. Однажды на концерте

в Филармонии я встретил очень знакомого мне человека в темных очках, в котором с трудом узнал нашего официанта.

1 декабря, под вечер, по всему городу расползлись зловещие слухи о том, что убит один из руководителей нашей партии (называли Ворошилова, и только вечером все узнали, что в Ленинграде, в Смольном, убит С. М. Киров). Ко мне на дом пришел из партбюро тов. Майзель, известивший, что завтра утром в Академии состоится митинг (позже Майзель погиб в концлагере). Дни были очень тревожные. Из Москвы специальным поездом прибыл И. В. Сталин, но вскоре возвратился обратно. Несмотря на правительственное сообщение о случившемся, по городу ползли разные черные слухи о расколе партии, об усилении оппозиции. Не успели остыть тревожные дни, как нас поразила весть о том, что в ночь с 19 на 20 декабря скончался Н. Я. Марр. Похороны его были торжественными и на высоком правительственном уровне. Гроб с телом Н. Я. Марра был установлен в Мраморном дворце, затем его везли на грузовике, украшенном красными флагами, в сопровождении военной охраны. Присутствовали члены правительства: Б. П. Позерн, П. Н. Королев. На кладбище был ружейный салют (троекратный). Совершенно иными мне вспоминаются похороны С. Ф. Ольденбурга. Гроб везли на катафалке, цугом лошадей, народу было очень много, но ни одного члена правительства.

Новый 1935 г. встретили в тревожной (в связи с убийством С. М. Кирова) обстановке, снова проявилось недоверие к немного угасшей оппозиции, начались аресты среди партийных деятелей. В 1935 г. осенью намечалось и крупное научное событие — созыв Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Работа конгресса должна была протекать в основном в Эрмитаже, и музей к этому готовился: кроме научных докладов, надо было организовать большую выставку с привлечением материалов из музеев Средней Азии, а также из Ирана. Выставку предполагалось разместить в Зимнем дворце, и там начались большие ремонтные работы.

А в Академии истории материальной культуры в феврале происходил пленум, посвященный итогам полевых работ за прошлый год. Я готовил свой доклад по работам на Дону, но много времени и сил заняла большая выставка, устроенная к плену-

му. Мы все, сотрудники, трудились много и по окончании пленума решили отдохнуть. Сошлись на том, что наша техническая сотрудница Марченкова возьмет на себя организацию вечера у себя дома в Петергофе. Как раз была масленица, которую следовало отметить блинами. В последний день февраля мы большой компанией направились в Петергоф, с надеждами на хороший отдых. Но случилось совершенно непредвиденное. В разгар вечера в столовую вошли солдаты с ружьями и сотрудники НКВД в штатском. Вечер был прерван, всех гостей вызывали в соседнюю комнату «на беседу», после чего хозяйку и ее знакомых арестовали, но вместе с тем прихватили и трех археологов: меня, А. П. Круглова и Ю. В. Подгаецкого. С остальных взяли подписку о невыезде из Ленинграда. Нас погрузили в арестантскую машину «черный ворон» и отправили в Ленинград, на Шпалерную. В пути мы думали, что нас отпустят в Ленинграде, и в ночной поездке было что-то занимательное, приключенческое, так как мы были твердо убеждены, что наше задержание — недоразумение. Но, приехав к месту назначения, поняли, что мы арестованы. Ночью был первый допрос с намеком, что мы обвиняемся в участии в террористической организации и должны чистосердечно раскрыть ее планы. Сначала меня отвели в маленькую камеру, вроде шкафа со скамейкой. Там я думал просидеть до утра, но за мной пришли и повели в камеру, отделенную от коридора решеткой. Она была переполнена, люди спали на кроватях, на полу и под койками. Когда я вошел, то многие проснулись и с интересом стали спрашивать, откуда я и по какому делу арестован. Я и догадаться не мог о причине ареста. Мне пришлось занять последнее место «в очереди», т. е. на полу под койкой у самой решетки. При выпуске арестованных очередь двигалась, люди занимали место ушедших, так что была надежда дойти до койки. Спать было неуютно, по коридору мимо меня пробегали крысы, и охранник бросал в них связки ключей. Ночью не спал. Утром подъем, чай с хлебом и сахаром и последующее толкание в камере, скамеек на всех не хватало. Но против моего ожидания, меня никуда не вызвали и не освободили. Я ждал следующего дня и ночью отодвинулся от решетки, так как пришел «новенький». Меня не покидал оптимизм и в общении с арестованными нашел интерес. Тут были разные люди. «Политиче-

ские» держались особняком, разговаривали тихо, каждого приходящего с допроса подробно расспрашивали. Другие «арестанты» были очень общительными. В первый же день я разговорился с бывшим офицером царской армии, который служил в «Интуристе» и участвовал как снайпер в охотах на медведя. На иностранца, «купившего» охоту, не надеялись и боялись, что он только ранит медведя и тот может на него наброситься. Его страховали снайпером, который должен был выстрелить в медведя одновременно с хозяином охоты, пулей с его меткой. При такой системе иностранец был всегда доволен своим метким выстрелом. Позже я от своего компаньона получил письмо с извещением, что он получил «легкую высылку». Были и противоположного культурного уровня люди. Молодой могильщик с удивлением рассказывал о том, что его сажали в кресло и спрашивали, в какой могиле «по приказу кума финского короля» он прятал оружие. Могильщик уверял, что он и в глаза «кума короля» не видел, и не понимал, почему все над ним смеются. Работника вагона-ресторана обвинили в «недовесе бутербродов», и он повторял слова анекдота, уверяя, что «сыр был с крупными дырками». Бывает в жизни и такое. Один крупный делец, когда вечером ложился на койку (а он был в камере долгожителем), рассказывал о роскошных номерах в европейских гостиницах, об удобствах, ресторанах. Тогда я думал, что он это всё сочиняет. В камере со мной был художник Кроль, муж нашей эрмитажной сотрудницы. Он жаловался на то, что его рисунки, изображающие Ленина, признали карикатурой. Был и Ваня Рихтер, сын академика, арестованный со своей девушкой после того, как он на машине иностранного дипломата «убегал от чекистов». Он строил всякие фантастические планы установления связи в тюрьме со своей спутницей.

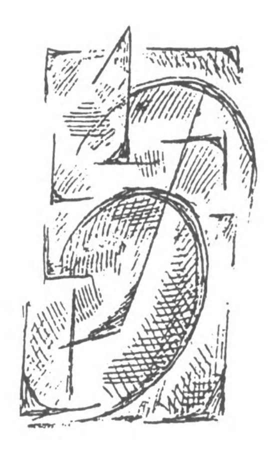
Публика была очень разная, но в основном общительная. После третьего дня пребывания в камере я начал понимать, что дело осложнилось, и стал думать, что Марченкова действительно хотела втянуть нас в свою организацию. По-видимому, так начинали думать все случайно сюда попавшие. Привык я к тюремному распорядку скоро, с аппетитом пил утренний и вечерний чай с хлебом. Довесок к хлебу прикреплялся спичкой. Привык к постоянному супу из камсы, мелкой рыбки, и каши.

В то время условия пребывания на Шпалерной отличались от более поздних. Получали еду и записки из дома, а культурные деятели дома предварительного заключения разносили по камерам беллетристику, книги в большом выборе, их приносили пачками. Когда охранник объявлял кому-нибудь «выход с вещами», то счастливчика нагружали просьбами «позвонить», «сообщить» и «передать». Думаю, что немногие эти просьбы выполняли.

По прошествии нескольких дней меня вызвал следователь Ярошевский и посоветовал подумать и сообщить сведения об организации, подчеркнул, что я получил образование от Советского Союза и должен ему помочь. Когда я развел руками, то он посоветовал подумать еще.

Так я и думал сорок дней и не мог ничего понять. После третьего короткого свидания со следователем я подписал бумагу о том, что я ни в какой организации не участвовал и ни о какой организации не знал.

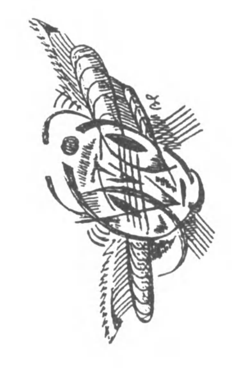
Через пару дней, 19 апреля, охранник крикнул из-за решетки: «Пиотровский, готовься с вещами!». Мне вернули все, что у меня было, кроме документа — пропуска в ГАИМК, за которым я должен был прийти на следующий день, но я решил оставить его там на память и вышел на улицу. Был ясный солнечный день и настроение соответствующее.

В Эрмитаже меня приняли хорошо, сразу же допустили к работе, а в ГАИМКе сообщили, что я и Подгаецкий уволены по сокращению штатов. Ф. В. Кипарисов принял меня холодно и сказал, что о восстановлении и думать нечего. Он не мог предположить, что в ближайшее время он будет арестован и погибнет и что через 20 с лишним лет именно я буду готовить материалы о «посмертной его реабилитации». Не думали об этом и члены партийной организации, в частности Некрасова, к которым я обращался. Им и в голову не могло прийти, что в 1951 г. я буду назначен партийными органами руководителем Ленинградского отделения Института археологии.

Я и Ю. Подгаецкий считали, что эпопея с арестом уже закончилась, но Н. И. Репников говорил: «Не обольщайтесь, поедете в провинцию». В марте «в провинцию» уже уехал ученый секретарь Эрмитажа М. Д. Философов. Но нас не высылали, и мы решили обратиться в профсоюз с просьбой о восстановлении, так как сокращения штатов в

Академии не было, а мы освобождены без последствий.

Областной комитет профсоюза работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений только 1 июля вынес решение об отмене утверждения увольнения комиссией ГАИМК и предложил обратиться в суд. Так мы и поступили. Заявление в суд написал нам Душан Семиз, серб по национальности, отец нашей хорошей знакомой. Он был юристом, его перманентно сажали и освобождали из тюрьмы. Он написал заявление с перехлестом, мы просили смягчить тон, но получили ответ, что юрист он, а не мы. Суд состоялся только в сентябре, представитель Академии ученый секретарь В. И. Селиванов робко повторял о сокращении, но всё за несколько минут было решено в нашу пользу. В ожидании суда я встретил на набережной реки Фонтанки ректора Ленинградского университета А. В. Вознесенского, который спросил, что я тут делаю. После моего рассказа он сказал: раз вас оправдали, то обязательно надо добиваться восстановления на работе. Тогда он не знал, что сам он не сможет оправдаться. С исполнительным листом я явился в ГАИМК и попросил меня восстановить уже по совместительству, так как я уже перешел на основную работу в Эрмитаж. Меня восстановили по приказу от 29 сентября с 5 августа. Вскоре все забыли о том, что я выбывал из Академии, и всё пошло своим чередом; те, кто отказывал в восстановлении, стали мило улыбаться.

Я судился с ГАИМК также «по совместительству», так как был занят эрмитажными делами и многими событиями, имевшими там место.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

1 июня состоялись выборы в Академию наук СССР, академиками были избраны братья Орбели, В. В. Струве и С. А. Жебелев. Эрмитаж ликовал и тепло поздравил своего директора, но тот говорил, что вся радость омрачена тем, что избран Струве, который с тихим конфликтом ушел из Эрмитажа. Струве досадовал, что он избран одновременно с Жебелевым, и только Сергей Александрович ни на кого не жаловался.

Эрмитаж уже с весны был занят подготовкой III Международного конгресса по иранскому искус-

ству и археологии. Ожидался приезд многих известных зарубежных иранистов.

В залах Зимнего дворца готовилась грандиозная выставка. В отдельном помещении устраивалась выставка из Средней Азии, Ирана и отдельных предметов из Лувра. Устройство этой части экспозиции было поручено мне. Для подготовки выставки приехал Артур Поп (Орбели для благозвучия дал указание выписывать его фамилию как Пооп) со своей супругой Филлис Аккерман, и они активно включились в организацию выставки. От Эрмитажа работали: сам И. А. Орбели, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и А. А. Аджян. Аджян возмущался тем, что вся экспозиция строилась Попом на основе рыночной стоимости экспонатов, а не по их исторической и тематической значимости. Аджян пытался объявить протест, но Орбели его успокаивал.

Экспозиция, которой я ведал, размещалась в надворных комнатах около перехода из Ламотова павильона в Зимний дворец. Прибыл А. А. Марущенко из Ашхабада и привез замечательные предметы из Туркмении, расписную керамику из Ак-тепе, тогда еще археологам Средней Азии незнакомую. Я о таких предметах слышал только на лекциях Б. Л. Богаевского в Университете, и для меня материал, привезенный Марущенко, был настолько интересным, что я составил целую книжку зарисовок. Была выставлена также знаменитая расписная керамика III тыс. до н. э. из Анау. С волнением я расставлял в шкафу расписную керамику из Кизил-Ванка в Закавказье, доставленную из Исторического музея в Москве. Тогда это были древнейшие для Закавказья памятники, не имеющие аналогий.

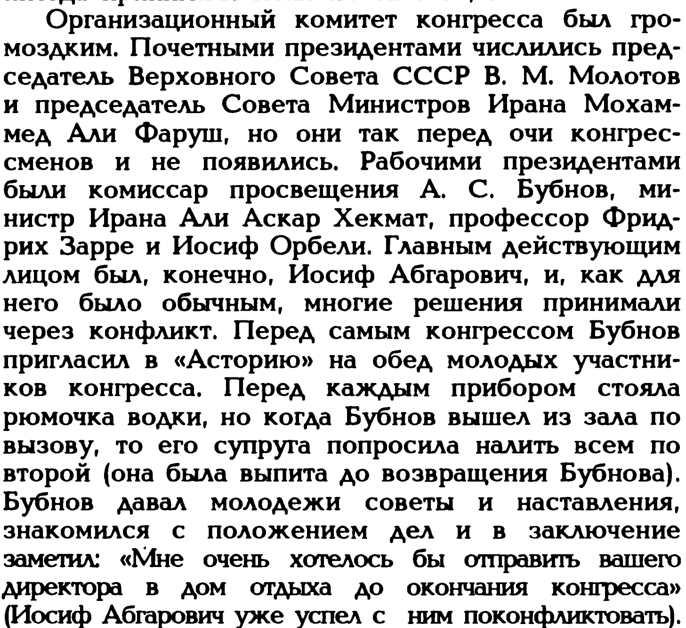
Затем приехал иранский археолог Мостафави и привез материал из раскопок тепе Хиссара и Тюренг-тепе. Расписная и серая лощеная керамика перекликалась с туркменской. Тогда это было новостью. Эрмитажники подружились с Мостафави, молодым и очень живым человеком. Потом он впал в шахскую немилость, был арестован и несколько лет просидел в тюрьмах, и только значительно позже я встретился с ним в Тегеране, когда мы были уже далеко не молодыми людьми.

Из Лувра была доставлена небольшая коллекция предметов из Луристана. Их привезли в последний день перед открытием выставки.

На выставке, при ее подготовке, я проводил в

Эрмитаже целые сутки, спать ходил в турецкие шатры, расставленные на экспозиции. У меня была даже заготовлена табличка, которую я оставлял в своих залах: «Я сплю у султана». Так как менять белую сорочку каждый день было трудно, то я надевал голубую при синем костюме. Это было неосмотрительно, так как такой костюм имели сотрудники НКВД, охранявшие выставку. Но так как в Эрмитаже была смешанная охрана, состоящая из милиции и работников НКВД, то милиционеры иногда принимали меня не за того, кем я был.

Организационный комитет конгресса был громоздким. Почетными президентами числились председатель Верховного Совета СССР В. М. Молотов и председатель Совета Министров Ирана Мохаммед Али Фаруш, но они так перед очи конгрессменов и не появились. Рабочими президентами были комиссар просвещения А. С. Бубнов, министр Ирана Али Аскар Хекмат, профессор Фридрих Зарре и Иосиф Орбели. Главным действующим лицом был, конечно, Иосиф Абгарович, и, как для него было обычным, многие решения принимали через конфликт. Перед самым конгрессом Бубнов пригласил в «Асторию» на обед молодых участников конгресса. Перед каждым прибором стояла рюмочка водки, но когда Бубнов вышел из зала по вызову, то его супруга попросила налить всем по второй (она была выпита до возвращения Бубнова). Бубнов давал молодежи советы и наставления, знакомился с положением дел и в заключение заметил: «Мне очень хотелось бы отправить вашего директора в дом отдыха до окончания конгресса» (Иосиф Абгарович уже успел с ним поконфликтовать).

К открытию конгресса 10 сентября в Ленинград прибыли прославленные зарубежные востоковеды, хорошо всем известные по имени: Рене Дюссо из Франции, Эрнест Кюпель из Германии, Иозеф Стжиговский из Австрии, Ричард Эттингаузен из США, Дэвид Талбот Райс из Англии. Мы не привыкли тогда встречаться с иностранцами, и все они казались прибывшими из сказки.

11 сентября состоялось торжественное открытие конгресса в Эрмитажном театре, после чего гости растеклись по выставке.

Вечером в ресторане гостиницы «Астория» был дан ужин, для меня эта обстановка была новой: лакеи в белых перчатках, изысканные блюда, пылающие огнем десерты. Подали раков, я не знал, как их есть, и только после того как иностранцы

стали орудовать руками, я смущенно последовал их примеру. О таких роскошных приемах я читал только в книгах.

Следующие четыре дня были заседания конгресса, пленарные и секционные, а на протяжении всего дня на выставках толпились делегаты. Все было устроено роскошно, ведь это первый международный конгресс в Советском Союзе.

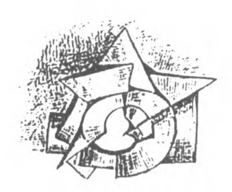
Буфет, устроенный в бывшем Египетском зале Эрмитажа, был бесплатным, и я стеснялся в первый день попросить у официанта торт, но потом привык.

Были интересные встречи, особенно со Станиславом Пжеворским, который публиковал закавказские древности (во время второй мировой войны он погиб в немецком концлагере), и с Гордоном Чайлдом, ходившим с зонтом, в черной широкополой шляпе и оценившим качество русской водки. Была поездка в Петергоф, прием во дворцах, освещенных свечами, прогулка по парку с фонтанами. Все сопровождалось фейерверками. Неудивительно, что делегаты конгресса запомнили его надолго.

Заключительная часть конгресса происходила в Москве, причем для его членов был подан целый состав с бесплатным рестораном, что создавало большую опасность, во всяком случае у меня в первый день пребывания в Москве болела голова. В Москве я вместе с конгрессменами походил по музеям и был в театре. Заключительный прием давал Моссовет, председателем которого тогда был Булганин. Прием также был роскошный, и мне запомнилось, что после окончания трапезы Чайлд с Булганиным искали на столах водку.

Из Москвы делегаты конгресса разъехались по своим странам, а мы вернулись в Ленинград. Выставка, вызвавшая большой интерес у посетителей Эрмитажа, продолжала функционировать. Из-за конгресса на археологические работы я смог выехать лишь в октябре.

СУХУМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А. А. Иессен пригласил меня поехать с ним в Сухумскую экспедицию, в Грузию, для производства разведочных работ в зоне строительства СухумГЭС. С нами поехали И. В. Щербаков и Ш. Чакветадзе, а в Абхазии к экспедиции присоединился опытный краевед Л. Н. Соловьев. До по-

ездки в эту зону строительства мы вместе с В. И. Громовым, известным геологом, работавшим в археологии, посетили места палеолитических местонахождений — Лечкоп и знаменитый Яштух. Это было мое первое знакомство с палеолитом в поле, затем посетили Сухумский археологический музей, тогда находившийся в «первобытном состоянии», и лишь 28 октября прибыли в зону строительства. Разведки велись в трудных условиях, в лесу, встречались развалины каких-то поздних построек, одичавшие старые сады. Древние могильники в таких условиях можно обнаружить лишь случайно. На трех участках строительства гидроэлектростанции шли работы преимущественно по прокладке дорог. Работали машины иностранных марок, было оживленно. Такое же оживление я ожидал и в тоннеле, через который должна быть пущена вода. Но ожидания мои не оправдались. В тоннеле работали два абхаза-забойщика, и отработанную породу отвозила лошадь с завязанными глазами. В чем же дело? Оказывается, забой с двух сторон тоннеля ведут опытные мастера, но кустарным способом; дай им в руки технику — они промахнутся и не встретятся. Так было в 1935 г. на первых стройках.

Убедившись в том, что прокладка дорог не разрушает древние памятники, а археологическая карта Абхазии в то время составлена еще не была, мы осмотрели древности в Сухуми: «Великую абхазскую келассурскую стену», замок Баграта постройки X—XI вв., «Венецианский мост» XIV в. и крепость «Сухум-кале», построенную в 1578 г. турками и взятую русскими войсками в 1810 г. Все это было интересно, но не имело отношения к нашей задаче. В Гудауте мы посетили местного доктора А. Л. Лукина, собравшего большую коллекцию абхазских древностей, поступившую позже в Эрмитаж. Особенно интересны были мелкие бронзовые культовые предметы эпохи бронзы из Бомбарской поляны. Сам А. Л. Лукин был очень колоритен, он чем-то напоминал по внешности И. А. Крылова — полнотой, бакенбардами, был очень приветлив и гостеприимен. У него был сравнительно большой мандариновый сад, и осенью до войны он очень часто присылал мне посылку отборных мандаринов.

В местности Азанта я впервые увидел сохранившийся дольмен — каменное погребальное сооружение в виде домика, сложенного из больших

Сухумская экспедиция. 1935 г. М. З. Паненкина, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, Л. И. Соловьев.

каменных глыб, передняя стенка которого имеет круглое отверстие. Эти погребальные сооружения, загадочные по своему распространению (они находятся на побережье на пути из Северного моря в Средиземное и Черное моря), были сооружены в эпоху бронзы во II тыс. до н. э. Посетили мы и Эшерское поле дольменов, где грузинские археологи производили раскопки, но эшерские дольмены менее впечатляющие, чем Азантские. Пришлось много ходить по лесным местностям, где редко встречаются люди, пользующиеся только картой, и мы убедились, что можно верить только дорогам, отмеченным на картах. А. А. Иессен решил идти кратчайшим путем, но не отмеченным на карте, а я пошел по окружной дороге, более длинным путем, но верным. В результате в место назначения я пришел на четыре часа раньше моих спутников, пытавшихся найти короткий путь.

Однажды нам пришлось заночевать у сторожа на кукурузном поле в лесу. Мы устроились на высоком деревянном помосте. Проснулись от какого-то треска. Сторож нам объяснил, что это медведь ломает кукурузу, но опасаться его не надо: абхазские медведи небольшие по размеру и на человека не пойдут. Тут же сторож прогнал медведя.

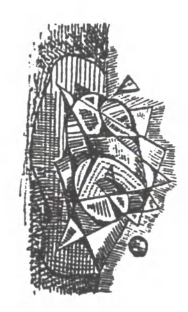

Борис Борисович в Армении на фоне Арарата. 1939 г.

Закончив работу в Абхазии, мы поехали на неделю в Ереван и Тбилиси и вернулись домой лишь 10 декабря.

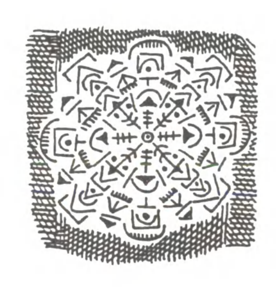
Так закончился 1935 год, состоявший из калейдоскопа событий.

КАВКАЗОВЕДЫ

В Академии истории материальной культуры моя работа наладилась, все конфликты с администрацией скоро забылись, В. И. Селиванов был предельно вежлив.

В секторе эпохи бронзы Миллера заменила В. В. Гольмстен с большим опытом практической работы. В кавказскую группу включился Б. Е. Деген-Ковалевский, пришедший из «политпросвета», — небольшого роста, в кожаной фуражке со значком Осоавиахима и выбитыми зубами. Он прекрасно говорил. Я вспомнил, что еще в школьные годы встречал его экскурсоводом на выставке Осоавиахима; он объяснял живо, оригинально и интересно. Деген выбрал Сванетию, там бывал, и в Академии продолжал заниматься сванами. Б. Е. очень не ладил с А. А. Иессеном, он всегда на секторе выступал против него, и когда в один переплет объединили работу Иессена и Дегена, то Деген устроил скандал и добился того, что на титульном листе между двумя фамилиями авторов

стояла звездочка, а не союз «и». Оживленные споры бывали у него с А. П. Кругловым и Ю. В. Подгаецким. В. В. Гольмстен их разнимала и очень ловко резюмировала спор.

Из Москвы приезжал Е. И. Крупнов, он всегда был степенным, немного взрослее нас, удивлялся непримиримости Дегена в споре, но еще более был поражен тем, что после бурных споров с оскорблениями на заседании все кавказоведы быстро потухали и шли обедать как старые и добрые знакомые.

С москвичами у нас отношения не ладились, но и плохими не были, хорошая дружба была только с Е. И. Крупновым, кавказоведом по специальности. В Москве он жил на Петровке, в монастырском доме, и окна его кельи выходили прямо на улицу, так как его дом выступал за линию соседних домов. Когда мы, кавказоведы, приезжали в Москву и останавливались у него (у нас на гостиницы денег не хватало), то ночевали в просторном шкафу, вделанном в стену. Большинство москвичей были учениками Готье и Городцова. В. А. Городцов долгое время был патриархом московских археологов, «царствовал» в Историческом музее, но потом его же ученики его «свергли» и ему изменили. Е. И. Крупнов постоянно сокрушался по этому поводу.

С Городцовым я разговаривал только один раз в жизни. Это было в 1956 г., после выхода книги А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей восточной Европы», посвященной хозяйству эпохи бронзы, с критикой прежних работ и использованием материалов московских археологов по архивным данным. Недовольные критикой, они протестовали, особенно О. А. Кривцова-Гракова, по поводу публикации сведений из архивов, без разрешения производителей раскопок.

Я сидел в коридоре третьего этажа Отдела истории первобытного общества и занимался керамикой из Патели, поступившей из Константинопольского археологического института. Зашел Городцов. Поздоровавшись, он спросил меня, кто я такой и чем занимаюсь. Я ему кратко ответил, сказав, что я работал на Дону у А. А. Миллера. Городцов заметил: «А вы, молодой человек, знаете, что Миллер копает оползни?» Я стал робко возражать и пытался объяснить на чертежах — ничего не помогало: мой собеседник накалялся. Тут подошли Круглов и Подгаецкий и вступили в разговор.

Городцов рассердился: «А вы кто такие? Может быть, я с вами и разговаривать не стану». Они назвали себя, тут-то и пошло. И книга плохая, и брать чужие неопубликованные материалы нельзя. На моих товарищей он вылил всю свою обиду на «археологов-марксистов», которые его допекли в Москве. Я не припоминаю, чем кончилась наша эта единственная встреча с Городцовым, но ее вторая половина была поспокойней.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Конгресс по иранскому искусству и археологии сблизил археологов Средней Азии и Эрмитажа. В Узбекистане тогда ведущим археологом был Михаил Евгеньевич Массон, очень активный и образованный. На конгрессе он делал доклад о замечательных кушанских рельефах I в. до н. э., изображающих музыкантов, найденных на берегу Аму-Дарьи в Айртаме. Первая фигура рельефа, изображающая арфистку, была найдена случайно, остальные же в 1933 г. при раскопках Массона. В 1937 г. эти замечательные рельефы были переданы в Эрмитаж и явились ценным пополнением Отдела Востока. М. Е. Массон во время конгресса договорился о совместных работах с Эрмитажем на городище Старого Термеза, где он уже начал свои раскопки. От Эрмитажа в экспедиции, кроме меня, приняли участие А. С. Стрелков, специалист по буддизму, В. Н. Кесаев и В. К. Сухотина. А. С. Стрелков практически в раскопках участия не принимал, так как его интересовало искусство, а не археология.

20 мая мы выехали поездом в Москву, провели там два дня, а оттуда добрались прямым поездом до Термеза. Путь занял пять дней, но был очень интересным, так как я отправлялся в Среднюю Азию первый раз и все для меня было необычным. Проезжали мимо Куйбышева, Оренбурга, где очень хотелось выйти хотя бы на один день, Актюбинска. Затем через Кзыл-Орду — до Ташкента, но и там не останавливались. От Ташкента путь был особенно экзотичным, проехали Самарканд—Карши, и по берегу Аму-Дарьи до Термеза. Несмотря на то что басмачество уже отошло в прошлое, его рецидивы все же чувствовались, и на южных станциях я видел группы людей в цветных халатах, тюбетейках, а частью и в платках вокруг головы, сидящих

на земле в окружении военной охраны. В Термез приехали вечером. Нас встретил завхоз экспедиции Арифханов и по темному Термезу отвез на базу экспедиции; при свете свечей мы разместились на ночлег в большой комнате, где стояли приготовленные для нас кровати. Утром, когда я проснулся, то смог разглядеть комнату лучше: пол, выложенный из небольших квадратных кирпичей, коробовый свод, без штукатурки, также с различными кирпичами, за окнами сад.

Я и Н. Д. Флиттнер уже начали писать главы для «Очерков по истории техники», предполагавшихся для издании в Академии наук (я работал над главой «Архитектура древней Месопотамии»). И первая мысль, которая мне утром пришла в голову, — это сходство ассирийских построек с нашей комнатой. Это меня очень поразило. По-видимому, действительно тут отразилась старая традиция, так как и древние городища по планировке были близки к ассирийским дворцам. Во всяком случае трудно передать то чувство, которое я испытал в это первое утро на среднеазиатской земле.

Два дня мы провели в Термезе. Очень приятный небольшой городок, много зелени и чайных. В чайханах на широких скамьях во всю стену сидели узбеки, поджав ноги, и пили чай; в стороне стояли столики со стульями для европейцев. В. Н. Кесаев усаживался как абориген, я же скромно садился за столик. Пить чай можно было до бесконечности, особенно в жару.

При оформлении в пограничном округе, где Кесаев подружился со всем начальством, нам предложили сшить военные костюмы; особенно великолепны были брюки-галифе, которые можно было носить только с гетрами и высокими сапогами. Эти костюмы помогали пограничникам отличать «своих» (в 1942 г. в Ереване этот мой костюм выгодно обменяли на грецкие орехи).

31 мая наконец мы выбрались на городище древнего Термеза. Оно находится на самой афганской границе, на берегу Аму-Дарьи, напротив него афганский пограничный пост. Пограничники на нем наемные, без военной одежды, вечером обходили свою территорию с фонарями в руках. В бинокль можно было разглядеть, как к ним иногда верхом приезжали военные, иногда у них сверху на военную форму были накинуты халаты. Я удивлялся тому, что в жестокую жару наши рабочие приходили в халатах, а они в свою очередь удивлялись

тому, что мы были в одних рубашках, показывали на них и говорили: «Солнышко — горячо».

Первый день мы обошли с Массоном все городище, нас сопровождал пограничный офицер, который предупредил, что мы можем наступить на «секрет», на пограничника в укрытии, но тогда не должны даже вида показать, чтобы его не рассекретить. Мы постоянно видели телефонные провода, пересекавшие городище, но на «секрет» так и не натолкнулись. Пограничник предупредил и наших женщин о том, чтобы они помнили, что при купании в Аму-Дарье они находятся в бинокльном обзоре пограничных постов. Наш лагерь, небольшой домик с верандой, находился за бугром и из него граница видна не была. Ночью мы не должны были выходить из этой зоны. Мы часто встречались с конным пограничным дозором, рядом с лошадью шла пограничная собака (овчарок оказалось не так уж много, самая знаменитая собака по кличке «Гитлер», задержавшая несколько нарушителей, ни к какой известной породе не принадлежала). Как только собака видела идущего человека, она быстро отбегала в сторону и останавливалась на расстоянии, так чтобы одновременно видеть и хозяина, и чужого. Если пограничник с «чужим» вел себя спокойно и остановился поговорить, то собака опускала уши и спокойно шла «к ноге» пограничника, ни на кого не обращая внимания. Так же спокойно вели себя собаки «на холодке» в тени раскопа, но никогда не принимали еду, иногда только пили, и то по предложению хозяина.

Термезское городище очень большое, для моих раскопок был выбран холм Чингиз-тепе, выделены на первое время двое рабочих и помощник И. А. Сухарев, очень симпатичный и способный ученик М. Е. Массона, погибший на фронте в годы второй мировой войны.

Выбрали место, разбили его на квадраты и начали копать. Трудное дело раскапывать строения из сырцового кирпича, но в Термезе это дело особенно сложно: кирпичи от грунта почти не различимы. Я пришел в отчаяние, И. А. Сухарев был тоже обескуражен, обратились к помощи М. Е. Массона. Тот пришел с металлическим «щупом» и стал «препарировать» кирпичи, искать их контуры. Я чувствовал, что у него тоже ничего не выходит, но он не хотел и вида подать. Мне хотелось сделать разрез, тогда я точно узнал бы — режу стенку или завал кирпичей, но такой метод

в Термезской экспедиции не полагался. Мы мучились, пытаясь оконтурить сырцовые кирпичи, а рабочие сидели. Далее наше настроение еще более испортилось, мы попали на мусорную яму военного лагеря, который, по словам археолога Г. В. Парфенова, был здесь в 1900—1903 гг. Попадались обрезки кожи, игральные карты, битые бутылки, флакон от чернил с этикеткой «фабрика П. Лукошникова», коробка от ваксы. Все это нас очень злило, а сильная жара давила и к работе не располагала.

В районе Термеза нередко бывают сильные ветры, называемые «афганцами». На седьмой день наших безуспешных работ ночью налетел такой ветер, который размел нам площадь раскопа, выдул сыпучий грунт и обнажил сырцовые кирпичи. Было ясно, что кирпичи, которые мы так длительно «препарировали», лежат завалом, а контуры их оказались фантастическими. Я вздохнул свободно: несмотря на продолжавшийся сильный ветер, смело стал рушить завал и натолкнулся на хорошо различимый угол помещения. Далее, идя по стенке, оконтурить помещение было уже легко. И через пару дней мы полностью расчистили первую из комнат. За весь период работ было открыто четыре помещения, в которых найдены обломки характерной кушанской керамики красного цвета со штампованным орнаментом и современные этой керамике монеты. По-видимому, это была часть комплекса постройки, относящейся к буддийскому монастырю. По рельефу местности все здание могло быть четырехугольным со внутренним двором.[1]

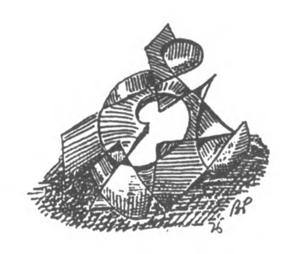

«Афганец» не всегда помогал нам в работе, он иногда рушил стенки раскопа, а однажды ночью он так рассвирепел, что пришлось несколько раз вставать, чтобы укреплять колья палатки. Утром ураган не стих, ветер нес пыль из афганской пустыни, сквозь это облако солнце видно как бы через закопченное стекло. Приступить к работе не могли, очень трудно было даже передвигаться против ветра, а когда «афганец» утих, то пришлось затратить много времени для уборки из раскопа нанесенного им песка. В перерывах между работой на Чингиз-тепе бродил по городищу. Первое впечатление — колоссальность. Стены из кирпича ме-

---

[1] Моя статья «Раскопки на Чингиз-тепе (Термез)» была опубликована в Трудах Узбекистанского филиала АН СССР за 1940 г. (Сер. 1, вып. 2. С. 159—167).

стами хорошо сохранились, размывы придали им несколько причудливую форму. В дворцовом здании, раскопанном в свое время Музеем восточных культур (под руководством Б. П. Денике), В. А. Шишкин произвел расчистку резных алебаст-ровых панелей, открытых и засыпанных прошлой экспедицией. Земля засыпки осела, и верхняя часть рельефов разрушилась (хорошо, что были сделаны слепки). Четко видна планировка города: шахристан, рабат. Чингиз-тепе представляет собою самостоятельное городище. Стоявший некогда в северной части минарет 1032 г. разрушен пограничниками, артиллеристы избрали его своей мишенью, а местные жители быстро разобрали кирпичи. В одной из экскурсий Дома офицеров, которые водил по городищу А. С. Стрелков, был один из артиллеристов, расстреливавших минарет: он очень сокрушался о содеянном и оправдывался незнанием.

На городище сохранилась большая круглая башня «Зурмела», представляющая собой буддийскую ступу, около минарета можно было видеть «гофрированное здание», сложенное из квадратных кирпичей, оно было двухэтажным, и своды проходов сохранились хорошо. Интересна постройка из крупных блоков сырца, которая называется «Чор Ислам» («четыре ислама»).

Побывал я и на Кара-тепе, где находится так называемое кратерообразное здание, сложенное из квадратных сырцовых кирпичей, и пещеры, входы в которые засыпаны песком. На поверхности Кара-тепе нашли куски обработанного известняка и обломки керамики, украшенной розетками и львиными головками. А. С. Стрелков и И. А. Сухарев расчищали вход в одну из пещер и в отвале нашли сасанидскую монетку. С трудом из-за жары заканчивали работу. Сухарев уже уехал, Стрелков и Сухотина изнывают от жары и сидят на базе, фотограф И. П. Завалин при такой температуре не может проявлять негативы. Вода в Аму-Дарье прибывает (тает снег в горах), предсказывают, что жара будет усиливаться. В. Н. Кесаев и я держимся, быстро заканчиваем работу.

2 июля работы закончили, погрузили все наши вещи на арбу, и я с А. Арифхановым пешком ее сопровождали. На дороге около кишлака Чарма 2 (на полях колхоза им. Кахарова) нам встретился арык. При поисках перехода мы набрели на обломок женской статуи из мергелистого известняка. Фигура в шароварах с лентой в левой руке, голова

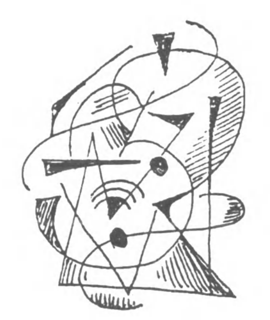
и ступни, к сожалению, отбиты. Пришлось возвращать переправившуюся через арык арбу обратно и погрузить на нее статую.

В Термезе я пробыл один день и на поезде выехал в Бухару для дальнейшего следования через Красноводск в Армению на раскопки Амбердского замка, в экспедицию, возглавляемую И. А. Орбели. В 1934 г. мы с Н. М. Токарским провели там подготовительные работы.

В Бухаре я пробыл один день, но успел осмотреть все самое основное благодаря помощи нашего бывшего ленинградца, высланного в Бухару Ф. Б. Растопчина, которого я нашел в музее, в медресе Кукельташ.

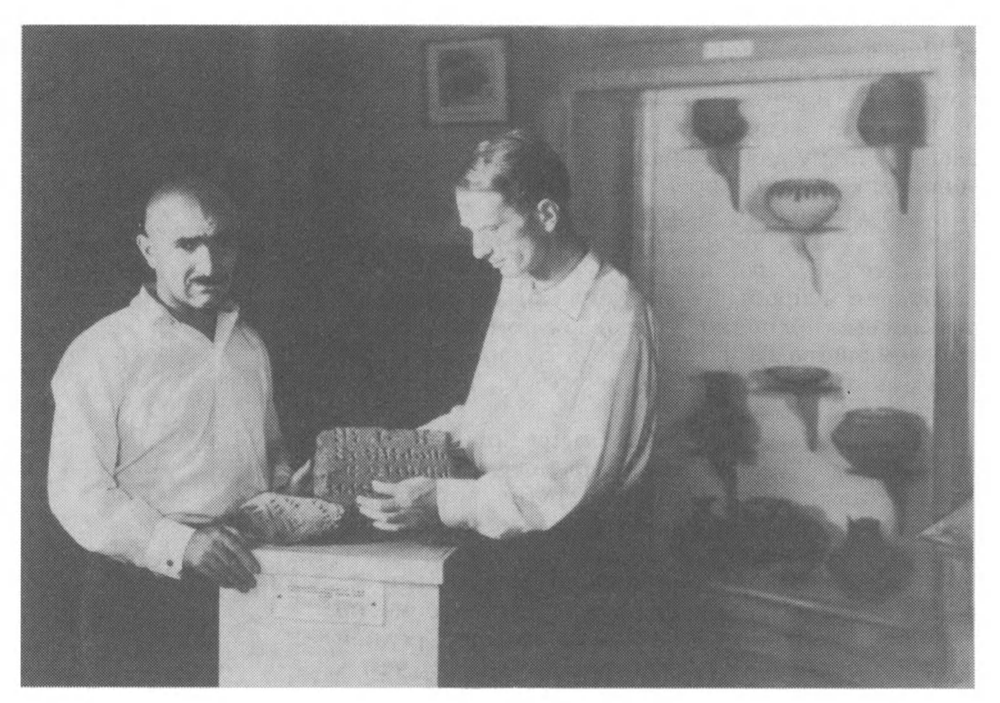
Наибольшее впечатление на меня произвел мавзолей Исмаила Самани (IX в.), очень четких форм и без цветных изразцов. Но и другие роскошные здания (такие как дворцовая мечеть, медресе Улугбека и медресе Абдул Азиз хана, «минарет смерти») были для меня необычны, так как о мечетях Средней Азии я имел неверное представление по петербургской мечети. Изразцы на солнце Средней Азии производили чарующее впечатление, в чем я мог убедиться и позднее, когда посетил Самарканд.

По пути на Красноводск мы с В. Н. Кесаевым посетили Ашхабад, повидали замечательную мечеть в Анау (сер. XV в.), портал которой украшен изразцовой мозаикой с изображением двух драконов. Мечеть эта рухнула в 1948 г. при знаменитом ашхабадском землетрясении. Пробыв в Ашхабаде почти три дня, выехали поездом в Красноводск. По пути поезд остановился в пустыне. Оказалось, что из арестантского вагона, пропилив пол, бежали арестованные. Высадили охрану и поехали дальше. В Красноводске прождали день и на теплоходе «Г. Чичерин» поплыли в Баку. Там я попрощался с Кесаевым, он поехал поездом на север, а я в Армению, в Ереван, через Тбилиси. Путь тогда был утомительный и долгий, не было самолетов, которые ныне часто снимают время пути, если погода лётная; не было железнодорожных линий Баку—Ереван и Сухуми—Тбилиси.

СНОВА В АРМЕНИИ

В Ереване не задержался и поспешил в горы, в замок Амберд, расположенный на склоне горы Арагац. Экспедиция была уже в полном сборе.

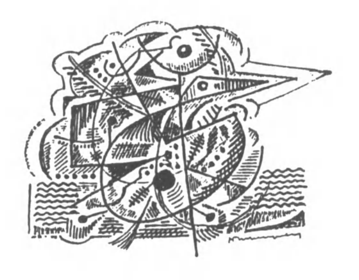
К. Г. Кафадарян и Б. Б. Пиотровский у обломка камня с надписью урартского царя Руси II.

Заместителем И. А. Орбели был Н. М. Токарский, из эрмитажных сотрудников принимали участие К. В. Тревер, А. А. Аджян, Т. А. Измайлова и я. Несмотря на конфликты в первой разведочной экспедиции 1926 г., ныне был допущен А. Л. Якобсон, занимавшийся архитектурой средневековой Армении. В экспедицию была привлечена и группа армянских ученых, тогда еще аспирантов и молодых научных работников с будущим (С. Еремян, К. Кафадарян, С. Бархударян, О. Егиазарян, Х. Е. Гюлламирян), старый сотрудник еще марровского времени С. В. Тер-Аветисян и фотограф Арташес Вруйр, сын знаменитого анийского фотографа.

Раскопки велись в трех местах: в разрушенном замке, сохранившейся бане XII в. и обнаруженном при разведке потайном ходе, ведущем вниз к речке. В замке были расчищены наружные стены от завалов, но произвести раскопки внутри постройки было делом невозможным, да и очень рискованным без закрепления каменной кладки. Легче было исследовать баню, состоящую из двух помещений с купольным перекрытием и полом из каменных плит, также установленных на каменных столбиках. Были найдены остатки железных водо-

проводных труб, втулки от бронзовых кранов, обломок котла, фрагменты люстровой керамики. Наиболее интересные находки оказались в небольшой пристройке к бане. Это три великолепные массивные бронзовые ступки: одна из них с тонкой гравировкой с изображением зверей в орнаментальном обрамлении и с имитацией арабских надписей, другая украшена скульптурным изображением головки быка. Вместе со ступками были найдены три бронзовые курильницы и небольшой бронзовый котелок на трех ножках. Трудно сказать, принадлежали ли эти замечательные предметы бане для растирания разных снадобий и для курения, или же они были спрятаны в случайном месте, там, где им быть и не полагалось.

Мне удалось расчистить значительный участок скрытого хода к реке, сложенного из крупных камней, открыть линию водопровода (из глиняных труб) за пределами крепости, по которому текла родниковая вода, а на дороге из селения Бюракан на высокогорную станцию обнаружили каменную статую, из тех, которые принято называть «вишапами». На ней изображена стилизованная голова барана, от которой вниз отходят чашечные углубления.

Экспедиция была хорошо организована. Некоторые сотрудники и гости, а их было много, жили в больших десятиместных палатках, большинство же спало на койках, расставленных в церкви. Я и Антон Аджян поселились в палатке вместе с И. А. Орбели и К. В. Тревер. Места в ней было много (для того чтобы К. В. выделить отдельный закуток), но плохо было то, что мы находились под постоянным наблюдением. И. А. ввел в экспедиции сухой закон, и по вечерам нам выдавали по лечебной рюмочке коньяка из рук К. В. Это нам надоело, и мы ввели обычай перед обедом просматривать свои негативы в лаборатории Вруйра. Заходили, на столе — стаканчик коньяка и половинка помидора, который в красном свете казался белым. Из гостей мы особенно ценили ученика Н. Я. Марра, режиссера Русского театра в Ереване Л. А. Калантара. В его обществе И. А. постоянно бывал в добром настроении. Приезжали и ленинградцы, в частности А. В. Банк, Л. Т. Гюзальян. Орбели всю экспедицию не выдержал и уехал в Ленинград, поручив надзор над молодежью К. В. Тревер, но нам надоели профилактические порции коньяка, и мы приобрели у зав. хозяйством Пашика свои бутылки и распивали их ночью в церкви, где спали сотрудни-

ки. Никому мы не мешали, никого мы не будили, только один раз, как привидение, поднялся А. Я. Борисов, который отказался принять участие в ночной трапезе, по принципу старого обряда (он был к нему очень близок). К. В. Тревер заподозрила неладное в том, что мы без охоты получали вечернюю порцию, устроила у Пашика проверку запасов и обнаружила наше преступление. Она огорчилась до слез, а успокоившись, написала в Ленинград на нас донос. Но нам эти небольшие дозы коньяка работать не мешали, только настрое-ние улучшали.

Однажды внизу под крепостью остановилась арба с крупными глиняными сосудами. Н. М. Токарский пошел узнать, что крестьянин везет. Спустился вниз и не вернулся до следующего дня. Оказывается, в арбе он обнаружил вино и на солнышке неосмотрительно выпил больше нормы. Крестьянин, по армянскому обычаю, не мог его оставить на дороге, а время у него до рынка было в обрез, он и увез своего гостя на арбе в Аштарак. Вообще с Ник. Мих., очень веселым и общительным человеком, часто случались необычайные истории.

Успешные работы в Амберде так и не были опубликованы. Сначала И. А. загорелся, потом остыл, потом подбор авторов ему не понравился. По Амберду им написана маленькая статейка «Баня и скоморох XII в.», напечатанная в 1938 г. в сборнике «Памятники эпохи Руставели». Статья эта фантастическая. При раскопке бани и прилегающей постройки в разных местах были найдены случайные кости курицы или петуха и одна челюсть старого беззубого человека, неизвестно как попавшая в раскоп. И. А. Орбели эти случайно найденные и разрозненные предметы объединил в погребение шута и надиктовал красивую новеллу, ничего общего с фактическими данными не имеющую. Но таков был Иосиф Абгарович, не терпевший каждодневную нуду и точность археологических данных.

Замок Амберд находится высоко на склоне Арагаца. Великолепный разреженный, прозрачный воздух. Утром вставали в тумане, а иногда он расстилался ниже нашего лагеря. Князья Пахлавуни хорошо выбрали место для своей резиденции, за столом мы их часто хвалили; ослика назвали Пахлавином, а через некоторое время, когда стали ко всем критически относиться, пошла молва, что мы «возвеличивали» армянских князей.

С гор спустились в середине августа. В Ереване в это время стояла еще тяжелая жара. Я предложил Антону Аджяну совершить со мной поездку, вернее поход в Даралагез, в тот район Армении, который мне знаком не был.

Утром выехали из Еревана автобусом на Арпу, чтобы оттуда направиться пешком в Амагу для осмотра замечательного монастыря XIII в. в Нораванке, родовом поместье князей Орбелянов. Но в Арпе задержались, долго ждали погонщика с ослом и вышли только далеко за полдень. Крутая дорога поднимается в горы, виды сказочные. Скалы красного цвета, на высотах синие тени. Добрели до Амагу и остановились ночевать в школе. С утра осматривали эти удивительные памятники монастыря Нораванк. Они несколько декадентны, но красивы, особенно двухэтажная церковь, с крутыми, двумя перекрещивающимися лесенками на фасаде. Очень интересны рельефы на хачкарах: на человеческих фигурах головы поставлены горизонтально, а рука передана в округлом изгибе над головой. В Нораванке провели целый день, вернулись в Амагу вечером. Пришлось проводника с ослом отпустить, дальше придется рассчитывать на свои ноги.

На следующий день пошли искать древнюю крепость. Нашли, она оказалась сложенной из крупных камней, забраться наверх было трудно. Полез один Аджян, ничего интересного не обнаружил, но спускался вниз с большим трудом. В лазании по камням вверх и прыжкам с камня на камень я не мог тягаться с моими армянскими спутниками. У меня всегда ноги были в синяках, и не раз оступался я в воду при переходе речки по камням.

Спустившись с возвышенности, пошли в Арпу по руслу высохшей реки, покрытому белыми гальками; кругом отвесные скалы громадной высоты. Пейзаж сказочный, шутили, что идем по руслу канала Марса...

В Арпе осмотрели храмы и особенно подробно могильник XVI в. На погребальных памятниках в виде саркофагов изображены сцены охоты и быта. Такие надгробия встречаются и в других местах, но тут у нас была возможность подробно их рассмотреть. На стенах храмов много вертикальных углублений, которые встречаются и на нижних камнях древнеегипетских храмов. Эти углубления считались загадочными, но тифлисские старожилы их объяснили. При загадывании желания брали

плоскую гайку, ее втирали в мягкий камень — если эта гайка удержится в выточенной щели, то желание сбудется. Таких следов гадания на нижних частях средневековых армянских храмов много.

Направились пешком в Кешишкенд. Идти трудно, особенно хочется пить; прилегли у родника, положив ноги на рюкзаки, и начали мечтать о попутной машине (тогда они были очень редки). Но, на наше счастье, автомобиль-грузовик появился и довез нас до Кешишкенда. На следующее утро мы долго прождали верховых лошадей для поездки в Алаяз. Несмотря на то что я учился верховой езде в манеже Зимнего дворца, я остался плохим наездником, а лошади это очень чувствуют, и поэтому я воздерживаюсь от резвых лошадей и предпочитаю приближающихся к клячам.

Но как бы то ни было мы благополучно добрались до Смбатаберда, громадной, хорошо сохранившейся крепости, облазили ее и отправились осматривать храмы. Особенно нас интересовала «войсковая церковь» в Алаязе, самого конца XIII в. Вся церковь состоит только из алтаря и двух притворов, помещение для молящихся заменяет большая площадка. Можно себе представить величественное зрелище — коленопреклоненные воины перед алтарем, где идет служба. Только из-за этого памятника стоило совершить трудный переход.

Из Алаяза мы решили пешком через Селимский перевал выйти в Мартуни, на озеро Севан, а это более 50 километров. И пошли, тогда мы были молодыми и недолго раздумывали. Дошли до знаменитого караван-сарая, построенного в 1332 г. Но внутрь зайти не было никакой возможности, так как туда постоянно загоняют отары овец. Пришлось осмотреть его снаружи, зарисовать некоторые знаки, вырезанные на его строительных камнях. Подобные знаки, обнаруженные на скалах, признавались за очень древние, неолитические.

От Селима стали спускаться вниз. Погода была не жаркая, настроение хорошее, но до Мартуни добрели с трудом, уже в сумерки. Так как мы были очень голодные, то сразу же отправились поесть, решив, что уставшим вино не подойдет. Но, попав в компанию, отказаться от вина было нельзя. С трудом уговорили позволить нам ночевать в школе, учитель настоятельно звал к себе домой. На следующее утро на маленьком катере нас отправили в Севан (Еленовку), а оттуда уже автобусом до-

брались до Еревана. Поездка наша оказалась прогулочной, но и это было неплохо. Правда, нам с трудом верили, что мы за один день дошагали до Алаяза в Мартуни. Наш поход с А. Аджяном в Иджеванский район раззадорил друзей, и на обратном пути в Ленинград мы решили посетить Лори-Памбанский район с его знаменитыми архитектурными памятниками: Санаином, Ахпатом, Узунларом и Ахталой. Кроме Аджяна с женой (Т. А. Измайловой) и Гюзальяна с женой (Е. И. Рахманиной), в поездке приняли участие А. В. Банк и Р. Г. Дрампян — директор Ереванской картинной галереи. Дрампян, в молодости «Дрампов», работал в Петербурге в Русском музее, хорошо знал деятелей «Мира искусств» и после переезда в Ереван создал там великолепную коллекцию картин русских художников; он брал из Ленинграда все то, что было непопулярным. Таким образом он получил портрет Николая II работы И. Е. Репина, на котором царь изображен в военной шинели. Он получил и другие замечательные рисунки Серова. Богатую коллекцию он составил и для себя.

На пути в Тбилиси мы вышли на ст. Аллаверды, где пробыли три дня. Ночевали в какой-то захудалой гостинице, где можно было получить койки в мужских и женских комнатах. Из Аллавердов ходили пешком, в первый день осмотрели Санаин, были в сел. Акпер (б. Ворнак), где находился знаменитый могильник, который раскапывался Н. Я. Марром и Е. С. Такайшвили. Местные жители показали склон горы, где якобы он находился, но никаких следов не было. Из Акпера прошли в Санаин. К такой архитектуре равнодушным оставаться нельзя. Вернулись ночевать в свою коечную гостиницу. Следующий день был посвящен Узунлару (Одзуну). Я очень люблю этот храм с его колоннадой (хотя и более поздней) и высокую стелу около этого храма с очень своеобразными рельефами. В третий день мы побывали в Ахтале, где Л. Дурново копировала фрески в натуральную величину. Мы очень дружили с Л. А., и было приятно видеть ее за работой. В Тбилиси мы не задержались, вечером же выехали в Ленинград (поезд № 19, хорошо нам знакомый).

В этом году Советский Союз посетил знаменитый исследователь Урарту Леман-Хаупт, он был в Москве и Ленинграде, вел занятия по урартскому языку в Тбилиси и Ереване. Но наши пути расхо-

дились, и мы с ним так и не встретились, о чем я очень сожалею, пришлось лишь слушать рассказы о его пребывании в нашей стране.

Н. И. БУХАРИН

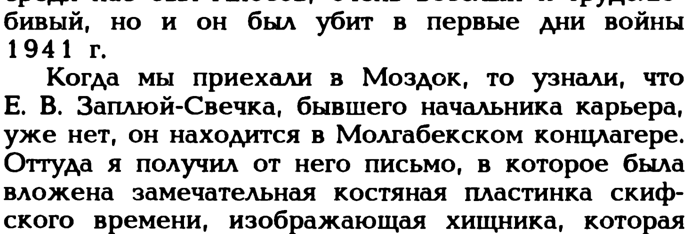

Уже в Армении мы почувствовали напряженную обстановку — начались аресты. Такую же напряженность мы встретили и в Ленинграде. Особенно неуютно было в Институте истории техники Академии наук СССР. В дни своего высокого положения Н. И. Бухарин, несмотря на противодействие академиков, был избран академиком. После ухода с политической арены он стал директором этого Института и часто приезжал в Ленинград. Институт находился в здании библиотеки Академии наук, и я приходил туда на заседания. Бухарин остался в моей памяти как очень живой и активный человек с проницательными глазами. Он появлялся на заседаниях в кожаной куртке, не хватало только маузера у пояса. Заседания происходили очень интересно, так как на них собирались ученые разных специальностей. Обычно открывались дискуссии, и Бухарин в них активно участвовал. Не обходилось и без курьезов. Так, знаменитый специалист по мостам проф. Передерий заявил в докладе о средневековом армянском мосте в Санаине, существующем и поныне, что этот мост построен не по правилам «современной техники» и не был бы принят сегодня экспертной комиссией. Заседания постоянно посещали знаменитые энергетики — профессора Шателен и Миткевич, приходили на них и И. А. Орбели, и Б. Л. Богаевский.

Было страшно, что после XVI съезда ВКП(б) в 1929 г., на котором группа Бухарина была разгромлена, а Троцкий выслан за границу, Бухарин пользовался еще уважением — вплоть до громкого процесса 1936 г., когда ему был вынесен смертный приговор. Через четверть века после этого события у меня в нубийской экспедиции работал заместителем П. Д. Даровских, который в 1936 г., будучи курсантом, находился в охране процесса над Бухариным. Он рассказывал о том, что курсанты были удивлены обращением с подсудимыми, которым в перерыве суда подавали не арестантскую пищу, а хорошие обеды.

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ КУРГАН

Поздней осенью я снова выехал в экспедицию, в Моздок, где я производил раскопки в 1933 г. В моей экспедиции приняли участие А. П. Круглов, Б. Е. Деген-Ковалевский, Б. З. Рабинович и С. Н. Аносов. Это была на редкость сильная по составу экспедиция и поэтому работать было интересно, хотя споры происходили беспрестанно, особенно между Кругловым и Деген-Ковалевским, которые, употребляя «крепкие выражения», оставались друг с другом на «вы». Рабинович был очень вдумчивым археологом, успешно работавшим по скифской археологии, его научная работа прервана была войной, на которой он и погиб. Самым молодым среди нас был Аносов, очень веселый и трудолюбивый, но и он был убит в первые дни войны 1941 г.

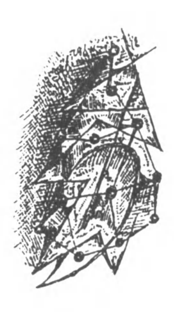
Когда мы приехали в Моздок, то узнали, что Е. В. Заплюй-Свечка, бывшего начальника карьера, уже нет, он находится в Молгабекском концлагере. Оттуда я получил от него письмо, в которое была вложена замечательная костяная пластинка скифского времени, изображающая хищника, которая ныне является украшением скифской коллекции Эрмитажа.

Так как работы на знакомом нам карьере заканчивались и его эксплуатация прекращалась, то основные работы были развернуты на курганном могильнике около станции Моздок. Там было раскопано десять курганов. Два наиболее крупных относились к эпохе бронзы, три к сарматскому времени (I—II вв.) и пять курганов ко времени XIII—XIV вв. Наиболее интересные результаты дали исследования курганов эпохи бронзы. В одном из них основное погребение (в деревянном срубе на галечном подстиле) содержало детское погребение, по времени близкое к Майкопской культуре (конец III тыс.). Были прослежены два конуса насыпи и открыто несколько впускных погребений, содержавших керамику, украшенную «веревочным» орнаментом (узором из сплетенной веревочки). Особенно красивы были курильницы на ножках, богато украшенные орнаментом. Красивый черный лощеный кувшин был найден в сарматском кургане. Менее всего нас привлекали поздние погребения, но в одном из них оказались остатки женского головного убора из бересты в форме рогов, со следами раскраски и украшениями в виде сереб-

ряной трубочки. Такой головной убор, называемый «бокка», существовал в XIII в. у монголов и был описан путешественниками Плано Карпини и Рубруквисом. Подобные головные уборы, так называемые «кички», сохранялись в быту долго, археологически же они известны в древних погребениях из Поволжья и Калмыцкой области. Жили мы в частном доме. С хлебом было тогда в Моздоке туго, но дичи во дворе было вдоволь; когда у нас были обычные находки, то мы довольствовались курицей, когда получше, то заказывали утку, а в дни интересных находок бронзового века лакомились гусем.

Раскопки были трудными, в поле было холодно, а последние дни приходилось работать в снегу. Вернулись в Ленинград в середине декабря, так и не окончив самый интересный курган.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН 1937-го

1937-й был трудным годом. Как в начале 30-х годов, мы, приходя в Эрмитаж, не досчитывались картин, увезенных за границу, так в 1937 г., приходя в Эрмитаж, мы не досчитывались сотрудников, арестованных ночью. Список арестованных эрмитажников увеличивался, а ГАИМК был разгромлен еще сильнее. Ф. В. Кипарисова арестовали еще в 1936 г. Была полная неуверенность в своей судьбе, все понимали, что творится что-то чрезвычайное. Сильное впечатление на всех произвел процесс над военными деятелями во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. «Черный ворон» приезжал для ареста до часа ночи, и многие до этого времени не ложились спать, все опасались быть случайно причастными к тотальному заговору. Где-то я прочитал о рассказе, получившем первую премию в конкурсе «страшных рассказов». «Один джентльмен входит в купе поезда и видит, что там сидит человек, читающий газету. Вошедший спросил его, не помешает ли он, заняв свое место. Сидевший откинул газету, и вошедший увидел, что у соседа нет лица...» Можно было бы на конкурс представить и иной короткий страшный рассказ. «Научный работник сидит за столом и работает. 12 часов ночи. Вдруг раздается продолжительный звонок у входной двери...»

Но жизнь шла своим чередом; несмотря на нервную обстановку, люди работали. Одни заменяли ушедших, затем их заменяли новые.

Летом И. А. Орбели был назначен директором Института истории материальной культуры (в этом году Академия истории материальной культуры была переименована в Институт с передачей Академии наук), и первым делом он учинил там разгром, уволив Е. Ю. Кричевского, взявшего на дом из библиотеки много книг без расписок. Но провинившегося пришлось вскоре взять обратно.

У «молодых марксистов» в Институте уже не было их защитников, там царили полная неразбериха и растерянность. Начались резкие (с бранью) выступления по адресу арестованных ученых. В журнале «Историк-марксист» (1937, № 7) А. Арциховский, М. Воеводский, С. Киселев и С. Толстов называли арестованных «троцкистско-зиновьевскими и бухаринскими вредителями» и считали, что враги народа Пригожин и другие в течение многих лет использовали эти научные учреждения, превратив их в оперативную базу своей вредительской подрывной работы. Еще хлеще была статья в «Советской археологии». Там бывшие руководители ГАИМК, его Московского отделения и Института антропологии и этнографии названы «подлыми врагами народа, агентами гестапо, троцкистами-зиновьевцами» и обвинялись в упразднении археологии и этнографии как наук. Причем заодно в ликвидаторстве этих наук обвинялись А. Арциховский, С. Киселев, А. Смирнов, А. Брюсов, а также А. Бернштам, Е. Кричевский, П. Борисковский, В. Равдоникас, П. Ефименко. Всем сестрам по серьгам. Особенно попало Б. Л. Богаевскому, у которого в 1936 г. под редакцией Бухарина и с его предисловием вышла книга «История первобытно-коммунистической техники».

Обстановка была крайне неприятной. И. И. Мещанинов потирал руки, он был на гребне этих волн.

В Армению в этом году я не поехал, но воспользовался приглашением А. А. Марущенко принять участие в раскопках в Мерве. Он еще не был посажен, а А. С. Стрелков, который также хотел поехать в Туркмению, пограничного пропуска не получил. Это было уже привычным сигналом.

НА РАЗВАЛИНАХ МЕРВА

В Туркмению я поехал в мае и попал уже на жаркий период. Пробыл несколько дней в Ашхабаде, знакомился с городом, который тогда был

больше похож на большую деревню. Так как я приехал в Ашхабад поздно вечером, то провел ночь на скамейке около памятника Ленину, пьедестал которого воспроизводил цветной туркменский ковер. Утром я разыскал А. А. Марущенко, с ним мы посетили городище Старой Нисы, раскопанное тогда траншеями, из которых были извлечены терракотовые архитектурные детали, которые были на выставке к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии.

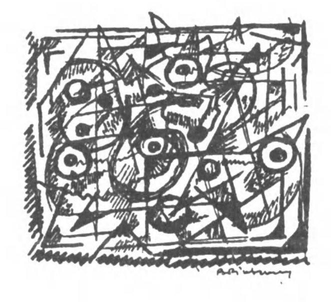
Подготовка к выезду в экспедицию была недолгой. Марущенко со мной и своими сотрудниками П. В. Арбековым, С. Шайдуллиным и Х. З. Алиевым выехал в Байрам-али. Это бывшее «государево имение» — чудный оазис в бассейне Мур- габа, с каналами, зеленью, небольшими домиками. Там было очень приятно провести время, погулять, попить в чайных зеленый чай и насладиться относительной прохладой. И вышло так, что в Мерв мы отправились вечером. Прибыли в темноте в заранее подготовленное для нас помещение в небольшом караван-сарае, около могилы святого. Расположились и поужинали при свечах. Ночь была безлунная, и мы в темноте вышли за пределы двора нашего дома, один из наших молодых спутников в темноте справил свои надобности около одной из могил, и когда он понял, что он сделал, то впал в отчаяние, с нервным потрясением, которое у него не прошло и на следующий день: он лежал как тяжелобольной, и мы его никак не смогли успокоить. Таков был мусульманский фанатизм.

Развалины старого Мерва занимают громадную территорию, площадью около 70 кв. км, на которой расположено несколько городищ. Древнейшие из них — Эрк-кала и Гяур-кала — в своей основе относятся к I тыс. до н. э. В парфянское время была сооружена громадная стена вокруг города. С IV в. Мерв был сасанидским, в 651 г. был захвачен арабами, в 813 г. стал резиденцией халифа Мамуна из династии Аббасидов. Наземные сохранившиеся памятники относятся к более позднему времени. Это — мечеть-мавзолей Талхатан-баба, с очень изысканным узором из орнаментальной кирпичной кладки (XI—XII вв.) и очень монументальный мавзолей султана Санджара (XII в.). Именно в XI в. и первой половине XII в. Мерв был столицей «великих сельджуков», при них центром Мерва было городище Султан-кала. В начале второй половины XII в. он был разграблен гузами и возродился

на недолгое время при хорезмшахах (конец XII—начало XIII в.), а в 1221—1222 гг. был захвачен монголами и сметен с лица земли.

Прогулки по развалинам Мерва были очень интересные и заняли много времени. Меня поразило обилие черепах на городищах, причем они особенно любили древние стены. На территории Мерва паслись стада мелкого скота, охраняемого большими овчарками, которых я опасался и не стремился на сближение с ними. Марущенко привык к собакам и выкидывал с ними разные шуточки. Он просил меня привлечь такую собаку, а сам прятался за камень. Когда собака крупными прыжками шла на меня и я был готов раскаяться в своем легкомыслии, Марущенко, а он ходил в одних трусах, с визгом выскакивал из прикрытия и вставал на четвереньки перед бегущим псом. Эффект бывал поразительным: собака или с визгом убегала назад, или бросалась на землю, подняв свои лапы, и, несколько придя в себя, улепетывала. Я был поражен такими трюками моего спутника. Марущенко был человеком своеобразного характера, довольно неуживчивым; он находился в постоянном конфликте с М. Е. Массоном, который, имея силу, его прижимал и постоянно с ним не соглашался. Я же с Марущенко подружился, его подшучивание меня не трогало, а энтузиазм, с которым он работал, был мне по душе. Наши добрые с ним отношения никогда не были поколеблены, хотя он не выходил из постоянных конфликтов. Значительно позже, во время одной из комиссий Академии наук, в которой я участвовал, мне пришлось даже защищать Марущенко, на которого ополчился Массон. Это было в 50-е годы.

Во время прогулок по старому Мерву меня особенно заинтересовало городище Гяур-кала. Можно было предположить, что нижние его слои дадут материал VIII—VI вв. до н. э., как Анау IV и Яшули-тепе. А я в это время занимался скифами, и меня очень интересовали их связи со Средней Азией. Случилось так, что я у старого раскопа В. А. Жуковского (1890 г.) нашел бронзовый наконечник стрелы скифского типа. Это решило все, и я сказал Марущенко, что я буду докапывать траншеи Жуковского с надеждой открыть нижние слои, меня наиболее интересующие. Я заложил свой раскоп, площадью в 35 кв. м, внутри прямого угла, образованного двумя траншеями Жуковского, и мне удалось открыть платформу здания, зафик-

сированную старыми раскопками, причем в глине кирпичей встречались обломки керамики типа Анау IV. Глину для кирпичей брали из нижних слоев. Под платформой оказался керамический комплекс, дополнивший материал раскопок 1890 г., относящийся, вероятно, к первым векам н. э. Углубившись дальше, я обнаружил вторую платформу уже с тем материалом (вторая четверть I тыс. до н. э.), который я хотел найти и который был одновременен бронзовому наконечнику стрелы скифского типа. Были обнаружены стаканы с перегибом в нижней части, плоские чаши, напоминающие по форме скифскую керамику Кавказа, но отличные по цвету. Они имели светло-желтую поверхность и ярко-красный излом черепка. Я был очень доволен результатами своего разведочного раскопа, так как нашел то, что искал.[1] После раскопок я попрощался с А. А. Марущенко, наметив дальнейшие вопросы наших общих археологических интересов, не зная, что и он на некоторое время выбудет из круга археологов.

И. А. ОРБЕЛИ — ОРГАНИЗАТОР

В Эрмитаже под непосредственным руководством И. А. Орбели производились большие работы по реконструкции постоянных выставок, по ремонту помещений и освоению залов Зимнего дворца. Иосиф Абгарович отошел от непосредственной научной работы, сначала зажегся подготовкой материалов Амбердской экспедиции к изданию, мечтал о создании труда «Культура средневековой Армении», но потом остыл. Его очень часть можно было видеть бродившим по Зимнему дворцу вместе с архитектором А. В. Сивковым, обсуждавшим вопросы реставрации помещений и частичной их перепланировки. Там закладывались дверные проемы, в другом месте они прорубались в стене, блокировались многочисленные лестницы, дворцовые туалеты приспособлялись для кладовых. Сам Иосиф Абгарович любил шутить о том, что он любит ходить по территории музея, успокаивал самого себя в том, что он занят делом. Но это была и на

---

[1] О результатах раскопок 1937 г. см.: Пиотровский Б. Б. Разведочные раскопки на Гяур-кала в Старом Мерве // Материалы Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1949. Вып. 1. С. 35—41.

самом деле большая работа по приспособлению дворца к музейным потребностям, а в такой работе он был великолепным и смелым организатором.

Большой организационной работой И. А. был занят и в Академии наук. Он взял на себя проведение юбилеев, связанных с культурой народов Востока и народов Советского Союза. Еще в 1934 г. он руководил проведением празднеств по случаю юбилея великого иранского поэта Фирдоуси. В Эрмитаже была устроена великолепная выставка, посвященная иранскому искусству, с экспозицией предметов из музеев союзных республик, издавались книги по творчеству самого Фирдоуси и по средневековой иранской поэзии. В этой большой работе приняли участие и сотрудники Эрмитажа.

И. А. Орбели с советской делегацией выехал на празднества в Иран и вернулся в Ленинград с большими впечатлениями (а он за границу ездить не любил и постоянно отказывался от таких предложений).

В 1937 г. И. А. Орбели стоял во главе организационного комитета по Пушкинским дням, в связи со столетием со дня гибели поэта. Именно тогда и был создан Всесоюзный музей им. Пушкина, ныне разделившийся на два музея — в Москве и в г. Пушкине.

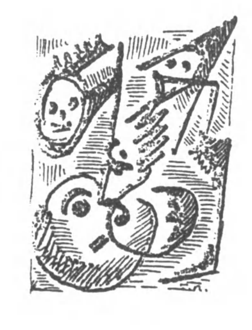
В 1938 г. отмечалось 750-летие грузинского поэта Шота Руставели, создавшего знаменитую поэму «Витязь в тигровой шкуре», и И. А. Орбели снова был во главе организационного комитета. Готовились новые переводы поэмы. Художник Серго Кобуладзе выполнил великолепные иллюстрации к этой книге и постоянно приезжал консультироваться в Эрмитаж, где готовилась громадная выставка, посвященная культуре Кавказа времени Руставели. Кипела интенсивная работа, весь Отдел Востока был занят подготовкой к юбилею, и Иосиф Абгарович готовил к изданию сборник небольших историко-культурных статей «Памятники эпохи Руставели» для издания в Академии наук.

Но в самый разгар подготовки юбилея произошла осечка, вышли из игры некоторые активные участники этой большой работы.

Зайдя в одно февральское утро в приемную Орбели, я увидел ожидавшую его Е. Н. Рахманину, жену Л. Т. Гюзальяна, и без слов понял, что Гюзальян арестован. Оказалось, что в эту ночь были арестованы многие армяне, в том числе и А. А. Ад-

жян, аспирант Гюлламирян, ближайший сотрудник Марра Л. Башинджигян. Это был удар грома при ясном небе, хотя его можно было ожидать...

Празднества в честь Руставели состоялись и в Тбилиси, и в Ленинграде. Они были пышными, с широким участием писателей, с приемами и банкетами. Сохранилась даже шутка по их поводу: «Шото пили, шото ели, Шота Руставели». Во главе празднества был Иосиф Абгарович, его трудами Академией наук СССР была издана роскошная книга «Витязь в тигровой шкуре» в переложении (хотя и писалось: «В переводе») П. Петренко, при консультации К. Чичинадзе, с предисловием И. А. Тонкие, рисунки и заставки выполнил наш эрмитажный сотрудник Э. К. Кверфельдт. К сожалению, П. Петренко не закончил перевод, прервав его на 1601 строке из 1742. Рассказывают, что ночью в Тбилиси, после пира, Петренко на мосту через Куру вдруг заявил, что он птица и сейчас полетит, вскочил на перила моста, замахал руками и рухнул вниз.

Кроме большого роскошного издания поэмы Ш. Руставели, И. А. Орбели издал изящную книжечку «Памятники эпохи Руставели», составленную из небольших статей преимущественно сотрудников Эрмитажа.

Л. Т. Гюзальян был приговорен к заключению в концлагерь и был направлен на лесосплав, со сравнительно легким режимом. Так как в сборнике «Памятники эпохи Руставели» была напечатана его статья, то я послал эту книжечку на имя начальника лагеря, с просьбой показать ее автору статьи и вернуть обратно. Все это было выполнено, книжка пришла обратно с карандашными пометками; после начальник концлагеря говорил жене Гюзальяна, что некоторыми «патриотическими высказываниями» в предисловии И. А. Орбели он пользовался в своих выступлениях. Антон Аджян получил более суровый приговор, и только после окончания Великой Отечественной войны я был вызван для оформления его посмертной реабилитации.

НА КАВКАЗЕ: Я. И. ГУММЕЛЬ, Б. А. КУФТИН, А. П. КРУГЛОВ

В октябре я с А. П. Кругловым поехал на Кавказ, посетить три закавказские республики, в связи с заданиями Института археологии, готовившего

сводный труд по археологии СССР. День провели в Минеральных Водах и Пятигорске, посетили там музеи, которые нам были известны и ранее. Оттуда выехали в Баку, чтобы и там поработать в музее, куда поступили новые материалы.

Основной нашей задачей было посещение г. Ханлара (б. Елененндорфа), где очень интересные раскопки вел учитель Я. И. Гуммель; о них мы знали по его докладам на научных сессиях и по публикациям. У него мы пробыли три дня, и, несмотря на то что уже начался ноябрь, погода не мешала экскурсиям.

Гуммель при помощи учеников школы вел широкие и разнообразные раскопки с немецкой аккуратностью. Он открыл рядовые могильники эпохи бронзы, изучив расположение могил, установив некоторые закономерности их расположения в связи с культовыми местами. Гуммель подробно познакомил нас с древними памятниками, их раскопками и музеем, куда поступили все материалы из раскопок. Он был гостеприимным хозяином, охотно делившимся своими мыслями и планами. В то время раскопки Гуммеля в Закавказье были одними из основных.

Из Ханлара мы выехали в Тбилиси, где пробыли пять дней. Жили в Доме туриста и каждый день ходили в Государственный музей Грузии, где встречались с Г. К. Ниорадзе и Б. А. Куфтиным, между которыми были несносные отношения, и нам приходилось встречаться с ними раздельно. С Ниорадзе у нас были добрые отношения, я постоянно редактировал (вернее, переписывал по-русски) его статьи, направляемые в Москву, и он охотно допускал меня во все хранилища музея.

В 1938 г. уже были первые выдающиеся находки Куфтина из раскопок цалкинских курганов середины II тыс. до н. э. в Триалети. В коллекции предметов были замечательные расписные сосуды, совершенно необычные, выдающиеся ювелирные изделия, в которых интуитивно чувствовалось влияние культуры Древнего Востока, — все было великолепно и необычно. Куфтин раскрывался с трудом, дневники не показывал, просил ничего не зарисовывать. Он стал заниматься и урартскими древностями, в частности колумбарием в Игдыре, материал которого он разобрал и со мной консультировался, но многое не договаривал.

Вечерами мы с А. П. Кругловым по памяти восстанавливали в рисунках виденное, но и такое

ознакомление с новой закавказской культурой середины II тыс. до н. э. было для нас очень важным.

Из Тбилиси отправились поездом в Ереван и там пробыли шесть дней. Одной из наших задач было посещение Кармир-Блура, около Еревана, холма, на котором в 1936 г. геологом А. П. Демехиным был найден обломок камня, с сохранившимися остатками клинообразной надписи с именем урартского царя Русы, сына Аргишти (VII в. до н. э.). После неудачных разведочных раскопок в Цовинаре (на Колагранской крепости) я планировал начать раскопки на этом холме.

Мы пришли туда в солнечный осенний день, под холмом абрикосовая роща, у подножья небольшое кладбище. Склоны холма довольно крутые, характерен красный цвет его поверхности, что и дало название холму (это перегорелые сырцовые кирпичи, обожженные и распавшиеся). На поверхности хорошо различимые остатки окопов. Кое-где, в нижней части холма, — углы базальтовых блоков от каменного цоколя. Но особенно нас удивило полное отсутствие на поверхности холма обломков древней керамики (такого я еще не встречал). Поднялись на вершину холма и сели около триангуляционной вышки. Оттуда открывается вид на Араратскую долину, вдали в дымке виден Армавирский холм. Внизу река Раздан, напротив тоннель древнего канала, о котором рассказывает клинопись Русы II на стеле, открытой при раскопках Звартноцкого храма. Холм окружен полями, сел. Верхний Чарбах сравнительно далеко.

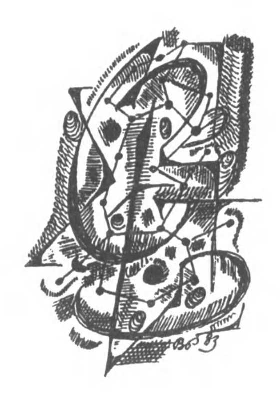
Трудно передать наше состояние. Большое впечатление производили монументальность и сохранность холма; окопы неглубокие, заплывшие, внизу остатки раскопок К. Г. Кафадаряна после находки обломка клинописи Демехиным и древностей, доставленных местными жителями, среди которых была форма для отливки бронзовой секиры.

Что это? Неоконченная крепость? А, может быть, все находки лежат там, на глубине, перекрытые обвалившимися стенами.

Андрей Павлович чаще всего бывал пессимистом, я оптимистом, но на Кармир-Блуре мы сидели подавленные. До этого я был на холме с Е. А. Байбуртяном, но очень короткое время и не в такой ясный осенний день. Решение было принято: на будущий год я начинаю тут разведочные раскопки. С этим решением я пошел в Комитет охраны

древностей, к его председателю Даниеляну, и предложил совместные работы с Эрмитажем, на что он охотно согласился. Я не предполагал, что это был шаг, в значительной мере определивший мою судьбу. Но шаг был сделан, и я согласовал с Даниеляном проект соглашения о совместных работах Эрмитажа и Комитета, подготовленный еще в Ленинграде.

Мы с Кругловым совершили небольшую археологическую экскурсию по р. Занге, осмотрели несколько известных мне древних крепостей. Но эта прогулка не обошлась без инцидента, связанного со шпиономанией. Когда мы стояли на мосту около какой-то гидростанции, к нам подошел охранник и стал уверять, что мы снимаем секретные объекты. Пошли с ним в контору, пришел начальник спецчасти, некий Абрамян, который слушал охранника, а не нас, забрал фотоаппараты и снятые пленки и паспорта для проверки, записал наш адрес (а это было уже зря, так как мы остановились у сестры Л. Т. Гюзальяна, муж которой был арестован). Договорились о том, что придем за аппаратами на следующий день. Утром я зашел к С. К. Карапетяну, работавшему тогда в правительстве, и тот позвонил на станцию. Там нам вернули паспорта, аппараты и проявленную пленку, на которой криминальных снимков не оказалось. В то время могло быть и по-иному.

Возвращались из Еревана через Тбилиси, там с молодыми археологами посетили Мцхету, Кутаиси и Гелатский монастырь, где нас очень радушно приняли. Но именно в монастыре я понял, как опасно пить вино, сидя у костра, при открытом огне. Мы чуть было не опоздали на поезд и спеша, в темноте, катились вниз по склону.

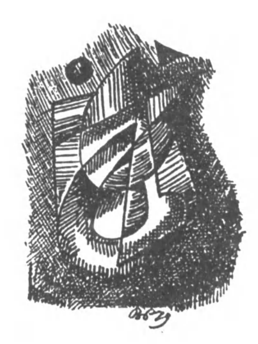
Путешествие по Грузии закончили в Сухуми, где пробыли три дня и посетили Очемчири — там была открыта очень ранняя стоянка древнего человека.

В то время железнодорожной линии Сочи—Сухуми еще не было, и этот путь мы совершили на громадных открытых автобусах, очень удобных и с большим обзором. Было удивительно, как шофер мог справляться с такой махиной.

Поездка по берегу моря была очень приятной: слева безграничная гладь воды, справа гóры со снежными вершинами (был уже ноябрь). На остановках видели картины кавказского быта, пили холодную воду, закусывали в скудных в то время

ресторанчиках. Всё казалось очень вкусным, и у меня в памяти сохранились котлеты из ресторана в Пиленково, в которых мяса было значительно меньше, чем хлеба.

УРАРТУ

Вернулись в Ленинград в конце ноября. Кончался год, а неоконченных дел было много.

Дело в том, что еще в прошлом, в 1937 г., вышел учебник истории СССР под редакцией А. В. Шестакова, в котором писалось: «Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Его повелители властвовали над грузинскими племенами. У них было много рабов, которые строили им дворцы, рыли каналы для орошения царских полей и садов. Это было государство родоначальников нынешней Грузии».

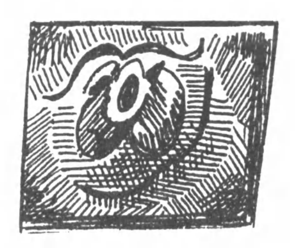
Несмотря на нагромождение нелепостей в приведенном тексте, тезис о древнейшем государстве на территории СССР был подхвачен историками и развит дальше. А. В. Шестаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В. В. Струве в военно-политической Академии им. Ленина прочел лекцию «Урарту — древнейшее государство на территории СССР», опубликованную по стенограмме. Он начал ее следующими словами: «Моя лекция обусловлена появлением учебника под редакцией проф. А. В. Шестакова — учебника, который дал нам подлинную историю СССР и начал ее не с Киевской Руси, как это было принято до сих пор, а с гораздо более ранних эпох». Вместе с тем в том же 1937 г. в издательстве Тбилисского университета вышла книга А. С. Сванидзе «Материалы по истории Алародийских племен», где на фоне древней истории народов Передней Азии приводилась и история урартов. А. С. Сванидзе был близок к семье И. В. Сталина и имел его поддержку, которая вскоре обратилась в прямую противоположность, но до опалы он организовал журнал «Вестник древней истории», выпустив первый том, в котором много внимания было уделено Древнему Востоку и скифам и были помещены статьи виднейших зарубежных археологов (Леман-Хаупта, Грозного, Виролло, Нильсена).

Школьным учителям приходилось туго: в учебнике были лишь декларативные высказывания, а

русская литература, упоминающая урартов, была для них сложна. Мой учитель по школе В. Н. Бернадский обратился ко мне за помощью, и мне пришлось подготовить методичку лекции и приняться за написание популярной, но исторически достоверной статьи об Урарту. Она вышла в 1939 г. в издании Эрмитажа. В ней я попытался популярно изложить основные вопросы археологии, связанные с урартами и скифами. Это была моя первая обобщающая работа, она не поддерживала тезис Шестакова, но была для учителей очень полезна. В. Н. Бернадский шутил, что он не зря обучал меня истории в школе и что пришло время мне обучать учителей.

Отделение истории и философии Академии наук СССР поручило мне на весенней сессии отделения сделать доклад «Урартское государство и Южное Закавказье (VIII—VII вв. до н. э.)». Это задание было трудным, но и почетным, так как я должен был выступить наряду с академиками И. А. Джавахишвили, Я. А. Манандяном и В. В. Струве. Готовился я усердно до последнего дня. Но тут у меня произошло некоторое осложнение. Готовя мой единственный костюм к собранию, моя мать тоном портного в гоголевской повести «Шинель» заявила, что состояние моих брюк таково, что я ехать в Москву в них не смогу. Это была катастрофа; я не мог оторваться от доклада и попросил мать купить брюки без меня. Брюки оказались слишком широкими и не соответствующими моей фигуре того времени, и мне на заседании пришлось их беспрерывно подтягивать.

Вел заседание Б. Д. Греков. Когда был зачитан мой доклад, то сначала С. Н. Джанашия начал задавать ехидные вопросы относительно грузин как прямых наследников Урарту, а в прениях обрушился на меня со всей силой, указывая на то, что я выступаю против истины, которая была декларирована еще Шестаковым. Мое заключение о том, что наследниками урартской культуры можно считать многие народы Закавказья, его не устраивало, и он резко требовал приоритета грузин. Я растерялся, и председательствующий Б. Д. Греков также. Надо сознаться, что когда я перечитывал позже свой доклад, то заметил, что многие формулировки у меня не были точными, и отвечал я на вопросы Джанашия не лучшим образом. На выручку мне пришли И. А. Джавахишвили и Я. А. Манандян, которые начали хвалить мой доклад с другой сто-

роны. Так, общего заключения и не последовало: настолько Джанашия был возбужден. Даже позже по вопросу о потомках урартов у нас с ним примирения не произошло, и он через ЦК пытался снять мою главу из макета «Истории СССР», подготовленного Институтом истории материальной культуры. В своем отзыве он придрался к формулировкам, совершенно не учитывая историческую перспективу и изменения, происшедшие за три века. Армян называл «новой окавказившейся народностью». В конце отзыва он писал: «Задача советского халдоведа в том и заключается, чтобы вскрыть исторические корни Урарту, выявить его живых наследников». Через семь лет после этого отзыва Джанашия прислал мне с авторской надписью свой учебник «История Грузии», где продолжал урартов именовать халдами, а на карте иберам отдал урартскую территорию с озером Ван, а арменов оттеснил на ассирийскую территорию в среднем течении Тигра и Евфрата.

Внешне мы с Джанашия сохраняли самые добрые отношения. Действительно, благодаря его энергии археологические работы в Грузинской ССР получили значительное развитие.

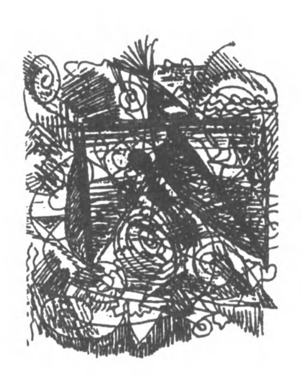
Мой доклад на Отделении исторических наук Академии наук свое дело все же выполнил: «Большой советский атлас мира» заключил со мной договор на карту «Кавказ IX—VIII вв. до н. э.», а киностудия — на редактирование сценария по Урарту.

ЮБИЛЕЙ «ДАВИДА САСУНСКОГО»

В 1939 г. И. А. Орбели снова был во главе организационного комитета по празднованию юбилея одной из республик Советского Союза. На этот раз — тысячелетия армянского эпоса «Давид Сасунский». Этим юбилеем он занимался не только как директор Эрмитажа, но и как председатель Армянского филиала Академии наук СССР. И если по не совсем понятной мне причине при праздновании юбилея Шота Руставели у него не было конфликтов с грузинскими литераторами и учеными, то с Арменией дело обстояло иначе. Иосиф Абгарович рассматривал эпос «Давид Сасунский» как «народный» и ополчался на армянских ученых, считавших его «княжеским». По существу эти две точки зрения были примиримы, но он отстранил от

подготовки юбилея двух наиболее крупных исследователей армянской литературы — Манука Абегяна и Карапета Мелик-Оганджаняна. Оба этих ученых сделали очень много по изучению армянского эпоса, и отставка их от юбилея вызвала обиду.

Подготовка была длительной, готовился новый подстрочный перевод одного из вариантов эпоса (а их много) и передавался группе писателей, которые уже привыкли по таким подстрочникам «переводить» литературу народов Советского Союза, не только старую, но и современную (П. Антокольский, В. Державин, К. Липскеров, С. Шервинский). В Историческом музее Армении готовилась большая выставка, армянские художники активно писали картины на темы из «Давида Сасунского» — и хорошие, и плохие. В помощь музею из Эрмитажа были направлены в Ереван Н. М. Токарский, А. В. Банк, Т. А. Измайлова и я. Первый раз в Армении мне пришлось жить в гостинице, в семье Гюзальянов осталась только его сестра Назик с девочкой.

Торжества начались 11 сентября с юбилейной сессии Армянского филиала Академии наук СССР, пленарное заседание которой торжественно состоялось в Филармонии. Она открывалась докладом И. А. Орбели, а вторым выступал академик А. Я. Манандян на тему «Борьба армянского народа против арабского владычества в VII—X вв.». В программу пленарного заседания были включены также доклады архитектора Н. М. Токарского, приглашенного в Армению М. С. Сарьяном для технической подготовки декораций к опере «Алмаст» Спендиарова, и литературоведа С. Арутюняна «Эпоха „Давида Сасунского" в армянских исторических романах».

15 сентября в театре им. Сундукяна состоялось торжественное заседание, организованное Юбилейным комитетом Армении. После вступительного слова заместителя председателя Совнаркома А. С. Пирузяна большой доклад сделал председатель Союза советских писателей Армении Рачья Григорян, на плечи которого лег весь юбилей: приехало много писателей из разных республик, всех надо было устраивать, обо всех надо было заботиться. Приехали и переводчики. В юбилейные дни газета «Коммунист» печатала статьи, связанные с юбилеем; в частности, была опубликована моя статья «Дверь Мгера» — о связи урартских памятников в районе озера Ван с легендами эпоса «Давида Сасунского».

В один из этих дней я сидел и завтракал с И. А. Орбели и К. В. Тревер, к нам подошел Р. Григорян, подсел и стал жаловаться на то, что переводчики претендуют на гонорар за напечатанные в газете «Коммунист» их переводы «Давида Сасунского», но эти просьбы превышают весь лимит авторского гонорара, предусмотренного на выпуск одного номера газеты. Он был в большом затруднении и растерянности. В шутку я ему посоветовал послать им повестку в суд для решения вопроса о гонораре, разговаривать с ними на армянском языке, и если они ничего не поймут, то спросить: «Как же вы, дорогие, переводили армянский текст?» Всё обошлось «без суда», А. С. Пирузян отпустил на гонорар специальные средства.

Стали съезжаться знаменитые писатели, и каждого из них встречали. Приехали А. Фадеев, В. Кирпотин, П. Тычина (Украина), П. Ингороква (Арм. ССР), Самед Вургун (Азерб. ССР), Алимджан Хамид (Узб. ССР), М. Л. Лозинский. Я был обрадован приездом М. Лозинского с женой Т. Б. Лозинской, с которыми наша семья дружила еще с 1920 г., со времен карантинно-распределительного детского пункта; старался оказать им внимание, встретил на вокзале, водил по музею и городу и, кажется, переусердствовал — я заметил, что М. Л. стало раздражать мое длительное присутствие, и я отошел.

Гости выезжали в районы, там их гостеприимно встречали, кормили, поили, развлекали народными песнями и танцами. Молодые армянские поэты читали стихи, громко и с подъемом. Вспоминаю молодую Сильву Капутикян, выступавшую шумно и проникновенно, молодого Шираза, также горячего. К ним присоединялись и гости.

Заканчивались праздники 16 сентября VII пленумом правления советских писателей, который открыли А. Фадеев и армянский писатель Арази.

На пленуме были три доклада: Г. А. Абова, И. А. Орбели и писателя Дереника Демирчяна, который поддерживал «народный характер» эпоса «Давид Сасунский». Выступали писатели-корифеи и люди второго ранга из писательской среды братских республик.

В ресторане гостиницы «Севан» шумный банкет продолжался всю ночь, а под утро подали традиционную харису.

К юбилею «Давида Сасунского» было выпущено несколько книг, и среди них моя брошюрка «Ви-

шапы», которую мне заказал С. К. Карапетян. Ее задачей было краткое изложение основных положений Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова по их книге, изданной в 1931 г., довольно сложной по форме повествования. В своей брошюре я дал небольшой новый материал, а в основном развил семантические связи дракона с водой и трансформацию божеств с течением времени. Профессор Манук Абегян, находившийся в оппозиции к юбилею, сурово раскритиковал мою книгу. Критикуя по существу мнения Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова, М. Абегян накинулся на меня, обвинил в недоказанности и произвольности семантических связей, придрался к опечаткам. Не признавая семантическую закономерность образов мирового фольклора, М. Абегян вдруг совершенно неожиданно и неоправданно сделал вывод о том, что «вишапы» Армении связаны непосредственно с сирийской богиней Деркето. Такую прямую связь признать трудно, а обосновать невозможно. Вся злоба, которую автору хотелось направить на Орбели и Марра, была вымещена на мне. Г. А. Капанцян сказал мне, что он с книжкой Абегяна не согласен. А сам автор позже, когда вышла моя книга об Урарту, ее очень хвалил, как бы компенсируя выступление против моей книги о вишапах.

РАСКОПКИ КАРМИР-БЛУРА

Кончились торжества, гости стали разъезжаться, я остался в Ереване, чтобы начать раскопки на Кармир-Блуре. Был составлен и подписан договор с председателем Комитета охраны памятников Армении тов. Даниеляном о совместных с Эрмитажем раскопках, с раздельными работами двух отрядов: Эрмитажа (под моим руководством) и Комитета (под руководством К. Г. Кафадаряна). В мой отряд входили Е. А. Байбуртян (Государственный Исторический музей Армении), оставшийся после праздников в Ереване Н. М. Токарский и приехавший из Ленинграда И. М. Дьяконов. В первый день раскопок на Кармир-Блур приехали И. А. Орбели, К. В. Тревер и заместитель председателя Армянского филиала Академии наук СССР с С. К. Карапетян. Я с Кафадаряном их встретил и стал показывать холм.

Кафадарян шел с Тревер, курил и что-то оживленно рассказывал. В разговоре он нечаянно кос-

нулся горящей папиросой руки своей спутницы, та вскрикнула, разжала руку и выронила свою сумочку. Наклонилась и, вместо того чтобы поднять ее, подняла с поверхности холма кусок камня с клинописью, который, как выяснилось позже, соединился с тем обломком камня с именем царя Русы I, который был раньше известен. Тревер позже очень гордилась этой своей находкой.

Я начал раскопки Кармир-Блура робко, сначала с города, а потом с юго-западного угла крепости. Раскопки меня удивили. В первые же дни они были прерваны дождем, уходить не хотелось, а пришлось, так как дождь перешел в ливень. На следующий день, когда мы поднялись на холм, перед нами открылись контуры помещений. Дело в том, что намокшие сырцовые стены высыхали медленнее, чем заполнение комнат, и они очень четко просматривались. Так удалось до раскопок выявить контуры одной части крепости.

Начали раскопки помещения, открылись стены с декорировкой в виде прочерченных кирпичей. Стали углубляться — метр, два, три, четыре... а конца нет. Что это? Колодец? В нашей практике таких глубоких раскопок помещений я не знал. Наконец, пройдя пять метров глубины, мы обнаружили каменный цоколь из крупных грубо обработанных камней и, наконец, дошли до пола. На полу была найдена лишь одна ручка красного лощеного кувшина. Больше ничего. Это нас разочаровало. На участке Кафадаряна та же картина, а В. Абрамян, упрямо выбравшая вершину холма, натолкнулась на камни от средневековой часовни и на слой со средневековой керамикой.

Копать было трудно, а отсутствие находок настроения не поднимало.

Не удалось и раскинуть нашу палатку на холме, вечером и ночью по ущелью р. Раздан шел поток холодного воздуха, облегчающий ночное время в городе, но совершенно лишний в экспедиционной обстановке. Пришлось снова перебираться в гостиницу, откуда Н. М. Токарский предусмотрительно не выбыл. Первый мой отчет о раскопках на Кармир-Блуре был кратким, но оптимистичным. Кафадарян этот оптимизм не разделял.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВОЕННОЙ ГРОЗЫ

1939 г. в политическом отношении был тревожным, еще в январе в Испании победу одержал Франко, и бойцы интернациональных бригад покинули Испанию. Фашистская Германия захватила Чехословакию и заключила союз с Италией. Готовился антифашистский блок со стороны Англии и Франции, в Москву прибыла французская военная делегация, но переговоры по существу не состоялись. Я помню, как генералы и офицеры этой делегации посетили Ленинград и побывали в Особой кладовой Эрмитажа.

Наша страна не хотела втягиваться в войну, так как не была готова, и в августе с Германией было подписано торговое соглашение, а 23 августа в Москве министр иностранных дел Германии Риббентроп подписал с Советским Союзом договор о ненападении. В воздухе уже чувствовалось приближение военной грозы. Но Советский Союз ввязываться в войну не хотел. Еще в 1937 г. Бедржих Грозный, посетивший пять советских республик, писал: «Часто в западноевропейских кругах высказывается взгляд, что Советских Союз подготавливает военное нападение на Западную Европу. Думаю, что такое утверждение представляет собой грубейшую ошибку».[1] Но события развивались помимо воли Советской России. В первых числах сентября фашистская Германия напала на Польшу, а Англия и Франция объявили Германии войну. Наблагополучно было в отношениях и с нашим северным соседом — Финляндией, государственная граница которой была почти под Ленинградом, и в конце ноября 1939 г. началась советско-финляндская война, которая завершилась переносом границы за Выборг.

Несмотря на то что военные действия были недалеко от Ленинграда, в городе было спокойно, даже ночью, при полном затемнении, было введено ограниченное военное положение. Эрмитаж принимал воинские части, отправлявшиеся на фронт. В Министерском коридоре Зимнего дворца была устроена галерея Героев Советского Союза, получивших это звание при боевых действиях.

В это время я дружил с бывшим моим старшим коллегой Д. А. Ольдерогге, ставшим африканистом.

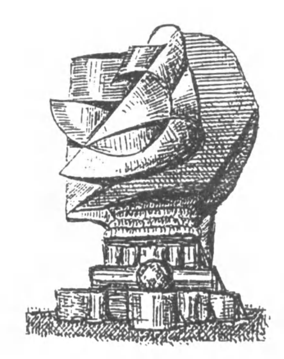
[1] ВДИ. 1937. I. С. 23.

С ним мы обсуждали теоретические вопросы; я стоял в основном на позициях Н. Я. Марра, он был умереннее, а античник А. И. Доватур был моим основным оппонентом. Дискуссии у нас были живые, полезные, и мы подолгу засиживались на квартире Д. А. Ольдерогге. Приходилось возвращаться в полной темноте. Сначала это было опасно, так как начались уличные ограбления, но их быстро и решительно ликвидировали, и если в темноте два прохожих сталкивались, то они извинялись друг перед другом — такого раньше не бывало.

Кроме научных дискуссий, в семье Д. А. Ольдерогге мы часто играли в преферанс. В этой игре постоянно принимал участие тесть Д. А. — известный архитектор Г. И. Котов, очень интересный собеседник и азартный игрок. На стене гостиной, где мы сидели, висели замечательные акварели Котова, но мое внимание привлекала небольшая картинка-эскиз, написанная маслом и изображавшая петербургское наводнение 1824 г. Это был эскиз художника Шебуева, и Котов им гордился. Много лет спустя я был в Академии искусств на защите дипломных работ студентов Института им. И. Е. Репина. Одна из работ была посвящена творчеству Шебуева, и автор ее, В. Круглова, сетовала на то, что от знаменитой в свое время картина «Наводнение в Петербурге 1824 года» не осталось и следа. Я вспомнил о той картине, которую видел у Котова, и для Кругловой мое сообщение было важным и радостным.

Новый, 1940 г. ленинградцы встретили в условиях войны, которая закончилась в марте.

С 1936 г. в Эрмитаже шла громадная работа по освоению и ремонту Зимнего дворца, в котором уже размещались эрмитажные экспозиции. Эта работа шла под руководством главного архитектора А. В. Сивкова и при энтузиазме И. А. Орбели. Был построен мост, который связывал Эрмитаж с Зимним дворцом (он был перекинут из зала античной выставки, находящегося рядом с тем залом, где стоит гигантский Юпитер, в помещение под Тронным залом Зимнего). Эта очень важная коммуникация, связавшая Зимний дворец с Новым Эрмитажем, была осуществлена по корректному проекту, не испортившему старую архитектуру. Помещение под Тронным залом в прежнее время было дворцовой кухней, поскольку в Гербовой зале над Растреллиевской галереей устраивали большие приемы-обеды. Кухня была превращена в прекрасный

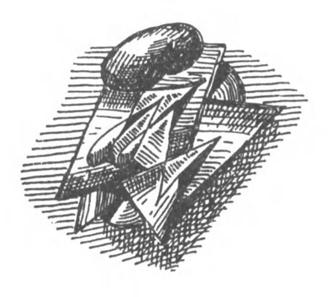

экспозиционный зал, причем пол из крупных каменных плит был заменен полом из ромбовидных и квадратных разноцветных плит из мраморной крошки на цементе. Такие полы, выполненные и в некоторых других залах, были красивыми и прочными.

Гигантская работа была проведена в Растреллиевской галерее под Гербовым залом, в царское время превращенной в коридор с антресолями. Антресоли были разобраны, были открыты и вновь выполнены капители, скрытые при перестройке галереи после пожара 1837 г. В искаженном виде коридор стал называться «кухонным», так как примыкал к дворцовой кухне. Реставрационные работы вернули ему былую красоту. В помещениях, примыкавших к этой галерее, в 1940 г. была расположена выставка Древнего Египта.

К этому времени основные реставрационные работы и переделки были уже закончены, и Зимний дворец был приспособлен к музейным нуждам. От Павильонного зала до Фельдмаршальского шел коридор, называвшийся Министерским, так как в него выходили двери помещений отдельных министерств. Разумеется, такая планировка музею не была нужна, и при его реконструкции были заложены все двери, кроме двух. Получилась хорошая экспозиционная площадь.

Закончилась война с Финляндией. Фашистская Германия приступила к захвату стран Европы. Но, как ни странно, серьезной военной тревоги не наблюдалось.

Военно-патриотическая тема была вложена в большую эрмитажную экспозицию «Военное прошлое великого русского народа», размещенную в Гербовом зале, примыкавшем к «Галерее героев войны 1812 года». Выставка отражала героическую борьбу русского народа с иноземными захватчиками и проявления воинской доблести.

Начиналась выставка с Петровского времени, со времени войны со шведами, были выставлены трофейные знамена и шляпа Карла II, потерянная им во время Полтавской битвы (во всяком случае так она значилась в коллекции военной амуниции). Много места было отведено А. В. Суворову: на крупных полотнах были изображены эпизоды его походов, а в шкафах и витринах показаны суворовские реликвии.

В экспозицию выставки была включена и галерея героев 1812 г. с портретами прославленных

полководцев во главе с М. И. Кутузовым. Заканчивалась выставка небольшим разделом, посвященным Красной Армии и Военно-Морскому Флоту СССР.

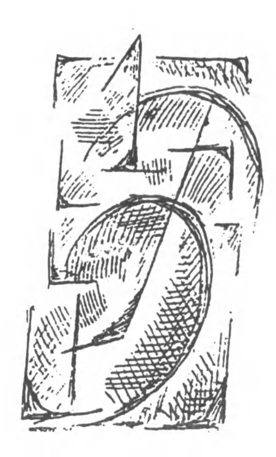
175 ЛЕТ ЭРМИТАЖУ

В июне 1940 г. Эрмитаж отмечал 175-летие со дня его основания. Юбилей был задуман широким и торжественным. Юбилейное заседание происходило в Филармонии. Эрмитаж получил громадное число приветственных телеграмм от Совнаркома СССР, Президиума Академии наук СССР, Комитета по делам искусств. Были приветствия от Кировского, Судостроительного и от других крупных ленинградских заводов.

В своем докладе И. А. Орбели говорил о том, что Эрмитаж стал подлинным народным музеем, который ведет большую и целенаправленную научно-просветительную работу. В истекшем году музей посетило 1 млн 12 тыс. людей, проведено свыше 10 500 экскурсий, около 200 бесед на фабриках и заводах. Не были забыты и школьники: в 26 кружках занимаются 720 учащихся 5—10 классов. Экспозиции охватывают историю мировой культуры и особенно большое внимание уделяют Востоку, начавшему освободительные войны и на своем старом культурном наследии строящему новую жизнь.

К юбилейным дням была выпущена книга С. Варшавского и Б. Реста «Эрмитаж», первая из четырех написанных этими авторами об Эрмитаже.

В эти годы учреждения культуры и искусства, особенно деятели театров и кинематографа, щедро награждались орденами. Этих наград ждали и многие сотрудники Эрмитажа, но напрасно, награждений не последовало, были реализованы только представления к иным видам наград. Так, мне решением ЦК профессионального союза работников политико-просветительных учреждений СССР была присуждена премия имени А. М. Горького (в сумме одной тысячи руб.). В постановлении о премировании отмечались моя большая работа по истории древнейшего Закавказья и значительная просветительная работа, связанная с включением истории Урарту в программу истории СССР, разработка лекций и занятий по этой теме для школьников. К юбилею Эрмитажа была устроена также большая выставка, прекрасно оформленная (ее ру-

ководителем был Л. Л. Раков), на которой была отражена история Эрмитажа. В раздел, показывавший научную работу отделов за последние годы, были включены материалы и по моим археологическим работам.

Газетные сообщения в 1940 г. были полны тревог. Фашистская Германия последовательно и систематично заглатывала европейские страны, в Мексике был убит Троцкий, Япония заключила военный союз с фашистской Германией. Нарастающая военная угроза выражалась в усилении мер противовоздушной обороны, в подвалах Эрмитажа и Зимнего дворца были сооружены бомбоубежища, был создан штаб гражданской обороны, он находился в подвале около служебного подъезда. Проводились учения не только объектовые, но и общегородские, которые иногда приводили к комическим ситуациям, что отразилось и в литературе, и в кино. При общегородских учениях санитарными командами захватывались случайно попавшие в эту зону люди, их объявляли ранеными или пораженными, насильно укладывали на носилки и уносили «для оказания помощи», несмотря на их решительные протесты. В залах Эрмитажа объявлялась воздушная тревога, и всех посетителей сгоняли в убежище. Однажды поэт Самуил Маршак, заявивший, что он из-за астмы не дойдет до убежища, отсиживался в директорском кабинете и развлекал всех юмористическими рассказами, связанными с гражданской обороной. В Эрмитаже нашлось немало энтузиастов, активно принимавших участие в штабе обороны, реставраторы Е. А. Румянцев и бывший офицер Н. Н. Семеновский гордо носили противогазы через плечо, вели себя по-военному, применяя даже армейскую выправку и термины. В нашем отделе военной учебой-игрой увлекался египтолог Я. А. Шер; он был небольшого роста, и его противогаз казался непомерно большим, а он с ним появлялся часто.

В молодые годы я любил шутки, и трудно было не воспользоваться фигурой Шера. Он легко согласился принять участие в инсценировке взрыва противогаза. Я принес из столовой битые тарелки, служащие были удивлены и не понимали, зачем мне они понадобились; затем щипцами вскрыл негодный противогаз, сунул в него красную кумачовую тряпку и набросил на Шера, который лег, распластавшись на полу. Затем я устроил грохот битой посуды и деревянных подставок из витрин

и закричал: «У Шера противогаз взорвался!» Снизу в ужасе прибежали К. С. Ляпунова и М. Э. Матье и остолбенели, а когда поняли, что это шутка, страшно разозлились; Матье, очень самолюбивая, шуток с собой не допускала. Мы нередко в отделе устраивали «розыгрыши», но двух персон касаться было нельзя: это — К. В. Тревер (запрещал И. А. Орбели, так как она легко поддавалась) и М. Э. Матье (она по-настоящему сердилась и обижалась даже на безобидные шутки).

В Институте истории материальной культуры происходила постепенная стабилизация археологии. В 1939 г. был закончен и издан в виде макета («на правах рукописи») в количестве 250 экземпляров коллективный труд «История СССР» (т. I—IV), написанный на археологическом материале под редакцией М. И. Артамонова, В. И. Равдоникаса и А. Ю. Якубовского. После очередного конфликта в феврале 1939 г. Орбели ушел с директорского поста, и директором стал Артамонов. Снова к власти стали тянуться А. Н. Бернштам и Е. Ю. Кричевский, но фактическим руководителем Института стал ученый секретарь С. Н. Бибиков. Его большой заслугой является издание «Кратких сообщений» Института, в которых печатались отчеты о раскопках, краткие изложения докладов, информация. В 1940 г. благодаря настойчивости Бибикова было издано шесть выпусков «Кратких сообщений». Правда, много материала накопилось за годы затишья, но без упорства и настойчивости такое количество изданий осуществить было трудно.

Институт был переселен в главное здание Академии наук, на третий этаж. Было тесновато и неудобно. Одну из больших комнат этажа занимал академик А. Н. Крылов, который отказался переехать в другое помещение. Крылов был уже в возрасте (77 лет), он часто приходил в свой кабинет и в перерывах между занятиями ходил по рабочим комнатам Института и беседовал с сотрудниками, проявляя неподдельный интерес к археологии. Я хорошо помню высокую статную фигуру Крылова в длиннополом сюртуке, бродившую по коридорам и комнатам. Его беседы и высказывания не всегда были компетентными, но постоянно интересными. Однажды из его кабинета пропали книги. Институт хотел сурово наказать виновного, но Крылов пришел к Бибикову, заявил, что книги его и что он сам будет говорить с провинившимся.

Выдающийся математик и кораблестроитель, Крылов был одним из самых замечательных людей, с которыми мне пришлось встретиться в жизни, но, к сожалению, наше знакомство было очень кратковременным.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОПОК НА КАРМИР-БЛУРЕ. ЛИХОРАДКА. Н. М. ТОКАРСКИЙ

После Эрмитажного юбилея, в конце июля, я выехал в Армению для продолжения раскопок на Кармир-Блуре. Ко мне и Н. М. Токарскому присоединился режиссер киностудии научных и научно-учебных фильмов Е. Е. Рубинштейн, снимавший учебную картину «Урарту». Из Москвы в Ереван мы полетели самолетом, это был мой первый полет. Тогда авиалинии не были популярными, люди боялись воздуха, высоты. Ночевали мы в небольшом помещении аэродрома, который находился на линии метро, около Тимирязевской академии. Всю ночь провели на скамейках, утром сели в небольшой, очень тряский самолет и полетели до Тбилиси.

Гос. Исторический музей (ГИМ) Армении. Ереван. 1939 г. Б. Б. Пиотровский, А. О. Мнацакян и К. Г. Кафадарян.

Признаться, удовольствия я не испытывал, особенно при подъеме и приземлении.

Раскопки велись уже совместно с Армянским филиалом Академии наук СССР, на чем настоял С. К. Карапетян, но, так же как прошлый год, двумя отрядами. К. Г. Кафадарян разочаровался в Кармир-Блуре и перешел на раскопки средневековой столицы Армении — г. Двина, переместив начальника Двинской экспедиции С. В. Тер-Аветисяна на Кармир-Блур. Смбат Вартанович, старый и преданный ученик Н. Я. Марра, был влюблен в Урарту и говорил, что если бы ему представилась возможность снова посетить Ван, то он «пополз бы туда на карачках». Ведь его трудами в Тбилиси, в

С. В. Тер-Аветисян у декоративного щита из раскопок Кармир-Блура. 1940 г.

Музей Грузии, были привезены камни с урартскими клинописями и статуя урартского царя, выброшенная на поверхность Ванской крепости при взрыве порохового погреба. Он спас от гибели замечательную резную дверь из Муша и, когда он серьезно заболел, приказал положить себя на эту дверь, чтобы она не пропала.

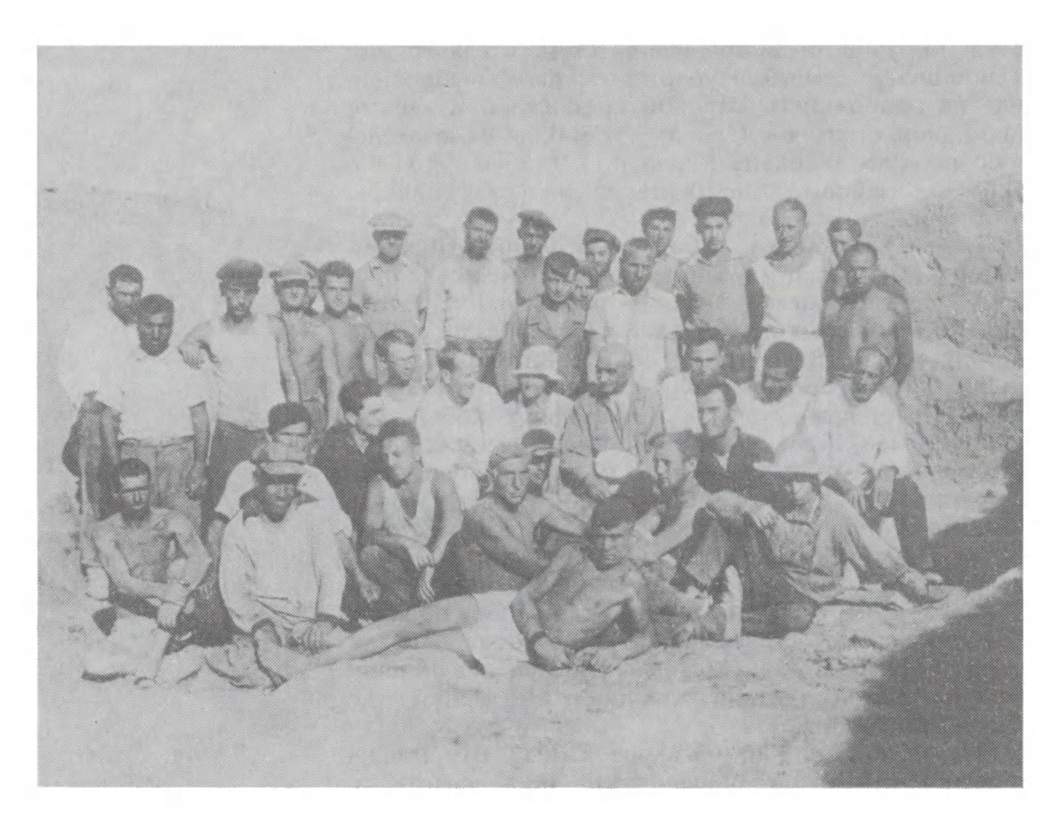
Мне было легко работать с Тер-Аветисяном, который был всецело занят хозяйственными вопросами, организовывал питание рабочих (без этого они не шли), сам приезжал с корзинами и увозил домой овощи. В то время вокруг Кармир-Блура и рощи были огороды и пустыри, селение было далеко, «Выставки достижений народного хозяйства» еще не было. В раскопки он не вмешивался и, когда к нему приходили за советом (а он бо́льшую часть дня проводил или в абрикосовой роще, или в палатке, установленной на склоне холма), постоянно отвечал: «Спросите Бориса, он знает». По существу оба отряда стали работать под моим руководством. От Эрмитажа в экспедиции приняли участие А. П. Султан-Шах, С. Н. Аносов и фотограф А. П. Булгаков, который работал и в первом сезоне, а впоследствии стал постоянным фотографом экспедиции.

На раскопки Кармир-Блура Смбат Вартанович привлек студентов Ереванского университета, и среди них была Рипсимэ Джанполадян, с которой я через три с половиной года навсегда связал свою судьбу.

В этом году холм был благосклоннее, чем в прошлом, и в помещениях северной его части был найден крупный и хорошо сохранившийся бронзовый щит. Позднее, уже в последние дни моего пребывания в Армении, реставратор Эрмитажа М. М. Герасимов, которого И. А. Орбели привлек к торжествам «Давида Сасунского», открыл на щите клинообразную надпись урартского царя Аргишти, сына Менуа. Это была первая из многочисленных надписей на бронзовых предметах, которыми Кармир-Блур щедро одарил археологов.

К празднику «Давида Сасунского» был приглашен и художник Ленинградского фарфорового завода Михаил Николаевич Мох (он расписал кубки, чашки и блюдо на мотивы эпоса). Тогда я познакомился с ним в Ленинграде, не зная, что позже мы с ним подружимся в тяжелые для нас обоих дни. Кроме щита, был также найден обломок нижней части бронзового колчана с изображением

Группа студентов и рабочих на Кармир-Блуре после раскопок сезона 1940 г.

всадников и колесниц. Позже таких колчанов у нас стало много, но это был первый.

На Кармир-Блур стала обращать внимание и пресса. В те дни в Армении работал фотокорреспондент Дебабов, который сделал несколько снимков для журнала, на которых я был изображен в своей мягкой войлочной шляпе, с умилением рассматривающим глиняный сосудик из раскопок. Моя шляпа несколько раз фигурировала на снимках (Дебабов заставил ее надеть даже Смбата Вартановича).

Ленинградские сотрудники и практиканты жили в сел. Чарбах, в конце раскопок я перебрался в гостиницу «Интурист», в номер Н. М. Токарского. Когда я жил в гостинице, мне приходилось каждое утро трамваем ехать до 3-го участка завода синтетического каучука, а оттуда через поля идти к Кармир-Блуру. Обычно этот путь я совершал с Рипсимэ Джанполадян, но часто трамваи переставали ходить по причине неисправности («авариа́») или из-за учебных воздушных тревог, и весь путь

приходилось совершать пешком. Я торопился (ноги у меня длинные) и не рассчитывал на силы моей спутницы, и когда мы добирались до Кармир-Блура, то ей приходилось некоторое время приходить в себя, за что я получал выговоры от сердобольной А. П. Султан-Шах.

Перед концом раскопок я заболел лихорадкой, чувствовал себя очень скверно, лежал в номере. Рипсимэ Джанполадян по утрам приносила мне из своего дома еду, которую готовила ее мать. Приходила она вместе с археологом Б. Н. Аракеляном, тогда еще молодым и незнатным.

Токарский и Дебабов считали, что лучшим способом моего лечения явится участие в их вечерних трапезах. После одной из них я впервые почувствовал, что сердце у меня стало шалить. Пришлось ночью вызвать «скорую помощь», а наутро, по распоряжению С. К. Карапетяна, я был отправлен в больницу Лечкомиссии, в отдельную палату. Там сначала меня приняли за офицера-пограничника — так им показалось по тону распоряжения о помещении меня для лечения. Несколько дней я там пролежал, меня хорошо лечили, хорошо кормили, но горький вкус во рту отравлял все мое существование.

Выйдя из больницы, я вернулся в гостиницу «Интурист», к Токарскому. Раскопки закончились успешно, и я подготовил отчет-доклад за С. В. Тер-Аветисяна и меня. Так как Смбат Вартанович был доктором археологии, то его имя было на первом месте и в пригласительном билете, и в позже изданной статье. Меня это не обижало, поскольку добрый Тер-Аветисян, казавшийся мне тогда стариком, очень помогал организации и хозяйству экспедиции; я с ним не знал никаких забот, которые камнем легли на меня позже.

В день моего доклада Токарский попросил меня присутствовать на его встрече с работниками кино и театра. Он тогда внедрялся в армянский театр, и эта встреча для него была очень важна. Зная об опасности участия в этой встрече до доклада в Академии, я ушел в «сад коммунаров» и просидел там до начала доклада. Выступление прошло благополучно, все были довольны, и я в хорошем настроении вернулся в гостиницу.

В нашем номере был разгром, постели сдвинуты, на столах пустые бутылки, пустые использованные тарелки и остатки арбузов. Я привел свою постель в порядок и прилег. Мой отдых несколько раз

нарушал знакомый нам официант, который спрашивал: «Николай не вернулся?» А того и след простыл. И когда пожилой официант пришел и сказал, что он уходит домой и будет дежурить через два дня, мне пришлось заплатить за встречу Токарского с деятелями искусства.

Только под утро вернулся Токарский и сознался, что у него в кармане нет денег, и он не знал, когда я вернусь, поэтому и пошел «продолжать встречу» вне гостиницы. Такие комические ситуации бывали с Токарским нередко.

Он был очень талантливым, хорошим и компанейским человеком, и о нем можно было рассказать множество анекдотов. Как-то мы возвращались с ним из гостей, он нес на руках маленькую дочку, а шедшая рядом с ним жена журила своего мужа за то, что он «перебрал» и может уронить дочку. Токарский огрызался, а дочка с его рук сказала: «Мамочка, я за папочкой смотрю».

М. С. Сарьян в 1939 г. ко дням декады армянского искусства в Москве оформлял постановку оперы А. Спендиарова «Алмаст» и привлек в помощь Н. М. Токарского как инженера и архитектора для установки сложных декораций. Работа была успешной, постановка была очень хорошо принята, и Токарский вместе со своими армянскими коллегами был представлен к награждению орденом. Театр приехал в Москву, надо было уже готовиться к получению наград в Кремле. Попросили М. С. Сарьяна и других армянских товарищей зайти в отдел кадров. С ними пошел и Токарский, но ему сказали, что он не нужен. Николай Михайлович решил, что его обошли. Перед началом спектакля директор театра разыскал в фойе И. А. Орбели и с тревогой сказал, что с Токарским «что-то случилось» — он ругается и не хочет устанавливать декорации. Пришлось И. А. идти на сцену и выяснять ситуацию. Оказывается, Токарский обиделся. В том, что ему не надо было идти в отдел кадров, он заподозрил обман, отказ в ордене. Тогда директор театра стал хохотать и объяснил, что у армян их житейские имена и отчества часто не совпадают с паспортными, и Мартирос Сергеевич Сарьян по паспорту «Мартирос Саркисович», вот и вызывали товарищей на сверку списка для награждения с паспортными данными. Всё вошло в норму, и Токарский стал руководить установкой декораций.

Позднее главный режиссер Русского драматического театра Л. А. Калантар, друг И. А. Орбели, рекомендовал Токарского писать декорации к «Евгению Онегину». Всё шло хорошо, все были довольны, но Токарский тянул с декорацией к сцене дуэли. Через два дня спектакль, а даже эскизов нет. Когда за ним приходили, он удирал. И тогда директор театра прислал своих работников к Токарскому рано утром, они его подняли с постели, проводили умыться, караулили в туалете и под конвоем доставили в театр. Делать было нечего, и он сам стал малевать декорации, и получилось очень удачно.

«ПАМЯТНИКИ УРАРТУ». НАКАНУНЕ ВОЙНЫ. НАХОДКА РИПСИМЭ ДЖАНПОЛАДЯН

1940 г. был для меня в научном отношении продуктивным. Вышло 12 моих статей, правда написанных в предыдущие годы; я уже целиком вошел в проблематику древнего государства Урарту, египтология постепенно отодвигалась на второй план.

Своими раскопками я был удовлетворен, так как уже с первых двух лет работ характер Кармир-Блура стал мне ясен, все мои первоначальные гипотезы оправдались.

Начались и съемки фильма «Памятники Урарту» Ленинградской киностудией научных и учебно-технических фильмов. Сценарий для этой картины был написан Я. Федоровым, но его пришлось совершенно заново переделать, и это заняло много времени.

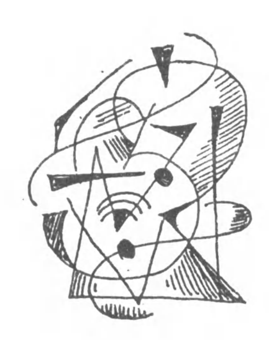
Режиссером фильма был назначен Е. Е. Рубинштейн, неплохой мастер и интересный человек. Он происходил из богатой семьи и во время первой мировой войны ушел вольноопределяющимся на фронт. Освоив дома верховую езду, он во время боевых действий был связным, пересекал линию фронта и был награжден как будто двумя орденами св. Георгия, которыми награждали за исключительно храбрые действия. Несмотря на его упрямство, мы с ним работали неплохо, хотя много спорили. В пылу гнева, тоном не без юмора, он говорил, что я похож на тех, кто запечатлен в альбомах угрозыска, на что я отвечал: «Я эти альбомы не знаю, а вас, вероятно, не раз с ними сверяли, раз вы их видели». Рубинштейн не боялся сложностей: в студии был сделан в натуральную величину макет богатого погребения, с подлинными бронзовыми предметами, привозимыми на время съемки из

Эрмитажа (бронзовые меч, кинжалы и вилы, керамика). Кроме того, была изготовлена крупная модель Мусасирского храма с вылепленными фигурками, помещенными перед фасадом. Репродукция этой модели, к сожалению не сохранившейся, помещена в книге К. В. Тревер «Очерки по истории культуры древней Армении».

Очень хорошую музыку к фильму написал молодой композитор Фризе, ученик Х. С. Кушнарева, погибший в годы Великой Отечественной войны. Труднее было подобрать диктора: лучший из них отказался озвучить фильм, так как у него громыхает слово «Урраррту», пришлось искать другого.

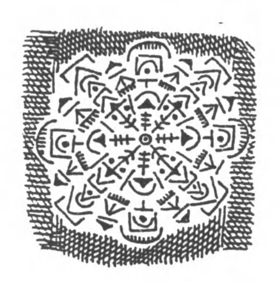
В условиях сложной обстановки международных отношений вступили в 1941-й г., но жизнь шла своим чередом. И. А. Орбели и А. В. Сивков перекраивали Зимний дворец, закладывались старые и прорубались новые двери, делали новые полы из плит дробленой мраморной крошки, строились новые планы экспозиций. В Эрмитаже был организован Отдел истории русской культуры, его основой стало собрание историко-бытового отдела Русского музея. Сорок четыре года назад (в 1897 г.) знаменитые картины русских художников, в том числе «Последний день Помпеи» К. Брюллова и «Медный змий» Ф. Бруни, были переданы в Русский музей. О возвращении русской живописи в Эрмитаж не могло быть и речи, но создание в Музее Отдела истории русской культуры было давней мечтой Орбели.

1941 г. был тревожным годом: уже десять лет над миром сгущались тучи, предвещавшие надвигавшуюся грозу. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. образовался фашистский блок, в который вошли Германия, Италия и Япония. С беспокойством следили мы за этими событиями, особенно в 1935—1936 гг., когда итальянская армия маршала Бадольо захватила Абиссинию и с легкостью подавляла сопротивление плохо оснащенной абиссинской армии. В сводках о военных действиях в Абиссинии упоминались поражения отрядов феодальных правителей—расов, — указывалось, что некоторые из них получили образование в России и служили в царской армии; советская общественность была на стороне абиссинского народа, а Лига наций не решалась применять к агрессорам экономических санкций. Военное превосходство итальянцев обеспечило быстрый исход войны в их пользу. В 1936 г. была раздавлена Испанская ре-

спублика. С 1939 г. фашистская Германия начала постепенно заглатывать европейские государства. Англия и Франция объявили ей войну, а Советский Союз выиграл войну с Финляндией, присоединил к себе Западную Украину и Западную Белоруссию и заключил соглашения с прибалтийскими республиками.

В 1940 г. агрессия фашистской Германии продолжалась, были захвачены Нидерланды, Бельгия и Дания, а 14 июня немецкие войска вступили в Париж, вступили, не встретив сопротивления. Шла оккупация Греции и Югославии, к фашистскому блоку переметнулись Болгария и Турция, но Турция смертельно боялась конфликта с Советским Союзом.

Понятно, что все советские граждане вступили в 1941-й г. с тревогой. В Эрмитаже, в крепких подвалах строились надежные бомбоубежища; для эвакуации ценностей музея были подготовлены ящики, каждый из них имел свой номер, список предметов, которые должны быть в нем помещены, упаковочный материал, а в ящиках, предназначенных для картин, были подготовлены гнезда по размеру подрамников, что значительно облегчало упаковку. Был образован и штаб местной противовоздушной обороны. Возможная война, несмотря на ситуацию в Европе, казалась кратковременной, думали, что соглашение с фашистской Германией, заключенное в 1939 г., отражало страх немцев перед нашей громадной страной, да и действия наших армий в Финляндии и на Дальнем Востоке укрепляли уверенность в надежной обороне нашей страны.

Жизнь шла своим чередом, продолжалась реконструкция зданий Эрмитажа, разворачивал свою деятельность Отдел истории русской культуры, готовились к отъезду археологические экспедиции.

Отряд Эрмитажа кармир-блурской экспедиции в 1941 г. работал в случайном составе. С. Н. Аносов, на которого я рассчитывал, был на военных сборах. Со мной захотел поехать И. М. Лурье, ставший заведующим Отдела Востока, к нему присоединились В. С. Гарбузова, турколог по специальности, и Н. П. Кипарисова, имевшая археологический опыт по Средней Азии. Отряд Армянского филиала АН СССР был в прежнем составе. Экспедиционная база была в Чорбахе. Работы начались успешно: на северном участке при раскопках Р. М. Джанполадян нашла бронзовую статуэтку

урартского бога войны Тейшебы, служившую навершием военного штандарта. В то время, разумеется, мы не видели второго смысла, какого-то высшего знамения этой находки, но эти успешно начатые раскопки были самыми короткими в истории исследования Кармир-Блура. 22 июня было воскресеньем, раскопки на холме не производились, но я все же пошел туда, хотел спокойно походить, подумать. По пути, в поле я встретил почвоведа Ашота Чичяна, у которого я ночевал в 1930 г., в первую мою ночь в Ереване. Не успел я с ним поздороваться, как он сказал: «Борис, сегодня ночью немецкие войска перешли советскую границу». Днем раньше нас оповестил об этом Тейшеба.

Бронзовая фигура Бога войны Тейшебы, найденная накануне Великой Отечественной войны на Кармир-Блуре.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Война началась неожиданно, хотя логически она была неизбежна. Мы привыкли читать в газетах о военных действиях в Европе и Африке, но не думали о том, что они докатятся до нас сегодня.

Когда я вернулся в Чарбах на базу экспедиции и сообщил эту новость, все были потрясены неожиданностью. И. М. Лурье сразу же собрался уезжать, такое же решение приняла и В. С. Гарбузова. От волнения И. М. стало не по себе, и он в растерянности повторял: «Как же я поеду, ведь я не поел». Быстро наладили еду, собрали вещи. Я решил остаться для завершения работ, со мной осталась и Н. П. Кипарисова.

В городе тоже все были в растерянности. Наступил вечер, город погрузился во тьму, ни одного огонька. Но вскоре он ослепительно засверкал. Турецкое правительство заявило, что они находятся с Советским Союзом в мирных отношениях, и светомаскировку отменили.

На следующий день на холме расчет рабочих. Некоторые из них уходили в армию. Завхоз, проработавший несколько дней и купивший себе для ведения дел портфель, требовал расчета за две недели; пришлось оформить.

Абрикосовую рощу заняли зенитчики, заняли прочно. Я получил указание два дня ходить по холму, делать вид, что работы не свернуты. Наш Кармир-Блур хорошо просматривался с турецкой границы. Ходил и сердился: ведь и я нужен в Ленинграде.

Свертывание работ заняло несколько дней; в Историческом музее и Институте истории Армении молодые сотрудники призывались в армию. Р. М. Джанполадян приняла на себя обязанности директора Музея.

Были куплены не без труда билеты до Тбилиси. Гостиница в Ереване была переполнена, пришлось на последнюю ночь принять Н. П. Кипарисову в свой номер.

При расставании никто не думал, что война будет долгой, все были в приподнятом, но растерянном состоянии.

В Тбилиси на ленинградский поезд продавали только верхние плацкартные места. По дороге в вагоны набивалось большое количество людей, стояли также в проходах. На станциях было уже трудно достать продукты. Так и ехали в тесноте, а когда въехали в Среднюю Россию, то — ночью и в темноте. В вагонах, как в старину, проводники имели фонари со свечами, которые освещали только коридор. (К. Г. Кафадарян возвращался из Ленинграда в Ереван с пересадкой, ему пришлось двое суток простоять, так как сесть было некуда, и он жаловался на то, что ноги у него сильно опухли).

Вернулся я в Ленинград в первых числах июля. Поезд пришел поздно вечером. До полночи, до «комендантского часа», оставалось мало времени. Я расстался со своей спутницей и по пустым улицам поспешил домой. В сумерках белой ночи дома, лишенные света, с чернеющими открытыми окнами, стояли как крепости с раскрытыми амбразурами.

На фоне светлого неба маячили аэростаты заграждения, и казалось, что им не было числа. Изредка попадались спешившие прохожие да спокойно прогуливавшиеся военные патрули — красноармейцы и моряки с автоматами в руках. В городе стояло затишье, как перед бурей.

Добрался до дома, мать сообщила мне, что многие знакомые и мой брат Константин уже в армии, он в артиллерийской части, по стопам отца. О брате Юрии, враче, служившем в армии на Дальнем Востоке, никаких известий не было.

Уже в первые дни после объявления войны, в конце июня, было сформировано народное ополчение, которое сразу же отправилось на передовые позиции, что привело к неоправданным потерям. В учреждениях и жилых домах приступали к своей

работе команды противовоздушной и химической обороны; к счастью, газы в этой войне никто применить не решился.

Каждый день тысячные отряды ленинградцев уезжали поездами на оборонное строительство. Полным ходом шла и эвакуация.

А Ленинград жил обычной жизнью. Сторонний наблюдатель, может быть, даже и не заметил бы разницы между военным и довоенным временем. Всё так же работали театры, Филармония, кино, в учреждениях продолжалась деловая жизнь, только пульс бился учащеннее. Многие заводы и учреждения готовились к эвакуации. Родители отправляли детей на восток, а сами оставались продолжать свою работу.

Когда я пришел в Эрмитаж, то там кипела деятельность по эвакуации. С первого дня войны в Музее началась упаковка музейных ценностей, предназначенных к отправке по заранее разработанному плану. На помощь пришли студенты, художники, архитекторы, артисты. Первый эшелон с музейными сокровищами ушел на восток, в Свердловск, в точно назначенный срок — первого июля (тогда я находился еще в пути). Уходил он под защитой зениток на платформах, в сопровождении самолетов.

Вместе с сокровищами Эрмитажа была отправлена большая группа сотрудников Эрмитажа, научных работников, хранителей и специалистов-реставраторов во главе с В. Ф. Левинсон-Лессингом. Эвакуация проходила организованно — И. А. Орбели был в своей стихии — стихии организатора. Из Москвы приехал председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР М. Б. Храпченко с помощником, а также заместитель комиссара внутренних дел тов. Павлов, который по существу руководил самой отправкой экспонатов: это мог выполнить человек, имевший право самостоятельно брать из резерва средства транспорта. Секретарем парторганизации в то время был В. Н. Васильев, очень умный и сложный человек, имевший только одно «профильное измерение», — настолько он был худощав. Васильев имел сложившуюся биографию. С 1934 по 1937 г. он был секретарем Кронштадтского горкома ВЛКСМ и секретарем Фрунзенского райкома ВЛКСМ в Ленинграде. Затем он был переведен на комсомольскую работу в Автономную республику немцев Поволжья, где в 1938—1939 гг. стал секретарем горкома ВКП(б) г. Эн-

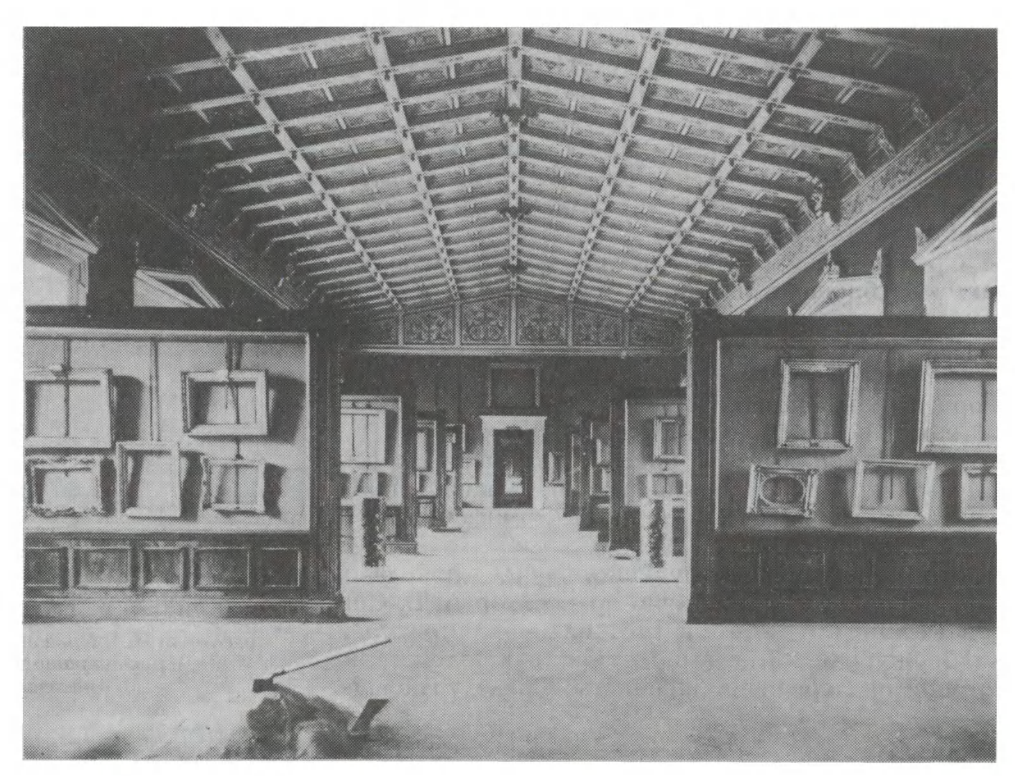
гельса и депутатом Верховного Совета РСФСР. В сложной ситуации он покинул Поволжье и вернулся в Ленинград, где в 1939 г. поступил в Эрмитаж на должность заведующего научно-просветительным отделом. В. Н. Васильев не всегда ладил с И. А. Орбели, но он был осторожным и выдержанным, и дело не доходило до открытого конфликта. Однажды я присутствовал при разговоре Орбели с Васильевым и своими глазами видел, как стул, брошенный Иосифом Абгаровичем в сторону, разлетелся на куски, но конфликта не последовало.

Когда я вернулся в Эрмитаж, шла упаковка второго эшелона, который ушел в Свердловск 20 июля, всего было увезено 1 миллион 118 тысяч предметов. Третий предполагавшийся эшелон отправлять на восток было опасно, и ящики, предназначенные для него, остались в Эрмитаже на все военное время.

Упаковка шла интенсивно, везде появлялся И. А. Орбели, с ним обычно архитектор А. В. Сивков. Работали все, и пожилые и молодые. А. Ю. Якубовский не выпускал из рук тележку, на которой он перевозил экспонаты. Среди упаковщи-

Перед эвакуацией Музея. Директор Эрмитажа академик И. А. Орбели и реставратор А. М. Аносова.

Первая блокадная зима. Шатровый зал. Остались одни рамы...

ков, пришедших Эрмитажу на помощь, я встретил своих старых знакомых, в частности однокашника по школе артиста Ялика Эренберга. Утомившиеся работники шли отдыхать на диваны Эрмитажного театра, превращенного в дортуар. В интенсивные дни упаковок я оставался ночевать в Эрмитаже, обычно на столе своего кабинета, а в более свободные дни уходил на ночь домой — тогда я жил на улице Петра Лаврова.

Когда я вернулся в Ленинград, запись в ополчение была уже прекращена, необученные ополченцы несли большие потери; а у меня была отсрочка от призыва, пришлось довольствоваться формированиями гражданской обороны — я выбрал противопожарную команду МПВО, стал пожарным.

В июле приходилось нести ночное дежурство в кабинете директора. Эти белые ночи с силуэтами аэростатов заграждения в небе незабываемы. Они одновременно и настораживали, и успокаивали.

В конце июля в Эрмитаж приехал секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) тов. Дубровский и

предложил некоторым сотрудникам, в том числе и мне, вступить в партизанские отряды. Я охотно согласился, так как, будучи археологом, умел делать съемки местности и пользоваться картами. Это мог я сделать лучше, чем владеть оружием. Вместе со мной дали согласие А. Н. Болдырев, столяр Фролов, Ростовцев, Богнар, бывший партизаном на востоке в гражданскую войну. У нас отобрали военные билеты и дали маленькие бумажные квитки с текстом об отобрании военного билета. Этот зашифрованный листок бумаги размером 6 × 10 см вызвал недоумение у служащих военкомата при контрольной проверке военнообязанных, и только после указания военкома меня отпустили домой. Оформление в партизанские отряды шло медленно, и я со своим квитком, выданным 29 июля, проходил более полумесяца.

Эвакуировалась и Академия наук, в Институте истории материальной культуры паковали в ящики наиболее ценные коллекции и рукописи. В Институте кавказоведов было шесть, но во время эвакуации было четверо. Самый молодой и веселый, С. Н. Аносов, начавший работать на Кармир-Блуре, был убит в самом начале войны. Самый старший, А. А. Иессен, уехал с Эрмитажем в Свердловск. А. П. Круглов уже находился в армии, на центральном фронте, где позже его настигла смерть. В один из вечеров начала августа встретились три оставшихся в городе товарища: Ю. В. Подгаецкий, Б. Е. Деген-Ковалевский и я.

Деген закончил и сдал для защиты свою кандидатскую диссертацию «Курганы в Кабардинском парке города Нальчика», он был увлечен этой темой, торопил защиту, боясь, что Ученый совет может растаять; но вместе с тем его беспокоила семья, которую надо было эвакуировать. Еще больше тревожился Подгаецкий, так как он недавно женился и имел маленькую дочку. Свободным был я один. Но я со дня на день ждал вызова на партизанские курсы. В нашей беседе, на редкость серьезной, каждый рассказал, чтó он успел сделать и чтó не успел. Договорились о том, что кто останется живым после войны, то позаботится о памяти своих друзей и сохранит научные материалы хотя был для архива.

Защита Дегена состоялась 27 сентября, а через месяц он умер на аэродроме, когда провожал свою семью в эвакуацию. Подгаецкий пришел в Эрмитаж в состоянии крайней дистрофии, он умер у меня

на глазах, и когда я переносил его мертвым, то не почувствовал его веса — настолько он исхудал. После его смерти я перевез из его дома рукописи в Эрмитаж и проводил жену Т. Архангельскую с дочкой до эвакуационного пункта Академии наук (обе они погибли). Но все эти печальные события имели место позже, ближе к концу года.

В начале августа фронт с каждым днем приближался, и в середине августа враг был уже у ворот города. Поступали сведения: «Снаряды рвутся в Гатчине, Пушкине, Павловске». Работники пригородных дворцов-музеев самоотверженно, с риском для жизни, спасали музейные сокровища, закапывали в землю статуи, отправляли упакованные ящики в Ленинград, последними уходили из своих городов.

16 августа я получил повестку с извещением о призыве по адресу Мойка, 26. Это было помещение детской музыкальной школы, которое занял один из партизанских отрядов Дзержинского района. Он состоял из сотрудников Нефтяного института, находившегося на Дворцовой наб., д. 18, в здании, куда позже переехал Институт истории материальной культуры. Пятерых эрмитажников присоединили к этому отряду, находившемуся под командованием командира Ракова (его чин я не запомнил). Учение было примитивным: штыковой бой, стрельба из пистолета (другого оружия не было, но действовал завет: «Каждый партизан должен достать себе оружие сам»). Много времени отводилось медицинской учебе, нас тренировали делать сложные перевязки головы. Кормили неважно, на наши же продовольственные карточки, спали мы на коротких детских кроватях. Правда, большинство «партизан» убегало на ночь домой. В один из нудных дней партизанской подготовки пришел командир Раков и объявил, что наш отряд расформировывается, так как забросить его в тыл сейчас, при близости фронта, уже нельзя, и мы все передаемся в распоряжение МПВО. Так я и вернулся в Эрмитаж и получил должность заместителя начальника противопожарной команды, начальником которой стал А. Н. Болдырев.

До расформирования нашего отряда я решил перейти в другой отряд, университетский, в котором был мой товарищ по экспедициям П. Н. Шульц; но я опоздал, отряд перебросили за линию фронта. Там он попал в трудное положение,

был рассеян. Шульц настолько отморозил руки, что пришлось ампутировать все пальцы, а он был опытный работник.

Сначала по возвращении в Эрмитаж готовили к отправке третий эшелон, запаковывали ящики, сидели на тюках и чемоданах, и в результате плотно остались в Ленинграде; блокадное кольцо еще не замкнулось, но было к этому близко. Начались будни пожарной команды.

В Эрмитаже было очень много работы. Надо было укрыть оставшиеся музейные ценности в надежные места, приспособить все залы и помещения к военной обстановке. На стекла многочисленных окон наклеивали полоски бумаги крест-накрест, для того чтобы при ударе взрывной волны стекла не рассыпались мелкими осколками. Надо было для противопожарной обороны в залы нанести горы песка и поставить ванны с водой для тушения зажигательных бомб. Но самой объемной работой была подготовка бомбоубежищ в подвалах, которые надо было приспособить для жилья, изготовить и расставить койки, заложить кирпичом окна, подготовить канализацию.

Когда в сентябре начались систематические налеты немецкой авиации, то в бомбоубежищах Эрмитажа и Зимнего дворца жило две тысячи человек: оставшиеся сотрудники музея с семьями, ученые, музейные работники, деятели культуры и другие, также с семьями. Были приняты на хранение не только некоторые ценности из пригородных дворцов и музеев, основные фонды которых хранились в Исаакиевском и Казанском соборах, а также в подвалах Русского музея, но и отдельные предметы от частных граждан.

Архитектор А. С. Никольский, живший в бомбоубежищах Эрмитажа, составил альбом рисунков, изображающих эти убежища и жизнь в них. Это, пожалуй, лучший документ, отражающий условия жизни в то тяжкое время.

БЛОКАДА

Меня часто спрашивают — почему от времени блокады не сохранились документальные фотографии? Дело в том, что в начале войны все граждане обязаны были сдать на государственное хранение фотоаппараты и радиоприемники, оставались только репродукторы, в основном тарелочной формы,

трансляционной сети. Радиосеть работала бесперебойно. А фотоаппараты имели только корреспонденты, они редко появлялись в Эрмитаже.

Первая бомбежка была днем 8 сентября, она была неожиданной, в небе с шумом большими группами летели, как хищные птицы, немецкие самолеты — зрелище незабываемое, потом начался грохот разрывов бомб. Они разбомбили продовольственные склады города, так называемые «Бадаевские», что критически отразилось позже на продовольственном снабжении ленинградцев. При бомбежках сразу же вспыхивали пожары, и над городом стелились клубы черного дыма.

Таких больших массовых налетов больше не было, позже в налетах участвовало несколько вражеских самолетов, они сбрасывали свой смертоносный груз и долго кружили над городом; прорваться назад им было трудно, так как на пути их ожидали наши перехватчики. Над городом немецкие самолеты сбивали редко, боясь дополнительных очагов пожара; огонь зениток в основном был защитным, не дававшим самолетам снижаться для прицельного бомбометания. Бывали случаи, когда наши летчики сбивали врага тараном. Один такой сбитый самолет упал у Таврического сада. Позже ленинградцы к бомбежкам привыкли, и они вошли у них в распорядок дня. Немцы стали методично бомбить город. Сначала воздушные тревоги начинались в 20 ч. вечера, а когда стало темнеть раньше, то перенесли на 19 ч. Ленинградцы к этому времени спешили добраться до дома или до бомбоубежища, где они жили.

В одну из сентябрьских ночей я был свободен от дежурства и ночевал дома, на ул. Петра Лаврова. Тогда-то я и получил первое «крещение». В эту ночь район Литейного проспекта и прилегающих к нему улиц подвергся сильному налету. Шум, грохот и тряска неописуемы. Их можно пережить, но описать трудно. Шум летящего, вернее кружащегося, самолета сочетался с визгом летящих бомб, грохотом зениток, гулом разрыва и последующей тряской. Толчки бывали настолько сильными, что я с трудом удерживался на ногах. Я вышел на лестницу, там было безопаснее, так как лестничный каркас надежнее этажных перекрытий, и там простоял до окончания налета. В эту ночь на ул. Петра Лаврова было разрушено четыре дома, один против нашего. Разрушения очень сильные, у некоторых домов обрушились внешние стены, и пять этажей

можно было видеть в разрезе, причем на стенах и по углам комнат сохранилась обстановка.

После окончания этой первой для меня ночной тревоги, под утро, я лег спать под стук топоров, так как на улице спешно для прекращения движения возводили забор (позже этих мер не было). Мне снилось, будто плотники изготовляли гробы.

Ко всему можно привыкнуть. Однажды во дворе дома, где я жил, упало несколько небольших зажигательных бомб, тушение которых трудностей не представляло: их надо было только вовремя обезвредить. Вокруг горящей бомбы, лежавшей у помойки, собралась толпа, ее тушили песком, а один из активных зрителей снял свою шапку и с остервенением кинул ее в бомбу, которая казалась затравленной — волком на псарне.

С середины октября я уже дома не бывал, я перешел на казарменное положение, а моя мать и соседка Н. К. Лисицина переселились в эрмитажное бомбоубежище. Один раз, уже в тяжелые дни, я был вызван в военкомат и воспользовался квартирой как транзитным пунктом. Оказалось, что она была повреждена при одном из обстрелов, окна были разбиты, осколки снарядов попали в буфет; когда я его открыл, то посуда стояла на месте, тарелки стопками, но когда я попытался их взять, то большинство посуды было разбито. Кто-то в квартире побывал, унес велосипед, теплую куртку брата и почему-то снял со стены две миниатюры, которые я перед войной купил. Можно было взять многое и более ценное.

В октябре особые трудности еще не ощущались, хотя продовольственные карточки отоваривались наполовину, а то и меньше. Столовая еще работала, суп стоил 9 копеек, на второе обычно была каша. Кроме того, были небольшие запасы и дома: ведь люди не ожидали длительной блокады и нужное количество продуктов вовремя не закупили.

Город жил еще активно. В августе и сентябре книжные издательства выпустили свою продукцию, и книжные лавки были переполнены книгами по разным специальностям. На столиках около книжных лавок на Невском и Литейном проспектах можно было купить интересные книги, которые в мирное время улетучились бы сразу.

Научная жизнь продолжалась. 11 октября на Ученом совете Института истории материальной культуры я делал доклад о связях Урарту с Закавказьем, использовав материалы двухлетних раско-

пок на Кармир-Блуре. Там правил ученый секретарь С. Н. Бибиков, приходил и директор Института М. И. Артамонов (уехал из Ленинграда в ноябре), постоянным посетителем всех научных заседаний был академик С. А. Жебелев.

В Эрмитаже научная работа была сосредоточена в противопожарной команде, которая занимала несколько комнат на антресолях «директорского коридора». В первой комнате был штаб, где стояли рабочие столы, в других помещениях стояли кро-

Двенадцатиколонный зал после прямого попадания снаряда. 1942 г.

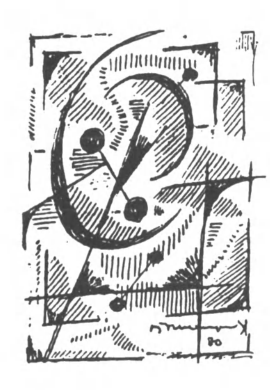
1942 г. Огороды в Висячем саду Зимнего дворца. Рис. Милютиной.

вати. Некоторые члены команды ночевали со своими близкими в бомбоубежище. В команде были А. Н. Болдырев, А. Я. Борисов, Ростовцев, А. Корсун, художник М. Н. Мох, оставивший свой Фарфоровый завод им. Ломоносова.

Поздно вечером, когда было спокойно, я любил у коптилки работать, писать доклады и готовить свою большую книгу «История и культура Урарту». А. Н. Изергина позднее рассказывала о том, как она возмущалась тем, что в такое тревожное время я при свете коптилки мог писать своим постоянным ровным почерком. Когда все спали, в первую комнату приходил библиотекарь Г. Ю. Вальтер и на спиртовке грел консервы, которые были у него в запасе. Но дело было не в еде, а в нервном настрое — из всех членов пожарной команды Вальтер умер первым.

В конце ноября писатель Славентатор в «Правде» опубликовал заметку о научной работе и живой атмосфере в нашей противопожарной команде, которую очень часто посещал И. А. Орбели.

ЮБИЛЕЙ НИЗАМИ

Еще в мирное время шла подготовка к празднованию 800-летнего юбилея азербайджанского поэта Низами, но война смешала все карты. Однако И. А. Орбели хотел обязательно отметить этот юбилей в блокированном Ленинграде. Он поехал в Смольный для согласования этого вопроса и для вызова с фронта поэта Н. С. Тихонова и основного докладчика М. М. Дьяконова. В Смольном он встретил Тихонова, который отнесся к этой идее пессимистично. «Дорогой Иосиф Абгарович, вы видите, что делается вокруг». Орбели возразил, что именно поэтому и надо отмечать юбилей. Они оба прошли в политуправление Ленинградского фронта, и там Орбели поддержали, обещав на день юбилея откомандировать в Эрмитаж Н. С. Тихонова и М. М. Дьяконова. Юбилейное заседание состоялось 19 октября, и к этому дню был отпечатан пригласительный билет в типографии Гидрометеоиздата, которая работала.

Торжество происходило в «школьном кабинете», где еще остались витрины с моделями знаменитых архитектурных памятников — когда-то в этом помещении заседал Государственный совет Российской империи.

Со вступительным словом выступили И. А. Орбели и Н. С. Тихонов, с докладом — М. М. Дьяконов и А. Н. Болдырев. Стихи Низами читал Г. Птицын. Люди сидели в пальто, но все было торжественно и знаменательно. Н. Тихонов в своем корреспондентском очерке писал: «В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя — человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества».

Было приятно встречать прибывающих с фронта эрмитажников. Приезжал и Игорь Михайлович Дьяконов и устроил «вавилонский праздник» — на Древнем Востоке все праздники сопровождались трапезой, праздника без кормления не бывало. Он привез консервы — шпроты, и после того как все рыбки были разделены между присутствующими, консервное масло было разыграно, его получил А. Корсун.

И ГОЛОД, И ХОЛОД, И ВСЕ РАВНО РАБОТА

В начале ноября, после ноябрьских праздников, продовольственное положение резко ухудшилось. Гражданское население стало получать на день 125 г хлеба, бойцы местной обороны 200 г и изредка суп, который по-прежнему стоил 9 копеек, и бутылку соевого молока. Иногда в качестве десерта выдавалась половина таблички столярного клея, а кусочек осетрового клея из реставрационных запасов казался верхом роскоши.

6 ноября в Свердловск выехали М. Э. Матье и И. М. Лурье; я был назначен профессором Эрмитажа, что мне потом пригодилось, и и. о. заведующего Отделом Востока.

Научная жизнь продолжалась. В блиндаже здания Академии наук происходило обсуждение диссертации моей аспирантки Е. М. Калашниковой, родственницы тбилисского архитектора (но она не выдержала последующее время блокады и умерла); читал я также доклад о походе Саргона против Урарту. На нем присутствовал и С. А. Жебелев. Мы вышли вместе, он выражал удовлетворение тем, что наука в трудных условиях не умирает. Эта встреча с моим учителем была последней, через несколько дней я узнал о его кончине.

Иногда я заходил в Музей антропологии и этнографии, по пути в главное здание Академии, там работал мой дядя Александр Брониславович; я приносил ему табак, который получал по карточкам, а случалось, что и он сам приходил в Эрмитаж. Но эти встречи внезапно прекратились. Однажды он в свой Музей не пришел, и обстоятельства его смерти так и остались неизвестными.

23 ноября я был на концерте в Филармонии, где выступал оркестр радиокомитета. Исполнялось «Итальянское каприччио» Чайковского (дирижировал М. Рабинович), и вдруг поблизости стали рваться снаряды, люстра в зале закачалась, но посторонние звуки, напоминавшие слушателям о фронте, впечатление от концерта не испортили, они даже его усилили. С концерта пришлось возвращаться под музыку обстрела и близких разрывов снарядов, но ленинградцы к этому уже привыкли. На улицах висели таблички и были помещены надписи, извещающие о том, по какой стороне улицы при обстреле ходить безопасно. Дальнобойные орудия палили со стороны Петергофа (Петродворца).

В середине декабря остановились трамваи. Работа их прекратилась неожиданно, в центре города на трамвайных путях застряли не успевшие дойти до парка вагоны, и долго стояли они посреди улиц, с выбитыми стеклами, занесенные снегом. После прекращения действия городского транспорта сразу бросилось в глаза увеличение количества людей на улицах, людей, тянущих детские саночки. Откуда взялось такое количество саней? Ю. М. Непринцев говорил, что этим легким саночкам надо поставить памятник, так как они значительно облегчали труд ослабевших людей. Людям пришлось делать пешком громадные концы. Улицы оказались заполненными народом, через мосты шла непрерывная толпа, белое ровное поле замерзшей Невы было перекрещено тропинками, по которым двигались вереницы людей, многие из них тащили саночки. И когда неожиданно начинался артиллерийский обстрел и через Неву, завывая, летели снаряды, можно было видеть, как люди, точно по команде, ложились на лед. И мне пришлось через Неву тащить саночки с рукописями Ю. Подгаецкого после его смерти и после отправки умиравшей семьи на Большую землю. Спуститься на лед было легко, а вот выбраться на набережную не хватало сил, и без помощи проходящих моряков я бы не сладил с моим грузом.

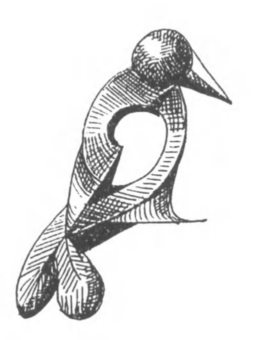
В конце декабря и в начале января 1942 г. в значительной мере прекратилась подача электричества и воды. К голоду прибавились еще темнота и холод, воду приходилось брать на Неве из проруби. Такая прорубь для эрмитажников была на Неве, около спуска у дома № 32 по Дворцовой набережной. За ночь прорубь замерзала, и ее надо было вырубать заново. Таким прорубщиком был профессор университета, арабист В. И. Беляев. Иногда приходилось его ждать с топориком и радоваться, когда на спуске к Неве показывалась его хромающая фигура. Он был ранен в ногу во время финской войны.

В таких тяжелых условиях исключительное значение имел хорошо организованный коллектив, и именно таким коллективом был Государственный Эрмитаж.

И. А. Орбели, не любивший будни, в тяжелое время развернулся, его руководство было жестким, иногда безжалостным, но он показывал всем пример.

Значительно позже, в 1977 г., Советский Союз посетил главный судья США Уоррен Бергер. Перед

его приездом мне, уже как директору Эрмитажа, передали просьбу посла СССР в США А. Ф. Добрынина показать гостю подлинные приказы по Эрмитажу конца 1941—начала 1942 г. И я ему эти приказы показал. Там были выговоры за опоздания, конечно не за минутные; там были увольнения за провинности. Лишение работы и рабочей продовольственной карточки в то время было жестокой мерой, часто гибельной, но эти увольнения были какой-то причиной для отбора людей по требуемому сокращению штата. Но наряду с такими приказами были поощрения за хорошую работу, праздничные приказы с поздравлениями, перемещения по работе. Были и приказы, характеризующие неуравновешенность директора. Так, в отдельном приказе он запрещал применять «армейский жаргон» в штабе обороны («Слушаюсь», «Никак нет»), считая эти фразы пережитками царской армии, и предлагал употреблять их «только в семейном быту». Но Иосиф Абгарович оставался Иосифом Абгаровичем.

Эти приказы, к которым Уоррен Бергер сначала отнесся с некоторым недоверием (разумеется, приказ о «жаргоне» ему показан не был), опровергли распространенное в США представление о том, что ленинградцы в тяжелые дни блокады пассивно ожидали свою судьбу. На самом деле было не так, люди трудились в самых тяжелых условиях, женщины и подростки заменили ушедших мужчин, и на оборонных заводах изготовляли снаряды прямо на фронт. Но и деятели культуры и искусства делали свое дело, были на «своем месте».

Работа в Эрмитаже шла по различным линиям. Надо было спешно ликвидировать последствия обстрела, забивать фанерой выбитые стекла, а иногда и целые рамы, обслуживать бомбоубежища, в которых жило много людей, надежно укрыть оставшиеся музейные ценности.

Противопожарная команда МПВО должна была выполнять работу столяров, грузчиков, слесарей и служителей морга. Трагедию повседневной жизни, отраженной в приказе, обнаруживал длинный перечень сотрудников музея, исключенных из списка по случаю смерти. Умирали преимущественно люди, жившие дома и пришедшие в Эрмитаж уже в состоянии дистрофии. Люди, трудившиеся в подразделениях МПВО, держались в коллективе. Основной причиной смерти была дистрофия нервов, представление о безнадежности положения, нерв-

ный упадок сил и отсутствие сопротивляемости. Сотрудники, работавшие в самые тяжелые дни блокады, мылись, брились, делили скудный паек на две или три части, спали в свободное время и не разговаривали о еде — это было строжайше запрещено.

В бомбоубежище была небольшая комнатка с телефоном и двумя койками — для начальника противопожарной команды (А. Н. Болдырева) и для меня, его заместителя. Проснувшись при телефонном звонке, объявляющем тревогу, мы смотрели на календарь, какое число он показывает, четное или нечетное, и тот, чья очередь идти на посты, поднимался, а другой продолжал спать. При тревоге приходилось будить членов команды, находившихся в общем бомбоубежище, и для того чтобы не поднимать шум, будили их подергиванием за ноги.

Дежурные занимали свои определенные посты, и им приходилось вечером бежать по совершенно темным залам Эрмитажа и Зимнего дворца, по маршрутам иногда очень длинным, более двух километров. Но эти маршруты были для них настолько привычными, что они смогли бы пробежать их и с закрытыми глазами.

Большое впечатление оставляли пустые, насквозь промерзшие залы Музея. Когда были убраны все предметы, то архитектура залов и их декоровка выступали особенно рельефно ночью: освещенные пожарами, светом, проникавшим через частично заколоченные окна, залы Музея становились сказочными, особенно те, где стены были покрыты инеем. Гулко звучали шаги, и эхом отдавался человеческий голос; в роскошных золоченых рамах зияла чернеющая пустота, так как картины из них были уже давно вынуты. Во время вечерних тревог (а в Ленинграде в декабре темнота наступает быстро) можно было наблюдать изумительные зрелища: пожар «американских гор» около зоопарка, горящие зажигательные бомбы на пляже Петропавловской крепости, факелы подожженных деревянных вышек на крышах зданий. С возмущением мы со своих постов иногда видели, как во время налета с земли запускались сигнальные ракеты, отмечавшие, в частности, мосты, и тогда начиналась беспорядочная стрельба. С этой бедой, с предательством, пришлось серьезно бороться.

Во многих районах города во время бомбежек возникали очаги пожаров, и на фоне зарева четко

вырисовывались контуры хорошо знакомых каждому ленинградцу зданий: Петропавловской крепости, Адмиралтейства, Исаакиевского собора. Днем они стояли хмурыми, вызолоченный купол Исаакия был выкрашен в серый цвет, а на Адмиралтейскую иглу был натянут брезентовый чехол.

Воздушные налеты немецкой авиации продолжались часто очень долго, иногда до 7 часов подряд. Мне приходилось совершать далекий путь с чайником в руках, разнося кипяток, иногда уже сильно остывший, по постам.

Долгие часы дежурства на постах научные сотрудники даром не теряли, они занимали время разговорами на научные темы. Одно время в ротонде Зимнего дворца я стоял на посту вместе с великолепным ученым, безвременно погибшим, А. Я. Борисовым; я его образовывал в области археологии, а он меня в области семитологии. Я уже упоминал о том, что противопожарная команда Эрмитажа была центром научной работы.

В конце ноября блокаду прорвала открытка из Армении — от С. В. Тер-Аветисяна, с которым я работал на Кармир-Блуре, от Н. М. Токарского и сотрудников Комитета охраны исторических памятников Армении. В ней были такие строки: «...нам очень приятно, что вы живы и здоровы и среди больших забот не оставляете научную работу». Можно понять, как подняла наше настроение эта открытка, имевшая штамп военной цензуры.

Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь. Те, кто был занят работой, легче переносил голод. Чувство голода со временем обычно переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях. И так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе.

УМИРАЯ, НЕ ЗАБЫЛИ НАВОИ

10 декабря, в тот день когда перестали ходить трамваи, в Эрмитаже происходило торжественное заседание, посвященное 500-летию поэта Навои, основателя узбекской литературы. После вступительного слова И. А. Орбели и научного доклада А. Н. Болдырева поэт Всеволод Рождественский, прибывший в военной форме, читал свои переводы стихов Навои, а в витрине были выставлены фарфоровый бокал и коробочка, специально расписанная к этому дню художником М. Н. Мохом. Эти

фарфоровые изделия могли быть обожжены лишь благодаря помощи моряков. База подводных лодок «Полярная звезда», вмерзшая в лед Невы около Эрмитажа, протянула кабель в подвалы Эрмитажа для муфельной печи, в которой были обожжены эти изящные фарфоровые предметы. Через день юбилейное заседание было продолжено, на нем состоялся мой доклад о связях поэм Навои с древневосточной литературой, а сотрудник Эрмитажа Николай Лебедев без устали читал свои замечательные переводы произведений Навои. Проведение праздника культуры народов Советского Союза показывает, с каким подъемом могли работать люди в тяжелых условиях.

И. А. Орбели решил издавать сборник докладов, зачитанных на заседаниях, посвященных Навои. Рукопись получила разрешение Ленгорлита, помеченное январем 1942 г., М. М. Мох начал делать иллюстрации, но благое намерение оказалось неосуществленным.

Можно сказать, что мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/1942 г., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке, и это понятно — в то время можно было или не писать вовсе, или писать с большим подъемом, среднее исключалось.

Михаил Мох, художник Фарфорового завода им. Ломоносова, а после войны художественный руководитель этого завода, и Николай Лебедев, талантливый специалист по туркменской и персидской литературе, поступили в Эрмитаж в 1941 г. на должность чернорабочих. Они возили кирпич, закладывали окна подвальных помещений, таскали доски, а в свободное от этих работ время занимались своим основным делом.

На заседании, посвященном Навои, Н. Лебедев выступал уже физически полуживым, от истощения он еле двигался, но его приходилось удерживать от слишком большого количества стихов, которые он отобрал для чтения.

После второго заседания, 12 декабря, он слег и не смог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то, несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи.

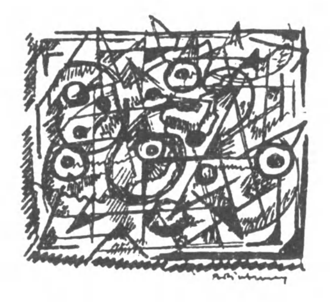
29 декабря в Институте востоковедения Акаде-

мии наук СССР также состоялось заседание, посвященное Навои. В холодном зале библиотеки собрались укутанные люди, в которых трудно было узнать знакомых ученых-востоковедов. Заседание прошло активно. После вступительного слова академика И. Ю. Крачковского с докладами выступили проф. Е. Э. Бертельс и Б. Т. Руденко. Последний читал доклад, очень заинтересовавший меня своей темой, но так как из-за холода он его сильно сокращал, то Руденко дал мне рукопись доклада, которую я ему вернуть не смог, так как вскоре, во время дежурства, в Институте Б. Т. Руденко уснул и не проснулся. Экземпляр его доклада, притом единственный, у меня сохранился, и значительно позже он был напечатан по этому экземпляру, переданному мною в Институт востоковедения АН СССР.

Не затухала работа и в Институте истории, но я на научные заседания туда не доходил.

Еще в октябре и первой половине ноября в Доме ученых, ожидая скудный обед, подававшийся в полутемном зале бывшего ресторана, я встречал своих старых знакомых историков, сильно изменившихся, с закопченными от «буржуек» (печурок) лицами и руками, но полных энергии, строивших планы своих научных и организационных работ, несмотря на то что многие из них стояли уже на пороге смерти.

НОВЫЙ ГОД С И. А. ОРБЕЛИ

Кончался 1941 г. В новогоднюю ночь И. А. Орбели выступал в радиоцентре на Манежной площади, и я его туда сопровождал. Дошли благополучно, без труда. Кроме Орбели, выступал летчик, сбивший тараном фашистский самолет, рабочий и кто-то из литераторов. В студии зрителей было мало, нам раздали кружки с кипятком, и мы должны были вести себя шумно, чтобы создать впечатление переполненного зала.

Когда возвращались в Эрмитаж, начался артиллерийский обстрел. Недалеко перед нами, около Русского музея, разорвался снаряд, а мы шли в ту сторону, инстинктивно замедлили шаг; следующий разорвался уже за нами, и мы поспешили выйти к Мойке, и когда перешли через реку, то были уже в безопасности, так как эта сторона набережной не простреливалась.

Вернулись в Эрмитаж уже в 1942 г. Обитатели бомбоубежища, около которого была рабочая комната Орбели, торжественно его встретили и поднесли ценный подарок — поднос со спичечными коробками. Я поспешил в убежище, где жила моя мать, и поздравил всех с уже наступившим Новым годом.

Для сотрудников Эрмитажа большой тяготой была трудовая повинность по уборке дворов и улиц вокруг Эрмитажа и Зимнего дворца. Получив одну из разнарядок, Иосиф Абгарович позвонил начальнику милицейского отряда, охранявшего Эрмитаж, с просьбой вывести милиционеров на помощь эрмитажникам. Командир отряда по телефону ответил, что «милиция — орган надзора и в трудовой повинности не участвует». Орбели пришел в ярость, закричал, что он не знает, какой орган представляет собою милиция, но если милиционеры — советские люди, то он заставит их выйти на работу, но он должен выяснить вопрос о принадлежности ведомственной милиции к советским людям, и повесил трубку. Командир отряда пытался несколько раз звонить Орбели, но тот отвечал: «Уважаемый орган, я вопрос о принадлежности вас к советским людям не выяснил».

Раздался звонок, у телефона начальник милиции города тов. Соловьев, Герой Советского Союза. Он спросил у Орбели, что у него произошло с командиром отряда ведомственной милиции. Иосиф Абгарович разошелся и начал Соловьеву говорить непередаваемые текстом слова. Соловьев его урезонивал и просил остановиться, я сидел рядом с телефоном и все отчетливо слышал. Воспользовавшись паузой, Соловьев сказал: «Дорогой академик, не шуми, не посылай своих дистрофиков на работу, я пришлю помощь». И действительно, на двух машинах прибыли красноармейцы, которые очистили от снега улицу и тротуары.

Мне приходилось в эти дни постоянно бывать около Орбели, и я часто слышал его «взрывные разговоры» по телефону. Эрмитажу всегда оказывалась помощь.

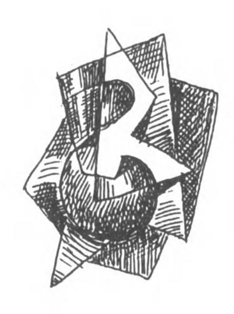
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПОДАРКИ

В начале января я серьезно заболел, было что-то вроде воспаления легких. Врачей не было, так же как и лекарств, свою городскую квартиру из-за

непригодности для жилья пришлось бросить, и я лежал в холодной квартире у Н. Д. Флиттнер. Тем для разговоров по археологии Древнего Востока хватало, но кроме того, мы читали вслух рассказы Вл. Соловьева на темы русско-турецкой войны. Когда я стал поправляться, то работал по составлению конспекта книги Леман-Гаупта «Армения прежде и теперь», где выискивал данные об его раскопках в Вене. На полях конспекта появилась реплика: «Очень холодно!»

Когда я стал перебираться снова в помещение противопожарной команды, то не я заплатил Флиттнер «за постой», а она, вручив мне замечательную серебряную сиракузскую декадрахму IV в. до н. э., самую красивую из монет. Она рассказала, что очень давно она получила эту монету от коллекционера, который был к ней неравнодушен. Повезло не коллекционеру, а мне.

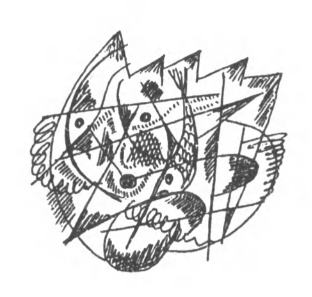
14 февраля был мой день рождения, исполнилось 34 года. Приехал из Лисьего Носа брат Константин, привез краюшку хлеба, но так как пришлось ехать в сильный мороз, то хлеб превратился в крошки. И. А. Орбели подарил флакон (от одеколона) со спиртом и кусок столярного клея. М. Н. Мох расписал и обжег небольшой химический тигелек со знаменательной датой. Таким образом, угощением была каша из хлебных крошек и желе из столярного клея — оно показалось царским. Но половину флакона спирта я оставил, так как мне надо было отправлять на Большую Землю некоторых сотрудников Института истории материальной культуры, и в частности В. И. Равдоникаса; я предполагал, что даже капля спирта поможет мне убедить его ехать. В. И. был арестован и после освобождения находился в упадочном состоянии. Мне было поручено его силой доставить на сборочный пункт.

Я пошел к нему, квартира была открыта, все было как после погрома, книги на полу. Я стал его звать, и из-под горы тряпья раздалась его махровая ругань, он ничего не хотел слушать. Я ему объяснил, что принес талон на место в автобусе, что его по ту сторону Ладожского пути будет ждать его сын, и поставил около него флакончик с остатками спирта — «бензин на дорогу» — и кружку с водой. Ушел, сказав, что приду назавтра его проверить. На другое утро я задержался и пришел с опозданием, квартира была закрыта, на стук никто не отвечал; обратился к соседям, те сказали, что Рав-

доникас утром собрался и ушел. Уже после войны он рассказал мне о том, как его взбодрила «капля бензина», принесенная мною. В то время иногда мелкий пустяк выводил человека из шокового состояния.

Февраль принес Ленинграду улучшение, значительно прибавился хлебный паек, до 400 граммов. Еще после успеха советских войск на Тихвинском фронте угроза взятия Ленинграда врагом была снята. Стало ясным, что немцы никогда не вступят в город и что им пришлось перейти к обороне, закопаться в снег и землю для того, чтобы всеми силами сдержать кольцо блокады. Но она фактически была уже прорвана задолго до 19 января 1943 г. В исключительно сложных условиях по льду Ладожского озера была проложена автомобильная трасса, связывавшая Ленинград с юго-восточным берегом озера. По этому ледяному пути, начиная с февраля и до первых чисел апреля беспрерывным потоком шли в город Ленина автомашины, груженные продуктами. Одновременно этими же машинами началась планомерная эвакуация города. Выехать могли поголовно все желающие. Университет был эвакуирован в полном составе, и после недолгого перерыва исторический его факультет продолжил свою работу в Саратове. Ученые получали командировки в различные города Советского Союза по их желанию.

НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Уезжали и наши эрмитажники. Художника М. Н. Моха с женой И. А. Орбели отправил в Ереван. Сохранилось мое письмо от 25 февраля, посланное с ними Н. М. Токарскому. Оно начиналось словами: «Как и следовало ожидать, перед отправкой наших товарищей из города у меня оказалась такая уйма дел, что я явно не успеваю написать письма всем тем, кому надо и должным образом». Надо было оформлять документы, выписывать деньги, принимать имущество, выдавать паек. Мохи до Ленинакана доехали благополучно, но там их сняли с поезда «за панические слухи и клевету о положении в блокированном Ленинграде». Но нашелся один командир, который их внимательно выслушал, спрашивал о деталях жизни в блокаду и сам отправил их в Ереван со следующим поездом. Шпиономания долго сопутствовала военной обстановке во всей стране.

С марта начались работы по очистке города и реставрация некоторых поврежденных зданий.

В Эрмитаже прекратило действовать бомбоубежище, при медпункте для больных открылся стационар с улучшенным питанием.

Оставшиеся музейные ценности были надежно спрятаны. Эрмитаж посетил приехавший в Ленинград А. Н. Косыгин и, ознакомившись с состоянием Музея, дал указание о выезде И. А. Орбели из Ленинграда. Позднее, при посещении Музея, в разговоре со мной он вспоминал этот свой приезд в осажденный город.

И. А. Орбели решил, что с ним в Ереван, где он сможет научно работать, выедут секретарь партийной организации В. Н. Васильев, архитектор А. В. Сивков и я.

В Ленинграде осталась небольшая группа — 22 сотрудника во главе с М. В. Доброклонским, который во время блокады потерял двух своих сыновей. На долю оставшихся выпала особо трудная работа в разгар весны, когда надо было спасать музейные предметы из затопленных подвалов — и от талой воды и от лопнувших труб. В Эрмитаже осталась и моя мать, София Александровна, поступившая в штат библиотеки. Уезжая, мы не предполагали, что война продлится еще три года и что основные битвы будут еще впереди.

Я собрал свое белье и немногочисленную одежду в портплед, затянув его ремнями, а в чемоданчик сложил научные материалы, конспекты книг и статей об Урарту, фотографии и свою рукопись книги «История и культура Урарту», которую надо будет доработать в Ереване. Этот чемоданчик был портативным, и я с ним не расставался в пути. Н. Д. Флиттнер, верившая в приметы, дала мне в дальнюю поездку каменный амулет-скарабей, принадлежавший Б. А. Тураеву, который его, по словам Флиттнер, постоянно брал в путешествия. Этот древнеегипетский скарабей остался у меня и после возвращения в уже освобожденный Ленинград. Взял я с собой и маленький скарабей, который в свое время получил от моей учительницы по школе М. Ф. Ропп.

Утром 31 марта наш автобус отошел от служебного подъезда Эрмитажа. Хотя в Ленинграде наступило уже значительное улучшение условий жизни, но оставшиеся люди были очень слабыми, а обстрел города и бомбежка продолжались. Проезжали через улицы Ленинграда, которые приводи-

лись в порядок, выехали за пределы города, за трамвайную линию, которая «вела на фронт», взяли путь на поселок Борисова Грива — перевалочный пункт, где кончалась Ледовая дорога. Сначала по льду Ладожского озера ехали в воде, боялись, как бы радиатор не заглох, затем выехали на снежную гладь. Проторенная дорога, по сторонам военные посты и зенитные установки. Расстелив черную шинель на снегу, моряки греются на солнце. В воздухе все спокойно. Благополучно переехали через Ладожский путь и приехали в поселок Кобона, где начиналось железнодорожное сообщение, идущее в глубь страны. Остановка. Народа, ждущего отправки, много. Встретили эрмитажную сотрудницу Л. Пискунову. Нас где-то разместили и стали кормить. Дали по тарелке густого и жирного супа, он мне на пользу не пошел, затошнило, а после стал дико болеть желудок. Вечером бомбежка, дальние разрывы бомб, треск зениток, но эту воздушную тревогу с ленинградскими сравнить нельзя (то же говорил мне и брат Константин). В городе все шумнее: отражается от домов эхо, да и трескотня зениток сильнее. Прошла ночь. Утром погрузка в вагоны, у меня острая боль в желудке не проходит, и к тому же опухли ноги. У вагона стало особенно тяжко, я бросил свой портплед с вещами, крепко держал чемоданчик с рукописями. Какие-то женщины помогли мне влезть в вагон, он комфортабельный — купейный. Одно купе для И. А. Орбели, второе для его семьи (с ним из Ленинграда уезжали бывшая жена Мария Кероповна Орбели и его новая жена Елизавета Николаевна Ненарокова с матерью), третье для нас — Сивкова с женой, Васильева и меня. Я забрался на верхнюю полку, лег ничком, надеясь, что пройдет боль, у головы поставил чемодан. Васильев принес мне манную кашу, я поел, но ее не переварил, надо было учиться переваривать большие порции пищи.

Днем бригада поезда объявила, что оставленные на перроне вещи погружены в поезд, и назвали номер вагона (там я нашел свой портплед — его не украли).

У меня в кармане два удостоверения: одно эрмитажное с текстом о том, что «профессор Б. Б. Пиотровский, сотрудник Государственного Эрмитажа, командируется в город Ереван для научной работы по заданию и плану Эрмитажа сроком по 1 сентября 1942 г.», и второе — эвакуационное, оборотная сторона которого была сплошь покрыта печатями: «Бабаево. Обед», «Вологда. Обед

и хлеб 7 апр. 1942 г.», особенно неопрятный был штамп «Грязи. Буфет».

Из Ленинграда с нами в вагоне выехали писатель Вяч. Шишков и балерина Ваганова, но они направлялись в Москву и вскоре вышли, дальше с нами ехал писатель Лев Савин, живой и интересный собеседник. Ехали очень долго. Приехали в Сталинград, там И. А. сначала приняли за Левона Абгаровича Орбели, и нас встретила делегация врачей и руководство города. Секретарь горкома уже говорил об опасности прорыва немцев до Волги. В Сталинграде мы остановились, вышли на прогулку на площадь с фонтаном, украшенным фигурами пляшущих детей.

Доехали до Баку, там снова встречи. Я уже немного оправился, отдохнул в пути, научился есть и переваривать пищу. В Баку нам надо было пересесть в другой вагон, так как у нашего был устаревший тип сцепки. Последний наш маршрут шел по пограничной линии с очень красивыми горными пейзажами. По пограничной эстафете передавалось, что в пути член Верховного Совета РСФСР В. Н. Васильев, и ему оказывалось особое внимание.

ЕРЕВАН — МОЯ СУДЬБА

Добрались до Еревана в последних днях апреля, на вокзале нас встречали В. О. Гулканян, будущий вице-президент Академии наук Армении, Н. М. Токарский, друзья и товарищи. Иосифа Абгаровича с его дамами отвезли в отведенную квартиру, а остальных в Русский педагогический институт, где разместили в двух комнатах; я поселился с В. Н. Васильевым. Он был хорошим хозяином, любил ходить на рынок, приносил яйца, зелень и обязательно бутылку коньяка. В Ереване в это время коньяк и вино были дешевы, прекратился их вывоз в центр страны, и прилавки магазинов ломились от бутылок. Эвакуированные ленинградцы получали в день один килограмм хлеба, а рынок был полон продуктами. Первое время коньяк и вино целиком усваивались, и мы не пьянели. Правда, это прошло быстро, но всегда хотелось есть. Такое чувство продолжалось долго, и приходилось полагаться на разум, кончать есть вовремя.

Почти каждый вечер мы бывали у И. А. Орбели, где собирались его друг Л. А. Калантар, дирек-

тор Русского драматического театра Жирайр Акопян, философ Хачик (Феликс) Нишанович Момджян. Сидели, пили чай (вино и коньяк бывали, но редко) и разговаривали на разные темы без умолка. Иосиф Абгарович был постоянно в добром состоянии, Мария Кероповна заботливой хозяйкой, Елизавета Николаевна развлекала наигранной наивностью, а ее мать молчала. Душой этих сборов был Л. А. Калантар, очень способный и интересный человек и собеседник, учившийся в свое время у Н. Я. Марра и участвовавший в раскопках Ани.

Орбели часто ходил в театр к Калантару: тогда шел веселый спектакль «Давным давно» («Гусарская баллада»), ему нравилась артистка, игравшая Шуру, и он выхлопотал ей даже увеличение зарплаты.

В Ереван приезжал композитор Мдивани, который тогда был руководителем хорового ансамбля Морского Флота и потому сам ходил в морской форме. Однажды вечером Мдивани со своими подопечными пришел на квартиру к Орбели, и там состоялся концерт, хорошо звучавший в домашней обстановке. Устраивались экскурсии по древним памятникам, ездили на турецкую границу и с пограничной вышки рассматривали городище Ани. Несмотря на отечность моей правой ноги, я постоянно принимал участие в этих поездках. Сразу же по приезде в Ереван я окунулся в свою работу и с упорным прилежанием работал над доведением моей рукописи об Урарту до печати, а М. Н. Мох по фотографиям делал великолепные графические рисунки. Эта работа оплачивалась Армянским филиалом Академии, и в день каждой получки я сдавал Х. Момджяну готовую часть рукописи и получал справку для оплаты гонорара в размере зарплаты.

Рипсимэ Михайловна посещала институт, где занималась немецким языком, и ее подруги в разговоре с ней удивлялись моей усидчивости. Окно моей комнаты выходило не на улицу, а в коридор, ведущий в аудитории, и днем я был на виду у студентов. Кроме того, готовился русский перевод учебника по истории Армении, и К. Г. Кафадарян, директор Исторического музея Армении, просил меня помочь в редактировании русского перевода, в связи с чем я почти ежедневно появлялся и в Музее, с которым был уже связан работой прошлых лет. Не остался и без археологических работ. Из Комитета охраны памятников Армении сообщи-

Борис Борисович и Рипсимэ Михайловна Пиотровские.

ли, что при прокладке дороги у Дилижана к озеру Севан открыты древние погребения в форме каменных ящиков. Это оказалось на месте знаменитого «Редькина лагеря», где в 1876 г. производил раскопки Вырубов. Я согласился поехать. Со мной поехали Р. М. Джанполадян, племянница Л. А. Дурново, и фотограф Погос Григорян, очень живой и своеобразный человек.

Прибыли в Дилижан. Мать Н. Дурново была замужем за дилижанским аптекарем, небольшим желтеньким человечком с бородкой, который на территорию аптеки никого не пускал. При осмотре местности бывшего лагеря инженера Редькина, работавшего здесь 66 лет назад, обнаружены каменные ящики. Мы копали только те, который были вскрыты работами по расширению дороги. Они оказались обычными, раннежелезного века. Мы сделали точные обмеры могильных сооружений и отправили в Исторический музей глиняные сосуды, которых и без наших в Музее было много. Было интересно приобщиться и к знаменитому месту ранней археологии Закавказья. Неважно, что результаты были скромные, важно было продолжить раскопки на историческом месте.

Жили мы в каком-то доме, в котором были кровати с пружинными матрацами. До раскопок

было недалеко, но мы много ходили, совершили даже экскурсию высоко в горы, к монастырю Нор-Гетик, где в свое время жил и творил известный общественный деятель армянского средневековья Мхитар Гош, составивший первый судебник. В монастыре, состоявшем из нескольких церквей и здания библиотеки, находятся замечательные хачкары мастера Погоса, поражающие тонким кружевом, выполненным в камне. Могила этого скульптора находится на кладбище около монастыря. Храмы знамениты надписями, высеченными на их стенах; о них готовила свою работу Рипсимэ, и поэтому наша прогулка в горы имела также и научный интерес. Важно то, что надписи на стенах храмов в некоторой мере совпадают с текстами, приводимыми средневековыми историками в своих писаниях.

В экспедицию я отправился не вполне оправившимся после блокады, у меня еще сильно опухали ноги и трудно было ходить, но жизнь на свежем воздухе и дальние прогулки в горы сделали свое дело — опухоли ликвидировались сами по себе. Вернувшись из района Дилижана, я снова плотно сел за рукопись книги об Урарту. В моей келье в Русском педагогическом институте работать было удобно, быт наладился быстро: свою продуктовую карточку я отдал Клавдии Сергеевне Мох и питался вместе с ними. Наладился контакт и с обслуживающим персоналом Института, сговорился с уборщицей о стирке белья и уборке комнаты. Женщина попалась ответственная и старательная, но достаточно прямолинейная — на мое сиреневое нижнее белье она ставила желтые заплатки.

В июле в Нор-Гетик выехала экспедиция, в которой приняла участие и Рипсимэ Джанполадян. Приближался день ее рождения. Я за это время уже подружился с семьей Джанполадян и предложил, что я поеду в Нор-Гетик и отвезу новорожденной подарок. Это было довольно смелое предложение: найти в горах правильную дорогу к монастырю очень трудно, а спросить будет не у кого. Но я все же отправился в путь, взяв с собой ящичек с угощением и поздравительным стаканчиком — химическим тигельком, расписанным М. Н. Мохом. На нем был изображен черный цыпленок, вылупляющийся из яйца.

Иосиф Абгарович заказал мне броню на билет, но когда я пришел к начальнику вокзала, то оказалось, что моя броня была уже кому-то отдана.

Мне было предложено обратиться к военному коменданту. У него я получил билет в общий воинский вагон, шумный и переполненный. Но я и тому был рад. Доехал до Дилижана благополучно, но поспать толком не удалось.

Вышел на перрон и задумался... что же мне делать дальше, обратиться не к кому, попутчики редки, на них рассчитывать нельзя. Взял я ящичек подмышку и зашагал по главной улице, по направлению к горам.

И вдруг вижу — навстречу мне движется арба и сотрудники экспедиции: у них кончились деньги, из города не прислали, и они были принуждены свернуть работу. Двойная удача — мне не надо шагать одному по плохо знакомому пути в горах, и я с ними не разошелся. Уж очень было бы обидно дойти до Нор-Гетика и узнать, что экспедиция утром отбыла.

Первый вопрос — есть ли у меня деньги? Нашлись, но не в той сумме, которая была желательна. Решили ехать завтра, да и автобуса подходящего уже не было. Пошли в гостиницу, сняли один номер, а нас было около шести человек (на два пожалели деньги), и приступили к празднованию дня рождения; в ящичек мать Рипсимэ положила все для этого необходимое, а расписной стаканчик очень пригодился. Переночевав в номере, довольно неопрятном, где скатерть на столе была перепачкана губной помадой, мы на следующее утро выехали в Ереван. Но и тут случайность: этим же поездом из Кировокана в Ереван после ранения на фронте ехал двоюродный брат Рипсимэ — Р. Геворкян, тоже встреча неожиданная.

Конец 1942 г. был тревожным, радио не сообщало ничего утешительного. По сводкам Информбюро, мы оставляли город за городом, немецкое наступление не ослабевало. Письма из Свердловска тоже были полны забот.

Радостным известием в январе 1943 г. прозвучало сообщение о полном снятии блокады с Ленинграда.

20 февраля ко Дню Красной Армии я подготовил большой доклад о жизни Ленинграда в дни блокады. Он был написан по неостывшим впечатлениям и содержал много достоверных фактических данных. На собрании сотрудников Армянского филиала АН СССР его зачитал Леон Александрович Калантар. После заседания заместитель

председателя филиала С. К. Карапетян, ставший в это время Председателем Совета Министров Армении, выразил желание, чтобы этот доклад был бы напечатан; его поддержал и Иосиф Абгарович. Я сдал рукопись в издательство, М. Н. Мох сделал к ней хорошие графические рисунки. Редактор русского текста, преподавательница Шавердова, сначала сказала, что текст не требует никакой правки, а потом, по школьной привычке, из отдельных хорошо звучащих фраз сделала придаточные предложения, на что я из уважения к ней согласился. Книга очень быстро была набрана и сверстана, но в последнюю минуту перед ее печатанием выяснилось, что книги о блокаде Ленинграда могут быть изданы только с ленинградской визой, и издание сразу замерзло. Я жалею, что у меня не сохранился корректурный экземпляр с рисунками М. Н. Моха. Мой же труд даром не пропал. Значительно позже рукопись была использована С. Варшавским и В. Рестом при их работе над книгой «Подвиг Эрмитажа», вышедшей в 1966 г. Она же явилась основой для моих докладов в юбилейные дни. Главная ценность этой рукописи заключается в том, что она написана под неостывшим впечатлением, а не является воспоминаниями о прошлом, в которые обязательно вкрадываются если не ошибки, то неточности. Эту рукопись можно считать документальным отчетом о прожитых днях, написанным в непосредственной близости к событиям.

В издательстве началась работа и над моей книгой «История и культура Урарту», основные части которой были выполнены в Ленинграде в тяжелые дни блокады.

В типографии прекрасно были сделаны клише графических рисунков, такой внимательной работе по травлению трудно было ожидать даже в Ленинграде, а правку набора тщательно вел корректор, практически плохо знавший русский язык, но удивительно точно находивший ошибки в наборе.

Мой сосед В. Н. Васильев уехал в Свердловск, в филиал Эрмитажа, и я остался в комнате один, для работы это было не плохо.

Иосиф Абгарович сразу же по приезде в Ереван стал думать о переезде туда же из Ташкента К. В. Тревер, своей постоянной сотрудницы в научных делах и жизни. Я согласился взять на себя ее переезд. В Ташкент за своей семьей хотел ехать прославленный летчик, дважды Герой СССР Нель-

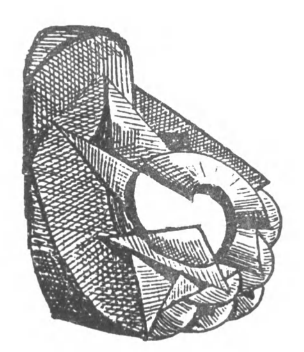
сон Степанян. Орбели с ним встретился, и тот охотно согласился на то, чтобы я поехал с ним.

Но очень долго от него не поступало определенного ответа.

У Иосифа Абгаровича терпение никогда не было крепким, и он решил пойти домой, к Степаняну, прихватив и меня.

Нас очень мило и гостеприимно встретили родители Нельсона, мы сидели долго, темы для разговоров иссякли, но мой предполагаемый спутник так и не появился. На следующий день он зашел в Армфан и известил, что врачи, после его контузии, воспротивились дальней поездке. Иосиф Абгарович сразу же принял решение, что со мной в Ташкент едет он сам; в действительности получилось наоборот — именно я поехал с Орбели, а не он со мной. Это было в середине мая. Благополучно доехали до Баку, там нас радушно приняли, плотно кормили и развлекали; жили мы дома у проф. Рафили.

БАКУ — ТАШКЕНТ

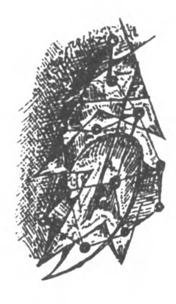

На следующее утро нас повезли на пристань для дальнейшего следования в Красноводск. Приехали заранее. И тут произошло непредвиденное. В небе показался самолет, летевший очень высоко. Тут же прозвучала воздушная тревога. Потом выяснилось, что это был первый немецкий самолет над Баку. Нас сразу же стали грузить на борт корабля. Пробежать по трапу было легко, загрузить раненых, прибывших с фронта, было значительно труднее. Их и переносили на носилках по трапу, и грузили с пристани прямо через борт. По сигналу воздушной тревоги все корабли должны были отчаливать. Итак, мы отплыли значительно раньше, чем по расписанию, мы и прибыли в Красноводск также неожиданно рано, и нас никто не встречал, несмотря на то что Закавказский военный округ известил руководство Красноводского МПО о нашем прибытии. Иосиф Абгарович пошел на железнодорожную станцию, прямо к начальнику, и получил два плацкартных билета на вечерний поезд, но пребывание в станционном здании в военное время было решительно запрещено. Пришлось ждать вечера на площади, заполненной народом, ожидающим свою отправку.

Воды в Красноводске было мало, население по-

лучало ее по талонам. Среди толпы сновали мальчишки и предлагали кружку воды за 10 руб. Положение было не из веселых, но Орбели, как всегда в трудные минуты, был бодр, остроумен, оживленно рассказывал соседям разные истории.

Внезапно перед нами остановился автомобиль, из него выскочил командир со словами: «Хорошо, что у вас борода есть, мы уже долго вас ищем, пароход пришел раньше времени, и мы вас потеряли».

Нас отвезли за город, на базу МПВО, там напоили холодным кофе, накормили и предоставили комнату с двумя кроватями. Конечно, Иосиф Абгарович провел там интересную беседу. Вечером отвезли на поезд. Проводник пытался требовать справку из санитарного пропускника, но командир ему пригрозил и провел нас в вагон. Утром были уже в Ташкенте, где нас встретили К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и семья композитора Х. С. Кушнарева, которая решила с нами отправиться в Ереван. Отвезли в Дом искусств им. Тамары Ханум, где нам отвели просторную комнату. В комнате рядом жил наш земляк ленинградец, византолог М. В. Левченко. Появились и представители местной власти и сразу же обеспечили нас питанием. Когда мы нанесли визит председателю горисполкома, он подробно расспросил меня, как мы устроились, какие пожелания есть у И. А. Орбели, и предложил экскурсию в Самарканд, чем мы охотно воспользовались. Для поездки в Самарканд нам предоставили правительственный вагон, очень роскошный, отделанный карельской березой, с несколькими спальными купе, с салоном и служебными помещениями. Проводники сказали, что этот вагон трофейный и принадлежал чуть ли не Гитлеру (?). Во всяком случае такой вагон я видел в жизни только один раз.

В Самарканде провели два дня, руководил поездкой и осмотром мечетей города и мавзолеев Шах-и-Зинда А. Ю. Якубовский; с нами поехал также В. М. Жирмунский.

Поездка была очень интересная, тем более что и А. Ю. Якубовский был прекрасным экскурсоводом, что я знал еще по школе, так как тогда, не вступив в клан ученых, был он преподавателем истории, водившим экскурсии по Музею Революции, размещавшемуся тогда в Зимнем дворце.

Нас пригласили в гости в один из совхозов около Самарканда, и там был устроен роскошный

пир, не соответствующий военному времени. И. А. Орбели принимали по первому классу и везде его встречали партийные руководители и представители местной власти. На приеме было вино, провозглашались тосты, но я был несколько удивлен тем, что все мероприятия согласовывались со мной, да и тост за меня был необычный: «За тех, кто помогает ученым работать». Все разъяснилось через несколько дней, когда я был у заместителя председателя горисполкома и сказал, что наш отъезд надо оформить в соответствующих инстанциях, на что получил ответ: «Вот вы и сделаете это в вашем ведомстве».

Я рассмеялся, так как только тогда понял, за кого они меня принимают. Представителем органов безопасности в Эрмитаже был тов. Петров, и когда И. А. Орбели бывал во время войны в Москве, его встречал также «тов. Петров»; во время эвакуации, в Борисовой Гриве, был также «тов. Петров». Это делалось для того, чтобы академик не путал и не забывал бы фамилию своего попечителя. Для ташкентцев «Пиотровский» был равнозначен «Петрову», и они были уверены, что при академике Орбели свой попечитель. Сразу же после выяснения этого недоразумения появился командир органов НКВД под фамилией Петров, но с именем и отчеством иной национальности.

В Ташкенте я должен был встретиться с академиком В. В. Струве, который дал согласие быть моим оппонентом на докторской диссертации. Встреча была очень сердечная. Струве очень много занимался, и я застал его в небольшой комнате совершенно разомлевшим от жары. Передал ему корректурные листы книги, и за время нашего пребывания в Ташкенте он своим характерным мелким почерком написал обстоятельный отзыв (датированный 4 июня 1943 г.), который позже был напечатан.

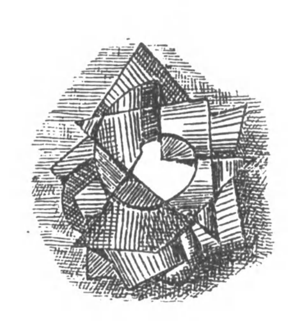
Встретил я в Ташкенте и С. Н. Замятнина с М. З. Паничкиной, был у него дома, много говорили о проблемах каменного века на Кавказе. Я был уверен в том, что Армения в этом отношении сулит интересные результаты, судя по случайным находкам того же Демехина, который нашел Кармир-Блур.

Мы прожили в Ташкенте больше, чем предполагали. Орбели был очень суеверным человеком и любил 13-е число; поскольку мы выехали в Ташкент 13-го, то он решил возвращаться тоже

13 июня, а у меня разрешение на выезд из Еревана было только на один месяц, и я принужден был вернуться с просроченным на несколько дней разрешением. Орбели считал это «пустяком».

В Ташкенте у меня были знакомые, ленинградцы — друг юности Н. В. Дьяконова, вдова моего дяди Е. А. Завадская, эвакуированная из Киева. Сам дядя умер в Ташкенте, и мы с Марыней посещали его могилу. Иосиф Абгарович значительную часть времени проводил у К. В. Тревер и часто оставался там ночевать. Однажды он сказал мне, что уходит к К. В. и ночью не вернется, и я спокойно лег спать. Но ситуация у И. А. изменилась, а это с ним часто бывало, и он вернулся. В молодости, как у всех археологов, у меня был богатырский сон и разбудить меня было трудно. Так случилось и на этот раз. Меня будили коллективно все соседи, а Орбели спрашивал: «Вы уверены, что он там один?» Наконец, кто-то догадался бросить в открытое окно камешек, я проснулся и был удивлен большому скоплению людей, желавших помочь Иосифу Абгаровичу.

В обратный путь мы пустились большим табором: К. В. Тревер с племянником Борисом, семья Кушнаревых из четырех человек, да еще к нам присоединились Адамян с супругой (всего везли восемь душ с громадным багажом). Конечно, мне одному организовать такое переселение было бы очень трудно.

Поездом доехали до Красноводска, там выгрузились, наняли подводу и сняли на день комнату у какой-то тети. Жара стояла ужасающая, воды мало, но кромешная тьма мух, такое их количество можно было редко встретить. Затем погрузка на теплоход, тут пришлось поработать мне, поднимать багаж по трапу и разносить по каютам, я был совершенно мокрый, рубашку пришлось выжимать.

В Баку было легче, так как пришло много встречающих, все решили там задержаться на пару дней; но я, опасаясь осложнений с просроченным разрешением на выезд из Еревана, уехал в тот же день один. Моя миссия была закончена.

В Ереване я с головой окунулся в дела. На мою работу об Урарту появился уже отзыв А. С. Гарибяна, изложенный в письме ко мне. Почти каждый день я бывал в музее, строчил статьи, часто бывал у Н. М. Токарского, у которого собирались артисты и художники, подружился с семьей Джанпола-

дян. 26 августа, как и в прошлом году, Н. М. Мох помог мне оформить подарок Рипсимэ. Я купил в комиссионном магазине изящную чашку с изображением какого-то домика, плавиковой кислотой этот рисунок мы свели, и Мох при моей консультации изобразил на чашке синих с золотом райских птиц. Когда я эту чашку принес в подарок, то жена брата Рипсимэ сказала: «Не выходи замуж, пока не соберешь такой сервиз».

ПРАЗДНИК НАУКИ АРМЕНИИ СОСТОЯЛСЯ

В начале 1943 г., после Великой Сталинградской битвы, унесшей множество жизней, в Великой Отечественной войне наступил перелом, началось общее наступление советской армии, которое удержать уже не было сил.

Реальна стала мечта о создании в Армении своей Академии наук, и в этом направлении Иосиф Абгарович развил активную деятельность. Но перед этим решением в Москве была организована научная сессия Академии наук СССР, на которой был поставлен отчет Армянского филиала с устройством выставки, отражающей его деятельность. Орбели выехал заранее для организационных дел, выставка была отправлена позднее, в сентябре, ее сопровождали Х. Н. Момджян с женой, агрохимик Г. С. Давтян, наш большой друг, я и Рипсимэ Джанполадян.

Доехали до Тбилиси, там перегрузка, ночевали на вокзале. Х. Н. Момджян был за командира, для большей убедительности он в Ереване получил пистолет и носил его с достоинством. В Москву наш путь лежал через Сталинград, который еще не оправился, вышли на знакомую нам площадь с фонтаном, которую видели в апреле прошедшего года. Фигурки танцующих детей сильно разрушены, у некоторых нет голов, у других рук. Кругом развалины домов, их костяки. Прошли к универмагу, где был пленен Паулюс со своим штабом. Но еще более впечатляющую картину представляло поле битвы, мимо которого проходил поезд, оно не было убрано до конца, унесены были трупы, но на месте лежала пробитая каска и гильзы вокруг того места, где погиб тот, кому эта каска принадлежала. Окопы казались совсем свежими, лежали снаряды, ломаные пулеметы. Кто-то из нашего вагона притащил снаряд, он оказался неразорвавшимся и с

большими предосторожностями был возвращен на землю. Проезжая мимо полей битвы, трудно было оторваться от окна: настолько было сильно впечатление, которое они оставляли.

В Москве нас разместили в здании напротив парка им. Горького, которое позднее, еще во время войны, было отдано иностранным летчикам. Выставка была устроена в Доме ученых. Одновременно с нами в Москву из Елабуги приехал В. А. Амбарцумян, и с ним должна была состояться встреча И. А. Орбели, который хотел убедить Амбарцумяна переехать в Ереван и принять активное участие в организации Академии. Я отлично помню эту встречу в прохладной комнате: все были в верхней одежде, для согревания принесли красное вино, привезенное из Еревана. При нашем приезде одна из бутылок с вином разбилась, и московский шофер с жадностью стал собирать остатки вина в черепки от разбитой бутылки.

Виктор Амазаспович охотно согласился на переезд в Ереван, и уже тогда Иосиф Абгарович полагал, что Амбарцумян будет лучшим после него, Орбели, претендентом на пост президента Академии Армении. Он понимал, что изменить Эрмитажу он не сможет, и многие биографы И. А. Орбели отмечали, что он «однолюб».

Курская битва и последующие успехи Советской Армии уже во второй половине августа отвели военную угрозу от Москвы, и город жил спокойно, но сурово. Запомнился вечер в Доме ученых, на котором выступал И. С. Козловский. На сцену он вышел в пиджаке, а не во фраке, с гитарой в руках, сел на стул и стал под свой аккомпанемент петь фронтовые песни. Особенно хорошо пел он «Темную ночь». Впечатление от этого простого камерного пения было необычайное, он вел себя непринужденно и переговаривался с сидящими в зале, исполняя их просьбы.

Были случайные и неожиданные встречи, в частности с братом Юрием, который в это время был в Москве. Однажды, совершенно неожиданно к нам в гостиницу пришел В. Н. Васильев, только что вернувшийся из Ленинграда и привезший последние вести о вошедшей в колею жизни города.

Обратно с нами в Ереван ехал И. А. Орбели, уже закончивший организационные дела по созданию Академии наук Армении. Но он от всех этих дел устал, перерасходовал свою энергию и в пути был необщительным, желая поскорее вернуться в

Ереван. Он составил график времени в пути и вычеркивал прошедшие часы. В Тбилиси мы остались на несколько дней, Орбели же поспешил в Ереван.

Грузинские друзья-археологи встретили нас очень хорошо, возили меня и Рипсимэ на раскопки в Армази, водили по Музею Грузии, показывали материалы довоенных раскопок, с которыми мы не были знакомы. Очень внимателен был С. Н. Джанашия, который в день отъезда обещал прислать за нами свою машину. Но в последние минуты перед поездом шофер известил нас о том, что машина неисправна, и мы в сильный дождь поспешили на вокзал. Было приятно оказаться в вагоне и расположиться на отдых.

Когда я вернулся в Ереван, то меня вызвал С. К. Карапетян и сказал, что немецкая агитация активно использует «индоевропеизм» армян, объявляет их чуждым для Кавказа пришлым элементом, родственным европейцам. Он попросил меня сообщить ему последнюю научную точку зрения о происхождении армян. Мне пришлось этим вплотную заняться, хотя основные мои выводы об аборигенности армян были уже отражены в выходящей из печати моей книге. Книга вышла большой, превысила 22 печ. листа, а бумаги при таком объеме хватило лишь на 500 экземпляров. Но ЦК КП Армении отпустил бумаги дополнительно еще на 200 экземпляров. Работники армянской полиграфии постарались как можно лучше выпустить мою книгу, а К. В. Тревер и Е. Н. Орбели взяли на себя составление предметного и других указателей книги, что повысило ее научное значение. Но назначение дня защиты этого труда на соискание степени доктора исторических наук оттягивалось из-за организационных дел по созданию Академии наук Армении.

Наконец, этот праздник науки состоялся, и 25 ноября Совет Народных комиссаров Армении объявил первый состав действительных членов Академии наук Армянской ССР, в которую вошли выдающиеся советские ученые, армяне по национальности, работавшие в Армянском филиале Академии наук СССР, Ереванском университете, а также в Москве и Ленинграде. Президентом Академии был избран И. А. Орбели, проработавший на этом посту пять лет. На торжественное открытие Академии, состоявшееся 29 ноября, прибыл президент Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мусхе-

лишвили и другие гости. Новой Академии было предоставлено здание бывшей школы на ул. Абовяна, довольно непрезентабельное, с досчатыми, выкрашенными краской полами. Здание Армянского филиала, построенное по проекту К. Алабяна, оставалось также за Академией.

И СВАДЬБА, И ЗАЩИТА

Создав Армянскую Академию, И. А. Орбели стал уже думать об отъезде в Ленинград, в Эрмитаж. Но до того он хотел организовать мою диссертацию. Отзыв В. В. Струве уже был, вторым оппонентом решил быть он сам, третьим наметили Г. А. Капанцяна. Но неожиданно Орбели получил от него записку, в которой тот извещал, что к 30 января не сможет подготовить отзыв, «ибо и света нет, и не топят». Орбели рассердился на такую мотивировку и стал думать — кем же можно заменить оппонента, испугавшегося этих трудностей, и выбор пал на А. С. Гарибяна, директора Института языка. Немедленно он вызвал его к себе. А. С. Гарибян прибежал взволнованным, так как ему только недавно за что-то от президента попало. В недоумении зашел он в кабинет и был несказанно рад предложению выступить на моей диссертации — он ожидал другого, худшего. Через несколько дней отзыв был представлен.

В конце года тяжело заболела в Кировакане сестра Рипсимэ — Аида, и Рипсимэ пришлось туда ехать. Приехал в Кировакан и я и сразу же окунулся в зиму, а ее в Ереване не было. Соседи были очень удивлены тем, какое удовольствие я получал при очистке балкона от снега. Именно в эти дни мы решили пожениться, и мне было наказано в Ереване получить от родителей Рипсимэ согласие на брак.

Я предупредил ее брата Левона Михайловича, работавшего заместителем министра пищевой промышленности, о том, что приду вечером с такой миссией. Он попросил его дождаться, так как привезет из района хорошее вино. Когда я пришел, то меня уже ожидали родители Рипсимэ и жена брата. Я сидел, пил чай, о чем-то говорил и ждал того момента, когда жена Левона выйдет из комнаты. Наконец, эта минута наступила, и я скороговоркой спросил родителей: «Вы знаете, зачем я пришел?» Они ответили: «Знаем». Но будущая моя

теща, с которой мы все время жили дружно, иногда вдвоем коротая время, сказала: «Яичница за мной, сегодня у нас яиц нет». По армянскому обычаю в знак согласия на брак жениху следовало подать яичницу. Но вместо нее на столе появилась предварительная бутылка вина. Когда Катя, моя будущая свояченица, увидела бутылку, она спросила: «Он уже сказал?» и очень была огорчена, что этот акт произошел в ее отсутствие. Затем приехал брат, и я в этом доме стал уже совсем своим, хотя и до этого я часто в нем бывал. Мне было сказано, что я теперь должен бывать каждый день и в отсутствие Рипсимэ, и приходить обедать.

Я был очень озадачен свадебным подарком, самым ценным у меня был древнеегипетский скарабей, который я получил в детстве. Ераняк Матвеевна, мать Рипсимэ, достала золотую бусину и сказала, чтобы я из нее сделал оправу скарабея в виде кольца. Так и было выполнено, несмотря на нарушение традиции: ведь жених сам должен был преподнести не только невесте, но и ее родителям богатые подарки, — у меня получилось обратное. Во дворе замечательного дома Джанполадянов жило много семей. Поговаривали, что когда одна из молодых девушек выходила замуж, ее жених пригнал барана и принес дорогие подарки — не то, что профессор из Ленинграда...

Встретили Новый, 1944-й год и стали готовиться к торжествам. Свадьба была назначена на 2 февраля. 30 января я защитил докторскую диссертацию, в эти же дни я был принят кандидатом в партию (в январе 1945 г. я был принят в члены партии). Таким образом, произошли три события сразу.

Защита диссертации (по моей книге «История и культура Урарту») происходила торжественно в б. здании Армянского филиала АН СССР и собрала много народа. Злые языки говорят, что, воспользовавшись таким стечением народа, один из преподавателей Ереванского университета снял со стены и унес часы. Уверяли, что это факт.

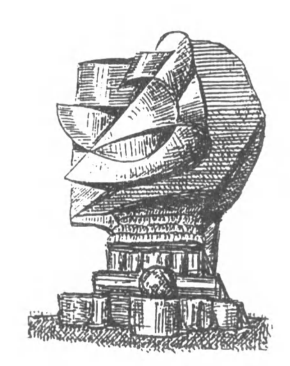

Ученый секретарь Х. Н. Момджян в начале церемонии вдруг спохватился, что в делах отсутствует отзыв о диссертанте, который следует зачитать. И. А. Орбели не моргнул и глазом, взял первую попавшуюся в руки бумажку, а это было постановление президиума Академии наук Арм. ССР «О создании материально-технической базы», написал на ней «Отзыв о Б. Б. Пиотровском», 3—I—44, и

без запинки зачитал несуществующий текст так, что никто и не заметил отсутствия документа. Эта бумажка осталась у меня. Коротко выступил я, зачитали отзыв В. В. Струве, блестящие слова произнес Иосиф Абгарович, затем похвальные слова произнес А. С. Гарибян. Некоторые правильные замечания сделал Г. А. Капанцян, выступали К. В. Тревер, Л. Оганесян. Все прошло благополучно, все проголосовали «за». Из Тбилиси приехали Ш. Я. Амиранашвили и Л. Мелинстет-беков. Два дня праздновали свадьбу и защиту. В первый вечер, когда был упор на свадьбу, в нашем квартале выключили свет, и мы остались в темноте. Среди гостей был друг брата Рипсимэ, председатель Госплана Л. С. Хачатрян. Он взял телефонную трубку и отменил на этот вечер экономию света. Так закончилась моя холостяцкая жизнь. Другой брат Рипсимэ — Гурген Михайлович — поселил нас в комнате своей квартиры в доме Армэнерго. Мой тесть Михаил Бабаевич сам обставил эту комнату при помощи амбалов (грузчиков), получилось очень уютно. Обедать каждый день ходили в основной «Джанполадяновский дом» на улицу Советов, 23.

Через некоторое время Левон Михайлович получил собственную квартиру, и мы вернулись в родительский дом.

ТИФ

Жизнь в Ленинграде стала понемногу нормализоваться. На Фарфоровом заводе им. Ломоносова вспомнили о М. Н. Мохе и прислали ему вызов. Тогда и я решил съездить в Ленинград, проведать мать и взять некоторые научные материалы.

25 апреля мы с М. Н. должны были вылететь самолетом в Москву. Самолет улетал рано утром, с автомашинами было трудно, а аэропорт далеко. Тогда наш сосед по квартире, директор трамвайного парка, организовал ночной рейс трамвая. Трамвай дождался нас и пошел к аэропорту, в пути в вагоне накопился народ, и многие были рады этому необычному ночному рейсу. Долетели до Москвы благополучно, на вокзале по командировочному удостоверению получили билет до Ленинграда; по пути во время проверки возникла опасность возвращения в Москву, но все обошлось.

Было очень радостно встретить мать и сотрудников Эрмитажа, остававшихся в Ленинграде, по-

ходить по израненному Эрмитажу, переворошить мои научные материалы, выбрав нужные для работы.

Но внезапно я заболел, притом очень тяжело, с температурой в 40°. Прибывший врач констатировал сыпной тиф, и меня отвезли в Боткинские бараки. Где я заразился — остается загадкой, из Еревана до Москвы я летел на военном самолете, выполнявшем гражданский рейс, там заразиться не мог. Из Москвы в поезде я ехал с ребятами, направлявшимися на работу в Ленинградскую область, ночью у меня пропала часть денег из кармана, но никаких переносчиков заразы я не заметил. Возможно, я с ними встретился в санпропускнике, куда меня силком направили. Там в раздевалке все могло быть. Во всяком случае я заболел серьезно и несколько дней при высокой температуре был в бреду. Несколько бредовых состояний помню: мне казалось, что я на корабле закладываю уголь в топку со всех сторон, в другом случае я пролетал над Северной Африкой, над соломенными хижинами, затем мне причудилось, что у меня родилась дочка со льняными волосами. Все это воспринималось отчетливо. Был бред, при котором все надо было понимать наоборот, удивительное состояние болезненного мышления. Когда мне становилось лучше, я записывал все, что мне казалось, и эти записки мне вернул врач.

Несколько дней я был в состоянии полубеспамятности, а однажды утром, когда я проснулся с ясной головой, я вдруг перестал чувствовать свое тело. Вошла пожилая санитарка, посмотрела на меня, стала креститься и говорить: «Кризис прошел, надо поесть!»

Выздоравливал я тяжело, начали мучить пролежни, от лежания началось также воспаление легких. Днем я чувствовал себя особенно скверно, а ранним утром прилично, тогда меня кормили. В военное время в госпиталях была строгая дисциплина, заснувших санитарок сажали под арест, и они собирались в моей палате; я им рассказывал об Армении и анекдоты о моем друге-чудаке, это были рассказы о курьезных случаях с Токарским. По указанию из Еревана контора Арарат-треста в Ленинграде доставляла мне вино, а врач в качестве лекарства для поднятия сил выписывал чистый спирт. Наличие таких благ в моей палате привлекало внимание соседей, и я постоянно бывал чисто бритым за стаканчик. Но, несмотря на это, вид у меня был

ужасающий: худоба и выстриженная ножницами голова с неровными полосами.

Во время моей болезни из Еревана прилетел И. А. Орбели, и когда он пришел меня навестить, не смог скрыть то состояние, в которое он пришел при виде меня.

Но всему бывает конец, в данном случае для меня благополучный, и меня, еще полуживого, но выздоравливающего, на санитарной машине вернули в Эрмитаж.

Я поселился в угловой комнате Эрмитажа, где потом стал находиться отдел кадров. Одно окно выходило на Неву, на Петропавловскую крепость, другое на театральное здание и мостик через Зимнюю канавку, о лучшем виде из окон и мечтать было нельзя. Еду мне приносили мать и А. П. Султан-Шах, которая один год работала у меня на Кармир-Блуре. Она была родом из знатной петербургской армянской семьи, была в дружбе с семьями братьев Орбели и отличалась большой ответственностью за порученное ей дело. Позже о ней говорили, что она самая удачливая из кармирблурских сотрудников, так как на ее участке бывали самые интересные находки; в действительности это объяснялось тем, что я поручал Анне Павловне те участки, где можно было ждать интересные результаты. Молодые ребята беседовали, отлучались, не всегда были внимательны, а А. П. сидела на своем участке безотлучно и расчистку производила особенно осторожно.

Иногда я доходил до Висячего сада у Павильонного зала, там можно было всегда застать молодежь, правда относительную: вернулись уже в Ленинград А. Н. Изергина, И. С. Немилова. Приходил туда часто и И. А. Орбели, у которого был в разгаре роман с А. Н. Изергиной, окончившийся свадьбой и рождением сына Дмитрия, но это было позже, уже после развода с Е. Н. Ненароковой.

Когда я стал немного покрепче, Орбели повез меня в Смольный получать медаль «За оборону Ленинграда». Ехали трамваем, хорошего настроения у меня в пути не было, и Иосиф Абгарович стал меня развлекать рассказами, в каких подъездах, мимо которых мы проезжали, он целовался с девушками. Тут с мадемуазель Бодуэн де Куртене, там с другой, не хуже первой, а мне до них дела не было. В Смольном медаль мне вручал секретарь Исполкома Ленгорсовета А. Бубнов, которому мой вид не очень понравился, и он сказал, что мне надо

«обстоятельно отдохнуть»; он вручил мне медаль и удостоверение особого образца, которое выдавали только в Смольном, что компенсировало мой трудный путь на трамвае.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. СЫН

Меня тянуло в Ереван, и как только прибавилось сил и я приобрел приличный (правда, не совсем) вид, то, несмотря на советы и уговоры, пустился в путь.

До Москвы поездом, дальше самолетом. В Москве пробыл день, встретил Т. В. Лозинскую на улице, та поразилась моему виду. Отдыхал у П. Н. Шульца, который вернулся в Москву после его партизанской эпопеи с ампутированными пальцами на руках; но он был бодр и полон планов археологических работ после окончания войны. Вылетели в Тбилиси на переполненном самолете типа Дуглас, с продольными скамейками, как в трамвае, и с тросом во всю длину машины, за который можно было держаться.

В пути попался балагурный директор завода (как он отрекомендовался), с канистрой спирта и мешком пирожков. Такая трапеза заняла в пути время, но к моменту прибытия в Тбилиси дала о себе знать, и я был рад, когда объявили, что в Ереван мы улетим на следующее утро. В гостинице я хорошо выспался. В Ереване меня встретили обеспокоенно, с заботой, и я стал быстро приходить в норму, остались только частые головокружения.

Еще в конце 1942 г. я был зачислен в штат Института истории — старшим научным сотрудником. Мне пришлось много поработать над актуальной во время войны темой: «Происхождение армянского народа». Надо было заново пересмотреть сведения античных источников, особенно Геродота, данные армянских историков, как Мовсес Хорекацин, сообщения вавилонских хроник о последних днях Ассирийского государства и связать их воедино. Что-то получилось, во всяком случае аборигенность сложения армянского народа стала очевидной.

Были и семейные заботы, мы ждали рождения сына, врачи заверили нас, что будет мальчик. Этот декабрьский день был солнечным и теплым, что еще более усиливало радостное настроение. Но

пришлось прождать несколько дней, прежде чем мы получили его домой. Эти дни были заняты хождением между домом, Институтом и родильным учреждением. По моему желанию мальчик был назван в честь деда Микаэлом, так я и записал его в метрической книге. После, когда за ним в школе и вообще в Ленинграде упрочилось имя Михаил, пришлось менять метрику с переводом армянской формы имени на русскую. Это было проще переделки школьных документов. Когда Микаэл-Михаил был привезен домой на улицу Советов, 23, я спешно кончал доклад и статью о происхождении армянского народа, меня торопили, а работы было много. Дело осложнилось еще тем, что в тот же вечер у Рипсимэ поднялась температура, а у малыша, по-видимому, начались боли в животе, он успокаивался лишь тогда, когда ему было тепло. Я сидел за столом, правой рукой писал, а левой держал закутанного в одеяло сына, спокойные минуты прерывались ревом, но когда бабушка провела все необходимые процедуры, то все успокоилось, и я продолжал работать.

В МОСКВУ, НА СОВЕЩАНИЕ АРХЕОЛОГОВ

Конец 1944 г. закреплял необратимый перелом в войне, и в феврале 1945 г. в Москве было созвано Всесоюзное археологическое совещание. На это совещание поехал и я, и К. Г. Кафадарян. Я подготовил доклад о Кармир-Блуре, который тогда еще не занял место среди объектов первого разряда, хотя и приближался к этому рангу, и доклад об орудиях палеолита, известных на территории Армении. Геологи и тот же А. И. Демехин доставили в Музей обсидиановые орудия, которые можно было с достаточной убедительностью отнести к палеолиту, к ашельскому периоду. В Москве я надеялся встретить С. Н. Замятнина и предложить ему провести разведочные работы в Армении — об этом я договорился с руководством Академии наук Арм. ССР (в Академии наук Армении, в Институте истории в Ереване до возвращения с войны археологов я руководил археологическим сектором). Для К. Г. Кафадаряна я подготовил материалы к докладу об археологических работах в Армении. Мы двинулись в путь вместе с К. В. Тревер, ехали в общем некупированном вагоне. К. В., закутанная в шерстяные платки, весь путь сидела

у окна, отказывалась от еды, так как к такому пути в поезде она не привыкла, и готова была, по примеру И. А. Орбели, отсчитывать каждый час пребывания в общем вагоне.

Поезд шел по израненной земле, освобожденной от оккупантов. Кругом изрытая окопами земля; правда, следов боев уже не было. Сожженные и разрушенные дома, сохранившиеся среди пожарищ колокольни церквей. Так же как от сожженного дома сохранялись печи и железные кровати, так и в разрушенных селах возвышались церкви.

Благополучно добрались до Москвы, на вокзале нас встретил И. А. Орбели и отвез в гостиницу, где я встретил многих из моих ленинградских товарищей-археологов, приехавших в Москву. Годы войны наложили на них свой отпечаток, и особенно бросалась в глаза потрепанная одежда. Академикам и членам-корреспондентам выдавались талоны в промтоварные магазины, но профессорам и старшим научным сотрудникам в этом отказали. Орбели сам в магазин не поехал, и за его костюмом поехали я, К. В. Тревер и А. Ю. Якубовский, который смущал меня тем, что в присутствии других работников Академии привлекал меня для консультации по женскому белью. Благополучно «отоварили» талоны И. А. и К. В., что-то получил и я. Но когда Орбели вечером выносил из нашего с Кафадаряном номера свой новый костюм, его вернули, и мы должны были свидетельствовать, что костюм действительно принадлежит ему.

Наш с Кафадаряном гостиничный номер был не из лучших. Кроме нас, в нем уже жил наш третий компаньон, профессор астрономии. В углах зияли крупные дыры, и профессор нас успокоил, что появляющиеся ночью крысы на кровати не вскакивают. Присутствие крыс возмутило Кафадаряна, и он объявил им войну. Ночью я проснулся от сильного шума в туалете. Оказалось, что одну из появившихся крыс Каро Григорьевич загнал в туалет и там добивал ее сапогом. Он был очень горд результатами своей ночной охоты.

Заседания происходили в Доме ученых. Директором Института археологии тогда был А. В. Мишулин, который стремился вернуть в Москву археологов. Было приятно узнать, что в тяжелые годы войны продолжались археологические работы, о чем говорили съехавшиеся в Москву археологи, на которых военные тяготы наложили свой след. Я встретился с С. Н. Замятниным, продолжил беседу,

начатую в Ташкенте, и договорился о том, что он со своей женой М. З. Паничкиной приедет в Армению.

На совещании были поставлены только три больших доклада: Б. Д. Грекова «Итоги археологических исследований за 27 лет», вызвавший оживленные прения; И. И. Мещанинова «О планировании археологических работ» и И. Э. Грабаря «О законодательстве по охране и исследованию археологических памятников». Последний доклад ставил вопрос об учреждении Всесоюзного археологического комитета, занимавшегося и охраной памятников.

Открыл совещание вице-президент Академии наук СССР В. П. Волгин, секретарями трех секций, соответственно трем основным докладам, были А. В. Мишулин, Т. С. Пассек, Н. Н. Воронин и Б. Н. Граков.

Подготовленные мной доклады в план совещания не вошли.

Совещание показало, что во время войны археологические работы не прекращались, в 1944 г. отмечалось 25-летие деятельности Государственной Академии (Института) истории материальной культуры (ГАИМК — ИИМК) и 85-летие со дня основания Императорской Археологической комиссии. В Институте работали Московская, Ленинградская, Елабужская и Ташкентская группы. В Елабуге работали М. И. Артамонов, покинувший Ленинград в дни блокады, что позволило москвичам назначить нового директора А. В. Мишулина и фактически перевести руководство Института в Москву. В Елабуге, кроме Артамонова, работали П. П. Ефименко, М. И. Максимова, И. И. Ляпушкин. Сильная группа была в Ташкенте, работавшая очень активно. В нее входили А. Ю. Якубовский, К. В. Тревер, Т. Н. Книпович, С. Н. Замятнин, М. А. Тиханова. Как будто там были наиболее благоприятные условия.

С 1944 г. заведующим Ленинградским отделением стал В. И. Равдоникас. Это отделение пострадало наиболее тяжело, на фронте было убито семь сотрудников Института и во время блокады умерло 28 человек. Жизнь брала свое — как у срезанной на зиму розы, появлялись новые ростки.

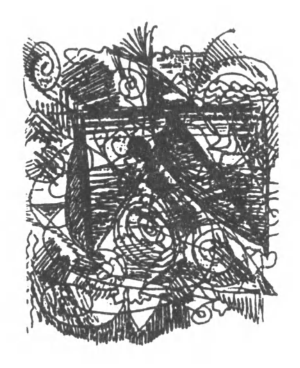

В 1942 г. московские археологи направили открытое письмо археологам Англии, союзной страны. Был получен ответ от Эллиса Минза, в котором он рассказал о погибших на фронтах археологах и

о тех работах, которые велись в Великобритании, в значительно меньшем, чем у нас, масштабе. Но затем, естественно, эта связь прекратилась, хотя в Москву раньше всех вернулись археологи, так как условия жизни там были значительно лучшими, чем в другом месте, это я почувствовал еще во время моего первого приезда в начале 1943 г.

Всесоюзное археологическое совещание происходило тогда, когда победа в Великой Отечественной войне была уже предрешена: оно началось 25 февраля, а 13 февраля закончилось Ялтинское совещание руководителей СССР, США и Великобритании, обсуждавшее последний завершающий этап войны и некоторые проблемы уже послевоенные. И когда я вернулся в Ереван, С. К. Карапетян настаивал на возобновлении раскопок Кармир-Блура; к ним я и стал готовиться и договорился о том, что и Эрмитаж продолжит ассигнования на эти работы.

ПОБЕДА

8 мая к нам пришел родственник Рипсимэ, корреспондент Г. Джанян, который сообщил, что ночью будет передано сообщение о капитуляции фашистской Германии, о долгожданном окончании тяжелой войны.

Это радостное сообщение было передано ночью, и началось что-то несусветное. По всему городу шла стрельба — салюты из винтовок, револьверов, шум, громкие поздравления, пение. Никто не спал, все были в крайнем возбуждении.

Утром рано я отправился отметить это событие, вместе с Г. С. Давтяном ходили из дома в дом, друг друга поздравляли как полагается. Несколько раз переходили проспект Ленина, и когда мы с Гагиком Степановичем решили идти домой, то нам трудно было понять, на какой стороне улицы мы находимся. Наконец договорились, и когда я вернулся домой, то из игры выбыл. Смутно видел, как к нам с поздравлениями пришел Ст. Лисициан и нес в руке горшочек с цветком, но я к нему выйти не решился. Только вечером я снова включился в общее торжество. Трудно было поверить, что война кончилась, что все позади. Вместе с тем наплывала смутная тревога. Надо собираться в Ленинград, надо включиться в восстановление своего Эрмитажа. Как все это будет?

НОВЫЙ, ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЕЗОН НА КАРМИР-БЛУРЕ

Раскопки Кармир-Блура возобновились 20 июня 1945 г.

Несмотря на то что война только что кончилась и мирное время вступало в свои права, на раскопки было отпущено 70 тыс. рублей, 50 тыс. от Академии наук Армянской ССР и 20 тыс. от Эрмитажа.

Трудным делом оказался подбор сотрудников. Согласилась работать на Кармир-Блуре Кнорик Овумян, двоюродная сестра Рипсимэ, первый день ей помогал архитектор А. Баласанян. Через день-два появились еще два сотрудника: Минас Саркисян, искусствовед, и Араик Арутюнян, молодой, очень активный человек с налетом авантюризма, но увлеченный археологией, несмотря на сердечную болезнь. Он мне очень помогал, но я его опасался. Позже присоединились: студент Педагогического института А. А. Вайман, эвакуированный из Украины, очень вдумчивый математик, немного медлительный и много философствовавший. Позже я устроил его в Ленинградский университет на исторический факультет, по окончании которого он стал работать в Эрмитаже, увлеченно работая над ранней шумерской письменностью. Работал со мной также Арамазд Погосян, худой молодой человек с горящими глазами, неудачник в учебе, ставший позже одним из основных моих сотрудников. Не окончив высшего учебного заведения, он нашел свое призвание в экскурсионном деле и впоследствии стал руководителем экскурсионного бюро Армении. Все мои сотрудники были увлечены работой, которая шла дружно, несмотря на большие трудности.

Набрали рабочих; когда раскопки вошли в свою колею, их количество достигало 20, но так как мне хотелось быстрее закончить этот сезон (я беспокоился об Эрмитаже), то мы работали в две смены.

Минас Саркисян взялся за оконтуривание внешней стены крепости, провел очень большую и нужную работу, остальные сотрудники раскапывали временные жилища во дворе цитадели, устроенные при осаде крепости, они давали интересные материалы. Осада древней крепости была недолгой, ее судьбу решил ночной штурм, при котором эти жилища были сожжены, и под их развалинами сохранилась на месте та обстановка, которая вы-

держала огонь: стояли глиняные сосуды, лежали железные и бронзовые орудия и предметы вооружения, в одном жилище нашли скелет погибшего ребенка, а в другом осла.

Для доставки сотрудников мы получили от Академии грузовую машину, большую бочку для воды, которой на Кармир-Блуре не было. Рабочие согласились работать при предоставлении им питания. Для этого пришлось нанять завхоза, который, как все представители этого рода занятий, доставлял нам много неприятностей: доставка продуктов задерживалась, наши поварихи нервничали, и обед в глиняных плошках обычно поспевал к концу работы. Тогда Кармир-Блур был отделен от города большим пустым пространством, людей на нем было мало, и абрикосовые и тутовые деревья были сохранены для экспедиции. Позже появился сторож, азербайджанец Варламов, для охраны раскопок и рощи, но в 1945 г. ничего не было, все привозилось на грузовике из города.

Этот первый послевоенный сезон раскопок укрепил мою веру в Кармир-Блур: несмотря на то что мы не копали помещения внутри крепости, материал был богатый и интересный. Приезжал и Н. М. Токарский, который сделал несколько аксонометрических рисунков фасада крепости. Мой тесть, М. Б. Джанполадян, топограф по специальности, произвел геодезическую съемку холма, с отметкой высот, выступающих на поверхности каменных стен. Эта съемка была очень нужна для дальнейших наших раскопок.

Конечно, работать в две смены было трудно, но я торопился, из Ленинграда приходили вести о начавшихся работах по восстановлению, и меня туда тянуло.

8 ноября 1944 г., еще до окончания войны, в Ленинграде, в Эрмитаже открылась выставка памятников истории и культуры, остававшихся в Ленинграде. Афишу к ней, с пробитым снарядом портиком Эрмитажа, с дырой в крыше около атланта рисовал А. В. Сивков, который уже в 1944 г. уехал в Ленинград. Теперь, в июне, она закрывалась, и я ее так и не повидал. Полным ходом шли ремонтные работы, с окон снималась фанера и вставлялось стекло, приводились в порядок помещения, а я и в этой работе не участвовал.

Я хорошо помню пустые промерзшие залы с ваннами без воды, кучи песка на фанерах и покореженный паркетный пол. Помню и начало обстре-

ла города. Один снаряд разорвался на ул. Халтурина, на мосту через Зимнюю канавку, была убита женщина-милиционер, стоявшая на посту. На асфальте образовалась выемка, а на цоколе угла эрмитажного здания — крупные выбоины. Они были зацементированы и хорошо заметны, и теперь — они заменяют памятную доску.

После моего отъезда было еще много попаданий в Эрмитаж, результаты их отражены в рисунках В. В. Милютиной, выполненных весной 1942 г. Рисовал залы в дни блокады и В. М. Кучумов. Пустые залы Эрмитажа, по которым я ходил во время ночных тревог с маленьким синим фонариком на груди и в темной каске на голове, долго грезились мне во сне.

ИЗБРАНИЕ

В июне Академия наук СССР торжественно отметила свое 220-летие, в Москве меня не забыли, и я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. 17 июля на общем собрании Академии новым президентом стал С. И. Вавилов. Вернувшиеся в Ереван И. А. Орбели и В. А. Амбарцумян, тогда еще член-корреспондент, никак не предполагали, что за пять лет пребывания на президентском посту Сергей Иванович поднимет значение Академии в нашей стране.

Надо было закончить и организационные дела по Академии наук Армянской ССР. Действительные члены были уже назначены в 1943 г., это было хотя и не просто, но быстро, а избрание членов-корреспондентов Академии стало сложным и затянувшимся делом.

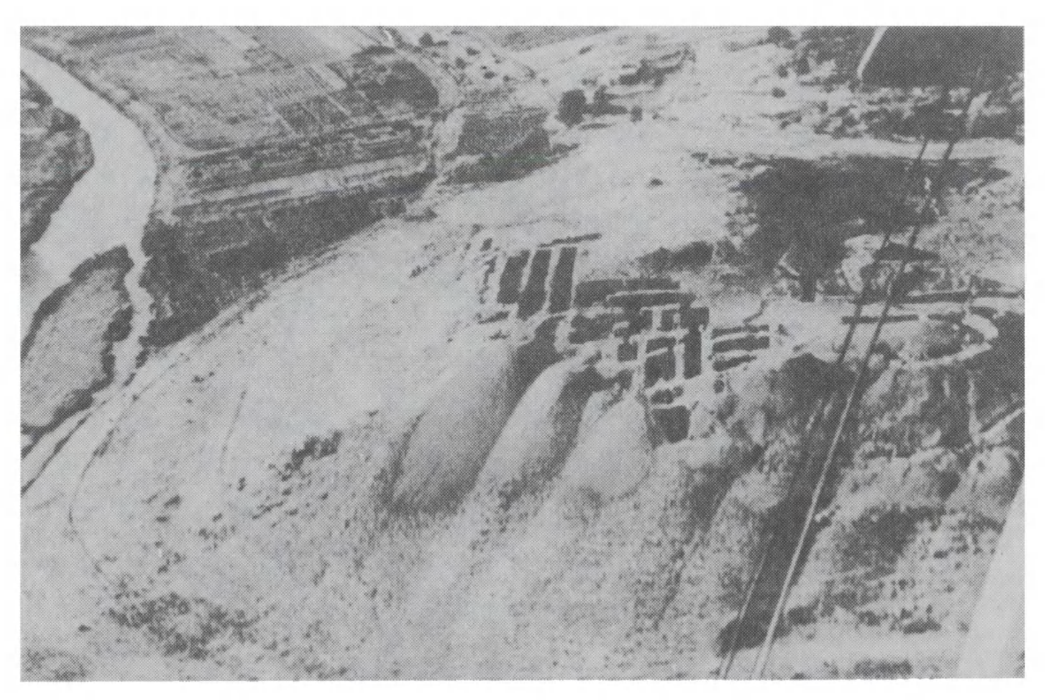
С трудом составили список кандидатов, которых тайным голосованием академики избрали на отделениях. По Отделению общественных наук были избраны: А. К. Дживилегов (Москва), Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси) и я. 4 августа Общее собрание Академии должно было утвердить это избрание. Кворум был на пределе, кандидаты проходили только при единогласном результате, а голосование было открытым. Начали с Отделения общественных наук. Р. Ачарян голосовал против всех трех кандидатов, они не прошли. Перешли к биологам. Он снова голосует против всех. И. А. Орбели спрашивает его о мотивах такого голосования и получает ответ, что с ним список не согласован, и он будет

М. Б. Джанполадян и Б. Б. Пиотровский на Кармир-Блуре. 1946 г.

голосовать против всех. Утверждение избранных членов-корреспондентов срывалось. Тогда академики решили: раз голосование открытое, то можно голосовать и опросом тех академиков, которые сидят дома. На трибуну притащили телефон, ученый секретарь Х. Н. Момджян звонил появившемуся товарищу, объяснял ему ситуацию и объявлял его решение, которое для подтверждения слушали еще два представителя. Все телефонные ответы были положительные, и весь список из 17 членов-корреспондентов прошел при одном голосе против.

9 августа была опубликована моя статья об раскопках Кармир-Блура в газете «Коммунист». Вышла уже с моим новым титулом, а через некоторое время в той же газете появилась статья и обо мне, написанная С. Т. Еремяном. Это была первая из статей, посвященных мне, и надо сказать, одна из лучших, без прикрас, и написанная приличным тоном. Позже многие из писаний, посвященных мне,

Общий вид раскопок Кармир-Блура с самолета. 1946 г.

я не мог спокойно читать — и привирали, и сюсюкали, и ставили меня в неловкое положение.

Отношение ко мне в Ереване было очень хорошим, появилось много друзей, стали собираться ученики, работу мою ценили, тепло ко мне относился Мартирос Сарьян, а Аветик Исаакян называл меня «зятем армянского народа», что надолго за мной закрепилось.

Жили мы в уютном доме с большим двором, посреди двора был крупный куст винограда, не определимого по сорту, стоял стол из трех каменных плит, типа дольмена, и все квартиранты, жившие в помещениях вокруг двора, были дружны. Дверь наших комнат никогда не запиралась, а когда уходили, то ключ оставляли у соседей. Предстоял переезд в Ленинград, и Рипсимэ с тревогой думала о том, как она будет жить в отдельной квартире без соседей.

9 декабря отметили день рождения Микаэла — Миши, ему исполнился год. Вскоре после этого дня я собрался и вылетел в Москву, а оттуда в Ленинград, где и встретил 1946 год.

1946-й ГОД. СНОВА ДОМА

Моя мать, София Александровна, оставшаяся после блокады на постоянной работе в библиотеке Эрмитажа, уже переселилась на нашу старую квартиру, на ул. Петра Лаврова, следов войны уже не было видно. Жизнь быстро вошла в свою колею, только не было многих людей, с которыми было связано предвоенное время.

Эрмитаж также быстро залечивал свои раны, была забита дыра в потолке портика, который поддерживали атланты, на плафоне Гербового зала также была видна пробоина, и не был приведен в порядок развороченный пол над Растреллиевской галереей.

В окна уже были вставлены новые стекла. До войны на стеклах окон парадных залов, выходящих на Дворцовую площадь, я видел много подписей людей, выполненных на высоте человеческого роста бриллиантом перстня. Я никак не собрался их скопировать, во время войны стекла этих окон превратились в осколки, которые были убраны. Я жалею, что забыл об этих надписях в дни блокады, когда можно было бы кое-какие надписи собрать. Ныне сохранилась лишь одна из таких оконных надписей. Она находится в левой части окна, выходящего на Неву, самого крайнего у угла адмиралтейского фасада. Надпись относится к марту 1902 г. и сообщает о том, что Ники (Николай II) из этого окна смотрел на гусаров. Вероятно, эта надпись на английском языке начертана его матерью Марией Федоровной.

С тяжелым чувством я открыл дверь наших кабинетов (отделения Древнего Востока) на Комендантском подъезде. Несмотря на то что еще 10 октября возвратились из Свердловска эвакуированные туда сокровища и приехали домой научные сотрудники, в кабинетах давно никто не был, чувствовалась сырость нежилого помещения, и на всех столах лежала пыль. Два стола осиротели, их хозяева — К. Ляпунова и М. Шер — умерли, но какие-то мелочи, ими на эти столы положенные, остались. Всю блокаду тут пробыли глиняные сосуды из предвоенных раскопок Кармир-Блура, как и другая закавказская керамика. Их в эвакуацию не увозили. С трудом открыл ящики шкафа, в них лежат коробочки, подставки, разные бумаги. Бросилась в глаза записка 1935 г.: «Я сплю в турецком шатре», указывающая мое местопребывание в дни подготовки выставки к III Международному конгрессу по иранскому искус-

ству и археологии. Я прекратил перебирать бумаги, слишком много нахлынуло воспоминаний, казалось, что это все относится к очень далекому времени.

Надо было включаться в новую жизнь. Получил ящик с урартскими бронзами, которые уезжали в Свердловск, в эвакуацию. Всё в порядке. Бронзовые части котлов в форме крылатой женщины и головки быка, присланные в Эрмитаж из Еревана в 1859 г. губернатором Н. И. Колюбакиным, прототипом Грушницкого в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Бронзовые части урартского трона в виде крылатого льва с человеческим торсом, лицом из камня и остатками золотого листа, покрывавшего всю статуэтку. Они были приобретены в 1884 г. у консула в Ване К. Камсаракана и доставлены в Эрмитаж Ф. Бернштамом, которого я еще застал. Это был высокий благообразный человек с мягкой седой бородой.

Я тщательно проверил сохранность этих моих любимых подопечных, с которыми много связано воспоминаний, и поставил их в шкаф — туда, где они стояли раньше. Реэвакуация кончена, всё на своих местах.

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ

В конце января мне была присуждена Сталинская премия за книгу «История и культура Урарту», изданную в 1944 г. в Ереване и посвященную моим товарищам, молодым ученым, павшим при защите Ленинграда. Первым пришло извещение из Комитета по сталинским премиям о том, что деньги переведены на Ленинградскую областную контору Госбанка. Это был первый год, когда премия выдавалась на руки, а не жертвовалась в фонд обороны.

26 января последовал указ, подписанный И. В. Сталиным. По историко-филологическим наукам Ст. Малхасян, член Академии наук Армянской ССР, получил первую премию, а Б. Б. Пиотровский, профессор Института истории Академии наук Армянской ССР — вторую. Это победа Армении.

Получив газету, я побежал на Невский проспект в магазин треста «Арарат» купить коньяк. Его не было, стояли бутылки вина, но и их продавали в обмен на пустые бутылки. Вредная продавщица упорно не хотела делать исключение, но потом сми-

лостивилась и дала только одну бутылку. И на том спасибо.

Деньги были очень кстати, надо перевозить семью в Ленинград, но я решил все же сразу купить памятные подарки. В книжном магазине на Литейном приобрел восемь роскошных томов «Истории древнего искусства» Перро и Шипье (на французском языке), принадлежавших хранителю картинной галереи Эрмитажа А. Сомову, с его экслибрисами (на последних томах — работы его сына, знаменитого художника). Купил и 12 томов второго издания «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (1818—1829 гг.), с перечнем лиц, подписавшихся на это издание, среди которых наряду с «их сиятельством, превосходительством, высокородием, благородием» были и крепостные люди. Кроме книг, были куплены хрустальный графин в серебряной оправе и серебряная сахарница.

В 1946 г. лауреатов Сталинской премии было мало, и она изменила всю мою научную жизнь — я был причислен к «административным кадрам».

Книгу об Урарту я писал в «свободное от оборонной работы время», второе же издание ее я стал писать «в свободное от административной работы время». И так на всю последующую жизнь.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

В январе в Нюрнберге начался процесс над военными преступниками, процесс был очень тяжелый, вскрывались чудовищные преступления. Однажды в феврале в Эрмитаж приехал представитель «Большого дома» (НКВД) и сообщил, что И. А. Орбели сегодня же спешно выезжает в Москву, можно было догадаться, что в связи с Нюрнбергским процессом, так как на нем стали разбираться разрушения памятников культуры. К. В. Тревер и я стали собирать белье, костюмы, необходимые предметы, и тут-то выяснилось, что у единственных ботинок отстает подошва. Среди эрмитажных рабочих нашелся «холодный сапожник», и провал с обувью был ликвидирован.

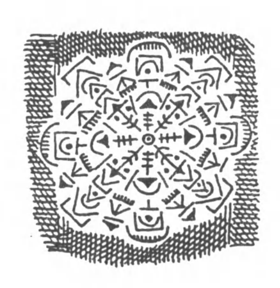

Я поехал провожать Орбели на вокзал, усадил его в вагон, но тут появился встревоженный сотрудник НКВД и сказал, что они забыли оформить пропуск до Москвы, и убедительно просил Иосифа Абгаровича не выходить в пути, требовать «доставки» в Москву, где его будет встречать «Петров», а

в Бологое уже послана депеша. Орбели заявил, что он «указание о невыходе из вагона твердо выполнит и до Москвы доедет». Поезд тронулся, мы остались в обеспокоенном состоянии.

Орбели рассказывал, как он поставил патруль в тупик, заявив, что у него пропуска нет, но есть приказание доехать до Москвы без промедления, где его встретят те, «кто распоряжается пропусками». Патруль привел начальника поезда, тот разводил руками, обещал высадить не раньше, чем в Бологое, но там пришел к Орбели, отдал честь и попросил пройти в служебный вагон, так как там ехать удобнее. Через два дня мы узнали, что Иосиф Абгарович отправляется в Нюрнберг. Позже газета «Правда» опубликовала подробные сведения о его выступлении в Нюрнберге в качестве свидетеля обвинения в преднамеренном разрушении фашистами памятников культуры в Ленинграде. А когда Орбели вернулся в Ленинград, то мы с интересом слушали его рассказы о Нюрнбергском процессе.

ТЕЙШЕБАИНИ

Я продолжал работать в Институте истории материальной культуры. Он по-прежнему находился на третьем этаже главного здания Академии, директором его был назначен В. И. Равдоникас, который благополучно пережил все передряги. Посещать Институт было тоскливо, из нашего кавказского коллектива никто не пережил войну, кроме А. А. Иессена, с которым я постоянно встречался в Эрмитаже. С ним мы поделили кавказские коллекции, Северный Кавказ остался в его Отделе, а Закавказье я оставил у себя. Работа в Институте шла вяло, но все-таки в январе был созван пленум памяти Н. Я. Марра, который открылся моим докладом «Древняя история армян».

Понятно, что все мои мысли были направлены на то, чтобы скорее вернуться в Ереван, и я стал готовиться к кармир-блурской экспедиции.

В раскопках приняли участие прошлогодние сотрудники Араик Арутюнян, Арамазд Погосян, Айзик Вайман, из Ленинграда приехали А. П. Султан-Шах и А. Л. Якобсон как архитектор. Работала очень сильная группа практикантов Ленинградского университета, где я начал читать курс «Археология Закавказья». Директор Института истории М. Г. Нер-

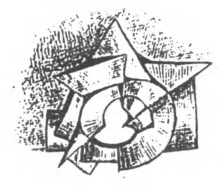

сисян рекомендовал мне, как он сказал, «молодого энтузиаста-археолога Сандро Сардаряна». Это был человек с недостаточным образованием и культурой, плохо говоривший по-русски, с красными глазами, но очень большой активности. Он мне принес коллекцию глиняных изделий и каменных орудий, собранных им при выбросе от рытья окопов на холме Мохраблур, около Эчмиадзина. Тут были хорошие образцы керамики, глиняные статуэтки людей и животных, обсидиановые отщепы и кремневые вкладыши серпов. Все это было близко к материалу III тыс. до н. э. из раскопок Е. А. Байбуртяна на Шенгавите. Тогда эта ранняя земледельческая культура стала только проявляться, и так как С. Сардарян поступал в аспирантуру Академии наук СССР, я предложил ему взять материал из Мохраблура своей темой. Сначала он согласился, но через несколько дней принес с Арагаца (Богутлу) прекрасные образцы нижнепалеолитических орудий, преимущественно относимых к ашелю и мустье. Он был достаточно почтителен, скромен и желал учиться, но долго колебался относительно своей темы и наконец выбрал «палеолит», что поставило меня, как руководителя, в трудное положение. На выручку мне пришел Морус Асратян, который согласился взять на себя руководство учебой Сандро Сардаряна.

Моруса Асратяна я давно знал по аспирантуре в Эрмитаже и был с ним дружен. Когда он в 30-х годах был арестован и выслан и его жена пришла ко мне за помощью написать письмо о его реабилитации, как одного из организаторов комсомольского движения в Азербайджане, я посоветовал ей написать такое письмо тов. Швернику, в расчете, что ему меньше пишут и он может быть внимательнее. Так оно и вышло: по указанию Шверника дело Асратяна пересмотрели и его освободили. Морус был несомненно очень способный человек, но в работе не был усидчив и разбрасывался. Интересна его работа о Саят-Нова, ашуге, жившем в Тбилиси и слагавшем свои песни на грузинском, армянском и азербайджанском языках. Такое сочетание языков было характерно для средневекового закавказского города. Позднее Асратян был избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. Во время заграничной командировки его угораздило в Ливане попасть в тюрьму (еще до всех передряг). Последние годы своей жизни он был директором Государственного Исторического

музея Армении. Морус Асратян принял живое участие в судьбе С. Сардаряна.

В этой экспедиции установился распорядок дня, сохранившийся и на следующие сезоны. В 6 часов утра грузовая машина подъезжала к воротам «Сада коммунаров», напротив гостиницы «Севан», где ее ожидали сотрудники экспедиции, в кузове были скамейки и большая бочка для воды. Около завода № 447 эта бочка заполнялась водой и после этого машина прибывала к роще у Кармир-Блура. В этот год еще не было здания музея, и местом пребывания экспедиции была роща, где сотрудники отдыхали в тени абрикосовых деревьев. Палаток не было. Инструмент и носилки хранились около хижины сторожа, который больше охранял абрикосы, чем раскопки. Роща принадлежала экспедиции, сотрудники пользовались абрикосами, а остатки отвозились в Институт истории. На холме было жарко, палило солнце, но постоянно по ущелью р. Раздан проходил ветерок, вечером он часто превращался в ветер, который давал прохладу всему городу. Начинали работу в 7 часов утра, кончали в 14 часов, когда за нами приезжала машина. Комфорта в экспедиции не было, но работалось хорошо. Да и результаты оказались неплохими. В одной из кладовых была найдена бронзовая накидная петля от двери кладовой, на которой оказалась клинообразная надпись: «Русы, сына Аргишти крепость города Тейшебаини». Таким образом, мы получили подтверждение, что крепость была построена в VII в. до н. э. урартским царем по имени Руса, сыном Аргишти, и называлась городом Тейшебаини в честь бога войны Тейшебы, бронзовая статуэтка которого, как я уже упоминал, была найдена Рипсимэ на Кармир-Блуре в 1941 г.

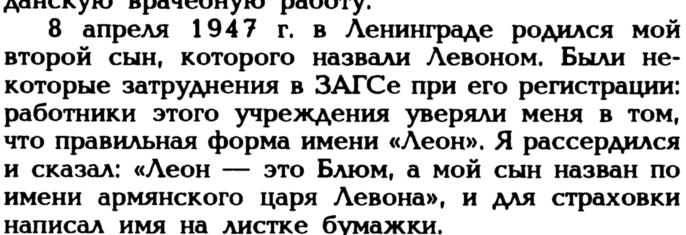
В другом помещении были обнаружены три обломка глиняных табличек с клинописными знаками, обрадовавшие нас тем, что появилась надежда найти документы хозяйственного архива. Кроме того, Кармир-Блур подарил нам бронзовый колчан и золотые серьги в виде калачика, украшенные зернью. Раскопки стали давать урожай.

ПЕРЕЕЗД. ВТОРОЙ СЫН

Работы на Кармир-Блуре закончились в начале августа, и начались сборы для переезда всей семьи в Ленинград. Нас было два с половиной человека

и сравнительно немного багажа, в путь пустились после 26 августа, после дня рождения Рипсимэ. Благополучно прибыли в Ленинград, в нашу квартиру в доме № 32 по Дворцовой набережной. Она состояла из четырех комнат, одна из них пустовала, во второй жила одна из бывших жен Орбели — Мария Кероповна, и две комнаты были предоставлены нам. Одна из них выходила во двор, другая на Неву. Первая была спальней с очень высокими стенами, причем на торцовой из них был балкон, на который можно было пройти с антресолей. Эта комната принадлежала театральному комплексу, в нем в свое время писали декорации и сверху проверяли, как оно получилось. Вторая комната была громадной, с большим окном, которое зимой превращалось в конденсатор холода. Из окна открывался великолепный вид на Неву и Петропавловскую крепость. Обставились, получив часть мебели из старой квартиры на ул. П. Лаврова. И. А. Орбели подарил нам «мемориальный диван», который принадлежал знаменитым востоковедам В. П. Жуковскому, В. В. Бартольду (он получил его через Н. Я. Марра). Приобщились к русскому востоковедению. Так началась жизнь нашей семьи в Ленинграде. Стали съезжаться и братья. Константин остался с матерью на ул. П. Лаврова, а Юрий, приехавший немного позже, получил квартиру в Колпине и после демобилизации из армии в чине полковника медицинской службы перешел на гражданскую врачебную работу.

8 апреля 1947 г. в Ленинграде родился мой второй сын, которого назвали Левоном. Были некоторые затруднения в ЗАГСе при его регистрации: работники этого учреждения уверяли меня в том, что правильная форма имени «Леон». Я рассердился и сказал: «Леон — это Блюм, а мой сын назван по имени армянского царя Левона», и для страховки написал имя на листке бумажки.

В помощь Рипсимэ из Еревана приехала ее мать — Ераняк Матвеевна, которая значительно облегчила нашу жизнь. Она любила Ленинград и подолгу сидела у окна большой нашей комнаты, выходившего на Неву. Действительно, вид из этого окна был великолепный — от Петропавловской крепости до Биржи, лучше и выбрать трудно.

ЛГУ. ЛЕКЦИИ ПО ЗАКАВКАЗЬЮ

Наряду с обработкой материалов из раскопок Кармир-Блура, которые стали поднимать много интересных вопросов: о связи урартского Закавказья со скифами, Ассирией и Ираном, я много времени отдавал лекциям на археологической кафедре Ленинградского университета, руководителем которой был М. И. Артамонов. До войны специальный курс по археологии Кавказа вел А. П. Круглов, и я давал ему справочные и иллюстративные материалы по Закавказью. В архиве Института Археологии в фонде Круглова хранились компоненты лекций, написанных мною, которые долго оставались определенными как «рукописи неизвестного лица».

Работал я над своими лекциями с увлечением, и студенты хорошо их слушали, не только те, которые принимали участие на раскопках Кармир-Блура. Особенно любил я курс «Археология Закавказья», к которому тщательно готовился, и после каждой лекции, как делал мой учитель А. А. Миллер, наиболее заинтересовавшимся студентам давал свой конспект (на экзаменах я всегда просматривал записи моих лекций, и если они были полными и

Разборка материала в Эрмитаже из раскопок Кармир-Блура. 1947 г.

Выдача зарплаты рабочим в роще у Кармир-Блура. 1947 г.

тщательными, я освобождал студента от ответа и оставлял консультантом). Позже декан исторического факультета С. И. Ковалев обратился ко мне с предложением опубликовать мои лекции по археологии Закавказья. Я ответил, что мне потребуется для этого много времени, но он предъявил мне копии моих конспектов, полученных от студентов. Действительно, мне понадобилось не очень много времени, чтобы привести их в порядок для печати. В. С. Сорокин, ставший позднее одним из моих помощников по раскопкам, выполнил прекрасные иллюстрации, сведенные в 12 таблиц, и Издательство университета (в 1949 г.) выпустило в свет мой курс, которым долго пользовались археологи Кавказа. В этой первой сводной работе по древнейшей истории Закавказья я попытался дать общую линию развития культуры в этом регионе, выявляя общие черты и закономерности. На том начальном пути изучения знания были довольно фрагментарными, известны были данные раскопок в отдельных районах с выделением большого количества локальных археологических культур. По выходе книги из печати Е. И. Крупнов обвинил меня в нигилизме по отношению к местным культурам, а Т. С. Пассек особенно хвалила именно за то,

что я давал картину развития культуры Закавказья, основываясь на общих явлениях, и не дробил ее.

Во втором пятидесятилетии XX века археологические раскопки в республиках Закавказья особенно расширились, и моя книга по материалу скоро устарела, но ее основные выводы по развитию хозяйства на Южном Кавказе и по связи с культурами скифов и Передней Азии остались в силе.

На историческом факультете мне пришлось вести еще спецкурс по археологии Средней Азии и Передней Азии в IV—I тыс. до н. э. Тогда моих знаний хватало, но потом я уже не смог успевать за новыми открытиями и от Средней Азии отлучился.

Лекции я читал также и на восточном факультете, на кафедре стран Древнего Востока, которой руководил В. В. Струве. Там я принужден был читать курс «История и культура Урарту», но для него было мало нового материала, разве что результаты раскопок на Кармир-Блуре. Правда, я начал готовить второе издание своей книги, изданной в 1944 г., для этого я листы книги переплел вместе с чистыми белыми листами, на которые я вписывал дополнения и изменения. Так поступил Б. А. Тураев со своей монографией «Бог Тот», и его пример оказался очень удачным.

Для студентов восточного факультета я читал еще два курса: «Культура Ассирии» и «Культура Египта» — очень разных по материалу, но оба для меня интересных. И если в годовой курс тему по культуре Ассирии можно было уложить, то для Египта это было делом безнадежным. Поэтому второй курс вылился в цикл тематических лекций, тщательно мною подготовленных.

Студентам-археологам мои лекции по Закавказью были интересны и тем, что я подробно останавливался на связях с Северным Кавказом и скифским миром во всей его широте. И на пленуме Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, я делал доклад «Скифы в Закавказье».

КАРМИР-БЛУР ОТКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

Разумеется, раскопки Кармир-Блура были у меня на первом месте, и я к ним готовился. В Ереван выехал в конце июня со всем своим семейством:

Группа студентов-археологов ЛГУ с А. А. Иессеном и Б. Б. Пиотровским. 1948 г.

Рипсимэ, маленьким Михаилом и двухмесячным Левоном, который был на попечении бабушки. Путь с пересадкой в Москве был трудным, но больше для взрослых, чем для маленького.

Работы на Кармир-Блуре начали 24 июня. Состав экспедиции пополнился. Выразил желание работать в экспедиции К. Л. Оганесян, архитектор, ученик Бунятова, добродушный, полный, с достаточным опытом. С 1947 г. он стал моим заместителем по экспедиции.

Л. С. Хачикян, будущий директор Матенадарана, двоюродный брат Рипсимэ, живший на нашем дворе по ул. Советов № 23, привел своего товарища, демобилизованного из армии, Арутюна Арташесовича Мартиросяна, ленинаканца, с упрямым подбородком, одного из самых способных моих учеников, с довольно сложным характером. Он стал одним из основных сотрудников экспедиции.

Я был обрадован и тем, что фотограф Эрмитажа А. П. Булгаков согласился быть постоянным фотографом экспедиции. С собой в Ереван он постоянно брал дочь Ирину, что радовало моих молодых сотрудников. Основным работником стала и Анна Павловна Султан-Шах, следившая за дисциплиной

После раскопок в домике на Кармир-Блуре.

и показывавшая пример долготерпения на раскопе до обнаружения слоя с находками. В составе экспедиции были В. С. Сорокин, А. А. Вайман, Г. Х. Саркисян, А. У. Погосян, сотрудник Ереванского Исторического музея А. О. Мнацаканян, Ара Арутюнян, мой старый друг по первым разведкам в Армении С. Г. Бархударян и москвич В. В. Шлеев, инвалид Великой Отечественной войны, несмотря на протез, очень активный. Работали и хорошие практиканты, студенты Ереванского и Ленинградского университетов, и среди них Н. Н. Диков, впоследствии посвятивший себя работе на Дальнем Востоке и ставший членом-корреспондентом АН СССР. Заведующим хозяйством от Института истории Армянской АН был назначен Манук По-

госян, очень колоритный человек, с опытом работы в милиции, что ему помогало в делах. Он ведал хозяйством, в его подчинении был сторож и абрикосовая роща, где он оставлял несколько деревьев для экспедиции, а абрикосы с других распределял Институту. Он добивался воды для поливки рощи и огородов, с которых также имел свою долю. Мы жили с ним дружно, так как он во мне, по своей привычке, видел начальника.

Раскопки были удачными, и они укрепляли мою веру в Кармир-Блур.

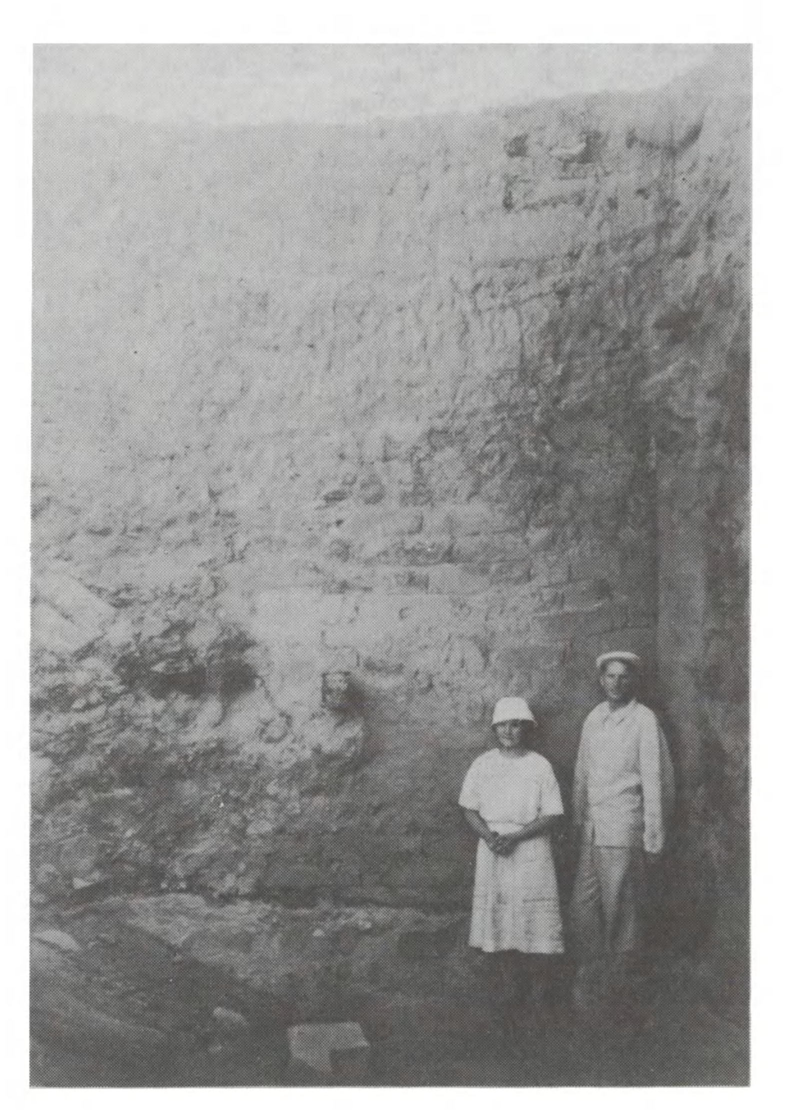
Открывалась четкая картина гибели крепости при штурме. Одно из помещений цитадели служило жильем жителям во время осады, там было обнаружено много глиняных сосудов с зерном, зернотерки, железное и бронзовое оружие, хорошо сохранившийся железный меч. Особенно порадовали нас бронзовый шлем с изображением священных деревьев, колесниц и всадников, первый образец этого рода защитного вооружения, и ассирийская цилиндрическая печать.

Реставратору Исторического музея Армении В. Газазяну удалось из обломков восстановить крупный глиняный сосуд с расписным пояском и скульптурными головками быков.

После окончания раскопок я узнал, что ими интересуется академик Рачиа Ачарян, крупнейший лингвист, принципиальный и оригинальный человек.

Б. Б. Пиотровский и В. И. Равдоникас. 1948 г.

А. П. Султан-Шах и Б. Б. Пиотровский на глубине 8 метров в раскопанной кладовой Кармир-Блура.

Я зашел к нему домой, чтобы пригласить на Кармир-Блур. Ачарян меня радушно принял, долго рассказывал, как он работал над своим знаменитым толковым словарем, как он сам его переписывал, устраивал в литографии и разносил по подписчикам. Мое приглашение он охотно принял, но сказал, что боится ездить на автомобилях. К сожалению, другого транспорта не было.

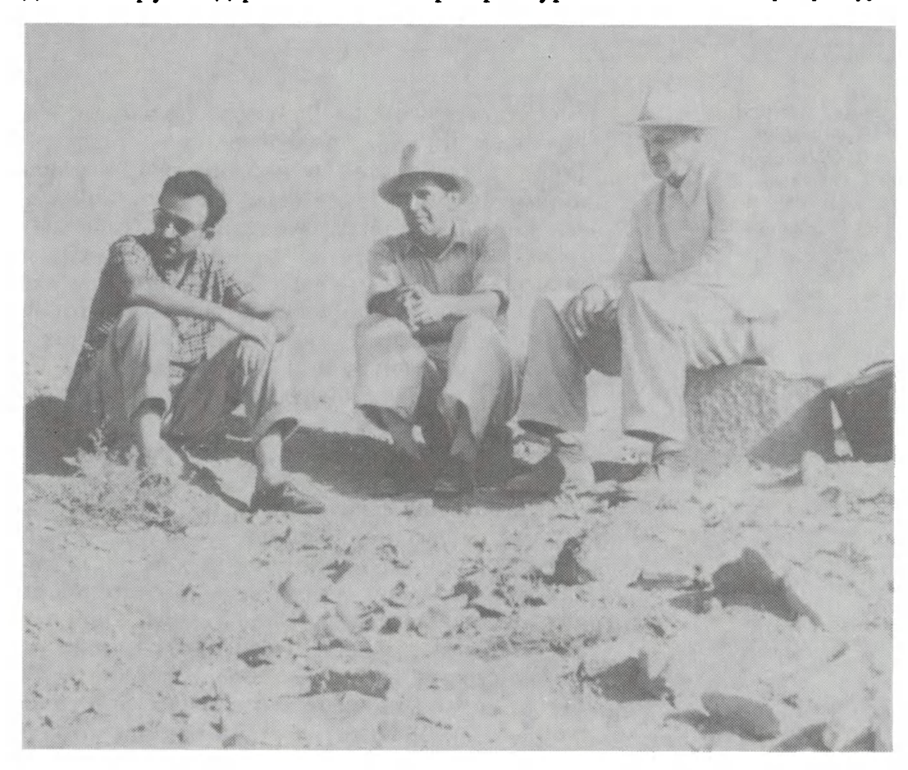
Утром 9 сентября я заехал за Ачаряном; садясь в наш автомобиль, он сказал шоферу, что «доверяет ему свою жизнь».

Я ему подробно показал раскопки, рассказал о находках, слушал он очень внимательно, не перебивая, но вставляя свои собственные мнения, иногда интересные. Он боялся подходить близко к раскопам, и на комнаты смотрел издали.

На следующий день я получил от Ачаряна письмо, написанное по-армянски красивым почерком, в котором он дал свою оценку, очень высокую, Кармир-Блуру и археологическим изысканиям. Получить такое письмо было приятно, ведь Ачарян представлял целую эпоху в развитии армянской науки.

В 1947 г. через председателя Госплана Армянской ССР Л. С. Хачатряна я получил разрешение на снимки Кармир-Блура с самолета. Летчиком был выделен один из опытных пилотов Гурген Багдасаров, водивший рейсовые самолеты. Так как Кармир-Блур находился около старого аэропорта, который тогда был единственным, я хорошо знал летчиков и начальника отряда тов. Паракшеева; они посещали раскопки, а позже, когда я летал в Москву, то некоторые из знакомых пилотов специально делали круг над раскопками Кармир-Блура.

Верные друзья Р. М. Бартикян, Г. А. Тирацян и Б. Б. Пиотровский на Кармир-Блуре.

«Эрмитажники»
З. В. Зарецкая,
И. А. Орбели,
Л. Т. Гюзальян,
Н. В. Дьяконова
и Б. Б. Пиотровский.

Утром я и А. П. Булгаков приехали в аэропорт, где нас ожидал подготовленный самолет ПО-2 (У-2), я его видел в первый раз и удивился его примитивности. Надо было влезать через крыло, но так как оно не было жестким, то было необходимо осторожно ступать по специальным металлическим подставкам для ног. Г. Багдасаров влез в кабину водителя, а мы в пассажирскую, которая в полу имела отверстие, прикрытое доской, так как этот самолет применялся и для сельскохозяйственных работ. Нельзя сказать, что эта дыра, частично закрытая доской, была приятной. Нам дали по шлему с пыжиковой маской, так что открытыми были только глаза.

Самолетик разбежался и, тарахтя, поднялся в воздух, взяв курс прямо на Блур. Картина была захватывающая, вся крепость как на ладони, отчетливо были видны линии внешних стен, над оконтуриванием которых потрудился М. Саркисян, прекрасно были видны раскопы, освещенные еще косыми лучами утреннего солнца. Вверху было особенно четко видно величие крепости, которая была закрыта в значительной своей части покрывалом

земли, Трудно было оторваться от этого зрелища. Пролетели над рекой Раздан, которая казалась громадным змеем в ущелье. Но особенно интересным был полет над древним поселением к западу от крепостного холма. Внезапно с воздуха открылась планировка древнего города, прямая улица, ведущая с востока на запад, планировка кварталов. Верхние камни построек были взяты местными жителями, что помогло видеть контуры домов с воздуха. Отчетливо вырисовывалась современная дорога, идущая с юга на север, и окоп времени гражданской войны неподалеку от крепостного холма. Лучи утреннего солнца делали весь пейзаж рельефным. Долго стоял у меня перед глазами этот изумительный вид Кармир-Блура с воздуха, и с земли я стал смотреть на него по-новому, все как будто прояснилось.

СЕССИЯ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК

В январе 1948 г. в Эрмитаже состоялась научная сессия, созванная Институтом истории материальной культуры и Эрмитажем, посвященная археологии Кавказа. После вступительного слова И. А. Орбели был поставлен мой доклад «Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья». Я очень много работал по истории археологической науки, особенно над архивными материалами из Закавказья, но изложение своего доклада я начал с 1871 г., когда были открыты первые древние могильники у монастыря Самтавро, около Мцхета и у сел. Ворнак (ныне Акнер в Армянской ССР). Я старался как можно полнее обрисовать археологическое изучение Южного Кавказа за 75 лет, показать развитие археологической науки в советских республиках Закавказья. Доклад получился как будто полным, и по желанию участников сессии он был молниеносно отпечатан отдельной небольшой брошюрой. Доклад состоялся 28 января, 29 января он был сдан в набор, 30 января подписан к печати, и участники сессии получили его на последнем заседании, еще «пахнувшим типографской краской». На первом заседании после меня выступил старейший археолог И. М. Джафар-заде с докладом об археологическом изучении Азербайджана.

В работе сессии участвовали грузинские археологи (А. Каландадзе, Д. Капанадзе, Л. Соловьев,

Н. Хоштария, И. Цицишвили), армянские ученые (Б. Аракелян, В. Арутюнян, К. Кафадарян, К. Оганесян) и представители Азербайджана (И. Джафарзаде, Е. А. Пахомов, Г. Ионе, З. Ямпольский, С. Казиев). Северный Кавказ был представлен Е. И. Крупновым, Н. Анфимовым, Л. Лавровым. От Эрмитажа и Института доклады делали: К. В. Тревер, М. Паничкина, А. Болтунова, Л. Гюзальян, Н. Токарский, Т. Измайлова, А. Якобсон и М. И. Максимова. Сессия была очень представительной, и были заслушаны интересные доклады, обрисовавшие археологическое изучение Кавказа в целом.

Это была первая сессия, объединившая археологов трех республик Закавказья и Северного Кавказа. Заседания в Эрмитажном театре придали ей парадность.

После окончания работы сессии у меня в гостях были мои коллеги, и у сыновей оказалось семь совершенно одинаковых крокодилов из пластмассы. Указывая на собрание драгоценных табакерок в Особой кладовой Эрмитажа, я заметил, что в XVIII в. такого случая быть не могло — в большой эрмитажной коллекции нет ни одного дублета.

Кармир-Блур становился популярным. В марте пленум ИИМК, посвященный итогам полевых археологических работ, открывался моим докладом, в апреле в Академии архитектуры я делал доклад об урартском зодчестве, преимущественно на материале Кармир-Блура, а в конце мая на совместной научной сессии отделений общественных наук Армянской и Грузинской Академий, происходившей в Ереване и Тбилиси, мой доклад был посвящен скифам в Закавказье, основные материалы в нем были кармир-блурскими. В этой интересной и содержательной сессии приняли участие корифеи закавказской науки: Р. Ачарян, М. Бердзенишвили, А. Чикобава, точивший ножи против «марризма», Абгар Иоаннисян, Я. Манандян, Г. В. Церетели, А. Г. Шанидзе. При напряженной работе сессии и приемах «по-армянски» и «по-грузински» все же удалось поработать в Музее Грузии, поехать на раскопки в Армази. Вспоминается, как на пути в Армази, рано утром, машины остановились на берегу Арагвы, на земле были расстелены ковры, на них появились бутылки и закуски, как на скатерти-самобранке. Вдали на скале был виден замечательный храм Джвари, за который и был поднят первый тост.

Много раз я сидел у ковра на грузинской земле, много видел храмов и замков, особенно в Кахетии, но этот завтрак особенно запомнился.

Восемнадцать лет прошло после моего первого приезда в Тбилиси, но город сильно изменился, не было уже веселых кинто в шароварах и черных фуражках, не было садков с живой рыбой в духанах. В ресторане «Симпатия» на Солдатском базаре были замазаны портреты деятелей мировой культуры, с любовью выполненные в 1904 г. К. Григорянцем, и только надпись «симпатия» на ступеньке входа напоминала о том, что мы в этом духане приятно проводили время. Есть что вспомнить и о чем погрустить.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

В моей научной жизни Кармир-Блур постепенно занял самое главное место. Я делал о раскопках доклады, писал статьи, собирал все известные материалы по Урарту, которых тогда было немного, и с нетерпением ждал отъезда в Ереван.

Раскопки Кармир-Блура в том году начались 10 июня и продолжались полтора месяца. Это была интенсивная и увлекательная работа, и совершенно неожиданно Кармир-Блур подарил мне два небольших амулета с египетскими иероглифическими знаками. Я этой находке был особенно рад, так как Урарту не смогло потушить мое особое отношение к Древнему Египту.

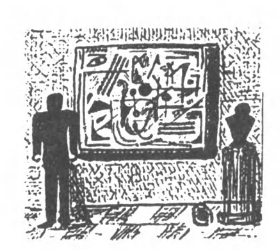
С 1927 г. я начал составлять корпус древнеегипетских предметов, найденных на территории СССР. Взял все сведения из литературы, перерыл коллекции древностей из раскопок на юге России и в Крыму. Особенно много египетских и египетского стиля предметов происходит из могильников Керчи и Ольвии. Отчетливо обрисовались две группы, первую составляют классические египетские предметы, не представляющие в этом отношении сомнения, и амулеты римской эпохи из так называемого египетского фаянса или «пасты», часто выполненные по старым египетским типам, очень частые в могильниках Передней Азии, но отсутствующие в самом Египте. Они встречаются на широкой территории, и их происхождение пока не установлено.

Много египетских предметов найдено при рас-

копках на Северном Кавказе, и теперь можно определенно говорить о том, что они проникали также с юга, из Закавказья, и с территории государства Урарту. Египетские скарабеи я видел в музее в Анкаре, а из Вана в свое время И. А. Орбели привез небольшой голубой скарабей с именем «Менхеперра», что очень характерно для VIII—VI вв. до н. э. Он подарил его своей бывшей жене М. К. Орбели, которая, по моему примеру, заключила его в перстень, но, к сожалению, скарабей выскочил из оправы и потерялся. Хорошо, что он сохранился у меня в рисунке. Много навкратийских скарабеев VIII—VII вв. до н. э. происходит из могильников в горной Раче, что отмечает древние торговые пути. Немало древнеегипетских скарабеев было найдено и в Средней Азии.

Этим моим сводом постоянно пользуются археологи. Опубликовать его очень сложно, потребуется громадная дополнительная работа, особенно по уточнению музейной документации, у меня в большинстве случаев отсутствуют инвентарные музейные номера. Всего у меня учтено свыше 900 древнеегипетских и изготовленных в египетском стиле амулетов римского времени.

РАСКОПКИ В КИРОВАКАНЕ

Когда заканчивались раскопки на Кармир-Блуре, директор Комитета охраны исторических памятников Армении В. М. Арутюнян известил меня, что в Кировакане при рытье фундамента для здания школы найдены золотой кубок и бронзовый кинжал. В. М. Арутюнян просил меня выехать в Кировакан и ознакомиться с местом и условиями этой интересной находки.

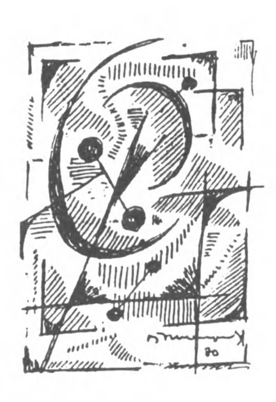
28 августа я выехал в Кировакан с представителем Комитета О. Егиазаряном и сотрудником Исторического музея Армении А. Б. Мирзояном. Когда я прибыл на место работ, меня приветливо встретил начальник строительного участка, провел в милицию, где хранились находки, и на место раскопок. До меня на котловане побывала Валентина Абрамян, сотрудница Исторического музея Армении, и уверила строителей, что доследование места находки будет делом простым и небольшим по территории.

Я убедился в том, что найденные при работах золотая чаша и клинок кинжала принадлежат к

раннему периоду, ко времени около XV в. до н. э., и относятся к той культуре, которая представлена раскопками В. А. Куфтина в Триалети. Я огорчил начальника участка тем, что раскоп будет значительно больше, чем сказала В. Абрамян. Начальник отнесся недоверчиво и робко попросил зря раскоп не расширять, так как им придется нашу «яму» бетонировать.

Набрать нужное количество рабочих было делом трудным, и раскопки были начаты с явно недостаточным их количеством. Да и условия работы оказались трудными: все время шел дождь, переходящий в сильный. Жили мы в гостинице, но несколько раз в день ходили на раскопки, там мокли и возвращались в гостиницу обсыхать. Без труда выявили контуры древней могилы, оказавшейся, как я и предполагал, значительной по территории. Траншея для фундамента здания перерезала только ее южную часть, а в средней части через всю могилу проходила труба старой канализации, которую мы боялись тронуть, так как она была заполнена нечистотами, и во время работ мы старательно ее крепили, боясь разлома. Администрация строительства поняла, что с небольшим количеством рабочих раскопки продлятся долго, и получила разрешение привлечь к работе немецких военнопленных, которые еще не были возвращены на родину. Утром под конвоем одного солдата привозили мне двух немецких офицеров и нескольких солдат. Пленные работали хорошо, офицеры были из культурных семей, интересовались историей и, узнав, что я — лауреат Сталинской премии, спрашивали — сколько я буду иметь годового дохода от процентов с этой премии. Трудность работы с пленными заключалась в том, что у них был облегченный режим, их увозили на обед, а в некоторые дни не привозили совсем, так как они участвовали в репетициях оркестра или имели «банные дни». Но все же без этой помощи работать было бы очень трудно. Работали почти все время под дождем. Нашу тяжелую долю разделял местный краевед Егише Момджян, постоянно приходивший на раскоп, а там приходилось расчищать и собирать громадное количество битых сосудов. Для упрощения пришлось весь раскоп разбить на квадраты и собирать черепки по квадратам, это облегчило фиксацию места их в могиле и помогло реставратору Музея Аревшатяну быстро склеить замечательные сосуды из мелких обломков.

Картина древнего могильного сооружения выяснилась очень четко. Могильная яма была овальной формы, сбоку был устроен вход, вероятно в виде лестницы, вырытой в грунте. В гробнице была установлена деревянная конструкция с потолком из балок. При похоронах покойник был сожжен, его прах внесен на деревянных носилках, остатки которых были обнаружены около стены могилы. Как выяснилось, в триалетском курганном могильнике пепел сожженного покойника высыпался на деревянную колесницу, установленную посредине могильной камеры, что было схоже с обрядом захоронения хеттских царей. Тут же, в Кировакане, он был высыпан посередине могилы, вероятно на ковер, от которого остались лишь сплющенные золотые нашивавшиеся трубочки и бусины. Вокруг места помещения пепла было расставлено много глиняных сосудов, черных лощеных, иногда с орнаментом, и красных с росписью; при них было обнаружено четыре серебряных сосуда: овальная чаша, чаша с ручкой, повторяющая случайно найденную, цилиндрическая кружка с ручкой и ведерко. Золотая чаша была украшена парными изображениями львов, стоящих друг перед другом.

В могиле было найдено много предметов вооружения: бронзовые секира и кинжалы, долото.

Отчетливо было заметно обрушение деревянного перекрытия под давлением земли, насыпанного над могилой кургана, и камней, которыми был завален боковой вход. В углу, под обрушившимся перекрытием, были обнаружены целые сосуды и бронзовый котел с костями барана. Тут же лежали два черепа быков. По-видимому, в могилу были положены их шкуры с головами, мясо пошло на тризну.

Раскопки в Кировакане показали, что казавшаяся ранее уникальной триалетская культура середины II тыс. до н. э. распространена была на широкой территории, на что указывали и отдельные находки.

Благополучно закончили раскопки, я провел беседы в клубе строителей, и на грузовой машине со всем ценным багажом 5 сентября вернулся в Ереван, прямо в Исторический музей.

Конечно, гвоздем привезенной коллекции была золотая чаша. Когда ее распаковали, директор музея К. Г. Кафадарян налил в нее коньяк, и мы с ним выпили за успех экспедиции изрядную порцию.

При обработке результатов раскопок я хотел дать обобщающее исследование, подводящее итог изучения триалетской культуры. Но часто бывает, что «лучшее хуже хорошего». Так получилось и у меня. Кроме того, я хотел для второго издания моего курса «Археология Закавказья» оставить интересные публикации Арчадзорских курганов, раскопанных Э. Реслером в Азербайджане в 1893 г., и Кироваканского кургана. Но до переиздания курса руки не дошли, материалы Арчадзорских курганов я передал для диссертационной работы моей аспирантке К. Х. Кушнаревой, а кироваканским материалом позволил пользоваться грузинским археологам и моим ученикам в Армении. Дневники и чертежи раскопок так и остались лежать в папке моего архива, а таких папок с незаконченными работами у меня много. Их число значительно увеличилось после того, как 8 марта 1949 г., в Международный женский день, я был назначен заместителем директора Эрмитажа по научной части, правда «по совместительству», т. е. с оставлением работы по Отделу Востока. Но все же с этого дня я стал администратором, стал выступать в роли, мне не свойственной, но она затянула меня на всю жизнь.

В РОЛИ АДМИНИСТРАТОРА

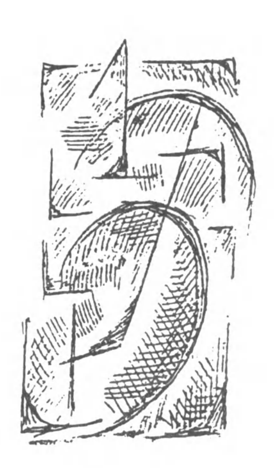
Мне заместителем директора работать было очень трудно, я не умел никому отказывать, я пытался, вопреки действиям директора, сглаживать конфликты, много занимался ненужными делами. И. А. Орбели был своеобразным директором, с пережитками «феодальной идеологии». Он руководил Эрмитажем сверхсамодержавно, что не раз критиковалось в прессе, все поощрения и крупные конфликты он вершил сам, а на меня возлагал мелкие неприятности. В эти годы возобновились политические репрессии, да и я, как заместитель директора, занял место арестованного М. А. Гуковского, который позже благополучно вернулся на работу в Эрмитаж в качестве заведующего центральной библиотекой. На мою долю приходилось извещать старых сотрудников музея о смещении их на другие должности, разборы мелких конфликтов, а кроме того, оправдывать поведение директора, что не всегда совпадало с моим собственным мнением. У меня складывались сложные отношения

и с секретарем парторганизации, моим старым товарищем И. М. Лурье, который был в оппозиции к Орбели. Жена Исидора Михайловича — М. Э. Матье старалась примирить всех, но не всегда ей это удавалось.

Ученым секретарем в 1949 г. был Ю. И. Кузнецов, очень способный искусствовед, деловой и легкий по натуре человек. Он был веселым и часто шутил. Однажды к нам пришла молодая студентка за пропуском в центральную библиотеку. Она ожидала большие трудности в этом деле и настойчиво спрашивала о том, что надо представить. Получив ответ, что необходимо отношение из деканата учебного заведения, она спросила: «А что еще?» Кузнецов с серьезным видом сказал: «Справку из жилконторы вашего дома». «О чем?» «О том, что вы замужем». «А я не замужем». Кузнецов ответил: «Тогда надо справку о том, что вы не замужем, а кроме того, объяснительную записку по этому поводу». Бедная студентка долго не могла понять, что с ней шутят, но, получив разрешение (это до нас было делом трудным, студентов пускали в читальный зал очень неохотно), ушла счастливой.

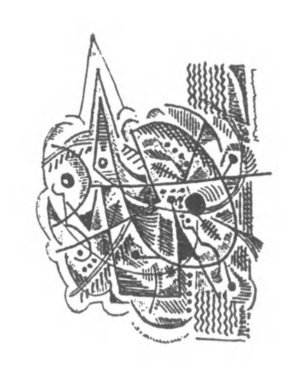
Наша совместная работа с Кузнецовым была недолгой, он вернулся в свой Отдел, а у меня началась полоса временных секретарей, которые выполняли свои обязанности без охоты.

КЛАДОВЫЕ КАРМИР-БЛУРА

На Кармир-Блуре работы 1949 и следующего года были очень успешными. Начатое исследованием прошлого года большое помещение оказалось кладовой для вина. В ней оказалось 82 крупных сосуда-караса, вкопанных четырьмя рядами в земляной пол. Под венчиками они имели отметки емкости, обозначенные клинописью или иероглифическим письмом, в среднем их емкость колебалась от 800 до 1000 литров, так что в них мог свободно укрыться человек. В момент гибели крепости карасы не были заполнены вином, так как штурм цитадели, на основании изучения растительных остатков, был произведен в начале августа — этим сезоном академик А. Л. Тахтаджян определил сочетание цветков травы из метелки, найденной на полу в другой кладовой. Пустовавшие карасы во время осады были заполнены не только зерном (пшеницей, ячменем, просом), но и служили хра-

нилищем для ценных предметов. Так, в одном из них было обнаружено 97 бронзовых чаш, сложенных стопкой. Около 40 из них, находившиеся в середине стопки, сохранили свой золотистый блеск и мелодичный звон. Это удивительное звучание позднее было записано на пленку, так как мы опасались, что чистота звона может быть утрачена.

Чаши были обнаружены во вторую половину рабочего дня, и их разборка заняла много времени: их вынимали поштучно и передавали мне, я их обмерял и копировал надписи, помещенные в центре чаш, рядом с которыми в большинстве случаев помещались изображения — башни с веткой дерева, гóловы льва, фигуры птицы (а в одном случае целая иероглифическая надпись из трех знаков). Надписи обозначали имена четырех знаменитых урартских царей VIII в. до н. э.: Менуа, Аргишти, Сардури и Русы.

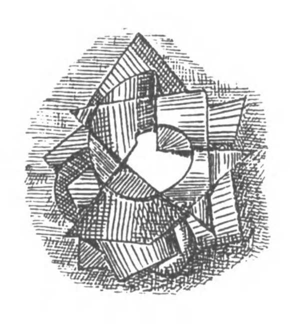
Так как чаши снимались по одной, я, регистрируя их, не знал общего количества, и этот процесс извлечения чаш казался мне бесконечным. Заостренность внимания, волнение и постепенно наступавшие сумерки осложняли мою работу, которую нельзя было прервать. Наконец, все 97 чаш извлечены. Для них был освобожден ящик из-под инструментов, в который они были уложены. Радость открытия и усталость сочетались, такой удачи ожидать было трудно.

До дома добрались в темноте, по телефону известил директора Музея К. Г. Кафадаряна о том, что находки ночуют у меня дома, и просил его завтра утром привезти их в Музей.

На следующий год была открыта вторая кладовая для вина с 70-ю карасами, также расположенными в четыре ряда.

В обеих кладовых было найдено много бронзовых предметов: шлемы, колчаны и щиты, украшенные изображениями (священных деревьев, колесниц, всадников, быков и львов), с надписями тех же царей, которые упомянуты на замечательных бронзовых чашах.

Исследование кладовых помогло выяснить и характер этих помещений. Они были темными и сырыми, в одном из углов было обнаружено древнее осиное гнездо, около карасов оказались кости жабы, а в самих сосудах косточки хомяков (бесхвостых мышей) и в одном случае целый скелет кошки.

Когда при раскопках появлялись кости животных (а мы открывали полные костяки коров, лошадей, ослов и других животных), один из моих сотрудников бежал к телефону на ближнюю ферму и вызывал сотрудника Зоологического института С. К. Даля, и тот сразу же приезжал на велосипеде на Кармир-Блур. В первой кладовой был расчищен глиняный жертвенник, около которого были найдены обломки глиняных фигурок богов в образе рыб, а также сорванная булла от какого-то хранилища, а также небольшие кусочки обмазки стены с остатками росписи, изображавшей крылатых антропоморфных существ.

В последующие годы выяснилось, что с этими двумя большими кладовыми для вина связано небольшое помещение, сплошь заполненное глиняными сосудами, среди которых было и 40 глиняных светильников в виде чаш с поперечной перегородкой и отверстиями для фитилей. В темных кладовых такие светильники были совершенно необходимы.

Из этого громадного числа керамики Президиум Академии наук Арм. ССР выделил несколько кувшинов для зарубежных музеев: Британского, Берлинского и Копенгагенского. Кувшины были сложены в домике, который был построен к этому времени и служил рабочим для нас помещением и небольшим музеем. Некоторые художники также получили кувшины, и изображения этих кувшинов можно видеть на многих натюрмортах.

Несмотря на то что у нас уже была своя база, где я работал над добытым при раскопках материалом, отдыхали мы в роще под абрикосовыми деревьями, там же я проводил занятия со студентами, принимал экскурсии (а их было много, Кармир-Блур пользовался популярностью). На раскопки приезжали М. Сарьян, А. Исаакян, все гости Академии наук; часто появлялся и В. Амбарцумян. Несмотря на физические трудности (работать приходилось в самое жаркое время из-за отсутствия рабочих в другие сезоны), раскопки приносили большое удовлетворение, что отодвигало физическую усталость. Коллектив, состоявший из постоянных сотрудников, был слаженный и работоспособный, работу оживляли и практиканты из Ленинградского и Ереванского университетов.

ИМЕНИТЫЕ ГОСТИ ИЗ КИТАЯ И «ЖЕЛТЫЙ АИСТЕНОК»

В самом конце 1949—в начале 1950 г. Советский Союз посетил Мао Цзэдун. Прибыл он вскоре после образования Китайской Народной Республики и признания ее нашим государством. Но связи с Китаем у Эрмитажа установились раньше — при гоминдановском правительстве, возобновившем дипломатические отношения с Советским Союзом в конце 1932 г. В 1934 г. в Эрмитаже была выставка выдающегося китайского художника Сюй Бэйхуна (в европейском произношении Жю Пэона). На ее открытии присутствовал сам художник, удививший меня европейским видом. Он был очень учтив, общителен, выражал симпатии к нашей стране и подарил музею несколько своих произведений — среди них замечательную картину, изображающую гусей. Несмотря на то что его творчество было связано со старой традицией, он по внешнему виду отличался от китайских художников, которых, к сожалению, мы знали только по фотографиям, в частности от Ци Байши, картину которого он также передал Эрмитажу.

Мао Цзэдун прибыл в Советский Союз, когда Китайская Народная Республика не закончила борьбу со своими врагами, и его приезд в Ленинград был засекречен. Нас известили, что прибудет очень важный гость «первой величины», и мы могли догадаться, что им будет Мао Цзэдун. В день его приезда Невский проспект был под усиленной охраной, движение было сокращено, но никто толком не знал, по какой причине. Один из наших сотрудников, покупая папиросы (тогда еще сигареты их не вытеснили), спросил киоскера: «Кого же ждут?» И получил ответ: «Китайца».

В первый же день своего приезда Мао Цзэдун посетил Эрмитаж, который для публики был закрыт. И. А. Орбели и я ожидали высокого гостя со стороны площади, как было условлено, но в последний момент сообщили, что он подъедет к Главному подъезду на набережной. С Невского уже двигались машины, пришлось нам бежать через залы. Засекреченность в то время была обычной: когда приехал Энвер Ходжа из Албании, администрации было сказано лишь, что гостя надо встретить с французским языком, а во время приезда Марселя Кашена на вопрос Орбели, можно ли с ним говорить по-французски (тогда с членами

высоких делегаций позволялось говорить лишь на русском языке), он получил ответ: «Товарищ Кашин говорит по-французски».

Мы добежали до Главного подъезда уже после того, как делегация вошла в вестибюль. Так как Орбели должен был от бега отдышаться, он попросил меня первым подойти к гостю.

Мао Цзэдун был в накинутой меховой шубе типа пелерины, какие были раньше у царских генералов, его под руки вели два сопровождающих. Он показался мне тучным, медленно передвигающимся, с несколько отекшим лицом. Поразили его глаза, одновременно грустные и проницательные, соответствующие глазам поэта. Сняли тяжелую шубу, и он оказался в том кителе, который стал надолго типичным для китайских руководителей.

По музею повел его И. А. Орбели, разговор был через переводчика, Мао по-русски не понимал, но произносил некоторые слова: «хорошо», «спасибо». Запомнилось, что он особое внимание уделил картинам Рембрандта. Как я наблюдал позже, китайские и японские гости относились к великому голландскому художнику с меньшим вниманием. К сожалению, его визит был коротким. При прощании он подал мне свою мягкую руку без пожатия. Я очень сожалею о том, что нам не рекомендовали попросить его расписаться в Книге почетных гостей, и Эрмитаж не получил его автографа.

Прошел длительный срок после посещения Мао Цзэдуном Эрмитажа, и о нем уже забыли, но я получил запрос из Министерства культуры: какую картину — «Желтый аистенок»? — директор Эрмитажа подарил Мао? Я ответил, что ничего подобного не было, и получил снова более строгий вопрос с выяснением о передаче в подарок названной картины. Снова я убежденно ответил, что такого факта не было и попросил указать источник сведений. Мне ответили, что в письме китайской стороны, касающемся культурных связей, сказано, что Мао Цзэдун просил передать директору Эрмитажа проф. Орбели благодарность за «Желтого аистенка».

Только тогда я понял, о чем идет речь. После посещения Мао Цзэдуном (значительно позже) в Эрмитаж от Академии наук прибыли китайский политический деятель и ученый Го Можо, знаменитый английский физик и общественный деятель Джон Бернал. Они очень интересовались сокровищами музея, и Бернал, любитель ковров, попросил

показать ему Пазырыкский ковёр, самый древний на свете. Когда он с Го Можо в моем сопровождении вошли в зал Алтайских древностей, то Бернал так был восхищен сохранностью ковра, что встал перед витриной на колени. Весь этот визит был непосредственным и дружелюбным. При их отъезде И. А. Орбели и я были на вокзале. В Эрмитаже Орбели познакомил гостей со своим маленьким сыном Митей. Прощаясь с Го Можо, он вынул из кармана маленькую фаянсовую игрушку, изображавшую желтого утенка, передал ее китайскому гостю с просьбой передать ее от Мити Мао Цзэдуну. Все рассмеялись, но никто из провожающих и не думал, что игрушка дойдет по назначению и превратится в картину «Желтый аистенок».

КРИТИКА Н. Я. МАРРА

1949 год в Эрмитаже был полон забот, совершенствовались экспозиции, заканчивались большие реставрационные работы парадной Иорданской лестницы, Александровского зала, «Большого просвета» Нового Эрмитажа, залечивались последние раны, нанесенные войной. И. А. Орбели ходил по залам с главным архитектором А. В. Сивковым и выискивал, «что бы еще сделать», а делалось много.

В Институте истории материальной культуры работа также шла спокойно. Заведующим Ленинградским отделением тогда был А. П. Окладников, приехавший из Сибири в аспирантуру и так оставшийся в Ленинграде. Это был талантливый ученый, энергичный и инициативный, но иногда спешащий взять больше того, что ему было под силу. Он сменил В. И. Равдоникаса, занимавшего этот пост с перерывом с 1944 по 1949 г. В декабре 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР и вдруг внезапно потерял интерес к научной работе, передав заведование отделением П. Н. Третьякову. Трудно объяснить этот перелом в жизни Равдоникаса. У него были нелады в биографии (исключение из партии «без права восстановления», арест во время блокады), но это не влияло на его карьеру. После отъезда Третьякова в Москву Равдоникасу пришлось снова вступить на пост заведующего, но это был уже «не тот Равдоникас». В 1949 г., передав заведование отделением Окладникову, он удалился от науки совсем, нигде не

появлялся, кроме концертов в Капелле, замкнулся дома, гостей угощал «водкой с горячим чаем» без закуски, разговаривал только о международной политике, отпустил окладистую бороду и называл себя «старцем Равдоникасом».

А на лингвистическом фронте было неспокойно, снова назревало критическое отношение к яфетической теории Н. Я. Марра. Руководитель этой школы акад. И. И. Мещанинов был в силе, в дни юбилея Академии наук СССР он стал Героем Социалистического Труда, вокруг него группировались ревностные последователи; прежних, ушедших в Лету 13 лет назад, заменили новые, во главе с Г. П. Сердюченко. Секретарь Н. Я. Марра В. А. Миханкова готовила новое издание биографии Марра.

В июле 1949 г. состоялось заседание Президиума Академии наук СССР с докладом И. И. Мещанинова «О современном положении в советском языкознании и мерах улучшения языковедческой работы в Академии наук СССР».

В развернутом постановлении Президиума было отмечено признание нового учения о языке Н. Я. Марра и вместе с тем указывалось на неблагополучие на языковедческом фронте, выражающееся в активизации враждебного материалистическому языкознанию направления, «реакционно-идеалистических течений», связанных с зарубежной буржуазной лингвистикой. В числе лидеров этих течений были названы академик В. В. Виноградов и действительный член АН Грузии А. С. Чикобава.

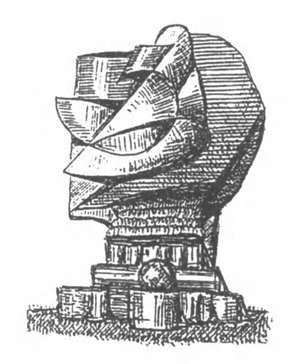
И. И. Мещанинову и Г. П. Сердюченко казалось, несмотря на проявление примиренчества к реакционным тенденциям со стороны некоторых представителей нового учения о языке, что ими одержана полная победа. Но менее чем через год газета «Правда» открыла на своих страницах «свободную дискуссию» в связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание. 9 мая 1950 г., в день Победы в Великой Отечественной войне, была напечатана статья Арнольда Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания», жесткая по содержанию, но корректная по форме, где указывалось и на то, что И. И. Мещанинов не договаривал свое несогласие с Н. Я. Марром. 16 мая был напечатан ответ И. И. Мещанинова, менее корректный, а 6 июня статья академика В. В. Виноградова «Развитие со-

ветского языкознания на основе марксистско-ленинской теории». Были напечатаны статьи и других лингвистов, но чувствовалось, что А. С. Чикобава и В. В. Виноградов хотят взять реванш за постановление Президиума АН СССР. Исход дискуссии был неясен до 20 июня, когда в двух номерах газеты была напечатана большая статья И. В. Сталина в форме ответов на вопросы. Была показана немарксистская основа многих положений учения Н. Я. Марра, в первую очередь о стадиальности и классовости языка, и отмечена обстановка «аракчеевского режима» против ученых. выступавших с критикой яфетического языкознания.

Реванш оппозиции был полный, так же как и разгром «марристов». После статьи И. В. Сталина в шутку спрашивали, кто же самый честный человек в Советском Союзе, и получали ответ — И. И. Мещанинов, так как про него И. В. Сталин сказал по поводу рекомендации «Бакинского курса» лекций Н. Я. Марра: «Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова..., я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству».

После выступления И. В. Сталина И. И. Мещанинов стал «исправлять» недостатки в советском языкознании, а для других учеников Марра наступило трудное время, от них решительно стали требовать самокритики.

В Эрмитаже все прошло сравнительно благополучно, экспрессивно выступил И. А. Орбели против «учеников Марра, не настоящих», которые создали вокруг него атмосферу непогрешимости и завели аракчеевский режим. Да и кроме того, языкознание для Эрмитажа актуальным не было.

Наступили замешательство в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры и торжество в Московской его части, которая решила, что пришло время окончательно признать руководящим отделением Московское. Эту линию стал проводить заместитель директора Института С. В. Киселев. У самого директора А. Д. Удальцова на совести тоже было увлечение «марризмом», и он молчал.

С. В. Киселев был тогда главным редактором «Вестника древней истории», сменив на этом посту А. В. Мишулина. Для него выступление Сталина по вопросам языкознания было равносильно разорвавшейся бомбе, так как в первом номере журнала

за 1950 г. была напечатана передовая статья «Н. Я. Марр и изучение древней истории», конечно восхвалявшая Марра. Среди ученых, «плодотворно использующих методы Н. Я. Марра», были названы только трое: В. В. Струве, И. И. Мещанинов и я. Тогда А. П. Окладникову доступа в эту среду не было.

В следующем, втором номере журнала, после опубликования выступления Сталина, редколлегия в порядке поспешной самокритики «полностью осудила свою ошибку» и обещала развивать «новые выдающиеся исследования И. В. Сталина», что выполнялось уже в 1951 г.

В начале июля я был уже на раскопках, и все волнения, связанные с языкознанием, на время отошли. Работы было много, Кармир-Блур раскрывался, и я целые дни проводил на нем. В 1950 г. у меня было очень удачное пополнение сотрудниками, на раскопках стали работать студенты Ереванского университета: Рачия Бартикян, репатриант из Греции, очень собранный и увлеченный, ставший позднее крупным византологом; Зораб Касабли из Болгарии, пришедший на Кармир-Блур годом раньше и много мне помогавший в организационных делах; Геворк Тирацян из Румынии, очень образованный, высокоинтеллектуальный, много знающий, но туго пишущий. С 1949 г. начал работать и Степан Есаян, активный сотрудник, который работал на Блуре до конца и во время его угасания, когда завершающие работы интересные находки уже не выдавали. Все эти молодые люди стали моими учениками, я проводил с ними занятия и поручал им самостоятельные участки раскопок. Итак, на время я отрешился от ленинградских забот и неприятностей.

После возвращения из экспедиции я выступил на Ученом совете Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, посвященном критике «нового учения о языке». Я остановился на двух вопросах: о стадиальности и семантике. Говорил о верном стремлении Н. Я. Марра и о неправильных методологических предпосылках. Признавая, что определенный уровень развития общества и его культуры, особенно на ранних его этапах, создает близкий по общему облику комплекс памятников материальной культуры (иллюстрировал это на примерах энеолита),

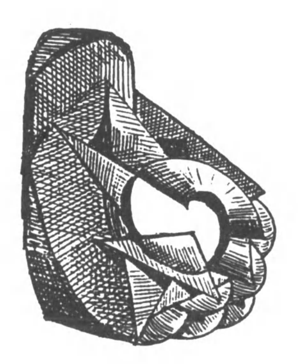
признал неверным применение к памятникам скифской культуры термина «скифской стадии».

Надо сознаться, что во время дискуссии, поднятой «языкофронтовцами», я в отношении стадиальности во многом разделял их точку зрения.

В вопросах семантики я сам понял неправильность семантического отождествления и стал считать, что все семантические связи основаны на ассоциативной способности нашего мышления, а не на его качественном отличии в древности. Думая, что дискуссия со страниц газеты «Правда» перейдет на страницы научных журналов, я готовил статью о семантике, которая так и не была написана, но сохранился ее план на листке бумаги.

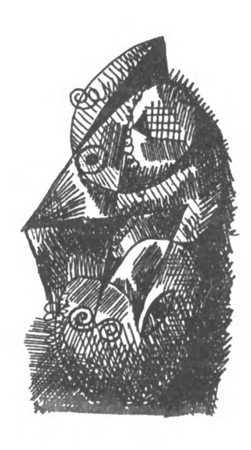
Мое выступление было признано некоторыми членами Совета недостаточно критическим и даже в некоторой степени оправдывающим Н. Я. Марра. По существу оно таким и было — ведь роль Н. Я. в пропаганде марксизма была очень большой, так же, как и его вступление в ряды Коммунистической партии. Я отлично помню, как этот факт был принят «реакционными кругами»; говорили даже и о том, что смерть В. В. Бартольда была ускорена поступком его друга Н. Я. Марра, перешедшего в лагерь коммунистов.

В конце октября в Армении состоялась сессия Академии наук, посвященная 30-летию установления Советской власти в Армении. Приехали ученые из Москвы (Жуков, Косминский, Лазарев, Попов), из Грузии (Амиранашвили, Хачапуридзе). Были очень интересные доклады. Орбели читал об Ахтамаре; Манандян о торговых путях; только один Капанцян выступал против Марра, особенно критиковал Сердюченко, которого в разговорах он называл «Гадюченко». На фоне очень интересных докладов, посвященных разным сторонам культуры Армении и ее связям с Западной Европой, выступление Капанцяна звучало диссонансом, но напоминало о тревоге в науке.

РАСПРИ

В конце 1950 г. неспокойно было и в Эрмитаже. Особенно осложнились отношения директора И. А. Орбели с партийной организацией Музея и Комитетом по делам искусств. Стиль руководства Орбели уже не соответствовал времени. Для него же Эрмитаж был настолько с ним слит, что он все

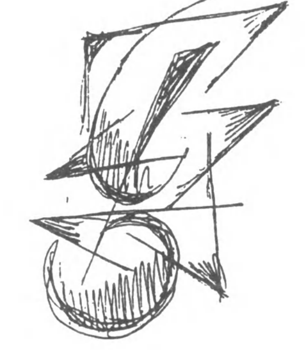
главные вопросы решал единолично. Ученому совету он предложил анонимный проект реорганизации Музея, с усилением Отдела истории русской культуры.

Все отлично понимали, что автором проекта был сам Орбели, который непримиримо относился к критике своих предложений. Но так же как в дискуссии с В. В. Струве о рабовладении на Древнем Востоке, так и теперь И. М. Лурье целиком отвергал анонимный проект. Несогласия парторганизации с директором и несносные его отношения с Комитетом по делам искусств очень обострили обстановку в Эрмитаже. Из Москвы прибыла комиссия, походила по Музею, выслушала разные стороны и уехала без каких-либо обсуждений и выводов. Иосиф Абгарович был уверен в твердости своего положения. На самом деле все было иначе. В конце года из Москвы потребовали письменные объяснения по поводу взаимоотношений директора Эрмитажа с партийным бюро и профсоюзной организацией. Лурье подал записку, в которой говорилось, что есть лишь один выход — освобождение Орбели от должности директора, я же в своей записке, объективно обрисовавшей положение дел, предлагал отложить решение о смене директора, так как в настоящее время подходящей кандидатуры нет; я очень боялся выдвижения кого-нибудь из эрмитажной оппозиции. Мою записку я кончил 1 января 1951 г. и на следующий день отправил ее в Москву. Ответа на наши записки не последовало, на время все осталось по-старому — там к эрмитажной оппозиции отнеслись настороженно.

Неуютно было и в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры. Москвичи решили использовать критику Марра для того, чтобы Московское отделение в Институте стало основным, чтобы отобрать из Ленинграда издания Института, в первую очередь сборники «Советская археология», чтобы перевести в Москву архив и полностью подчинить ленинградских археологов Москве. В Ленинград приезжали институтские комиссии, одна под главенством А. Л. Монгайта и Г. Б. Федорова, вторая под руководством С. В. Киселева. Комиссии громили Ленинградское отделение как рассадник марризма. Сняли А. П. Окладникова и заведующим Ленинградским отделением назначили М. М. Дьяконова, находившегося в растерянном состоянии.

В журнале «Вестник древней истории» в передовой статье громили А. П. Окладникова, В. И. Равдоникаса, А. Н. Бернштама как «ленинградских лидеров», а в следующем номере взялись за М. И. Артамонова, обвинив его в том, что он «не нашел нужным дать критику чудовищных по своей антинаучности, клеветнических утверждений Марра по вопросам происхождения славян». Все было с перехлестом. Журнал не прошел мимо «археологов-молчальников», применявших в археологии методы «нового учения о языке». К ним были причислены: Равдоникас, Пиотровский, Ефименко. Участвовать в обсуждении было трудно, так как вся дискуссия была основана на крайностях. Я написал позитивную статью о семантике. М. К. Каргер объявил, что я представил «в порядке критики ту же статью, которую представлял в честь Марра». Это была ложь, но ей верили. Мой московский товарищ Е. И. Крупнов, занимавший пост заместителя директора Института, в письмах просил меня написать «настоящую» статью с критикой применения учения Марра в археологии. Как кавказовед, он знал, что это нелегко, но он старался облегчить мое положение.

Во время одного из моих приездов в Москву директор Института истории материальной культуры А. Д. Удальцов предложил мне подать заявление об уходе из Института по собственному желанию. Я ему ответил, что поступил в Институт значительно раньше его и уходить не собираюсь. Каково было изумление Удальцова, когда из ЦК в Институт была передана отвергнутая ими моя статья о семантике с указанием включить ее в уже собранный сборник. А дело обстояло так: одному из представителей московской комиссии, прибывшей для разбора вредных последствий марризма, я подробно рассказал о существе дела и дал прочесть отвергнутую мою статью, которая ему понравилась. Он и передал ее «по инстанциям», но это было позже (статья вышла в 1953 г., но печаталась она в сборнике очень долго).

БЛУР ТАИТ В СЕБЕ МНОГО ЦЕННОГО

В июне я выехал в Ереван и 26 числа начал новый, десятый сезон раскопок на Кармир-Блуре. Наиболее эффектным было обнаружение кладовой для вина, сплошь заполненной керамикой. В восточной

части небольшой комнаты была гора красных лощеных кувшинов с одной ручкой, их оказалось 1036 штук, многие из них были целыми. Кроме кувшинов в кладовой было еще 70 сосудов других форм и 40 светильников. Почти целый день шла разборка этого помещения и переноска сосудов в рабочее помещение. Каждые носилки с сосудами доставлялись в дом под охраной, так как красивые кувшины казались очень соблазнительными. Были раскопаны и небольшие кладовые для зерна, расположенные по сторонам длинного коридора, а также небольшая кладовая с карасами, в которой громадные кувшины лежали на боку, а рядом с ними были найдены куски серы. Тут происходило окуривание карасов серой для дезинфекции, что встречается и ныне. На счету раскопок было уже несколько щитов с изображениями львов и быков и колчанов с надписями Аргишти I и Сардури II. Материалы раскопок приумножались, нас радовали и укрепляли веру в то, что Блур таит в себе много ценного. Во всяком случае мои доклады на научных сессиях постоянно вызывали большой интерес, и нередко показ диапозитивов раскопок сопровождался аплодисментами. Все это облегчало мне оборону при нападках на меня как на «марриста».

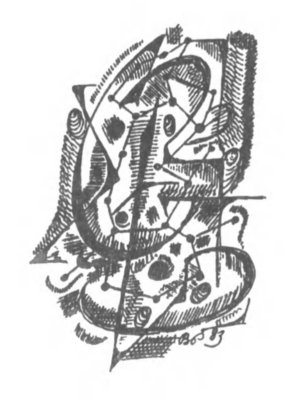
В 1951 г. наряду с Кармир-Блуром наша экспедиция начала исследование другой урартской крепости на холме Арин-Берд на северной окраине Еревана.

Там еще в 1879 г. у подножия холма была найдена клинообразная надпись урартского царя Аргишти I, изданная М. В. Никольским.

В 1947 и 1948 гг. сотрудники кармир-блурской экспедиции обследовали холм, обнаружили остатки мощных стен, крупные камни которых привлекали местных жителей. В 1949 г. Арин-Берд превратился в открытую каменоломню, так как вокруг него началось интенсивное строительство. Лишь после вмешательства председателя Верховного Совета Арм. ССР С. К. Карапетяна, бывшего в свое время заместителем И. А. Орбели по Армянскому филиалу АН СССР, каменоломня была закрыта, но никто не хотел брать холм на свое попечение. Наконец, его хозяином стал Комитет по охране исторических памятников при Комитете культурно-просветительных учреждений. В 1950 г. К. Л. Оганесяну при моей консультации были поручены консервационные работы, которые 25 октября открыли две урартские клинообразные надписи на

камнях из стен. Одна из них относилась к постройке крепости, которая в древности называлась Еребуни. Тогда это имя читалось «Эрпуни» или «Сабуни». Лишь позднее, когда было уточнено чтение — «Еребуни», — имя древней крепости было сопоставлено с именем Еревана, и в 1968 г. был торжественно отпразднован 2750-летний юбилей города.

Тогда же, в 1950 г., были открыты и остатки росписей стен. Осенью, во время научной сессии была проведена зачистка рухнувшей стены с росписями, с орнаментом, расположенным в пяти поясах: под рядами с изображениями розеток, пальметок и башенок находился ряд изображений быков (козлов и баранов), а в самом низу размещался фриз из чередующихся деревьев жизни со стоящими перед ними божествами. Это была первая находка урартских стенных росписей, которые позже были открыты и в других крепостях государства Урарту, на территории Турции. Над расчисткой росписей мы трудились целый день, а вечером ознакомиться с результатом наших работ на Арин-Берд приехали И. А. Орбели и К. В. Тревер. Обломки росписей с величайшими предосторожностями были доставлены в Исторический музей. Все это дало основание включить раскопки Арин-Берда в план кармир-блурской экспедиции. И раскопки этого года оказались удачными, стали раскрываться большие помещения, некогда украшенные росписями. Среди обломков упавшей со стен штукатурки с росписью была открыта фигура бога Халди, стоявшего на льве. Работы на Арин-Берде вели К. Л. Оганесян, М. А. Исраелян, архитектор Двина Кочоян и практиканты Ленинградского университета (И. Хлопин, Г. Максименков и Ж. Грушанская).

Нас поразила малочисленность археологических находок, крепость казалась пустой. Но в том же 1951 г. на Кармир-Блуре был найден роскошный бронзовый щит, украшенный концентрическими полосами с изображениями львов и быков и двустрочной клинообразной надписью на борту, повествующей о том, что этот щит был изготовлен царем Аргишти, сыном Менуа, для города Еребуни. Стало ясно, что в крепость Тейшебаини, построенную в VII в. до н. э. царем Руса, сыном Аргишти, были перенесены сокровища из более древней крепости, а именно из Еребуни.

ОТСТАВКА И. А. ОРБЕЛИ. М. И. АРТАМОНОВ

Во время работ экспедиции из Ленинграда пришло известие о том, что 16 августа Комитет по делам искусств удовлетворил одну из просьб И. А. Орбели и освободил его от должности директора Эрмитажа. Закончился целый период истории Музея — 17 лет яркой (иногда несносной) деятельности директора, много отдавшего сил перестройке Эрмитажа. На его место был назначен М. И. Артамонов, который после ухода из директоров Института истории материальной культуры стал проректором Ленинградского университета. Его кандидатура была принята не сразу, обсуждались разные варианты, в частности кандидатура К. М. Колобовой, заведующей сектором античного мира ИИМК.

Иосиф Абгарович, несмотря на то что он расточительно подавал заявления об уходе с поста директора, тяжело переживал свою отставку и заскучал. Ему было трудно после активной производственной и большой общественной работы уйти обратно в науку, от которой он отвык. Орбели обратился к своим старым научным темам, к словарю курдов Ванского района. Разобрал материалы, разложил их по конвертам и коробкам, в связи с этим стал научным сотрудником института языкознания АН СССР, но дальше разбора давно собранного материала дело не пошло.

Часто, когда я заходил к нему, в его комнату, окнами выходящую на Неву, я заставал его сидящим на простой железной кровати или же видел эту кровать со смятым покрывалом, чего раньше не бывало.

Рядом с его письменным столом стоял небольшой столик Мити, его сына, которому тоже стало несладко, так как на нем отражалось раздражение и плохое настроение отца.

В Эрмитаж И. А. Орбели старался не заходить, но мимо подъезда, ему очень знакомого, приходилось проходить каждодневно, и, вероятно, служебный подъезд Эрмитажа его невольно притягивал.

Я помню упадочное настроение Иосифа Абгаровича в начале 30-х гг., когда он, после неудач в Эрмитаже, оказался в изоляции, мрачно ходил в широкополой кожаной панаме, делавшей его похожим на морского волка. Но тогда он раздраженно пассивно боролся, а теперь у него наступили упа-

док сил и тоска. Его трудно было чем-то развлечь, он от всего отключился, да и Институт языкознания, в котором он стал работать, был ему не по душе.

М. И. Артамонов был мне хорошо знаком, мы много работали с ним вместе, и я остался его заместителем по научной части. Он имел административный опыт, был доброжелательным. В музее закончились скандалы. Но часто он бывал безразличен. Занимался скифами и старался предпринять все, чтобы административная деятельность не мешала его научной работе.

Он уделял много внимания издательству Эрмитажа и связям с иностранными фирмами, содействовал развитию реставрационной деятельности, и при нем особенно окреп Отдел истории первобытной культуры, при котором была организована лаборатория по обработке материалов из его раскопок в Саркеле на Дону.

М. И. Артамонов заботливо относился к своим ученикам. Так, он принял участие в судьбе Льва Николаевича Гумилева, сына поэтов Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой, прошедшего трудный путь репрессий. Артамонов преодолел препятствия, устроил его на работу в библиотеку Эрмитажа.

Группа ученых — Пиотровский, Уральцов, Абарцумян, Орбели, Абов и поэт Исаакян (в центре). Ереван. 1959 г.

С семьей на отдыхе в Армении.

Московские археологи относились к М. И. Артамонову скверно, критиковали его научные работы и старались привлечь его к ответственности за «марризм», хотя он в этом отношении был безгрешен.

1952 г. начался с усиления борьбы на идеологическом фронте, в Институте истории материальной культуры одна комиссия следовала за другой, происходили собрания с обсуждениями и обвинениями. Заведующий Ленинградским отделением Института М. М. Дьяконов в растерянности метался, его прижимали, а он не понимал, чтó надо делать.

Раскопки Кармир-Блура шли по плану, спокойно и успешно, но мне пришлось все же прервать их и прилететь в Ленинград.

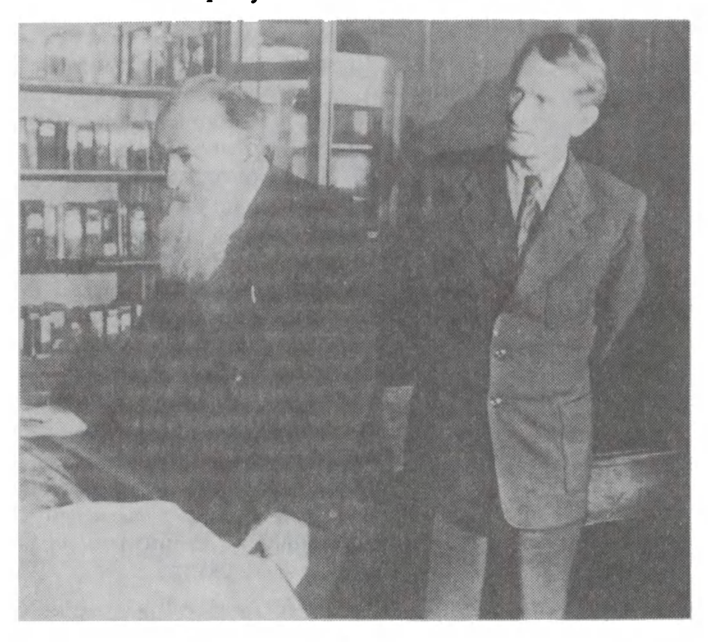
Когда я возвращался в Ереван, И. А. Орбели выразил желание полететь со мной: поездкой в Армению он думал рассеять свое дурное настроение, и это было правильно.

Доехали до Москвы и сразу же на аэропорт Внуково, хотя наш ереванский самолет улетал в середине дня. Мне надо было поехать в Москву по делам, но Орбели от Москвы отказался и остался в аэропорту. Я поспешил закончить свои дела, и когда вернулся, то в зале ожидания и в саду Иосифа Абгаровича не оказалось, я увидел его на летном поле, где он гулял с дежурными работниками аэропорта и ходил с ними принимать и отправлять самолеты. Он был в хорошем настроении и охотно согласился пойти обедать в ресторан. Помню, что к рюмочке коньяка можно было взять только цветную капусту, и она показалась очень вкусной.

Поездка в Армению несколько рассеяла Орбели, он был в кругу друзей, много ездил по памятникам, строил планы своих будущих работ, которые так и не состоялись.

Вернувшись в Ленинград, он оставил Институт языкознания, перешел на Восточный факультет Ле-

И. А. Орбели и Б. Б. Пиотровский. 1953 г.

нинградского университета, где читал эпизодические лекции. Но наладить систематическую лекционную работу Орбели не смог и последние годы своей жизни работал заведующим Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР: эта деятельность его удовлетворяла.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ. ЛОИИМК

Осенью с участием инструктора Дзержинского райкома партии т. Богдановой, довольно плохо разбиравшейся в науке, были проведены заседания, на которых выступал я с критикой индоевропеизма, но мне это ставили в вину, считая, что я защищаю Марра. Перехлест в обсуждении «нового учения в языкознании» привел к возврату давно отживших, чуждых марксизму теорий. На каждом заседании М. К. Каргер дробил меня «за защиту идей Марра», а Е. И. Крупнов в письмах из Москвы убеждал меня выступить с общей критической статьей о теории Марра. С Крупновым мы были в хороших отношениях, он дружил с ленинградскими кавказоведами и искренне хотел уладить конфликты и оздоровить обстановку. Он заверял меня в том, что многие полагают, что именно я смогу дать правильное направление в исправлении идеологических недостатков в археологии.

Но в Ленинграде тучи надо мной сгущались, и 22 ноября я от секретаря парторганизации ИИМК А. Н. Рогачева получил записку: «Дорогой Борис Борисович, благоволите быть сегодня в 3 часа на нашем партсобрании вместе с М. И. Артамоновым».

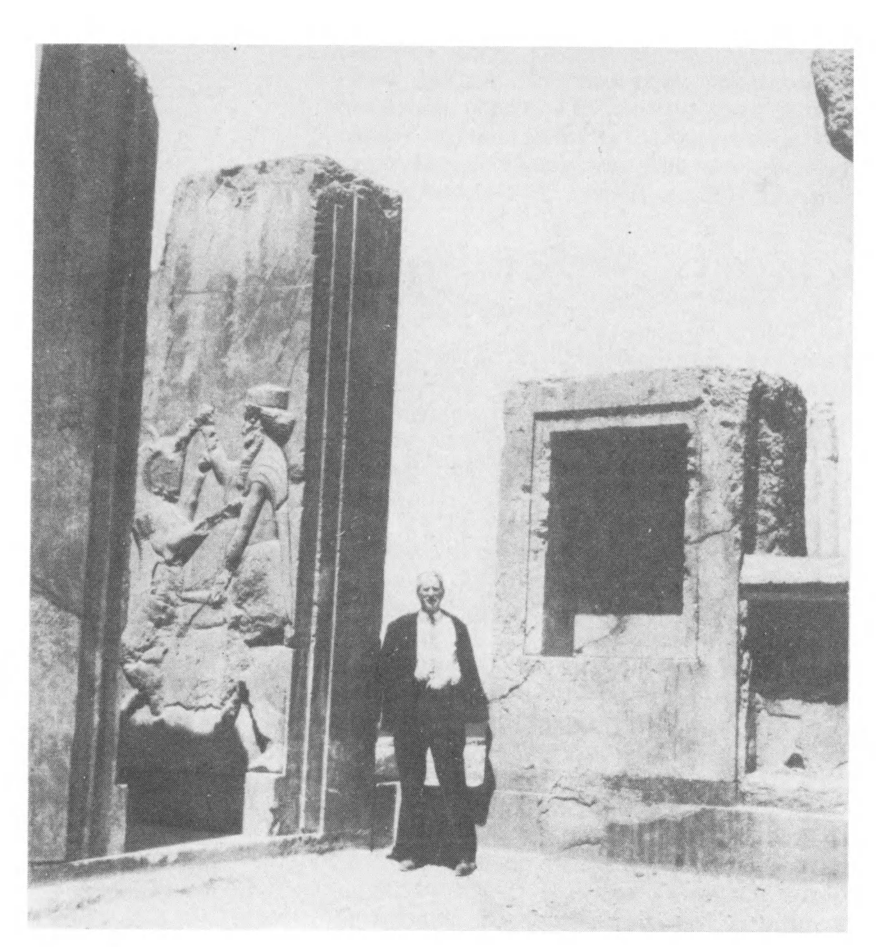
Артамонов на партсобрание не пошел, он был в Смольном, да и положение директора Эрмитажа постепенно ограждало от нападок, но мне пойти пришлось. На собрании присутствовал секретарь районного комитета тов. Веткин. Многие выступали, выступал и я, с некоторыми соглашались, со мной нет. Основное обвинение в мой адрес заключалось в том, что я выступаю против индоевропеизма и индогерманизма, т. е. якобы против выступления И. В. Сталина. Особенно усердствовали Каргер и Рогачев, тов. Веткин был полностью на их стороне. Было вынесено решение об обсуждении поведения коммунистов Пиотровского, Артамонова и Бернштама на заседании Дзержинского райкома партии.

На другой день я пошел к тов. Веткину, в его

Египет. 1956 г.

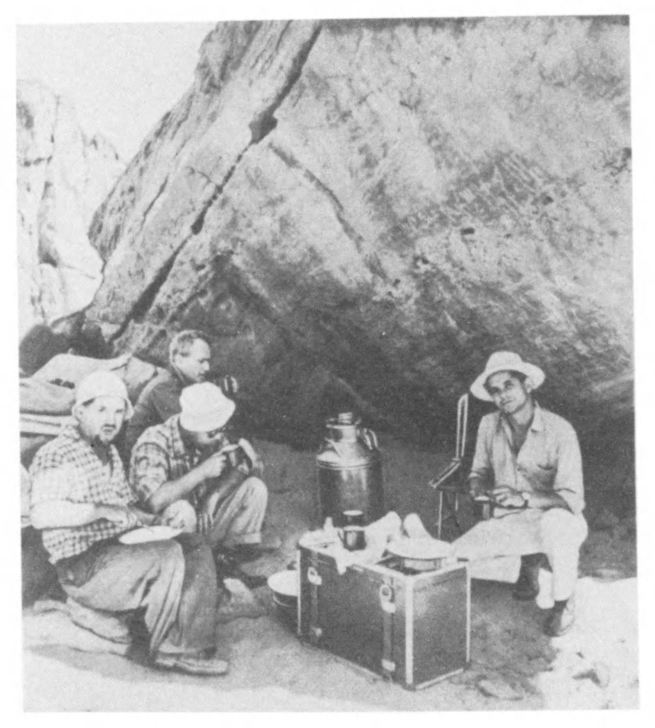
У египетской пирамиды.
1963 г.

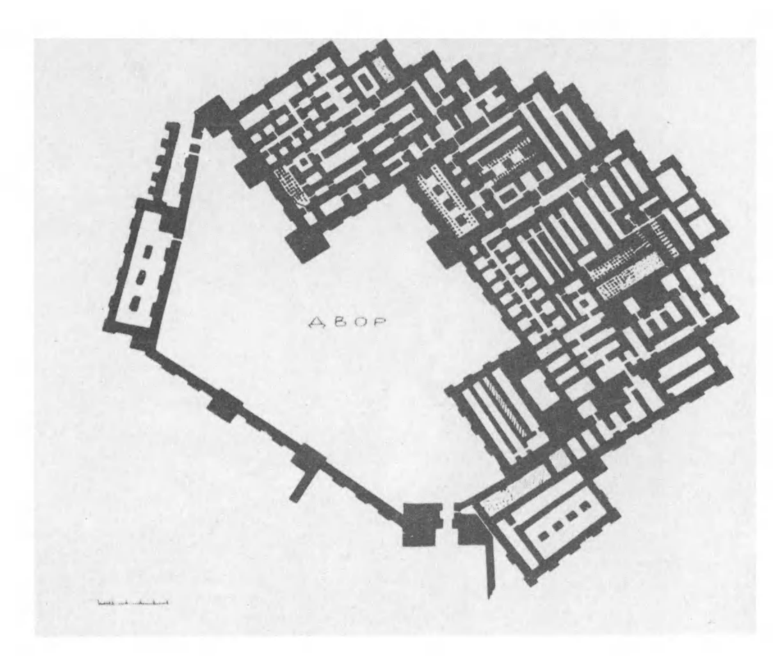
В Иране, в Персеполе.

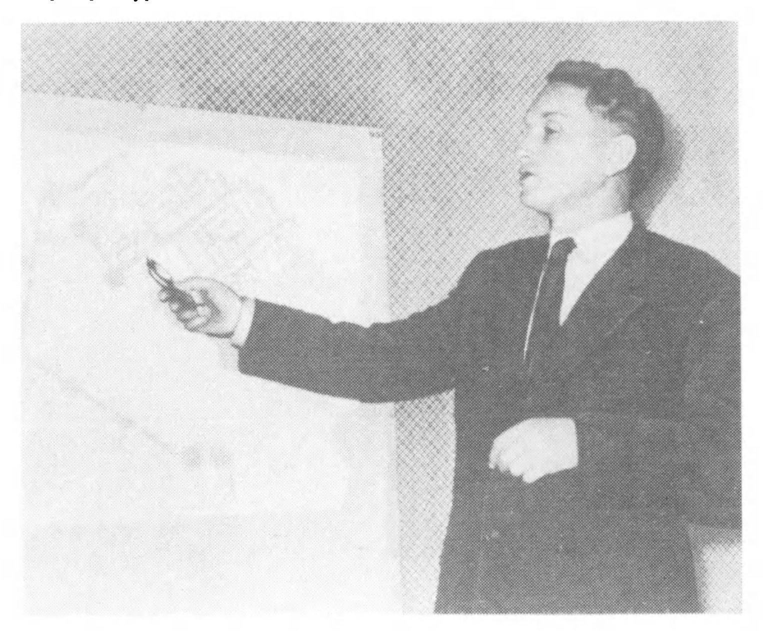
На берегу Нила, перед встречей гостей, 1963 г.

Завтрак в Умашире (Нубия, Египет). 1963 г.

Общий план раскопок Кармир-Блура. 1970 г.

Б. Б. Пиотровский у плана раскопок Кармир-Блура.

Президент Кипра
Макариюс
на экскурсии в Эрмитаже.
1971 г.

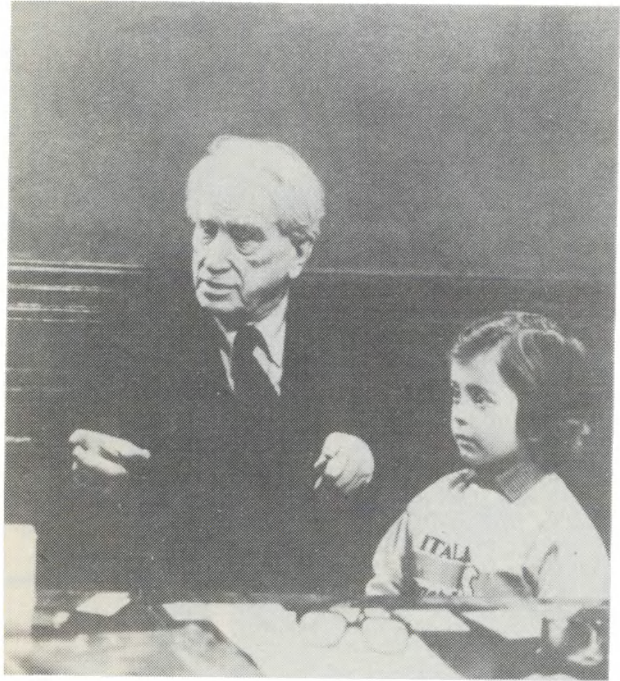
С молодыми художниками у Эрмитажа.

У любимой картины.

В реставрационной лаборатории.

С внучкой Мариной.
1977 г.

С внуком Борисом.
1987 г.

На экскурсии в Урартском зале.

Два директора:
Б. Б. Пиотровский и г-н Хевингом, директор Метрополитен-музея.

Урарту
Urartu

С Луи Арагоном в Эрмитаже. 1977 г.

В Эрмитаже с президентом Франции Жоржем Помпиду.

На месте «Екатерининского Эрмитажа». 1986 г.

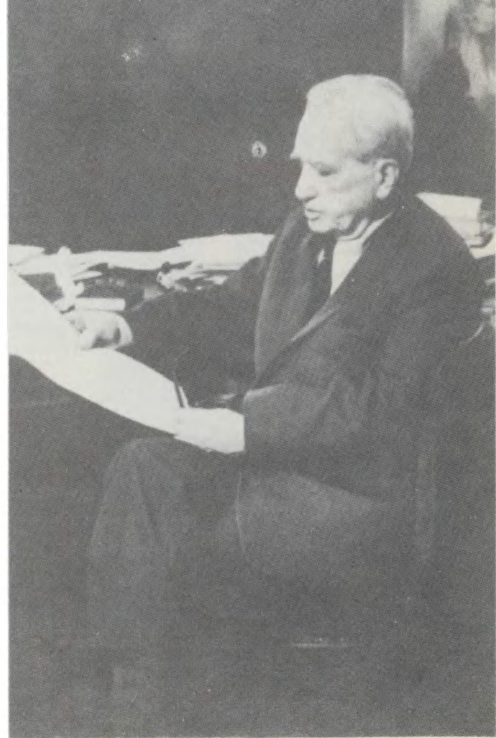
Беседа с итальянским писателем Альберто Моравиа.

На работу.

Борису Борисовичу 70 лет.
1978 г.

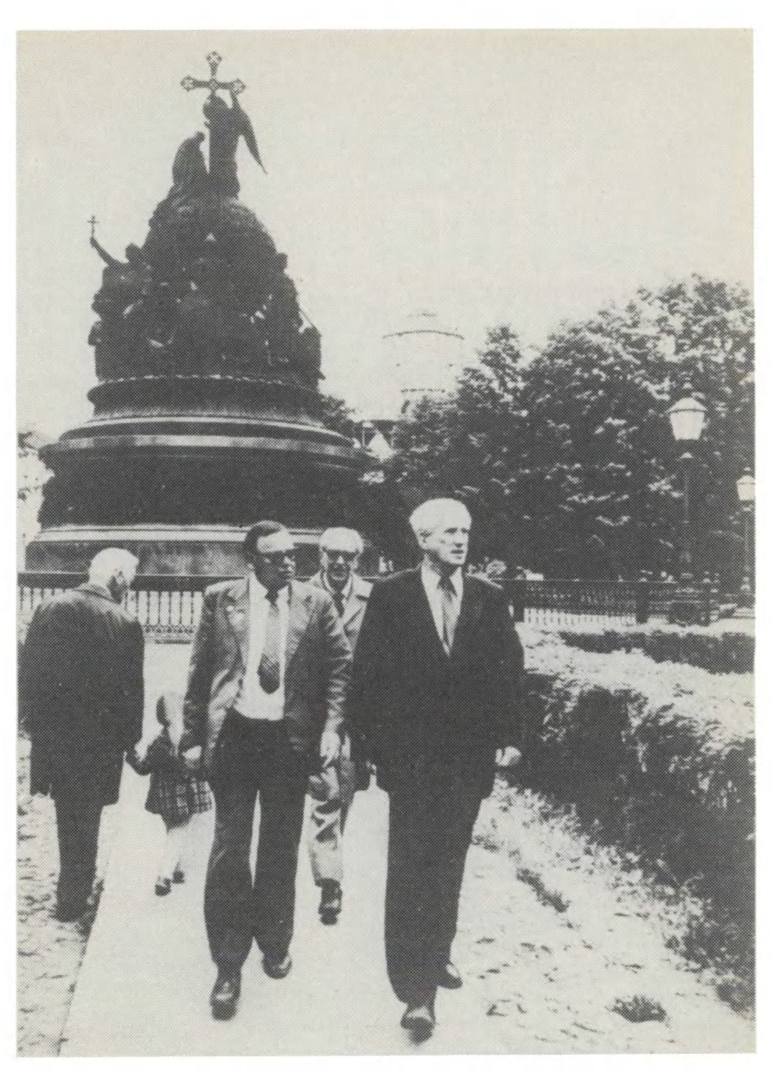
В рабочем кабинете.
1989 г.

Девика и Святослав Рерихи и Пиотровские Рипсимэ и Б. Б. 1975 г.

Министр туризма и археологии Иордании г-н Баррант в Эрмитаже. 1976 г. Рядом с Б. Б. Пиотровским сын Михаил, переводчик.

На отдыхе в Пушкинских Горах. 1976 г.

Три академика в Новгороде: В. Л. Янин, Д. С. Лихачев, Б. Б. Пиотровский. 1982 г.

В Михайловском. С. М. Гейченко, Б. Б. Пиотровский, М. А. Дудин. 1976 г.

В Веронии (Италия).
1987 г.

На острове Мурано (Венеция).

Далай-лама в Эрмитаже.

Открытие выставки
барона Тиссена
в Эрмитаже. 1986 г.

Министр культуры Нигерии г-жа С. Джексон открывает в Эрмитаже выставку нигерийского искусства. 1983 г.

Коллеги: И. А. Антонова, Б. С. Угаров и др.

Эрмитаж. Открытие выставки итальянского скульптора Венезо Крокети.

Афины. Министр культуры Греции г-жа Милена Меркури открывает выставку из Эрмитажа. 1989 г.

Мэр города Венеции Нерео Ларопти вручает Б. Б. Пиотровскому грамоту кавалера Ордена св. Марка. Венеция. 1987 г.

С работы — домой.

кабинете в шкафу стояла Советская энциклопедия, и я предложил ему посмотреть в ней статьи «индоевропеизм» и «индогерманизм» (тогда еще синих томов на букву «и» не было). Он прочел статьи и остолбенел. Я ему рассказал о листовках, которые сбрасывали фашисты армянским подразделениям таманской дивизии, в них армяне считались чуждым для Кавказа народом. Он слушал, слушал и наконец спросил: «Так в чем же дело?» Я осмелел и сказал: «Ведь вы же сами констатируете в Институте низкий уровень идеологической работы». Когда мы с ним прощались, он сказал одно слово: «Интересно...»

В день заседания Дзержинского райкома, утром, А. Н. Рогачев сказал, что мне и Артамонову не надо туда приходить. Был один А. Н. Бернштам, который и получил партийный выговор за пропаганду чуждых марксизму теорий.

В 1953 год вступили с чувством неустойчивости, было ясно, что М. М. Дьяконов должен уйти с поста заведующего отделением, а преемника ему не было. Каргер несколько раз посещал Смольный, но о разговорах там умалчивал.

В конце апреля я был вызван в Смольный к секретарю горкома тов. Князеву, что было для меня полной неожиданностью. В коротком разговоре он мне сказал, что у них есть мнение, что я могу правильно выправить недостатки в идеологической работе ИИМК и что есть предложение назначить меня заведующим Ленинградским отделением Института. Я не поверил реальности этого предложения и стал говорить, что это приведет вообще к усилению критики, направленной против меня, и закрытию отделения вообще, о чем мечтают московские археологи. Он сказал, что этого не будет, что Ленинградская партийная организация не позволит этого сделать, и заявил, что до 1 мая я должен перейти в ИИМК, но горком не возражает против моей работы в Эрмитаже по совместительству.

Это мое назначение было как гром среди ясного неба. Инструкторы райкома так растерялись, что вызвали для собеседования не Бориса Пиотровского, а Борисковского (бедный Павел ничего не мог понять, зачем же его попросили прийти).

М. М. Дьяконов, которого я постоянно информировал о положении дел, стал быстро оформлять свой перевод в Москву.

С противоречивыми чувствами я пришел в ка-

бинет заведующего ЛО ИИМК и сел за стол, на котором стоял лазуритовый, хорошо мне знакомый письменный прибор, за тот стол, за которым я сидел 24 года назад в Мраморном дворце, когда начал работать в секторе Н. Я. Марра, в Государственной Академии истории материальной культуры.

После того как я занял место заведующего Ленинградским отделением Института истории материальной культуры, все страсти успокоились. О «марризме» никто уже не говорил, имя Н. Я. Марра сняли с вывески Института, кабинет Марра закрыли и материалы передали в архив Академии наук, библиотеку его завязали в стопки и сложили в коридоре Института. Позже, когда книги начали понемногу растаскивать, я добился того, что их взяли в Институт востоковедения.

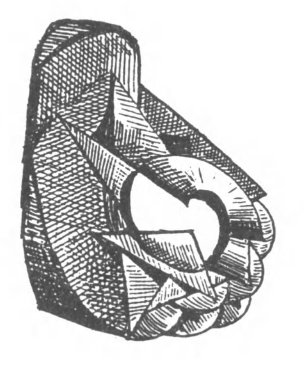
Из Эрмитажа ко мне перешла Н. С. Сущева, секретарь И. А. Орбели, очень четкий работник, и мне работать было нетрудно. В переходное время разладились отношения в отделении и пришлось их налаживать. Основная моя задача была разбить групповщину, поэтому я ни с кем индивидуально не советовался, а все вопросы решал на совещаниях. Отделение стало снова научно работать по-старому. После победы руководства Института, когда центральная власть перешла в Москву и с москвичами установились деловые отношения, в дирекции все вопросы обеих отделений решались совместно, и в этом была большая заслуга Е. И. Крупнова, который как заместитель директора все дела тянул сам.

Но постепенно многое переходило в Москву. Ленинградское отделение теряло свою самостоятельность, теряло сборники «Советская археология» и «Краткие сообщения Института». В редакционном портфеле скопилось очень много материалов для опубликования. До 1952 г. в редколлегии сборников состояли: М. И. Артамонов, Н. И. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин, А. П. Окладников и А. Ю. Якубовский. В 1953 г. все изменилось — главным редактором стал Б. А. Рыбаков, из москвичей в редколлегию вошли А. Монгайт, А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, И. Н. Воронин, Т. С. Пассек, из ленинградцев оставили М. И. Артамонова, М. М. Дьяконова и А. Ю. Якубовского. Переход архива в Москву не осуществился из-за отсутствия помещения.

Но по-прежнему в Ленинградском отделении

Института проводилась большая работа по многим ключевым темам — таким как: «Периодизация палеолита Восточной Европы» (П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев), «История и культура народов Кавказа и Средней Азии» (большой коллектив авторов), «Происхождение и история восточных славян» (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин), «Древнерусский город» (М. К. Каргер, П. А. Раппопорт). Лучшие, а иногда и единственные ученые, разрабатывавшие эти темы, работали в Ленинграде. Важные результаты были получены Дальневосточной экспедицией А. П. Окладникова; Азербайджанской экспедицией А. А. Иессена, проводившей работы на Орен-Кале, Узерлике и в Мильской степи; Горно-Алтайской экспедицией С. И. Руденко, продолжавшей раскопки знаменитых пазырыкских курганов, открывших широкое распрост- ранение скифских элементов на территории от Балкан и до Китая. Продолжалось успешное сотрудничество с экспедициями Академий наук союзных республик. Наладилось обсуждение работ на секторах, работал теоретический семинар. С декабря 1953 г. сняли выговор с А. Н. Бернштама, который он получил за «марризм».

Но Ленинградское отделение было лишено самостоятельности; правда, из этого можно было извлечь некоторые выгоды. Экспедиционные средства делились в Москве, мне приходилось туда часто ездить и, как правило, добиваться для ленинградских экспедиций сумму бо́льшую, чем оставалось для москвичей. Позже, когда Ленинградскому отделению отпускалась 1/3 всех институтских средств, стало хуже. Также и издательский листаж на 1954 г. выразился в сумме 125 печ. листов у ленинградцев и 58 печ. листов у москвичей. Тогда это распределение, происходившее на заседании Дирекции, отражало действительное положение дел.

Дирекция Института истории материальной культуры продолжала предвзято относиться к Ленинградскому отделению, и в отчете Института за 1954 г. указывалось, что в ЛО «еще не налажено руководство... Этот недостаток тем более заметен, что именно сотрудниками ЛО было сделано наибольшее количество идейно теоретических ошибок». Но вместо их исправления, еще в 1951 г., была принята репрессивная мера — ликвидация Ученого совета отделения, а ведь именно обсуждение теоретических вопросов должно иметь место на Ученом совете. С самого начала вступления в

должность заведующего Отделением я во всех инстанциях ставил вопрос о восстановлении Ученого совета, но это дело продвигалось очень медленно, хотя общее согласие имелось. Отчет Института за 1954 г. признал отсутствие Ученого совета в Ленинградском отделении «неудобством, возложением на Совет ИИМК множества текущих дел». Восстановлен Совет был лишь в 1955 г.

НАША ЦИТАДЕЛЬ

В 50-е годы стали налаживаться отношения с зарубежными научными учреждениями, открылась возможность получения заграничных командировок и участия в международных конгрессах. В 1954 г. большая группа советских востоковедов приняла участие в XXIII Международном конгрессе востоковедов в Лондоне. Я был включен в число делегатов конгресса и представил доклад о раскопках Кармир-Блура, который был напечатан на русском и английском языках. В Лондон я не поехал, но мой доклад был включен в общую книгу, раздававшуюся членам конгресса, и после него я получил из Лондона, через И. М. Дьяконова, много приветов и откликов на мой доклад, сообщавший результаты раскопок, включая 1953 г. Кармир-Блур стал уже известен иностранным востоковедам. Еще в 1952 г. Ричард Барнет в журнале «Ирак» напечатал информационную статью о моих раскопках, с публикацией основных находок, а в 1954 г. Ш. Виролло во Франции перепечатал мою статью из сборника «По следам древних культур», изданного в 1951 г. После лондонского конгресса интерес к раскопкам Кармир-Блура усилился, и я стал получать письма с просьбами сообщить о результатах моих работ.

Тогда раскопки Кармир-Блура были далеки от окончания, на половине всей территории цитадели было открыто 58 помещений, но общие выводы были тогда сформулированы уже полностью. Крепость Тейшебаини, развалины которой находились на холме Кармир-Блур, в середине VII в. до н. э., при урартском царе Русе, сыне Аргишти, стала крупным урартским хозяйственным и административным центром. Город бога Тейшебы был не только крепостью, где находился урартский военный гарнизон, но и центром, куда свозилась большая дань, собранная в окрестных районах, особенно

горных, богатых скотоводством и медной рудой. Урарты жестоко грабили области Закавказья, угоняя в центр своего государства громадное количество пленных, забирая многочисленные стада крупного и мелкого скота, а также разную добычу. Но около административных центров государства Урарту возникали цветущие районы, проводились сложные ирригационные работы, которые обеспечивали большие урожаи на полях и в садах. И в цитадели города Тейшебы скапливалось громадное количество зерна, винограда, плодов.

В 1949, 1950 и 1953 гг. были исследованы три большие кладовые для хранения вина. В них обнаружены крупные, выше человеческого роста, глиняные кувшины, врытые в земляной пол кладовой. Их было 172, и, по подсчету отмеченной на них клинописью или иероглифами емкости, они содержали свыше 170 тысяч литров вина.

В других кладовых было обнаружено множество железных и бронзовых орудий и предметов вооружения, слитки бронзы, деревянные и костяные изделия и много тканей и пряжи. Был обнаружен почти полностью сгоревший рулон ткани длиною 20 м. Сохранилась лишь нижняя часть рулона, стоящая на полу.

В цитадели дань не только хранилась в кладовых, но и перерабатывалась, на что указывает большое количество мастерских, преимущественно для переработки сельскохозяйственных продуктов. Обработка запасов, поступавших в кладовые цитадели, требовала значительного количества рабочих рук, поэтому можно составить представление о населении древнего города, расположенного к югу от цитадели. Город занимал большую территорию, около 40 га, и был огражден стеной, от которой остался только фундамент из крупных, грубо обработанных камней; верхние части стен, сложенные из сырцового кирпича, не сохранились.

Город формировался не из отдельных домов, а строился сразу для заселения его жителями. Каждый квартал представлял собою единый блок, под общей крышей находилось несколько жилищ, состоящих из открытого дворика и двух комнат. Хозяйственных помещений эти жилища не имели, так как жители города (а это были воины, обслуживающий персонал крепости и земледельцы) были на государственном довольствии. Это характерно для административно-хозяйственного центра рабовладельческого государства.

На краю поселения было раскопано большое здание, имевшее общие внешние стены и состоящее из пяти однотипных, одиннадцатикомнатных «квартир». В нем жила несомненно городская знать. Этот дом, вероятно, был двухэтажным, но сохранилась лишь цокольная кладка первого этажа.

Археологического материала было много, и я на раскопках не сидел без дела. Утром по приезде из города я обходил все раскопы, уточняя задания на день, и проводил нужные обмеры. Так как архитектор К. Оганесян приезжал не каждый день, то у меня в дневнике постоянно были обмеры, иногда кирпичная кладка стен обваливалась, и без моих обмеров подлинную картину восстановить было нельзя.

Бóльшую часть дня я проводил в нашем домике, построенном около хижины сторожа. Домик имел три комнаты, одну рабочую, вторую экспозиционную и третью, служившую складом предметов из раскопок.

В рабочую комнату мне приносили найденные в раскопках древности, я все их зарисовывал в альбомы и дневники, так что в Ленинграде я мог работать и без музейного материала. Лучшие из найденных предметов мы сразу же отправляли в город, в Исторический музей. При сдаче золотых изделий я получал в дневнике расписку директора музея К. Г. Кафадаряна об их приемке в музей. Бывали «урожайные» дни, когда у меня на столе накапливались предметы из раскопок и мне приходилось задерживаться для их регистрации.

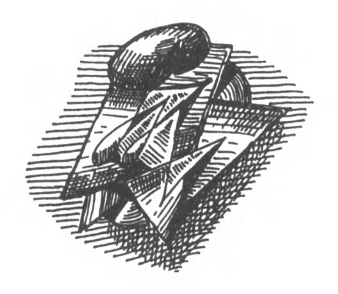
Отдых во время работ мы проводили в старой абрикосовой роще, расположенной у северного склона холма. Кроме абрикосовых деревьев там были и тутовые кусты. Располагались мы прямо на земле. Так мы отдыхали, так я проводил с моими сотрудниками-учениками занятия, так я принимал гостей и экскурсии, а их было много. Раскопки Кармир-Блура были очень популярными, и мы принимали много гостей и экскурсий. Бывали на раскопках М. С. Сарьян, Аветик Исаакян, члены правительства Армении, гости из Москвы и Ленинграда, иностранные ученые. Экскурсии обычно проводил я сам или Степан Есаян и З. Касабян (другие мои сотрудники или ленились или это дело не любили).

С раскопок я возвращался домой (ул. Советов, 23), он состоял из центрального двора-садика, вокруг которого по периметру были отдельные

жилые помещения. Все соседи жили дружно, и, когда я приезжал с Кармир-Блура, они собирались смотреть привезенные мною древности.

В газете был помещен очерк об этом замечательном доме, написанный корреспонденткой, которая в это время была еще девочкой «нашего двора». Она отмечала, что из этого дома вышло два академика (я и Л. Хачикян, директор Матенадарана, хранилища рукописей), один член-корреспондент (Л. М. Джанполадян), даже председатель Совета Министров Арм. ССР Фаддей Саркисян, хорошие инженеры, художница. Жили во дворе и люди других профессий, примечательна была жена шофера «тетя Гоар», которая много шумела и любила ругательство «зибиль-ящик» («мусорный ящик»). После возвращения из экспедиций в Институте всегда бывало много дел, подводились итоги полевых работ, налаживание камеральной обработки, подготовка годового отчета.

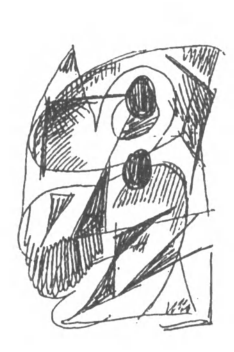
Но я всегда выкраивал время для Эрмитажа и каждый день в нем бывал. Моя квартира находилась между Институтом и Эрмитажем, на близком расстоянии от обоих учреждений. Иногда при выходе на ул.Халтурина я машинально шел в Эрмитаж и спохватывался уже у подъезда в Музей.

После бурного правления И. А. Орбели в Эрмитаже все казалось очень спокойным. М. И. Артамонов вел дело без конфликтов, ритмично, налаживалась издательская деятельность Музея, расширялась реставрационная работа, активно продолжалась научная деятельность. Особенным покровительством пользовались археологи, в частности большая группа археологов Саркельской экспедиции (раскопки хазарского города Саркела на Дону), которой руководила О. А. Полтавцева.

Когда я заходил к Михаилу Илларионовичу в кабинет, то часто заставал его за научной работой. Даже в суетливой обстановке дирекции Эрмитажа он умел выкраивать время и писать свои научные труды. Это была удивительная способность, мне недоступная.

Работа в должности заведующего Ленинградским отделением Института истории материальной культуры (археологии) меня удовлетворяла, сложились хорошие деловые отношения с московской частью, хорошие результаты давали археологические экспедиции, как по плану Института, так и на средства строительств. С помощью С. И. Руден-

ко, очень активного в организационном отношении, удалось расширить лаборатории археологической технологии. А главное, я имел время для своей научной работы и смог взяться за переработку своей книги «История и культура Урарту», которая уже успела устареть.

По примеру Б. А. Тураева, дополнявшего свою «Историю Древнего Востока», я переплел свою книгу с чистыми листами бумаги, на которые вносил изменения и дополнения. Такая работа оказалась очень удобной — чистые листы быстро заполнялись новым текстом.

В 1955 г. я был включен в советскую делегацию на X Международный конгресс историков в Риме, и мой доклад «Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР» был отпечатан отдельной брошюркой.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

Борис Борисович Пиотровский родился 14 февраля 1908 г. в Петербурге.

1925 г. Окончил 200-ю школу (Ленинград).

1925—1930 гг. Студент историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ).

1929—1964 гг. Младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, с 1953 г. заведующий Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (до 1960 г. — Институт истории материальной культуры АН СССР).

1930 г. Окончил историко-лингвистический факультет ЛГУ.

1931—1964 гг. Младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, с 1941 по 1942 г. заведующий отделом Востока, с 1949 по 1953 г. заместитель директора по научной части, с 1960 по 1964 г. внештатный консультант Государственного Эрмитажа (Ленинград).

1935 г. Участвовал в работе III Международного конгресса по искусству и археологии Ирана (Ленинград).

1938 г. Присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

1939—1941, 1945—1971 гг. Начальник кармир-блурской археологической экспедиции Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа.

1944 г. Присуждена ученая степень доктора исторических наук за книгу «История и культура Урарту».

— Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

1945 г. Вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.

— Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием Академии наук СССР.

— Избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР.

1946 г. Присуждена Государственная премия СССР за научный труд «История и культура Урарту», опубликованный в 1944 г.

1954 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выслугу лет и безупречную работу.

1954 г. Член редколлегии журнала «Советская археология».

1955 г. Командирован в Италию на X Международный конгресс историков в Риме; выступил с докладом «Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР».

1956 г. Командирован в Египет во главе делегации советских археологов и этнографов для установления научных связей между советскими и египетскими учеными и ознакомления с новыми археологическими исследованиями и реставрационными работами в стране, а также с памятниками древности, находящимися в зоне затопления Асуанской плотины; в ходе командировки посетил район Вади Хальфа в Судане.

1957 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени в ознаменование 250-летия города Ленинграда и за заслуги в развитии науки и культуры.

— Командирован в ФРГ на XXIV Международный конгресс востоковедов; выступил с докладом «Успехи в исследовании государства Урарту».

1960 г. Участвовал в работе XXV Международного конгресса востоковедов (Москва); выступил с докладом «Раскопки урартских крепостей Эребуни и Тейшебаини» (соавт.: Оганесян К. Л.).

1960—1964 гг. Представитель СССР в Международном консультативном комитете экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии.

1961 г. Присвоено звание заслуженного деятеля науки Армянской ССР.

— Избран почетным членом Итальянского института доистории и протоистории во Флоренции.

1961—1962 гг. Начальник Первой археологической экспедиции АН СССР в Нубии (Египет).

1962—1963 гг. Начальник Второй археологической экспедиции АН СССР в Нубии (Египет, Судан).

1963 г. Командирован в Англию на совещание историков СССР и Англии.
1964 г. Присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.
— Присуждена степень почетного доктора Делийского университета (Индия).
— Командирован в Индию на XXVI Международный конгресс востоковедов; выступил с докладом «Вади Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии».
1964 г. Директор Государственного Эрмитажа.
— Член редколлегии «Историко-филологического журнала» (Ереван).
1965 г. Избран почетным членом Института египтологии Карлова университета в Праге (ЧССР).
— Командирован во Францию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Бордо.
1965—1969 гг. Депутат Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся 10-го и 11-го созывов.
1965 г. Член Международного совета музеев (ICOM).
1966 г. Избран членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ).
— Командирован в Англию по приглашению Британского совета.
— Командирован в Японию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Токио.
— Командирован в Ирак в связи с открытием Иракского музея в Багдаде.
1966 г. Заместитель председателя, с 1971 г. председатель Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР.
— Заведующий кафедрой Древнего Востока восточного факультета ЛГУ.
— Председатель Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
1967 г. Избран членом-корреспондентом Британской академии.
— Командирован в Италию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Риме.
— Командировка в Польшу в связи с открытием Международной компании музеев.
— Командирован во Францию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа.
1968 г. Награжден орденом Ленина за заслуги в развитии советского искусствознания и археологии и в связи с 60-летием со дня рождения.
— Избран действительным членом Академии наук Армянской ССР.
— Присвоено ученое звание профессора.
— Избран членом-корреспондентом Баварской академии наук (ФРГ).
— Награжден Почетной грамотой Верховного Совета Армянской ССР за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки в республике и в связи с 60-летием со дня рождения.
— Командирован в Чехословакию в связи с празднованием 150-летия Пражского музея.
— Командирован в Иран на V Международный конгресс по иранскому искусству и археологии.
1968 г. Председатель совета Ленинградского Дома ученых имени А. М. Горького.
1969 г. Командирован в Алжир по приглашению министра национального образования.
— Командирован в Нидерланды в связи с открытием выставки произведений Рембрандта.
1970 г. Избран действительным членом Академии наук СССР.
— Избран членом-корреспондентом Академии надписей и изящной словесности (Франция).
— Награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».
— Командирован в Швецию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Гетеборге.
— Командирован в Венгрию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Будапеште.
1971 г. Командирован во Францию на Генеральную конференцию Международного совета музеев. Избран вице-президентом конференции.
1971 г. Член Ленинградского горкома КПСС.
— Член редколлегии серии «Культура народов Востока».
1972 г. Командирован в ГДР в связи с открытием выставки «Европейский ландшафт 1550—1650 гг.» в Дрездене.

— Командирован в Польшу на Симпозиум по нубиологии и в связи с открытием выставки «Раскопки в Фарасе» в Государственном музее Варшавы.
— Командирован в Египет для подготовки соглашения между музеями Каира и Государственным Эрмитажем.
— Командирован в Иран во главе делегации Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД).
1973 г. Командирован в Бельгию для чтения лекций в Гентском университете.
— Командирован в Австрию для чтения лекций в Естественно-историческом музее Вены.
— Командирован в Египет для переговоров об обмене выставками между музеями Каира и Государственным Эрмитажем.
— Командирован в Египет для подписания соглашения об организации в Ленинграде, Москве и Киеве египетской выставки «Сокровища гробницы Тутанхамона».
— Командирован в Турцию на X Международный конгресс по классической археологии.
1973 г. Член редакционного совета редакции «Общественные науки и современность» журнала «Общественные науки».
1974 г. Присуждено звание заслуженного деятеля культуры Польской Народной Республики.
— Присуждена советско-иранская премия имени Фирдоуси.
— Командирован во Францию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Гавре.
— Командирован в ФРГ по приглашению правительства ФРГ для ознакомления с музеями в дворцовых зданиях и замках.
1974 г. Председатель бюро философских (методологических) семинаров ленинградских институтов АН СССР.
— Член бюро Советского комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии.
1975 г. Награжден орденом Ленина за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием АН СССР.
— Командирован в США для участия в открытии выставки Государственного Эрмитажа в Нью-Йорке (Генеральный комиссар выставки).
— Командирован во Францию для участия в открытии выставки Государственного Эрмитажа в Париже (Генеральный комиссар выставки).
1975—1980, 1984 гг. Член бюро Отделения истории АН СССР.
1975 г. Член редколлегии ежегодника «Памятники культуры».
1976 г. Председатель оргкомитета XIV Международной конференции античников социалистических стран (Ереван).
— Командирован в Мексику в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Мехико и для ознакомления с древними памятниками Мексики.
— Командирован в ГДР в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Дрезденской картинной галерее.
— Командирован в Иорданию по приглашению министра туризма и археологии Иордании для ознакомления с древними памятниками страны.
1976 г. Редактор издания Государственного Эрмитажа «Археологический сборник».
1977 г. Избран почетным членом Азиатского общества (Франция).
— Командирован в Канаду для чтения лекций в Университете г. Виктория.
— Командирован в Италию во главе делегации ССОД.
— Командирован в Турцию по приглашению министра иностранных дел Турции для ознакомления с древними памятниками страны.
1978 г. Избран действительным членом Германского археологического института (ФРГ).
— Награжден золотой медалью в связи с 400-летним юбилеем П. Рубенса (Бельгия).
— Участвовал в работе II Международного симпозиума по армянскому искусству (Ереван); выступил с докладом «Скифы и Урарту».
— Командирован в Японию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Токио.
— Командирован в Польшу по приглашению Польского национального комитета музеев.
— Командирован в ФРГ на конференцию Комитета археологических музеев.
— Командирован в Великобританию по приглашению Министерства иностранных дел Великобритании в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Британском музее.

1979 г. Избран членом-корреспондентом Академии изящных искусств Сан-Фернандо (Испания).
— Избран почетным членом Академии искусств рисунка во Флоренции (Италия).
— Командирован в Швецию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа.
— Командирован в Австралию в связи с открытием выставки живописи из советских музеев.
1979 г. Член бюро Междуведомственного координационного совета АН СССР.
— Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР.
1980 г. Присуждена премия имени А. П. Карпинского Фондом г. Гамбурга (ФРГ).
— Командирован в Италию на советско-итальянскую конференцию по охране памятников во Флоренции.
— Командирован в Болгарию для ознакомления с историческими памятниками.
— Командирован в Колумбию в Музей золота в связи с изданием книги о музее.
1980—1982 гг. Исполняющий обязанности академика-секретаря Отделения истории АН СССР.
1980—1988 гг. Член Президиума Академии наук СССР.
1981 г. Награжден медалью имени С. И. Вавилова за заслуги в пропаганде политических и научных знаний в коммунистическом воспитании трудящихся.
— Награжден орденом Искусства и литературы командорской степени (Франция).
— Награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени (НРБ).
— Командирован в Испанию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Мадриде.
— Командирован в Грецию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Афинах.
— Командирован во главе делегации Академии наук СССР в Народную Демократическую Республику Йемен.
— Командирован в Йеменскую Арабскую Республику для ознакомления с историческими памятниками.
1981 г. Член бюро Национального комитета историков Советского Союза АН СССР.
1982 г. Командирован в Индию во главе делегации на индо-советский симпозиум по археологическому изучению памятников Индии и Средней Азии; прочел лекцию о раскопках урартской крепости Тейшебаини в Армении.
— Командирован в Италию для участия в торжествах в связи с 400-летним юбилеем галереи Уффици.
— Командирован в Бельгию для проведения выставки «Урарту» в Гентском университете; прочел лекцию на тему «Изучение урартской культуры в СССР».
— Командирован В Мексику по приглашению мексиканского правительства для участия в церемонии вступления в должность нового президента страны Мигеля де ла Мадрида.
1982 г. Член редколлегии журнала «Вопросы истории».
1983 г. Присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот» «за большие заслуги в развитии советской науки и культуры и плодотворную общественную деятельность».
— Командирован в Испанию во главе делегации СССР на второй коллоквиум испанских и советских историков.
1983 г. Член Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы.
1984 г. Командирован в Марокко на сессию Королевской академии в связи с избранием действительным членом Королевской академии Марокко.
— Командирован в ФРГ в связи с открытием выставки «Золото скифов»; выступил с докладом «Скифы и Урарту» в Баварской академии наук.
— Награжден орденом ФРГ «Pour le mérite f¨ur Wissenschaften und K¨unste».
— Председатель оргкомитета Международного симпозиума по ассириологии (Ленинград).
1984 г. Член Президиума Ленинградского научного центра АН СССР.
— Председатель Научного совета по общественным наукам Ленинградского научного центра АН СССР.
1985 г. Присвоено звание почетного доктора Гентского университета (Бельгия).
— Командирован в Италию на конференцию общества «Италия—СССР».
— Командирован в Марроко на сессию Королевской академии.

— Командирован в Японию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа в Саппоро.
— Командирован в Венгрию на Международный культурный форум и в связи с Днями советской культуры в Венгрии.
— Командирован во Францию на юбилейную сессию, посвященную 350-летию Французской академии.
1985 г. Член экспертной комиссии по присуждению золотой медали имени Карла Маркса АН СССР.
— Член Научного совета по исторической демографии и исторической географии АН СССР.
1986 г. Командирован в США в связи с открытием выставки музеев СССР в Вашингтоне.
— Командирован в Сирию для переговоров об обмене выставками.
— Командирован в Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в составе делегации ССОД.
1987 г. Избран иностранным членом Американского археологического института.
— Присвоено звание «кавалера ордена Св. Марка» с вручением символического ключа Венеции (Италия).
— Командирован в Италию на вторую итало-советскую встречу деятелей культуры, организованную обществом «Италия—СССР».
— Командирован в Англию по приглашению Британского совета во главе делегации директоров советских музеев.
— Командирован в Италию в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа и Армянской ССР «70 лет советской археологии» в Венеции.
1988 г. Награжден орденом Октябрьской Революции за заслуги в развитии советской культуры и в связи с 80-летием со дня рождения.
— Избран иностранным членом Национальной академии деи Линчеи (Италия).
1989 г. Командировка в Грецию (Афины) в связи с открытием выставки Государственного Эрмитажа и награждением Музея премией.
— Командировка в Англию по приглашению Британского Музея.
— Командировка в Болгарию (София) на конференцию и открытие выставки из Гос. Эрмитажа.
— Командировка в Рим на открытие выставки «Культура и народ».
1990 г. Командировка в Израиль в составе делегации АН СССР.
— Командировка в Милан в связи с открытием выставки Эрмитажа.

Умер 15 октября 1990 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Р. М. Джанполадян-Пиотровская) . . . 3
Детство, окружение . . . 11
Оренбург. Революция . . . 20
Возвращение в Петроград. Карантинно-распределительный пункт . . . 23
Сан-Галли — Павловск . . . 25
Первая встреча с Эрмитажем . . . 29
Университет, наставники . . . 37
Первое далекое путешествие . . . 49
И Университет, и Эрмитаж . . . 54
Северокавказская экспедиция . . . 58
«Балконное общество» . . . 61
Первые статьи. Волго-Донская экспедиция . 63
В Нальчике . . . 66
... И активно закончил Университет . . . 68
У Н. Я. Марра . . . 74
«Халдоведение» и И. И. Мещанинов . . . 76
Тбилиси — Ереван . . . 78
С разведкой на Арагац . . . 82
Директора Эрмитажа Л. Л. Оболенский, Б. В. Легран. Распродажа ценностей . . . 86
Перестройка в ГАИМКе . . . 89
Штатный сотрудник Эрмитажа . . . 91
В Тбилиси с И. И. Мещаниновым . . . 94
На Севане, урартские надписи . . . 95
Керчь, Таманская экспедиция . . . 97
Чистка . . . 100
Циклопические крепости . . . 102
Гегард и Гарни . . . 104
Ереван, новые знакомства . . . 105
Иммунитетная грамота . . . 106
Моздокский могильник, скифы . . . 107
Е. А. Байбуртян . . . 110
Дело о национализме . . . 111
Археологические работы на новостройках . 112
Первые раскопки в Армении. Колагран . . 114
Отдел Востока Эрмитажа . . . 116
Тревожные дни, аресты . . . 119

III Международный конгресс 124
Сухумская экспедиция 127
Кавказоведы 130
Средняя Азия 132
Снова в Армении 137
Н. И. Бухарин 144
Самый интересный курган 145
Черный ворон 1937-го 146
На развалинах Мерва 147
И. А. Орбели — организатор 150
На Кавказе: Я. И. Гуммель, Б. А. Куфтин, А. П. Круглов 152
Урарту 156
Юбилей «Давида Сасунского» 158
Раскопки Кармир-Блура 161
Приближение военной угрозы 163
175 лет Эрмитажу 166
Продолжение раскопок на Кармир-Блуре. Лихорадка. Н. М. Токарский 169
«Памятники Урарту». Накануне войны. Находка Рипсимэ Джанполадян 175
Первые дни войны 178
Блокада 185
Юбилей Низами 190
И голод, и холод, и все равно работа . . . 191
Умирая, не забыли Навои 195
Новый год с И. А. Орбели 197
Незабываемые подарки 198
На Большую Землю 200
Ереван — моя судьба 203
Баку — Ташкент 209
Праздник науки Армении состоялся 213
И свадьба, и защита 216
Тиф 218
Дела семейные. Сын 221
В Москву, на совещание археологов 222
Победа 225
Новый, послевоенный сезон на Кармир-Блуре 226
Избрание 228
1946-й год. Снова дома 231
Сталинская премия 232
Нюрнбергский процесс 233
Тейшебаини 234

Переезд. Второй сын 236
ЛГУ. Лекции по Закавказью 238
Кармир-Блур открывает свои тайны 240
Сессия Закавказских республик 247
Древнеегипетские предметы на территории СССР 249
Раскопки в Кироваканe 250
В роли администратора 253
Кладовые Кармир-Блура 254
Именитые гости из Китая и «Желтый аистенок» 257
Критика Н. Я. Марра 259
Распри 263
Блур таит в себе много ценного 265
Отставка И. А. Орбели. М. И. Артамонов . 268
Новое назначение. ЛОИИМК 272
Наша цитадель 276

Основные даты жизни и деятельности академика Б. Б. Пиотровского 281

Санкт-Петербург
„Наука"